

Кубанский государственный университет
Факультет истории, социологии и международных отношений
Центр славянских исследований

**ГЕРМАНИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР: ВОПРОСЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ**
(к 100-летию Рапалльского договора)

Материалы XVI-й Международной научно-практической
конференции

Краснодар
2022

УДК 327:94.008 (430) (=16)
ББК 66.4 (4):60.033.145
Г 381

Редколлегия: *Э.Г. Вартамян*, докт. ист. наук, профессор (науч. ред, сост); *О.В. Матвеев*, докт. ист. наук, профессор (науч. ред, сост); *А.С. Евтушенко*, канд. ист. наук, доцент.

Рецензент: Чеучева Анжела Каплановна, доктор исторических наук, профессор

Германия и славянский мир: вопросы международных отношений и историко-культурных связей (к 100-летию Рапалльского договора): Материалы Международной научно-практической конференции / *Науч. ред., сост. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев.* – Краснодар: Изд-во «Традиция», 2022. – 336 с. Тираж – 500 экз.

ISBN 978-5-91883-478-7

В издание вошли материалы очередной, XVI-й Международной научно-практической конференции, организованной Центром славянских исследований Кубанского государственного университета.

Конференция приурочена к 100-летию Рапалльского договора и Году культурного наследия народов России. Материалы сборника содержат новые исследования по проблемам истории, историографии, духовного наследия Германии и славянских народов, взаимодействия немцев и славян в рамках региональной истории. Сборник адресован студентам, преподавателям, специалистам в области истории, культуры, филологии, исследователям-славистам.

На обложке: Российская общественность на открытии памятника Генриху Гейне. Петроград, 17 ноября 1918 г., скульптор В.А. Синайский

УДК 327:94.008 (430) (=16)
ББК 66.4 (4):60.033.145
Г 381

ISBN 978-5-91883-478-7

© Коллектив авторов, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

XVI Международная научно-практическая конференция Центра славянских исследований Кубанского государственного университета, материалы которой представлены в сборнике, приурочена к 100-летию договора, заключенного 16 апреля 1922 г. во время Генуэзской конференции в городе Рапалло между РСФСР и Веймарской республикой. Это соглашение об установлении между Россией и Германией дипломатических отношений, урегулировании всех спорных вопросов и налаживании долгосрочного сотрудничества, неоднозначно оценивается в современной историографии. Британские, французские и американские исследователи считают, что Рапалльский договор стал результатом сближения потенциальных агрессоров, явился провозвестником советско-германского пакта о ненападении 1939 г., который зачастую объявляется чуть ли не причиной возникновения Второй мировой войны. В польской историографии ещё в 1920-е гг. сложилась концепция «двух врагов» и «геополитических тисков», согласно которой Советская Россия и Германия рассматривались как основные и крайне опасные противники Польши на международной арене. Но и сегодня польские историки (Е. Красуский, Г. Корчик и др.) указывают на антипольскую направленность российско-германского сотрудничества.

По мнению западных специалистов, любые попытки сближения с Россией на двусторонней основе контрпродуктивны для Германии, поскольку возрождают опасность ее изоляции в Европе, причем Европа понимается только как Западная Европа, принявшая «под крыло» все остальные европейские страны в качестве своих «клиентов». Таким образом, толкование знакового Рапалльского договора во многом обращено в сегодняшшний день. Об этом говорят и постоянные предупреждения на Западе и в ФРГ об опасности повторного «рапалльского грехопадения» Германии, стоит только федеральному канцлеру лишиться улыбки российскому президенту.

В действительности договор показал, что исключение России и Германии из общеевропейского контекста не только

контрпродуктивно, но и недостижимо: любая попытка поставить каждую из них или обе вместе «вне Европы» обречена на провал. Рапалло вернуло и России, и Германии роль полноправных фигур на европейском политическом поле. Даже теоретическая перспектива объединения усилий России и Германии заставила тогдашних господ положения, какими являлись Великобритания и Франция, срочно заняться поисками возможностей нормализовать отношения с каждой из этих стран. Именно Рапалло стало прологом к «полосе признаний» Советской России в 1924 г. и к Локарнскому договору 1925 г.

В Рапалльском договоре не было и тени какого-либо «заговора» против творцов Версаля, хотя и Россия, и Германия не скрывали своего негативного отношения к созданной там системе. Заключенный в 1926 г. «в продолжение Рапалло» двусторонний советско-германский договор был совершенно нормальным договором о дружбе и сотрудничестве без каких бы то ни было тайных статей. Законспирированное военное сотрудничество между армиями обеих стран началось до Рапалло, не было с ним связано и закончилось задолго до истечения срока действия договора 1926 г. Значение этого сотрудничества для восстановления военного потенциала Германии сильно преувеличивается. Но оно помогло СССР создать современные вооруженные силы, которые в конечном итоге сломали хребет Вермахту в ходе Второй мировой войны.

Рапалльский договор – лишь эпизод в многовековом сотрудничестве Германии и России, немецкого и славянских народов. Нам, наследникам переживших две мировые войны, трудно освоиться с мыслью, что Россия и Германия гораздо чаще были в истории добрыми соседями и даже союзниками, чем непримиримыми противниками. Но это так, иначе ни о каком массовом поселении немцев в России не могло быть и речи. История проживания и духовной адаптации немцев в Российском государстве уходит в глубь веков. Отношения между Русью и Германией зародились ещё во времена правления княгини Ольги. В годы правления Ярослава Мудрого в Киеве создали католическую общину для немцев, поляков и итальянцев, однако с условием не обращать православных в католическую веру.

Сыновья Ярослава женились на родовитых немках, а дочь князя Всеволода взял в жены германский император Генрих IV. В XVI в. начался приток в Россию немецких купцов, ремесленников, врачей, ювелиров и других специалистов. Тогда же в русский язык пришли немецкие слова и термины, которые мы сегодня воспринимаем как исконно русские: бархат, грош, капитан, лагерь, фунт, солдат, фальшивый и др. Привлечённые манифестом Петра иностранные специалисты, в большинстве своём выходцы из германских стран, устремились в Россию. Они участвовали в становлении торговли и ремёсел, медицины, образования. Благодаря им многие отрасли промышленности России (прежде всего, горнодобывающая, металлургическая, оружейная) были подняты на должный уровень.

Немецкая философия стала основной для учений наших школ: Шеллинг, Гегель, Маркс, Ницше, Гёте, Шиллер, Гофман оказали сильнейшее влияние на русскую культуру, а их произведения до сих пор являются основой образовательной программы в школах и университетах. Не случайно генезис славянофилов многие ученые ведут от немецких романтиков, поскольку немецкий романтизм, по словам Т. Манна, «это тоска по былому и в то же время реалистическое признание права на своеобразие за всем, что когда-либо действительно существовало со своим местным колоритом и своей атмосферой». Первая славянская мифология была написана русским дворянином Андреем Кайсаровым на немецком языке после двухлетнего обучения в Гёттингене. Трудно вообразить сейчас, что было бы, не пригласи Екатерина II гамбургского библиотекаря Иоганна Христиана Даля на должность библиотекаря императорской библиотеки. Его сын, датчанин по отцу, немец и француз по матери, Владимир Иванович Даль чувствовал себя исконно русским человеком, стал создателем «Толкового словаря живого великорусского языка», без которого трудно сегодня представить себе русскую культуру. Немец Август фон Гаскстгаузен открыл русскую общину, Александр Христофорович Востоков (Остенек) заложил основы сравнительного славянского языкознания, Александр Федорович Гильфердинг стал выдающимся

собирателем и исследователем древнерусского героического эпоса – былин.

В.А. Жуковский перевел «Одиссею» с немецкого, после чего, по словам Н.В. Гоголя, «вся Россия приняла <...> Гомера, как родного». Не говоря уж о том, что Жуковский, перевел на русский язык с немецкого весь европейский романтизм.

2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России. Согласно Указу Президента Российской Федерации, это делается «в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации».

Центр славянских исследований Кубанского государственного университета проводит эту конференцию в рамках мероприятий, запланированных на этот Год. Это сложный год для России, её народов, славянских стран и всего мира. Но за шестнадцать лет работы, несмотря на проблемы в международных отношениях, мы ни разу не отказались от проведения нашего ежегодного форума, поскольку работаем на взаимопознание и доброе сотрудничество.

В подготовке сборника материалов очередной конференции приняли участие исследователи из Болгарии, Беларуси и России. Первый раздел посвящен вопросам историографии и истории Первой и Второй мировых войн, второй – вопросам историко-культурного взаимодействия славян и немцев, в том числе и в контексте региональной истории, третий – историческому прошлому и духовному наследию славян и их соседей.

Книга предназначена специалистам, преподавателям.

Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев

РАЗДЕЛ I. ГЕРМАНИЯ И СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ ОТ ПЕРВОЙ ДО ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИИ

Д.В. Добрынин
(г. Кропоткин, Российская Федерация)

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СПЕЦИФИКА МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДОВ СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики отношений между Россией и Германией перед началом Первой мировой войны сквозь призму суждений и взглядов современников. Уделяется внимание оценке особенностей внешнеполитической ситуации в Европе в конце XIX – начале XX вв., складыванию новых военно-политических блоков в Европе, в результате чего Россия и Германия из официальных союзников превратились в геополитических соперников и потенциальных врагов в возможной будущей европейской войне. Представляются взгляды современников на торговое соглашение между Россией и Германией, бывшее, по их мнению, одним из основных факторов, влияющих на «охлаждение» отношений между этими странами, на Бьёркское соглашение между Вильгельмом II и Николаем II, его влиянию на русско-германские отношения. Делается вывод о различии мнений современников на уровень отношений между Россией и Германией во время Июльского кризиса 1914 г. как на один из основных факторов, непосредственно повлиявших на развязывание Первой мировой войны.

Ключевые слова: Германская империя, внешняя политика, Российская империя, торговое соглашение, Николай II, Бьёркский договор, Вильгельм II.

D.V. Dobrynin
(Kropotkin, Russian Federation)

RUSSIA AND GERMANY ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR: THE SPECIFICITY OF INTERSTATE RELATIONS THROUGH THE PRISM OF CONTEMPORARIES VIEWS

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of relations between Russia and Germany before the outbreak of the First World War through the prism of the judgments and views of contemporaries. Attention is paid to assessing the peculiarities of the foreign policy situation in Europe in the late 19th and early 20th centuries, the formation of new military-political blocs in Europe, as a result of which Russia and Germany turned from official allies into geopolitical rivals and potential enemies in a possible future European war. The views of contemporaries are presented on the trade agreement between Russia and Germany, which, in their opinion, was one of the main factors influencing the "cooling" of relations between these countries, on the Bjork agreement between Wilhelm II and Nicholas II, its influence on Russian-German relations. The conclusion is made about the difference in opinions of contemporaries on the level of relations between Russia and Germany during the July crisis of 1914 as one of the main factors that directly influenced the outbreak of the First World War.

Key words: German empire, foreign policy, Russian empire, trade agreement, Nicholas II, treaty of Bjork, Wilhelm II.

Многие современники Первой мировой войны и предшествующего ей периода рассматривали развитие отношений между Россией и Германией на протяжении с последней четверти XIX в. до 1914 г. как один из важнейших факторов, который оказывал существенное влияние на геополитическую обстановку Европы и мира в целом.

Если последняя четверть XIX в. начиналась для России и Германии как время союзнических отношений в рамках «союза трёх императоров», заключённого ещё в 1873 г. между Россией, Германией и Австро-Венгрией, то в дальнейшем, как отмечал российский дипломат начала XX в. Н.А. Базили, изначально стабильные дружеские отношения между тремя державами не прошли проверку временем. Так как уже после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Берлинском конгрессе «союзники» не поддержали позицию России по итогам войны с Османской империей и её варианту решения «балканских» проблем, при этом ущерб России в виде недопущения её к влиянию на балканские страны сопутствовал отказу Болгарии обретения её полной независимости и продолжению пусть и ослабленного, но всё же владычества Османской империи над сербскими и болгарскими землями. По словам Н.А. Базили,

«российский канцлер, князь Горчаков, не скрывал горечи своей страны от безразличия, выраженного ее двумя союзниками» [1].

В дальнейшем Россия и Германия продолжают отдаляться друг от друга, так как Германия уже в 1879 г. заключит новое и отдельное союзное соглашение с Австро-Венгрией без участия в нём России, а также оформит военный союз с Италией в 1882 г. Причём, по словам Н.А. Базили, «этот тройной альянс, под доминированием своего самого мощного участника, Германии, несомненно, представлял опасность для своих соседей как на востоке, так и на западе, ибо повергнул весь центр Европы под германскую гегемонию» [2].

Необходимо отметить, что несмотря на это, германский канцлер Отто фон Бисмарк, во избежание разрыва отношений с Россией и для недопущения возможной будущей войны с ней, предложил создать гарантию невозможности русско-германской войны в виде заключения нового союзного договора между императорами Германии, Австро-Венгрии и России, который был подписан в 1881 г. и возобновлен в 1884. Каждая из трех империй обещала оставаться нейтральной, если на любую из двух других напала четвёртая великая держава. Договор также содержал взаимные обязательства уважать статус-кво на Балканах. Когда этот договор истёк в 1887 г., он не был продлен, поскольку в отношениях между Австро-Венгрией и Россией остро встал конфликт интересов на Балканах. Тем не менее, по словам Н.А. Базили, «О. Бисмарк, обеспокоенный воссозданием сильной армии во Франции, пытался удержать Россию в союзе с Германией» [3]. Для этого он заключил с Россией, втайне от Австро-Венгрии, секретный договор, продлевающий действие договора 1884 г. для России и Германии.

В итоге эта система «успокоения», задуманная О. Бисмарком, должна была сделать Германию хранительницей мира и равновесия между Австро-Венгрией и Россией. В рамках этих соглашений Германия была обязана встать на сторону Австро-Венгрии случае нападения на неё России, при этом же гарантировала России придерживаться нейтралитета в случае агрессии Австро-Венгрии против России. По словам Н.А. Базили, «подобные договорённости имели силу только тогда, когда у

Германии не было своих собственных интересов на Балканах и германская сфера влияния не соприкасалась русскими интересами» [4].

Когда же О. Бисмарк был отстранён от руководства внешней политикой Германии, новый кайзер Вильгельм II отказался продлевать секретную часть русско-германского соглашения 1887 г., указывая на несовместимость участия Германии в Тройственном союзе и альянсе с Россией. По выражению Н.А. Базили, «это был конец русско-немецкой дружбы» [5].

В этих условиях, Россия сблизилась с Францией, которая сама находилась в изоляции со времени её разгрома в Франко-прусской войне 1870–1871 гг. Союз с Францией был одобрительно встречен даже консервативной российской прессой (традиционно имевшей мало симпатии к республиканской Франции), о чём нам также сообщает Н.А. Базили, приводя в пример статьи периодического издания Катковых, в которых виновниками срыва балканской политики России объявлялись действия Германии и Австро-Венгрии.

Складывание франко-русского союза как противовеса агрессивной германской политике происходило в несколько этапов. Сначала в 1891 г. произошёл обмен меморандумов, которые весьма условно обозначали договорённость о взаимной поддержке друг друга в случае агрессии со стороны других стран, без конкретных положений о виде и объёме помощи. И только в 1894 г. был заключён русско-французский оборонительный союз, в котором обе стороны гарантировали друг другу уже военную поддержку в конкретных ситуациях – Россия обязывалась оказать помощь Франции если на неё нападёт Германия или Италия при поддержке Германии, а Франция должна была встать на сторону России в случае агрессии против неё Германией или Австро-Венгрией совместно с Германией.

Говоря об этом соглашении, тогдашний российский министр иностранных дел В.Н. Ламздорф приводит в своём дневнике письмо генерала Н.Н. Обручева, написанное в 1891 г., в котором он высказал множество аргументов о неоднозначной «выгодности» русско-французского соглашения для России. По

мнению Н.Н. Обручева, «главным потенциальным противником Франция видела только Германию, считая при этом Италию угрозой второстепенной, а в отношении Австро-Венгрии стремилась иметь дружеские отношения, видя в ней традиционного конкурента Германии в вопросе лидерства в германских землях. Имея для себя гарантию поддержки со стороны России на случай войны с Германией, Франция в случае войны России с Австро-Венгрией, могла остаться в стороне от такого конфликта, что могло бы обернуться трагедией для России» [6].

В этом же году был заключён русско-германский торговый договор, завершивший таможенную войну между Россией и Германией, начатую ещё в 1877 г. с повышения Россией таможенных пошлин на импорт германских промышленных товаров и ответного повышения Германией таможенной пошлины на русский хлеб для германского рынка. Обострение этой войны началось как раз в момент сближения России и Франции в 1891 г. и закончилось заключением в 1894 г. торгового договора между Россией и Германией сроком на 10 лет, условием которого стало взаимное снижение пошлин и чёткое регулирование их размера.

В.Н. Ламздорф в своём дневнике упоминает об этом договоре в контексте его разговора с французским министром иностранных дел А. Рибо в 1891 г., когда начались первые русско-германские переговоры об урегулировании торговых пошлин. А. Рибо предлагал предупредить заключение русско-германского торгового соглашения и взамен оформить торговое соглашение с Францией, на что В.Н. Ламздорф отметил, что «подобное соглашение с Францией не может дать нам существенной выгоды, в то время как договор с Германией, покупающей у нас одного лишь зерна на триста миллионов, является неизбежной необходимостью» [7].

Можно заметить, что несмотря на ухудшение внешнеполитических отношений между Россией и Германией, эти отношения продолжали развиваться в мирном русле, ввиду взаимовыгодных экономических взаимодействий. Впрочем, попытка России предупредить возможные конфликты между

великими державами Европы, в том числе и потенциальную русско-германскую войну, путём предпринятой на первой Гаагской конференции в 1899 г. Инициативы в ограничении гонки вооружений между европейскими государствами, не нашла отклика у Германии, что намекало на временный характер стабильности мира в Европе.

В это же время британское руководство также стало испытывать опасения из-за растущего германского экономического и военного могущества, прежде всего морского, ведь уже в 1900 г. кайзер Вильгельм II начал создание большого германского флота для «открытого моря». От политики "блестящей изоляции" пришлось отказаться для заключения союзного соглашения с Францией, которая искала союзников для противодействия растущему германскому влиянию. Так, по словам Н.А. Базили, «кабинетами Лондона и Парижа в 1904 г. была создана Антанта» [8].

В том же году началась война между Россией и Японией, в ходе которой Франция проявила себя нерешительным союзником в отношении России, не поддержав её никакими средствами кроме дипломатических, в то время как Германия, по словам свидетеля этих событий и по совместительству крупнейшего российского публициста начала XX в., А.С. Суворина, «несомненно нам сочувствует во главе со своим императором» [9].

В ходе «охлаждения» русско-французских отношений из-за недостаточной по мнению части российской общественности и руководства поддержки России со стороны Франции, германский император предпринял попытку «отвернуть» Россию от Франции. Кайзер Вильгельм II предложил Николаю II организовать совместную встречу, которая прошла в 1905 г. на острове Бьёрк (современный Большой Берёзовый) в Финском заливе. Как отмечал Н. А. Базили, «он воспользовался доброй верой царя и побудил его подписать договор об союзе между двумя империями. Одним из положений этого соглашения предусматривалось, что Франция будет проинформирована о новом альянсе и ей будет предложено присоединиться к нему. Царь не понимал, что документ, подготовленный в Берлине, был

несовместим с франко-русским союзом и нарушил бы основы Европейского равновесия» [10]. В итоге после обсуждения этого договора Николая II на государственном совещании, он принял решение не приводить его в действие и сообщил об этом кайзеру Вильгельму II, объясняя это невозможностью привлечения Франции к русско-германскому союзу.

Следующий этап русско-германских отношений был связан с Боснийский кризисом 1908–1909 гг., в ходе которого из-за неудач российской дипломатии Россия лишилась части международного престижа и влияния на Балканах, позволив Австро-Венгрии беспрепятственно аннексировать Боснию и Герцеговину, бывшими провинциями Османской империи. Поскольку на этой территории большинством населения являлись сербы, на них претендовало маленькое королевство Сербия, союзник России на Балканах и основной проводник её влияния. В ходе кризиса Сербия вознамерилась военным путём воспрепятствовать аннексии Боснии и Герцеговины, но российское правительство удержало её от этого шага, опасаясь начала войны в Европе. Тем более, как отмечал современник этих событий генерал А.М. Зайончковский, «За Россией и Австрией сгруппировались их союзники, но в этом отношении положение первой было несравненно хуже, так как за ней стояла пассивная Англия и виляющая Франция, а за Австрией твердой рукой направлявшая весь инцидент с целью расколоть Тройственное Соглашение – Германия [11].

Балканский «очаг» разгорелся вновь уже в 1912 г., когда Сербия совместно с Черногорией, Болгарией, Грецией и Румынией объявили войну Османской империи и по итогу первой Балканской войны отторгли от неё почти все её европейские владения за исключением Стамбула и разделили между собой, при этом Болгария осталась недовольна присоединением к Сербии части македонских земель, на которые претендовала сама.

Вскоре после окончания Первой Балканской войны, в июне 1912 г., в ходе визита в Россию кайзера Вильгельма II и его встречи с Николаем II, В.Н. Коковцов, тогдашний российский министр финансов, присутствовавший на этой встрече, приводит

в своих воспоминаниях интересные подробности тех событий. Так, он услышал от С.Д. Сазонова (российский министр иностранных дел), лично участвующего в беседе с Вильгельмом II, что «мы можем быть совершенно спокойны; германское правительство не желает допускать того, чтобы Балканский огонь зажег Европейский пожар, и нужно только принять все меры к тому, чтобы наши доморощенные политики не втянули нас в какую-либо славянскую авантюру» [12].

Также необходимо отметить, что в ходе этой встречи кайзер Вильгельм II обратился лично к В.Н. Коковцову с предложением «устроить Европейский нефтяной трест в противовес Американскому Стандарт-Ойль, который бы объединил в одну общую организацию стран-производительниц нефти – Россию, Австро-Венгрию и Румынию, давая такое развитие производству, которое устранило бы зависимость Европы от Америки» [13].

Здесь же В.Н. Коковцов провёл беседу с германским канцлером Т. Бетманом-Гольвегом, в ходе которой высказал тому «опасения о германской программе вооружений 1911 г.» и «стал развивать канцлеру мысль, что Россия доказала Германии свою чисто оборонительную политику тем планом, который она провела по инициативе ее военных деятелей, в 1910 году, упразднением польских крепостей и отводом на восток своего выдающего фронта в Польше. На что тот ответил, что ему также приходится считаться и с личными взглядами императора, и с влиянием придворной среды и, в особенности, с особой организацией военного ведомства, которое настроено исключительно тревожно» [14].

Вдобавок германский канцлер отметил, что «его страшит неизбежность сильного влияния на русское правительство общественного мнения и славянской идеи под влиянием зарождающихся балканских событий, тем более что он видит, что и настроение во Франции становится все более и более тревожным. Германия хорошо знает, что Россия не отойдет от своего союза, глубоко скорбит, может быть, теперь о том, что 30 лет тому назад произошел роковой поворот в традиционной политике Германии по отношению к России, и что ей не остается теперь ничего другого, как сдерживать этот неизбежный ход

событий, в расчете на то, что у всех стран так много взаимных интересов, что одно это заставит их смотреть на вооружение, как на меру предосторожности, и не допускать, во всяком случае, применения ее» [15].

Также В.Н. Коковцов упоминает, что Т. Бетман-Гольвег спросил его о наличии у России возможных трудностей в будущем очередном продлении на 10 лет торговом договоре (заключён в 1894 и продлён в 1904 гг., речь идёт о намечаемом продлении в 1914 г.), так как он имел информацию о усилении «национальных настроений, обнаруживающихся в статьях «Нового Времени» и поддерживающихся, якобы российским министром земледелия А.В. Кривошеиным». В.Н. Коковцов на это ответил, что «подобные настроения несомненно есть, и это не удивительно, так как торговое соглашение от 1904 г. не обеспечивало за Россией полной свободы действий из-за ведения ею войны с Японией и вынужденной согласиться на ряд невыгодных для неё условий, ныне требующих изменения, и отметил что с обеих сторон должно быть выказано довольно благоразумия и снисходительности, так как двум соседям всегда выгоднее поступать так, чтобы оба богатели, вместо того, чтобы одному наживаться на разорении другого» [16].

Как можно заметить, экономическая составляющая русско-германских отношений также имела значительные противоречия.

Итальянский дипломат Л. Альдрованди Марескотти, в своих воспоминаниях о встрече с австро-венгерским императором Францем-Иосифом отмечает, что «император говорил в этой беседе о проводившихся Россией вооружениях и, вспоминая по этому случаю о пребывании в Петербурге в прошлом году начальника французского генерального штаба, не пользовавшегося особым благоволением русских военных кругов, заметил, что эти вооружения были возможны благодаря займу, предоставленному России Францией, которая требовала от своей союзницы постройки стратегических железных дорог с целью завершения этих вооружений, а также добавил, что как ему известно, «это было причиной беспокойства в Германии [17].

Последним предвоенным этапом отношений между Германией и Россией стал Июльский кризис 1914 г., на ход которого повлияют в том числе и русско-германские отношения.

Ф. Пурталес, бывший в то время германским послом в Санкт-Петербурге, отметил, что «уже в первые дни кризиса летом 1914 года я видел основную опасность для мира в сразу же начатых Россией подготовительных военных мероприятиях. Я до сих пор считаю возможным мирное урегулирование австро-сербского кризиса с помощью дипломатии, если бы Россия тогда согласилась с дружественными предостережениями кайзера Вильгельма и не стала начинать мобилизацию во время переговорного процесса» [18]. По его мнению, «руководящие русские круги довели ситуацию до войны, ведь за спиной своего императора они начали всеобщую мобилизацию армии в то же время, когда с помощью посредничества Германии появился шанс на мирное разрешение кризиса» [19].

Ф. Берти, британский посол в Париже, 27 июля 1914 г. отметил в своём дневнике: «Я не могу поверить в возможность войны, если только Россия не хочет ее. Военная партия в Германии, возможно, и считает нынешнее время более подходящим для силового продвижения своих интересов, чем более позднее, когда произойдут окончание реформирования русской армии и постройки стратегических железных дорог, ведущих к русско-германской границе, но я не думаю, что кайзер Вильгельм и его окружение желают войны. Впрочем, если русский царь начнёт поддерживать абсурдные и отжившие российские притязания на роль покровительницы всех славянских государств, что бы те ни делали, то война может начаться, так как Германия обязана будет поддержать Австро-Венгрию, а Франция Россию. Что опасно сейчас – это военная лихорадка среди населения Германии» [20].

Б.Э. Нольде, российский историк и юрист в области международного права, современник тех событий, в своём очерке о начале Первой мировой войны отмечал, что «Германия питалась заржавевшими от времени, абсолютно лубочными представлениями о России, будто бы в ней есть две основные силы, влияющие на её политику – панслависты и консервативные

круги, традиционно симпатизирующие Германии, причём эти консерваторы чаще брали верх над панславистами» [21]. Также он отмечает, что, когда Россия в ходе Июльского кризиса встала на защиту Сербии, «кайзер Вильгельм в его рейхстаге сказал, что Россия подчинилась настроениям ненасытного национализма» [22], а также приводит суждение, что «в Берлине уже не считаются с Веной и принимают решения за австро-венгерское правительство, вопреки его воле и его пониманию европейского положения» [23].

Таким образом, отношения между Россией и Германией на протяжении с последней четверти XIX до начала Первой мировой войны на разных этапах претерпевали существенные изменения как в политическом отношении, так и в экономическом. При этом, по мнению отдельных современников этих процессов, на уровень этих отношений влияло множество внешних факторов: различные локальные войны и кризисы начала XX в., настроения в общественных и руководящих кругах этих двух стран. Влияние отношений между Россией и Германией на мировые процессы, по мнению современников, несомненно имело место, причём было одним из основных факторов развития геополитической обстановке в Европе и мире в те годы, а также эти отношения стали одним из решающих фактором в перерастании Июльского кризиса 1914 г. в Первую мировую войну.

Примечания

1. *Базили Н.А.* Дипломат царской России 1903–1917. Мемуары. Перевод А. Зацепин, февраль 2017. – Стэнфорд, Калифорния: Гуверовский институт прессы, 1973. – С. 47.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891–1892. Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна. – М.: Центрархив, 1934. – С. 339
7. Там же. – С. 102.
8. *Базили Н.А.* Указ. соч. – С. 48.
9. *Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). – М.: Алгоритм, 2005. – С. 49.
10. *Базили Н.А.* Указ. соч. – С. 48–49.

11. *Зайончковский А. М.* Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины // Исторический журнал «Красный архив». – Москва, 1925. – С. 45.
12. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Париж, 1933. – Т. 2. – С. 76–77.
13. Там же. – С. 77.
14. Там же. – С. 77–78.
15. Там же. – С. 79.
16. Там же. – С. 80.
17. *Альдрованди Марескотти Л.* Дипломатическая война: Воспоминания и отрывки из дневника (1914–1919 гг.) / *Пер. с итал. под ред. и с вступ. статьей Б.Е. Штейна.* – М., 1944. – С. 15.
18. *Пурталес Ф.* Между миром и войной: мои последние переговоры в Петербурге в 1914 году / *перев. с немецкого М. Алексеева; предисловие В. Кряжина.* – М.-Петроград: Государственное издательство, 1923. – С. 17.
19. Там же. – С. 18.
20. *Берти Ф.* За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже, 1914–1919 / *под ред. К.В. Миньяр-Белоручева.* – М., 2014. – С. 88.
21. *Нольде Б.Э.* Начало войны. Опыт дипломатической истории. Москва-Петроград: изд-во «Русская мысль», 1915. – С. 12
22. Там же. – С. 16–17.
23. Там же. – С. 36.

В.В. Слободенюк

(г. Краснодар, Российская Федерация)

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье предпринята попытка показать политическую карикатуру как источник по истории Первой мировой войны, позволяющий сформировать образ врага в общественном мнении. Рассмотрены некоторые карикатурные образы, использованные пропагандой России в отношении Германии, а также немецкого народа в условиях военного времени. Особая роль отводится личности Вильгельма II, ставшего предметом рассмотрения русской сатиры.

Ключевые слова: политическая карикатура, Первая мировая война, образ врага, Российская империя, Германская империя, Вильгельм II.

V.V. Slobodenyuk
(Krasnodar, Russian Federation)

THE IMAGE OF GERMANY IN THE POLITICAL CARICATURE OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract. The article attempts to show a political caricature as a source on the history of the First World War, which allows to form an image of the enemy in public opinion. Some caricature images used by Russian propaganda against Germany, as well as the German people in wartime conditions are considered. A special role is given to the personality of William II, who became the subject of Russian satire.

Key words: political caricature, the First World War, the image of the enemy, the Russian Empire, the German Empire, Wilhelm II.

Первая мировая война была важной вехой в развитии новых технологий, впервые нашли применение многие виды вооружения. Противоборствующие страны использовали широкий спектр средств, в том числе информацию. Научно-технический прогресс конца XIX – начала XX вв. позволил враждующим государствам активно применять разнообразные приемы с целью информационного воздействия на всех участников конфликта. Развитие журналистики, радио и кино, фотографии и телеграфа, воздухоплавания и типографических технологий – все было положено в основу создания необходимого информационного пространства. Фактически, время Первой мировой войны можно считать отправной точкой информационных войн, когда все виды информации, от акустической до графической, были брошены для достижения победы. При распространении информации большое значение имели разнообразные средства пропаганды, в особенности политические карикатуры. Они создавались с целью поднятия боевого духа армии и усиления патриотических чувств у гражданского населения. В них изображались саркастические образы вражеских армий, правителей и политиков, а также восхвалялась собственные войска и державы.

В условиях развития современного информационного пространства, а также напряженности в международных отношениях, тема информационного противостояния является крайне актуальной. Опыт начала XX в., а именно время Первой мировой войны, помогает понять истоки проблемы, когда страны соревновались в оттачивании приемов пропаганды. Одним из таких средств станет использование политических карикатур. Расцвет данного жанра можно отметить во всех воюющих странах. Ежедневно сатирические рисунки печатались в газетах и журналах, выходили большими тиражами открытки, листовки с карикатурами. Карикатура была мобилизована на службу интересам государственной обороны [1].

Пропаганда Российской империи развивалась в общем русле с европейской. Карикатуры формировали образ врага, показанного в лице Германии и немецкого народа. Давая представления о немцах, карикатуристы использовали довоенные стереотипные представления. В русском фольклоре встречаются такие шуточные прозвища немцев, как: «немец-шмерец», «копченый», «колбаса», «колбасник», «сосиска». Немцам также приписывали черты, характерные для жителей Пруссии: воинственность, высокомерие и злостный педантизм [2]. Обращение к образу Пруссии характерно для начального периода войны, дабы показать агрессивные действия врага. Немецкий исследователь Фукс в своей работе «Мировая война в карикатурах» [3] в перечень исследуемых объектов включил карикатуру художника С.Ф. Соколовского, использующего символы Пруссии при анализе международных отношений накануне Первой мировой войны. На карикатуре «Новый полумесяц» автор поместил на стоящий в центре плаца столб изображение прусской каски, тем самым обозначив доминирующие позиции Германии и Турции. Этому новому кумиру, символизирующему Германскую империю, салютуют марширующие турецкие военные. При изображении представителей немецкого народа присутствуют карикатуры, отражающие их культурную сущность. В русском образованном обществе довоенного периода немец как обобщенный образ имел позитивный характер, отличающийся высоким уровнем

культуры. Весьма интересно как с началом военных действий происходило сочетание старых и новых представлений. Появляется образ «цивилизованного варвара», «культурного зверя», «просвещенного вандала». Характерна карикатура газеты «Голос Москвы», на которой немец изображен дикарем, сидящем на томах Канта, Гегеля и других немецких философов и закусывающий детской ножкой [4].

Интересен факт, что образ немца не сразу стал восприниматься как образ врага. Скорее «австриец» был провокатором войны, угнетателем собственного и соседних народов, жестокий как в мирное, так и в военное время. Сатирики видели также проблему, абсурдность больше в самой войне как таковой. Однако сражения на германском и австрийском фронтах продемонстрировали реальный уровень жестокости, на который оказались способны бывшие носители культуры и учёности. Шок от реальности войны требовал нового языка, новой риторики высмеивания. Критика «немца» как такового развивается в полной мере в 1915 г., когда неудачи на фронтах, экономические тяготы, растущее число жертв войны вызывают у населения ужас. Появится типичный сюжет отечественных карикатур, изображающий «немецкую свинью», нависшую над Европой, находящуюся среди развалин городов, несущую бомбы и смерть (см. рис.1). Образ народа, с которым воевали, дополнялся изображениями его же в тылу. Немцы, например, были в облике полного немца Михеля в ночном колпаке. Он почти не агрессивен, часто предстает в образе семьянина [5].

Образ немца проходит трансформацию в ходе войны, особенно это заметно после событий 1917 г. Образ вражды теряет свою адресную географическую направленность. Весной-летом 1918 г., когда исчезает дореволюционная сатира, в публикациях отечественных сатириков формируется новое настроение. На смену вражде и обвинениям в адрес немцев, придёт горькая мысль о собственных ошибках, неспособности российского общества верно воспринимать свои проблемы. Трансформация образа немца в тылу тоже заметна. Михель сильно худеет, становясь жертвой прусского милитаризма, что имеет отражение

в карикатуре, показывающей Кайзера, душащего Михеля, ставшего олицетворением всех немцев [6].

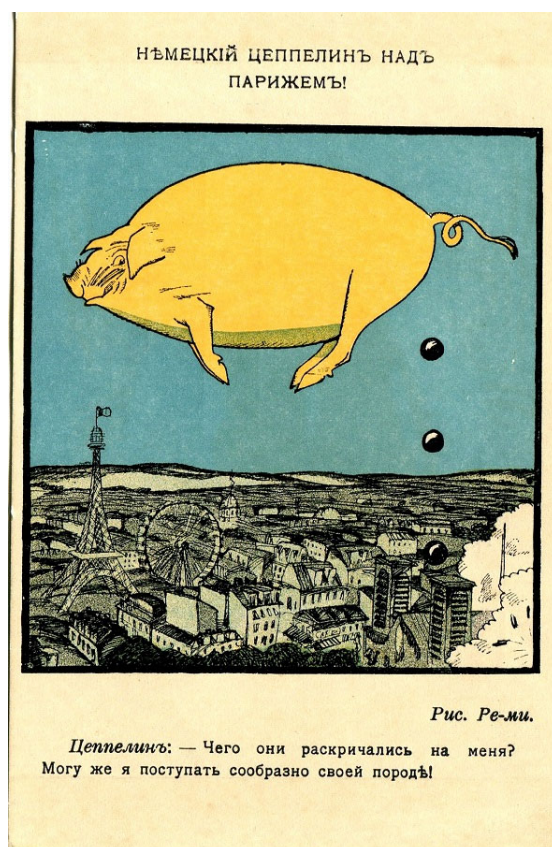

Рис. 1.

Рассматривая международные отношения накануне Первой мировой войны, важно понять образ стран, которые оказались в конфликт вовлечены. В этом помогают разобраться карты-карикатуры. Задача данных изображений заключалась не только в высмеивании противника, но и в формировании образа опасного врага. Примечательна карта начала войны, которая показывала, как Германия тянет руки к России, тем самым подчеркивая захватнические устремления врага. Россия в свою очередь направляет свой недобрый взгляд на Австро-Венгрию, которая устремила хищнические настроения в отношении Сербии. Этот образ должен был подчеркнуть справедливый характер войны для Российской империи, которая заступилась за братский народ.

Еще одной особенностью отечественной пропаганды было то, что изображение образа немецкого народа отличалось от образа самой Германской империи, в лице которой нужно

понимать правительство страны. Долгое время русские журналисты не считали Германию и ее народ единым целым, полагая, что немецкие дипломаты гораздо более воинственны, чем сами немцы. Отсюда столь многочисленные карикатуры, рисующие образ Вильгельма II и олицетворяющие в своем лице «образ врага». Рассматривая приемы пропаганды Российской империи, следует отметить персонификацию государства через его правителя. В этом отношении личность кайзера очень подходила, чтобы перевести «образ врага» из категории абстрактного в категорию персонального. Вильгельм II изображался в самых разнообразных образах: антихрист, черт, пес, лиса. На многих русских карикатурах кайзер изображен жалким, смешным, а то и даже сумасшедшим.

Образ кайзера представлялся в двух ипостасях – агрессия и смерть, сопровождаясь изображениями черепов, змей, воронов, гнездившихся на каске Вильгельма и кружащихся вокруг него. Очень часто на карикатурах преобладает черный цвет (входящий в палитру государственного флага Германии), он символизировал зло и жестокость. Одна из карикатур под названием «Тиран Берлинский» относится к середине 1914 г., подпись, ссылающаяся на депутата Государственной Думы, показывает сущность противника еще до войны [7].

Особой темой было желание кайзера достичь мирового господства. Первая мировая война в России воспринималась как «Вторая Отечественная», поэтому было популярно сравнение Вильгельма с Наполеоном. Кайзера изображали «неудачным Наполеоном», часто в «последней» из наполеоновских поз – на острове Святой Елены [8]. Одна из русских карикатур содержит текст, смысл которого дают и ряд других рисунков, где Вильгельм II сравнивается с Наполеоном в своем стремлении к господству над Европой (см. рис. 2).

Рис. 2.

В лице Вильгельма русские карикатуристы рассматривали многие проблемы и события Первой мировой войны. Так, например, была продемонстрирована особенность немецкой мобилизации. На одной из карикатур показана «последняя мобилизация» Германии, в ходе которой кайзер призывает на службу трехмесячных младенцев, что подчеркивало критическое положение дел противника. Другой темой станут бесчестные методы войны со стороны Германии. На карикатуре «Не для нас написано» показано, как немецкий солдат перечеркивает десять заповедей Божьих. Под этим действием есть подпись Вильгельма II, что доказывает его вину [9].

Подводя итог, следует отметить, что карикатуры в годы Первой мировой войны создавались с разными целями. С одной стороны, они должны были способствовать развитию патриотических настроений среди воинов и населения. С другой стороны, важно было создать «образ врага» в лице противника, показать беспомощность его армии, возложить вину за ведение войны. Русская пропаганда использовала верные механизмы, у нее были все шансы оказать желаемое влияние на общественное мнение, а именно культивировать ненависть к врагу. Другое дело,

что методы пропаганды в России не всегда были совершенны, к тому же долгое время не учитывались особенности русского менталитета, поэтому многие материалы остались непонятыми широкими массами. Однако карикатурные образы, популярные в 1914–1918 гг., будут широко применяться пропагандой Второй мировой войны, «холодной войны», да и сейчас лежат в основе некоторых современных представлений стран друг о друге. Изучение такого специфического исторического источника, как политическая карикатура, позволяет понять особенности военной пропаганды, способы конструирования и функции образа врага в разные исторические периоды.

Примечания

1. *Славенсон В.* Милитарная карикатура // Русская мысль. – 1916. – № 6. – С. 28.
2. *Ян Х.Ф.* Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г.: материалы Междунар. коллоквиума, 12–15 июня 1995 г. / под ред. *С.И. Потолова.* – СПб.: Рус.-балт. информ. Центр Блиц, 1997. – С. 353.
3. *Fuchs Ed.* Der Weltkrieg in der Karikatur. Erster Band: bis zum Vorabend des Weltkrieges. München, 1916. – S. 230.
4. *Флеровский И.П.* Война и карикатура // Современник. – 1914. – № 10. – С. 276–280.
5. *Миронова Е.В.* Образ Германии в русских пропагандистских открытках времен Первой мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – С. 50.
6. Там же. – С. 50.
7. Там же. – С. 47.
8. *Цыкалов Д.Е.* Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – С. 87.
9. *Пименов О.В.* Карикатуры в России и Германии в годы Первой мировой войны // <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/monographic/karikatury-v-rossii-i-germanii-kak-sredstvo-vedeniya-informatsionnoj-vojny-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny.html> (дата обращения: 23.08.2022).

С.И. Анчев

(г. Велико Тырново, Республика Болгария)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДО ПРИХОДА ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ И РУССКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЕГОДНЯ

Аннотация. Советско-германские и российско-германские отношения за их почти 100-летний период интересны тем, что касаются двух стран, которые были лидерами в союзах, в которых они участвовали, а также значимыми факторами европейской и мировой культуры и политики. Характер их интересов также приводит к схожим, но не идентичным политическим решениям в разные годы. Эти две страны большую часть времени противостояли друг другу, но взаимное уважение к проводимой ими политике также очевидно.

Ключевые слова: Россия, СССР, Германия, ФРГ, Крым, США, ЕС, Меркель, Путин.

S.I. Anchev

(Veliko Tarnovo, Republic of Bulgaria)

SOVIET-GERMAN RELATIONS BEFORE HITLER COME TO POWER AND RUSSIAN-GERMAN RELATIONS TODAY

Abstract. Soviet-German and Russian-German relations over their almost 100-year period are interesting in that they concern two countries that were leaders in the alliances in which they participated, as well as significant factors in European and world culture and politics. The nature of their interests also leads to similar, but not identical, political decisions in different years. The two countries have been at odds with each other most of the time, but the mutual respect for their policies is also evident.

Key words: Russia, USSR, Germany, Germany, Crimea, USA, EU, Merkel, Putin.

Когда речь идет о российско-германских и советско-германских отношениях в разные периоды, необходимо помнить об особом значении этих двух стран в политическом развитии Европы. Россия, начиная с XVIII в., является той великой страной, которая оказывает неоспоримое влияние на православный славянский мир, и это особенно четко относится к Балканам. Германия, разделенная или объединенная, всегда

является угрозой для стремления других европейских государств к гегемонии в Европе. Вот несколько основных примеров этому. После победы над Наполеоном и Венского конгресса Пруссия стала одной из стран, вошедших в созданный 26 сентября 1815 г. Священный союз. Помимо России и Австрии, к нему присоединилась Великобритания, которая вышла из него в 1822 г. В самой краткой формулировке его деятельность была связана с обороной европейских империй.

Позже, после военных побед над Австрией и создания Северогерманского альянса во главе с Пруссией, военное сопротивление Франции было сломлено. Германская империя была создана королем Вильгельмом I и канцлером Отто фон Бисмарком – 18 января 1871 г. Два года спустя был создан Союз трех императоров, в который вошли те же страны Священного союза, но с измененными названиями и измененным статусом – Россия, Австро-Венгрия и Германия. Германия также стояла во главе Тройственного союза или, как его еще называют, коалиции центральных держав, которая начала Первую мировую войну. Более того, именно эта и есть страна, которая «отложила» начало военных действий на год (Австро-Венгрия настаивала на том, чтобы они начались уже в 1913 г. с войны против Сербии) из-за проведения военной реформы.

Будучи побежденной страной в межвоенный период, Германия не пользовалась столь пристальным вниманием, и только после прихода Гитлера к власти в 1934 г. она вошла в Пакт четырех. Он состоял из трех государств-победителей и одного государства, потерпевшего поражение в последней Великой войне, причем два государства выступали за сохранение статус-кво, а два – за пересмотр послевоенных мирных договоров. Это Великобритания, Франция, Германия и Италия. Пакт о согласии и сотрудничестве между Францией, Германией, Великобританией и Италией, известный в истории как «Пакт четырех», был парафирован 7 июня 1933 г. и подписан 15 июля в Риме сроком на 10 лет. Он немного похож на сегодняшний ЕС с амбициями этих стран решать судьбу Европы. Интересно, что в тройку победителей включена побежденная Германия, что является очевидной попыткой привязать ее к общим

договоренностям, чтобы она не выступала с собственными инициативами по пересмотру. Франция не ратифицировала пакт, а Германия еще в начале следующего года активизировала свою независимую внешнюю политику. Британия была наиболее активна в его реализации. На практике Пакт не реализовал свои цели, а после выхода из него Германии постепенно прекратил свое существование.

После Второй мировой войны Западная Германия и Франция стояли у истоков создания наднациональной группировки – Европейского сообщества угля и стали (ЕСУС). Договор об этом был подписан 18 апреля 1951 г. в Париже, согласно которому в союз, помимо ФРГ и Франции, вошли также Италия, Бельгия, Люксембург и Нидерланды – последние три страны входят в заключенный между ними Западноевропейский экономический союз, также известный как БЕНЕЛЮКС. Договор о ЕСУС вступил в силу 23 июля 1952 г. сроком на 50 лет. Стало ясно, что Германию, на этот раз в качестве ФРГ, снова «вставили» в другой европейский союз, а позже присоединили и к военному блоку НАТО, чтобы не дать ей инициативу для проведения независимой, внекоалиционной политики, которая могла бы иметь непредсказуемые последствия.

В течение некоторого времени после создания ЕС как продолжения Европейского сообщества, или Общего рынка, Германия играла в нем ведущую роль. Она делила эту роль с Францией и Великобританией до ее выхода из ЕС. Большую роль в «ослаблении бдительности» лидера Германии Ангелы Меркель сыграло прослушивание ЦРУ ее телефона с 2013 г. Франк-Вальтер Штайнмайер, который в то время был министром иностранных дел ФРГ, а с 19 марта 2017 г. является президентом этой страны, также был объектом внимания спецслужб США.

После Первой мировой войны две страны оказались в самом невыгодном экономическом и политическом положении. Это были Германия и Советская Россия. Еще до окончания войны их отношения были связаны подписанием Брест-Литовского мирного договора от 3 марта 1918 г. Этот договор является одним из самых больших значимых шагов в урегулировании советско-германских отношений. С одной стороны, он был тяжелым для

Советской России, так как страна потеряла часть экономически развитых районов. В соответствии с подписанными договорами территориальные потери России составили около 1 млн кв. км. В этих областях проживало почти 56 млн человек – треть населения страны, добывалось 90% каменного угля, 73% железной руды. Здесь находилось 54% российского промышленного потенциала и 33% железных дорог, почти вся нефтяная промышленность. Но все же он дал необходимую передышку в войне и позволил начать активное развитие Советского государства. Следует иметь в виду, что он действительно был глотком свежего воздуха для молодого Советского государства, ибо просуществовал недолго, поскольку уже 5 октября 1918 г. Германия его расторгла, а 13 ноября 1918 г. Брестский мир был расторгнут Советской стороной. Это произошло всего через два дня после Компьенского перемирия, т.е. после капитуляции Германии. Следует иметь в виду, что еще до отмены договора отношения между двумя подписавшими его государствами ухудшились.

Еще 5 ноября 1918 г. Маркс Баденский, стремясь на стадии предварительных переговоров с Антантой «о перемирии» произвести на оппонентов максимально благоприятное впечатление, выслал полпреда РСФСР А. Иоффе и его сотрудников из Берлина. Они были обвинены в нарушении статьи Брестского договора, запрещавшей ведение антиправительственной пропаганды в стране-участнице договора [1]. В своей политике до подписания мирных договоров Германия использовала все возможности для маневрирования и даже шантажа, чтобы занять более выгодную позицию. Отношения с Россией также относятся к этому спектру. В марте 1919 г. в газете «Берлинер тагеблат» появилась статья В. Дербурга.

В период 1920–1922 гг. налаживаются и экономические связи Германии и Советской России. 6 ноября 1920 г. был создан «Немецко-русский экономический союз», а 6 мая 1921 г. было подписано временное торговое соглашение, для дальнейшей реализации которого было принято решение послать в Советскую Россию экономических экспертов [2].

В марте 1919 г. Б. Дернабург писал по поводу сближения с Россией в «Берлинер тагеблат», в ней он угрожающим тоном объясняет, что «...если Запад не даст Германии шансов на эффективное решение экономических проблем, мы должны будем направить свой взгляд на восток и там найти понимание наших жизненных неурядиц» [3]. Подобная практика применялась и столетиями ранее, но в данном случае важнее то, что Германия использовала Советскую Россию в качестве альтернативного варианта в своей не только экономической политики.

Советско-германские отношения в течение этого почти 10-летнего периода основывались на различных оттенках интересов обеих сторон. Нельзя сказать, что Германия была дружественной страной по отношению к Советской России/СССР. Во многих случаях это даже не лояльный партнер. Ее политика основана на отношениях с победителями в Великой войне. СССР предстает в первую очередь как альтернатива для достижения определенных политических целей. Ввиду ограниченного объема данной публикации, я коротко остановлюсь на Генуэзской конференции и последующем подписании Рапалльского договора. Даже во время Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.), когда не все мирные договоры были подписаны с проигравшими в Первой мировой войне, страны Антанты в 1920 г. провели две конференции. Это были конференции в Сан-Ремо (16–20 апреля, 1920) и в Спа (5–16 июля 1920 г.). Другой важной конференцией, связанной с указанной темой, была конференция в Каннах (6–13 января 1922 г.), которая, по мнению вовлеченных великих держав, должна была стать международной экономической конференцией, направленной на восстановление послевоенного экономического баланса в мире. Решение по списку приглашенных стран и повестке дня конференции в Генуе было принято в Каннах 6 января 1922 г. [4]. Особенно важным является пункт 1 из 6-ти, которые определяют его работу. Можно предположить, что это прорыв в позиции Запада по отношению к Советской России. Там написано: „Нации не могут присваивать себе права диктовать другим принципы, на основе которых они должны организовать свою систему собственности, внутренней

экономической жизни и образа правления. Каждая нация в этом отношении имеет право выбирать для себя ту систему, которую она предпочитает» [5].

Ситуация вокруг Германии продолжала накаляться из-за вопроса о репарациях: непосильная для Германии сумма в 269,3 млрд. марок, определенная межсоюзнической репарационной комиссией в июне-июле 1920 г., в январе 1921 г. была снижена до 226 млрд. марок. Но на Лондонской конференции в начале марта 1921 г. Германия отклонила это решение. В ответ союзники 7 марта прервали конференцию и 8 марта 1921 г. оккупировали Дюссельдорф, Дуйсбург, Рурорт. В апреле 1921 г. межсоюзническая репарационная комиссия определила окончательную сумму германских репараций в размере 132 млрд. марок. 5 мая 1921 г. совещание премьеров Антанты в Лондоне приняло так называемый «Лондонский ультиматум», обязавший Германию к уплате данной суммы.

В ноте правительствам держав Антанты от 28 октября 1921 г. правительство согласилось на скорейший созыв международной конференции для рассмотрения взаимных претензий и заключения всеобщего мира. Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР выразил готовность вести переговоры об уплате части военных долгов при условии предоставления ему кредитов и признания легитимности советского правительства. [6]. В начале апреля советская делегация вела переговоры в Берлине с целью заключения договора о полной нормализации отношений с Германией еще до Генуи. Затрагивались и вопросы военного сотрудничества.

Это подписание советско-германского соглашения, известного в истории и дипломатии как Рапалльский договор [7]. Для Советской России это было не просто международное соглашение: это был прорыв международной политической изоляции и, кроме того, большой успех советской дипломатии. Договор ратифицирован Всероссийский Центральный исполнительный комитет 16 мая и германским Рейхстагом 4 июля 1922 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Берлине 31 января 1923 г. [8].

Рапалльский договор стал первым активным шагом Германии, направленным на повышение ее международного престижа. Началось сближение России и Германии в экономической области, «сила однако заключается в том, что это экономическое сближение подготавливает возможность политического и тем самым и военного союза» [9].

В январе и феврале 1923 г. в Берлине и Москве состоялись германо-советские переговоры о закупках и поставках вооружений. Они были вызваны ухудшением международной обстановки вокруг Германии и все еще продолжающейся военной интервенцией против СССР в ходе Гражданской войны. Речь шла о готовности СССР помочь Германии в случае военного конфликта с Францией и Польшей. В результате этих переговоров в первой половине мая 1923 г. между ними был подписан первый договор об организации предприятий, связанных с военной промышленностью – организация германской военной промышленности в СССР с целью сокрытия военного имущества от Антанты, особенно Франции, и создания военной базы для Германии. Были созданы первые школы на советской территории – Школа пилотов располагалась на Липецком аэродроме. Договор об организации танковой школы был заключен 3 декабря 1926 г. в Москве. Она должна была размещаться в бывших Каргопольских казармах в Казани [10].

В последующие годы было заключено еще несколько контрактов, представляющих взаимный интерес. В 1926 г. был заключен договор «О дружбе и нейтралитете», по которому обе стороны обязались сохранять нейтралитет, если одна из сторон подвергнется агрессии со стороны третьих держав. Политическое и военно-техническое сотрудничество СССР и Германии было выгодно обеим сторонам.

СССР получал доступ к новейшим военным и промышленным технологиям. Германия получала доступ к стратегическим природным ресурсам, а также возможность разрабатывать и испытывать новые виды вооружения, вне зоны контроля комиссий Антанты. В результате этих соглашений в середине 1930-х гг. на советской территории был создан целый ряд совместных военно-технических объектов, благодаря чему

СССР получил возможность отрабатывать стратегию и тактику применения новых видов вооружения – авиации и танковых войск. На территории СССР были организованы конструкторские бюро по проектированию танков, артиллерии, авиации [11].

8 декабря 1991 г., после встречи в «Беловежской пуще» политических лидеров Беларуси, РСФСР и Украины, было объявлено о незаконном прекращении существования СССР, которое затем вступило в силу. На его месте возникло новое государственное объединение – Содружество независимых государств. На практике Российская Федерация является правопреемницей СССР. Это совпадает с процессом распада союза между СССР и другими социалистическими государствами. Государственность в бывших социалистических странах также рушится, и у их новых правительств есть только одна альтернатива – стать зависимой частью НАТО и ЕС. После 1989 г. в Югославии и Чехословакии произошла территориальная дезинтеграция и разделение на новые государства. Единственное объединение, которое осталось, – это две Германии, ГДР и ФРГ. Новая объединенная Германия сохранила название Федеративная Республика Германия. Она является лидером преобразованного Европейского сообщества в Европейский Союз. Однако это не устраивало Маргарет Тэтчер, премьер-министра Великобритании. В своей риторике она предстает как решительный и твердый противник единой Германии. Еще до 1991 г. она была глубоко обеспокоена усилением Германии в Европе и даже говорила о союзе с СССР против нее, как сообщала *Financial Times*. Ее высказывания о том, что «немцы используют локти в Европейском сообществе» и что Британия не может присоединиться к сообществу/союзу, где «Германия топчет национальные конституции». В качестве противовеса предполагаемой гегемонии Германии она предлагала создать «более широкий Европейский союз», который будет соперничать с Европейским сообществом или даже заменит его, и к которому в долгосрочной перспективе может присоединиться СССР [12].

В начале 1990 гг. российско-германские отношения не отличались особым динамизмом, поскольку две страны стремятся дистанцироваться от своей близкой истории. В начале 1990-х гг.

были подписаны некоторые общие соглашения, демонстрирующие желание обеих сторон продолжать взаимные контакты – такие как Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве от 9 ноября 1990 г., Соглашение о культурном сотрудничестве от 16 декабря 1992 г., Соглашение о сотрудничестве в научно-технической сфере от 16 июля 2009 г., Соглашение об изучении русского и немецкого языков от 24 июня 1994 г. [13] С некоторыми оговорками, хотя и с менее обязующим характером, это напоминает процесс в германо-советских отношениях после 1922 г.

В течение следующих 10 лет в конце XX в. Германия занимала серьезное место в российской экономике, особенно в том, что касалось заводов по производству автомобилей. Согласно данным Министерства иностранных дел Германии, в России действует более 6200 предприятий с германским участием, в том числе около 1400 совместных предприятий и около 800 компаний со стопроцентным германским капиталом. Согласно официальному сайту «Петербургского диалога», то объем российских инвестиций в экономику Германии составил приблизительно 1 млрд долларов, тогда как Германия поддержала экономику России более чем 10 млрд. [14] Это экономическое развитие, которое также подразумевает взаимное доверие, ведет к углублению хороших политических отношений. Последовавшие за этим соглашения в основном относятся к области научно-технического развития, где у обеих стран есть свои приоритеты.

На уровне государственных органов власти обе страны поддерживают активные отношения. Встречи между их первыми руководителями являются регулярными. Так, президент РФ Борис Ельцин и канцлер ФРГ Гельмут Коль провели более 20 встреч, а президент России Владимир Путин (в 2000–2008 гг. и с 2012 г.) и канцлер Герхард Шрёдер (1998–2005) – свыше 30 [15], а встреч президентов Владимира Путина и Дмитрия Медведева с Ангелой Меркель и Романом Херцогом до 2021 года – в два раза больше.

В 2000 г. Россия и Германия провозгласили курс на стратегическое партнерство. В 2001 г. по инициативе Владимира

Путина и Герхарда Шрёдера с целью сближения двух стран и углубления взаимопонимания был учрежден германо-российский общественный форум «Петербургский диалог». В 2008 г., когда некоторые страны негативно оценили действия России в ходе грузино-югоосетинского конфликта и потребовали введения против нее санкций со стороны ЕС, Германия не согласилась с этим предложением. Глава МИД ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер поддерживал тесный контакт с главой МИД РФ Сергеем Лавровым [16].

После возвращения в 2014 г. Крыма в границы российской родины отношения между Москвой и Берлином стали напряженными. С начала введения антироссийских санкций А. Меркель несколько раз выступала за их продолжение. Только после июля 2016 г. она предприняла попытку улучшить германо-российские отношения, которая не привела к ожидаемому результату. Еще раз хочу напомнить, что изменение политики Германии, на мой взгляд, вероятно, связано с усилением влияния США на немецких лидеров из-за прослушки ЦРУ, о которой говорилось выше. Уже в последние годы пребывания А. Меркель у власти Вашингтон предпринимал успешные попытки навязать свое влияние на правительство Германии. После выхода Великобритании из ЕС и постепенного вытеснения Франции как фактора союза, Германия остается единственной значимой державой со своей влиятельной политикой. Признаком холодного ветерка в германо-российских отношениях является все большее «фабрикование» шпионских дел, связанных с холодной войной [17]. Отношения между двумя странами также обостряются из-за широко раздуваемой на Западе ситуации вокруг «страданий» Алексея Навального. Все же, в то время российско-германское сотрудничество по международным проблемам продолжалось, включая урегулирование украинского кризиса («нормандская четверка») [18].

Что касается немецкой позиции и, в частности, позиции А. Меркель в отношении сфабрикованного и поддерживаемого Западом кризиса вокруг Крыма, она меняется со временем. Проукраинская позиция Германии первоначально была категоричной и последовательной. Берлин осудил «аннексию»

Крыма Россией и поддержку Москвой «сепаратистских движений» в восточных регионах. Некоторые авторы отмечают, что А. Меркель была вынуждена придерживаться антироссийской позиции, не уточняя причины этого, будь то внутренние или внешние. В какой-то момент Германия заняла более примирительную позицию в отношении событий в Донбассе и Луганске. Предположительно, это связано с нежеланием напрямую вмешиваться в вооруженный конфликт, даже если и на стороне Украины [19].

Сегодня, при канцлере Олафе Шольце, политика Германии «постоянно меняется» вместо того, чтобы быть твердой и последовательной. Более того, Киев позволяет себе поддерживать агрессивный и оскорбительный тон в отношении позиции Берлина, что было немыслимо в прошлые века и годы. Как и остальная часть ЕС, Германию ожидает тяжелая кризисная зима, причем не только в сфере энергетики и немецкого образа жизни, но, очевидно, и в ее будущей политике [20]. Польша имеет к ней финансовые претензии, связанные с окончанием Второй мировой войны и ее результатами. Она хочет, чтобы Германия выплатила ей компенсацию в размере 1,3 триллиона евро. Понятно, что этого быть не может, но это входит в спектр националистической и реваншистской польской политики. Со своей стороны, немцы потребовали возвращения территорий, отнятых Польшей после окончания войны [21].

В этом повороте событий с трудно предсказуемым концом появляются интересные варианты, которые Германия могла бы выбрать, чтобы выйти из-под американского давления в качестве государства-сателлита и из неприемлемой для нее ситуации в ЕС, где у нее нет лидерских позиций. Одним из таких вариантов является сближение с Россией на энергетическом, экономическом и даже политическом уровне. Это также в значительной степени решит ее проблемы в предстоящие зимние месяцы. Россия, которая в настоящее время имеет подтвержденный статус мирового лидера, также заинтересована в переговорах с крупнейшей европейской страной, которая все еще имеет определенный авторитет в ЕС и НАТО.

Примечания

1. *Ткачев С.* Германский либерализм и проблема преодоления международной изоляции: советско-германские отношения в 1919–1922 годах // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 34. (135). История. Вып. 27. – С. 108. <file:///C:/Users/User/Downloads/germanskiy-liberalizm-i-problema-preodoleniya-mezhdunarodnoy-izolyatsii-sovetsko-germanskie-otnosheniya-v-1919-1922-godah.pdf> (дата обращения: 16.09.2022).

2. *Клышевич М.* К вопросу о становлении германо-советских отношений в 1917–1922 годах // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, 2010 // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/k-voprosu-o-stanovlenii-germano-sovetskih-otnosheniy-v-1917-1922-godah.pdf> (дата обращения: 16.09.2022).

3. Там же.

4. Документы внешней политики СССР. – Т. V. 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 57–58.

5. Документы внешней политики СССР. – Т. V. – С. 57–58.; Материалы Генуэзской Конференции (подготовка, отчеты заседания, работы комиссии, дипломатическая переписка и пр.). – М., 1922. – С. 11; Генуэзская конференция – стенографский отчет материалы и документы. Вып. 1. – М.: Нар. ком. по иностр. делам, 1922. – С. 4.

6. Генуэзская конференция – стенографский отчет материалы и документы. Вып. 1. – С. 11.

7. *Садовая Г.М.* Вальтер Ратенау и Рапалльский договор. – Самара: Изд-во "Сам. ун-т", 2001. – С. 68–73.

8. Документы внешней политики СССР. – Т. V. – С. 223–226.

9. *Горлов С.* Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001 г. // URL: <http://militera.lib.ru/research/gorlov1/01.html?ysclid=17p696xbrl706214771> (дата обращения: 16.09.2022).

10. Там же.

11. URL: <https://scibook.net/istoriya-rossii/sovetsko-germanskie-otnosheniya.html> (дата обращения: 16.09.2022).

12. *Киров Н.* Тэтчер думала о союзе с СССР против немецкой Европы. Премьер-министр Великобритании пыталась предотвратить объединение Германии, которое она считала угрозой для НАТО. 30 декабря 2016 года // URL: <https://www.vesti.bg/sviat/tachyr-mislela-za-syiu-zs-sssr-sreshtu-germanska-evropa-6063544> (дата обращения: 16.09.2022).

13. Коновалова О. Основные приоритеты в российско-германских отношениях в 1990–2000-е годы // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. – 2012, – № 4. – С. 42.

14. Там же. – С. 43.

15. Как менялись российско-германские политические отношения. ТАСС, 20 августа 2021 г. // URL: https://tass.ru/info/12170543?ysclid=185pxlmbc6149239328&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 16.09.2022).

16. Там же.

17. Там же.

18. Багай А. Российско-германские отношения «после Крыма»: от «Партнерства для модернизации» до деградации диалоговых форматов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2019. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 357–376.

19. Семенов О., Белащенко Д. Позиция ФРГ в отношении украинского кризиса в контексте проблем европейской безопасности и отношений с Российской Федерацией // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3 (63). – Т. 2. – С. 236–240; Соколов А. Ценности или иллюзии: будущее российско-германских отношений. 06.04.2022 // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czennosti-ili-illyuzii/?ysclid=17r8xa08xf504176575> (дата обращения: 16.09.2022).

20. The Economist: ФРГ оказалась перед угрозой деиндустриализации из-за газового кризиса // URL: <https://politros.com/tags/germaniya> (дата обращения: 16.09.2022).

21. Rzeczpospolita: Польша требует от Германии 1,3 трлн долларов репараций. 01 сентября 2022 // URL: <https://inosmi.ru/20220901/reparsatii-255835145.html?in=t> (дата обращения: 16.09.2022); Германия может потребовать от Польши вернуть треть ее территории, подаренной при СССР // URL: <https://rurik-l.livejournal.com/3794540.html?ysclid=185zyfslkr729251156> (дата обращения: 16.09.2022).

А.С. Иващенко
(г. Майкоп, Российская Федерация)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ДОГОВОРЫ 1939 Г. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье анализируются взгляды отечественных учёных на причины заключения советско-германских договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 г.; их содержание, в том числе и международно-правовое и последствия, как краткосрочные, так и долгосрочные. Кроме того, выявляются сходство и различия в точках зрения исследователей по отдельным аспектам изучаемого вопроса.

Ключевые слова: отечественная историография, советско-германские договоры 1939 г., И.В. Сталин, А. Гитлер, В.М. Молотов.

A. S. Ivashchenko
(Maykop, Russian Federation)

SOVIET-GERMAN TREATIES OF 1939 IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article analyzes the views of Russian scientists on the reasons for the conclusion of the Soviet-German treaties of August 23 and September 28, 1939; the content, including international legal and consequences, both short-term and long-term. In addition, similarities and differences in the researchers' points of view on certain aspects of the issue under study are revealed.

Key words: Russian historiography, Soviet-German treaties of 1939, I.V. Stalin, A. Hitler, V.M. Molotov.

В истории Второй мировой войны, несмотря на истекшие со времени её окончания семьдесят семь лет, по-прежнему остаются события, которые приковывают к себе внимание не только профессиональных исследователей, но и обычных любознательных людей не равнодушных к историческому знанию. Особое внимание отечественных учёных привлекает развитие международных отношений на европейском континенте в преддверии начала Второй мировой войны в 1939 г. В череде внешнеполитических акций, которые имели место быть в этом тревожном для всего мира году, особое место занимают советско-

германские договоры, заключённые соответственно 23 августа и 28 сентября, а также секретные протоколы к ним.

Целью статьи является выяснение взглядов отечественных исследователей на причины подписания советско-германских договоров 1939 г.; оценки их содержания, в том числе и правового; последствия этих действий как для Советского Союза, так и ряда восточноевропейских стран в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Одной из причин заключения СССР советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. и секретного протокола к нему, по мнению ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории (ИВИ) РАН д.и.н. Д.Г. Наджафова, было стремление Москвы реализовать свои государственные интересы. А именно, вернуть с помощью Германии, потерянные в годы Первой мировой и гражданской войн территории Российской империи [1]. Д.Г. Наджафов, не без оснований, отмечает, что предпосылок для заключения пакта Советским Союзом с Германией было существенно больше, чем для подписания соглашения с Англией и Францией. СССР и Германию объединяло то, в частности, что они занимали в Европе ущербное международное положение по итогам Первой мировой войны как страны, потерпевшие в ней поражение в противовес странам-победителям.

Заведующий сектором Института государства и права АН СССР д.и.н. Р.А. Мюллерсон аргументированно утверждал, что заключению Советским Союзом договоров 1939 г. с Германией потворствовали страны Запада, прежде всего Англия и Франция. Это они умиротворяли фашистскую Германию, пытаясь направить её агрессию на Восток, в том числе пожертвовав Чехословакией. Это Лондон и Париж заняли непоследовательную позицию на переговорах с Москвой летом 1939 г. [2].

Сотрудник НИИ документоведения и архивного дела РФ д.и.н. М.И. Мельтюхов, не без оснований, считал, что одной из причин заключения советско-германского пакта было стремление СССР использовать противоречия между великими державами для усиления своего влияния в мире. Кроме того, подчёркивает М.И. Мельтюхов, германская экспансия отвечала интересам Советского

Союза. Она повышала заинтересованность обеих военно-политических группировок в достижении соглашения с СССР [3].

Одним из факторов, который подтолкнул руководство Советского Союза к заключению пакта с Германией, по обоснованному мнению заведующего Центром истории войн и геополитики ИВИ РАН д.и.н. М.Ю. Мягкова и главного научного сотрудника этого же института д.и.н. О.А. Ржешевского, являлось стремление не допустить оккупации Германией территорий, прилегающих к границам СССР. И как итог – предотвратить возможность создания плацдарма для нанесения удара по территории Советского Союза. Кроме того, подчёркивали М.Ю. Мягков и О.А. Ржешевский, возросла опасность оккупации Германией прибалтийских государств [4].

Руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН академик РАЕН Г.А. Куманёв и заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского госуниверситета д.и.н. А.Г. Иванов сходятся во мнении в том, что этот договор был нужен СССР, так как в противном случае Москве грозила полная внешнеполитическая изоляция [5].

Анализируя события, предшествующие заключению советско-германского пакта, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН к.и.н. С.З. Случ пришёл к заслуживающему внимания выводу, что целью ведения Советским Союзом переговоров с Англией и Францией весной-летом 1939 г. было стремление Москвы оказать давление на Германию для достижения соглашения с ней, которое бы обеспечивало СССР расширение сферы его интересов на международной арене [6].

Изучая советско-германские договоры 1939 г., отечественные учёные хорошо осознают, что невозможно дать им всестороннюю международно-правовую оценку без учёта международного положения в конце 30-х гг. XX в. Более того, необходимость проанализировать не только внешнюю политику Советского Союза, но и внутреннюю, и не только конца 30-х гг.

Ведущий научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР д.и.н. М.И. Семиряга, не без оснований, считал, что договор СССР с Германией от 23 августа

1939 г. был основным из ряда политических и торгово-экономических советско-германских соглашений 1939 г. Он также обоснованно подчёркивал, что советско-германские соглашения 1939 г., для понимания их сущности, необходимо анализировать в совокупности, а не отдельно [7].

Среди отечественных учёных нет единства мнений относительно оценки содержания советско-германского договора от 23 августа 1939 г. М.И. Семиряга, Р.А. Мюллерсон и преподаватель Дипломатической академии МИД РФ д.и.н. Г.Л. Розанов убеждены, что в нём нет ничего предосудительного. На их взгляд, это был типичный договор о ненападении того времени, которые как Советский Союз, так и Германия заключали с другими странами ранее. Подобные договоры Германия, например, подписывала с Эстонией и Латвией 7 июня 1939 г. Хотя М.И. Семиряга всё же делает пояснение, что такую оценку договору можно дать при одном условии, если не упоминать о содержании секретного протокола, предложенного И.В. Сталиным к этому договору [8].

Иного мнения относительно содержания советско-германского пакта придерживается Д.Г. Наджафов. Он обращает внимание на то, что договор имел геополитическую сущность со всеми вытекающими из него последствиями. Д.Г. Наджафов подчёркивает, что пакт не был заурядным международным договором. Ведь в его преамбуле говорится о том, что он направлен на укрепление мира только между СССР и Германией, а не в Европе. Укреплять же мир только с Германией, по мнению Д.Г. Наджафова, означало поощрение Советским Союзом Берлина на агрессию, в частности, против Польши. Продолжая анализировать преамбулу пакта от 23 августа 1939 г. Д.Г. Наджафов обращает внимание на то, что в ней есть ссылка на Берлинский договор 1926 г. между СССР и Германией. Эта преемственность договорных советско-германских отношений, подчёркивает Д.Г. Наджафов, указывает на её предназначение. А именно, единство Советского Союза и Германии в многолетних усилиях по подрыву Версальской системы договоров [9].

Отечественные исследователи убеждены, что советско-германский пакт не гарантировал безопасности СССР. Этот пакт,

по мнению Г.А. Куманёва, дал Советскому Союзу лишь временный нестабильный нейтралитет. М.И. Семиряга же определяет факт подписания пакта Москвой более жёстко и считает, что он был следствием политической близорукости сталинского руководства [10].

Учёные, анализируя советско-германский пакт, пытаются ответить на вопрос о неизбежности его заключения Советским Союзом. Некоторые исследователи отвечают на этот вопрос утвердительно, ссылаясь на аналогичные соглашения, которые Англия и Франция подписали с Германией ещё в 1938 г. [11]. (Имеются ввиду англо-германские и франко-германские декларации о ненападении соответственно от 30 сентября и 6 декабря 1938 г. – А.И.). М.И. Семиряга же считал, что такие параллели неправомерны по ряду позиций. Во-первых, в 1938 г. Германия не была готова к большой войне, в отличие от осени 1939 г. Во-вторых, в декларациях Германии с Англией и Францией от 1938 г. было признано отсутствие территориальных споров между ними. И, в-третьих, содержание этих деклараций носило открытый характер и не было направлено против интересов других стран. Как итог-эти декларации соответствовали нормам международного права и не были источником международной напряжённости [12].

М.И. Семиряга доказывает, что советско-германский пакт объективно не вытекал в то время из международной обстановки. У СССР были ему альтернативы. Первая из них-отказ от неприемлемого соглашения с Германией, затягивание переговоров с ней и одновременно, идя на компромиссы, заключить военное соглашение с Англией и Францией. Второй вариант-заключить договор с Германией, но при условии его аннулирования, если Берлин начнёт войну против третьей страны и одновременно пытаться договориться с Англией и Францией о соглашении. Третий вариант, на взгляд М.И. Семиряги, заключался в отказе договора с Германией, а также с Англией и Францией, если они будут предлагать неприемлемые условия и поддерживать нейтральный статус. М.И. Семиряга убеждён, что время работало на Советский Союз.

Отвечая на вопрос почему И.В. Сталин, имея альтернативы для заключения договора с Германией в 1939 г., их не реализовал, М.И. Семиряга объясняет это решение лидера СССР неограниченностью его власти и верой в безошибочность принимаемых им решений. Рассуждая о «вынужденной необходимости» заключения И.В. Сталиным договора с Германией в 1939 г., М.И. Семиряга убеждён, что советский лидер сам себя и загнал в угол, из которого не было выхода [13].

Суждение М.И. Семиряги о наличии у лидеров Советского Союза альтернатив подписанию советско-германского пакта в 1939 г. разделяют д.и.н. В.М. Кулиш, директор Института всеобщей истории АН СССР д.и.н. А.О. Чубарьян, А.Г. Иванов [14].

Историк-германист, к.и.н. Л.А. Безыменский отмечал, что советско-германский пакт для И.В. Сталина был не вынужденным, а обоснованным. Он обращал внимание на заинтересованность И.В. Сталина в экономическом сотрудничестве с Германией. Более того, стремления И.В. Сталина с помощью Германии реализовать советские военно-промышленные программы [15].

Отечественные исследователи пытались ответить и на такой важный вопрос как мера ответственности Советского Союза и Германии за развязывание Второй мировой войны в связи с подписанием пакта 1939 г. С.З. Случ классифицировал пакт как враждебный по отношению к Польше. Ведь СССР, заключив этот пакт с Германией, пошёл на нарушение договора с Варшавой о ненападении от 25 июля 1932 г. М.И. Семиряга считал, что главную ответственность за развязывание Второй мировой войны несёт Германия. Но при этом делает оговорку, что свою долю вины должен взять на себя и Советский Союз, но лишь в части создания условий Германии для развязывания войны подписанием советско-германского пакта. Д.Г. Наджафов же более жёсток в своих суждениях. Он убеждён, что инициатором развязывания Второй мировой войны была не только Германия, но и СССР [16].

Учёные размышляют и над таким вопросом как возможность нападения Германии на Польшу при отсутствии советско-германского пакта. Заведующий Историко-дипломатическим управлением МИД СССР к.ю.н. Ф. Н. Ковалёв, О.А. Ржешевский и

А.Г. Иванов убеждены, что Германия в 1939 г. в любом случае напала бы на Польшу независимо от заключения или не заключения с СССР пакта от 23 августа 1939 г. [17].

Исследователей интересовал и ответ на вопрос оправданности подписания секретных протоколов к советско-германскому пакту. М.Ю. Мягков и О.А. Ржешевский отмечали, что это решение было нежелательным, но единственно возможным в той конкретной международной обстановке для Советского Союза. Г.А. Куманёв же убеждён, что подписание секретных протоколов СССР не может быть оправдано [18].

Анализируя секретные протоколы от 23 августа и 28 сентября к советско-германским договорам 1939 г. Р.А. Мюллерсон, опираясь на нормы международного права, отмечал, что они имеют неправомерный объект. Так как два государства (СССР и Германия) включили в сферу своих интересов территорию третьей страны (Польши). В соответствии с нормами международного права, договор, касающийся интересов, прав и обязанностей третьих государств, не предоставляет прав сторонам договора относительно третьих государств. Более того, подчёркивал Р.А. Мюллерсон, такой договор недействителен, потому что противоречит принципу суверенного равенства государств [19]. Разделяя мнение Р.А. Мюллерсона относительно нарушения норм международного права Советским Союзом при подписании секретных протоколов, Г.П. Розанов обращает внимание на то, что они были одобрены лишь И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. Ни члены правительства и Верховного Совета СССР, ни ЦК ВКП (б), а тем более советский народ об этом не знали [20].

Критически относясь к сталинской дипломатии накануне начала Второй мировой войны, Р.А. Мюллерсон, тем не менее, подчёркивал, что содержание секретных протоколов не даёт оснований для умозаключения о необходимости присоединения Латвии, Литвы и Эстонии к Советскому Союзу [21].

Отечественные учёные, в большинстве своём, негативно оценивают заключение СССР с Германией договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Г.П. Розанов обоснованно отмечал, что этот договор подрывал статус Советского Союза как нейтральной страны и втягивал его в сотрудничество с Германией.

М.И. Семиряга, с полным основанием, называет его «особо одиозным». Его одиозность очевидна даже из названия. Р.А. Мюллерсон же провёл правовую экспертизу этого договора в части, касающейся вопроса о границах. Он пришёл к однозначному выводу, что этот договор недействителен. Несмотря на то, отмечает Р.А. Мюллерсон, что в преамбуле этого договора говорится о распаде Польши как государства. Тем не менее, в соответствии с нормами международного права, военная оккупация не ликвидирует государство как субъект этого права [22].

Среди отечественных исследователей нет единства мнений относительно последствий для СССР заключения с Германией в 1939 г. договоров и секретных приложений к ним. Нам представляется целесообразным вначале рассмотреть взгляды группы учёных на проблему, которые выделяют однозначно только негативные последствия, затем - тех, которые усматривают не только минусы, но и плюсы от заключения договоров. И, наконец, воззрения тех отечественных исследователей, которые усматривают в подписании договоров для Советского Союза лишь явные выигрыши.

С.З. Случ, не без оснований, считал, что заключение СССР с Германией договора от 23 августа 1939 г. ускорило разгром Гитлером армий государств континентальной Европы, так как советское руководство активно поддерживало агрессию Берлина в западном направлении. Более того, подчёркивал С.З. Случ, подписание пакта даже гипотетически сняло для Германии угрозу ведения войны на два фронта в 1939–1940 гг. Таких благоприятных возможностей Германии по маневрированию своими войсками на протяжении всей Второй мировой войны какие предоставил Советский Союз, по мнению С.З. Случ, не дал ни один союзник Берлина. С.З. Случ убеждён, что советско-германские соглашения в 1939 г. не отсрочили нападение Германии на СССР, а наоборот, приблизили сроки его осуществления.

Нельзя не согласиться с М.И. Семирягой, что советско-германский пакт подорвал доверие к внешней политике Советского Союза и в итоге привёл к дальнейшей самоизоляции

нашей страны на мировой арене. Д.Г. Наджафов считает, что пакт привёл ко Второй мировой войне. Он, не без оснований, отмечал, что секретный протокол к пакту имел и долговременное негативное последствие для целостности СССР, как государства. Ведь признание в 1989–1991 гг. его наличия и юридической недействительности привело к выходу из состава Советского Союза прибалтийских республик [23].

Г.Л. Розанов и Г.А. Куманёв также обращают внимание на негативные последствия советско-германского пакта. Г.А. Куманёв, в частности, говорит о подрыве международного престижа СССР, свёртывании в Советском Союзе антифашистской пропаганды и ослаблении единого антифашистского фронта в мире. Г.Л. Розанов добавляет также факт роста противников любого сотрудничества с СССР среди правящих элит Англии, Франции и США с осени 1939 г. С другой стороны, Г.А. Куманёв, в отличие от мнения С.З. Случ, считал, что пакт дал Советскому Союзу определённый выигрыш во времени. Плюсы заключения пакта для СССР продолжает перечислять Г.Л. Розанов. Он усматривает их в подрыве доверия Японии к своему союзнику – Германии. Как результат – отсутствие второго фронта против Советского Союза в годы Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке. Г.П. Розанов, в отличие от суждения М.И. Семиряги, убеждён, что пакт вывел СССР из международной изоляции, в которой он находился после Мюнхенского сговора западных держав в 1938 г. Г.П. Розанов не согласен с мнением Д.Г. Наджафова относительно долгосрочных последствий пакта для Советского Союза. Он считает, что о последствиях пакта можно судить только в пределах срока его действия, т.е. с 23 августа 1939 г. по 22 июня 1941 г. [24].

Группа учёных, в частности, М.Ю. Мягков, О.А. Ржешевский и М.И. Мельтюхов, видят в подписании пакта для СССР лишь положительные последствия. По мнению М.И. Мельтюхова, Советский Союз, подписав пакт с Германией, впервые за историю своего существования получил признание своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы. Кроме того, на взгляд М.И. Мельтюхова, СССР удалось ограничить подписанием пакта возможности дипломатического

маневрирования Германии в отношениях с Англией и Японией. Более того, М.И. Мельтюхов считает, что заключение советско-германского пакта является значительной удачей советской дипломатии [25].

Таким образом, отечественные исследователи, как историки, так и юристы, достаточно обстоятельно проанализировали изучаемую проблему. Несмотря на то, что высшие государственные органы Советского Союза в конце 80-х – начале 90х гг. XX в. вынесли правовую оценку советско-германским договорам 1939 г., тем не менее, это не привело к исчезновению дискуссий по изучаемому вопросу. Одной из причин, на наш взгляд, является то, что часть учёных при оценке соглашений пытается придерживаться норм международного права, а вторая группа исследователей во главу угла ставит государственно-политические интересы СССР. Нам представляется, что в этой проблеме исходить надо, в первую очередь, из международно-правовых норм, а не только из государственных интересов.

Примечания

1. *Наджафов Д.Г.* Советско-германский пакт 1939 г. и его исторические последствия // Вопросы истории. – 2006. – №12. – С. 6.
2. *Мюллерсон Р.А.* Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права // Советское государство и право. – 1989. – № 9. – С. 105.
3. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. – М.: Вече, 2000. – С. 62, 71.
4. *Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. и советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – Специальный выпуск. – С. 178.
5. *Куманёв Г.А.* Советско-германский пакт о ненападении и его последствия // Мир и политика. – 2011. - №8. – С. 10; *Иванов А.Г.* Мир или война? Альтернативы 1939 г. // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – №4. – С. 20.
6. *Случ С.З.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 – август 1939 г.) // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – Специальный выпуск. – С. 264–265.
7. *Семиряга М.И.* Советско-германские договоренности в 1939-июне 1941 г.: взгляд историка // Советское государство и право. – 1989. – № 9. – С. 94.

8. Семиряга М.И. Указ соч. – С. 93; Мюллерсон Р.А. Указ. соч. – С. 106; Розанов Г.П. Сталин-Гитлер: документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939-1941 гг. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 103.
9. Наджафов Д.Г. Указ. соч. – С. 8–9.
10. Куманёв Г.А. Указ. соч. – С. 11; Семиряга М.И. Указ. соч. – С. 94.
11. Дипломатический словарь: в 3 т. – М.: Госполитиздат, 1960. –Т.1. – С. 75–76; 369.
12. Семиряга М.И. Указ. соч. – С. 94.
13. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. – М.: Высшая школа, 1992. – С. 43–44.
14. Комсомольская правда. – 1988. – 24 августа; Иванов А.Г. Указ. соч. – С. 26.
15. Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. – М.: Вече, 2000 // URL: <http://militera.lib.ru/reseach/bezymensky3/index.html> (дата обращения 1.09.2021).
16. Случ С.З. Указ. соч. – С. 265; Семиряга М.И. Тайны сталинской... – С. 45; Наджафов Д.Г. Указ. соч. – С. 8.
17. Ковалёв Ф.Н., Ржешевский О. А. Так начиналась война // Правда. – 1988. – 1 сентября; Иванов А.Г. Указ. соч. – С. 25.
18. Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Указ. соч. – С. 183; Куманёв Г.А. Указ. соч. – С. 10.
19. Мюллерсон Р.А. Указ. соч. – С. 106–107.
20. Розанов Г.П. Указ. соч. – С. 107.
21. Мюллерсон Р.А. Указ. соч. – С. 108.
22. Семиряга М.И. Указ. соч. – С. 94; Розанов Г.П. Указ. соч. – С.125; Мюллерсон Р.А. Указ. соч. – С. 107.
23. Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941. Расчёты и просчёты Кремля // Отечественная история. – 2005. – № 1. – С. 111; Семиряга М.И. Советско-германские... – С. 103; Наджафов Д.Г. Указ. соч. – С. 4.
24. Куманёв Г.А. Указ. соч. – С. 11; Розанов Г.П. Указ. соч. – С. 103-104.
25. Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Указ. соч. – С. 183; Мельтюхов М.И. Указ. соч. – С. 65, 72.

А.Г. Иванов

(г. Краснодар, Российская Федерация)

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМУ ПАКТУ О НЕНАПАДЕНИИ В 1939 ГОДУ?

Аннотация. В статье дан анализ англо-франко-советских переговоров в 1939 г., причин их провала и, как альтернатива для СССР, - пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом. Представлены оценки переговоров и пакта отечественными и зарубежными историками. На основе документов архива Форин оффис автор приходит к выводу о неизбежности провала переговоров и Второй мировой войны.

Ключевые слова: кризис, война, переговоры, правительство, Форин оффис, пакт.

A.G. Ivanov

(Krasnodar, Russian Federation)

WAS THERE ANY ALTERNATIVE TO THE SOVIET-GERMAN NON-AGGRESSION PACT IN 1939?

Abstract. The article gives an analysis of the anglo-french-soviet talks in 1939, the reasons of their failure and, as an alternative to it for the USSR, - of the non-aggression pact between Germany and the Soviet Union. Appraisals of the talks and the pact by native and foreign historians are presented. On the basis of documents of the Foreign Office's archives the author comes to a conclusion about inevitability of the failure of the talks and the Second World War.

Key words: crisis, war, talks, government, Foreign Office, pact.

Среди проблем происхождения Второй мировой войны одно из центральных мест занимает проблема образования антигитлеровской коалиции. Как известно, она была создана лишь в 1941 г. вскоре после нападения нацистской Германии на СССР. Но имелись ли шансы создать коалицию раньше, в 1939 г., и тем самым предотвратить войну? Историки дают разные, подчас диаметрально противоположные ответы на этот вопрос.

Некоторые из них считают, что на переговорах Великобритании, Франции и СССР в канун Второй мировой войны был упущен последний шанс спасти мир [1]. Другие полагают, что эти переговоры с самого начала были бесперспективными [2]. Автор данной статьи на основе архивных документов из фонда Форин оффис Национального архива в Лондоне аргументирует фатальную закономерность провала переговоров, что сделало Вторую мировую войну неизбежной.

В западной исторической литературе широкое распространение получил тезис о том, будто Сталин намеренно придерживался линии на срыв переговоров с Великобританией и Францией с целью договориться полюбовно с Гитлером и тем самым избежать войны [3]. Наконец, нередкими являются заявления некоторых зарубежных историков о том, что главной (если не единственной) причиной Второй мировой войны явился пакт о ненападении между СССР и Германией и секретный дополнительный протокол к нему от 23 августа 1939 г. [4]. Насколько обоснованными и подтвержденными документально являются подобные высказывания и оценки?

Разумеется, причин происхождения Второй мировой войны было множество, а противоречия между ведущими державами достигли своего апогея в 1939 г. Ликвидация Германией Чехословакии 15 марта 1939 г. погрузила Европу в глубокий политический кризис, чреватый большой войной. С политикой умиротворения фашистских государств было покончено, ибо она доказала свою полную несостоятельность. Однако сближаться с Советским Союзом и тем самым создавать необходимые предпосылки для образования антигитлеровской коалиции и отпора агрессору Великобритания и Франция не спешили. Они предпочли предоставить гарантии Польше, Румынии, Греции и Турции, как предполагаемым жертвам фашистской агрессии. Эти гарантии рассматриваются многими западными историками как «дипломатическая революция», отказ западных держав от политики умиротворения и переход к сопротивлению агрессорам – Германии и Италии. Последняя захватила Албанию в апреле 1939 г. Так, известный германский исследователь истории Второй мировой войны Г.-А. Якобсен пишет: «С момента

германского захвата Чехии и Моравии они (Великобритания и Франция. – А.И.), поддерживаемые в том президентом США, повернули руль своей политики на 180 градусов; вступив в Прагу, Гитлер «перешел Рубикон» [5]. Насколько обоснованной является такая оценка?

Обратимся к документам. Аргументированный ответ на этот вопрос дает меморандум английских начальников штабов «Военное значение гарантий Польше и Румынии» от 3 апреля 1939 г., представленный на рассмотрение кабинета в связи с декларированной британским премьер-министром Н. Чемберленом гарантии независимости Польши в палате общин парламента 31 марта. В меморандуме дана оценка соотношения сил потенциальных противников: Германии, с одной стороны, Великобритании, Франции, Польши и Румынии – с другой. Сухопутная армия Германии оценивалась в 105–110 дивизий (эти цифры были преувеличенными). Франция могла выставить на фронт в течение месяца с начала войны 86 дивизий, не считая 10 в Северной Африке и 4, полученных в ходе мобилизации, а Великобритания отправить 2 дивизии в Европу в течение трех месяцев с начала войны. Вооруженные силы Польши оценивались в 48 пехотных дивизий и 20 кавалерийских бригад, а Румынии – в 22 пехотных, 3 кавалерийских дивизии и 3 горные бригады. Начальники штабов отметили, что армия у поляков «хорошо оснащена современным оружием», но у них слабая артиллерия. Оценка авиации была невысокой – «относительно эффективные ВВС», и отсюда вывод: «Поддержка советских военно-воздушных сил, если это возможно, была бы исключительно ценной». Румынская армия также оценивалась невысоко: «У Румынии всего 2 военных завода, и она не в состоянии обеспечить свою армию вооружением». Выводы начальников штабов относительно исхода эвентуального вооруженного конфликта с Германией были пессимистическими: «Если Германия предпримет основное наступление на восток, мало сомнений в том, что она сможет оккупировать Румынию, польскую Силезию и «польский коридор» (данцигский. – А.И.). Если она продолжит наступление в Польше, потребуется лишь некоторое время для уничтожения Польши, хотя проблемы

коммуникаций и рельеф местности не позволят ей одержать быструю победу... Ни Англия, ни Франция не в состоянии оказать прямую помощь Польше или Румынии на море, на суше или в воздухе для противодействия германскому вторжению. Более того, учитывая состояние английских и французских вооружений, ни Англия, ни Франция не могут обеспечить вооружениями Польшу или Румынию. Это подчеркивает важность получения помощи от СССР» [6].

Но сотрудничество с Советами мыслилось не в рамках двусторонних обязательств, а как подключение СССР в качестве поставщика военных материалов Польше и Румынии. Таким образом, англо-французские гарантии не имели реального содержания. Они предназначались для успокоения общественности и должны были служить средством сдерживания Германии. Но подобного рода комбинации, не подкрепленные соответствующими конвенциями, не остановили бы Гитлера, который твердо вознамерился напасть на Польшу при первой подходящей возможности. 3 апреля 1939 г. фюрер издал директиву о подготовке германских войск к нападению на Польшу, а 11 апреля подписал план «Вайс» - план ее военного разгрома. К тому времени в Лондоне уже обладали информацией (от агентурных источников), что Польша является целью № 1 Гитлера. 8 апреля из английского посольства в Берлине (от военного атташе) сообщили, что «в германском генеральном штабе идет интенсивная работа над планами захвата Голландии и Дании и подчинения Швеции и Бельгии германскому влиянию». И далее: «Человек, посетивший генеральный штаб, обратил внимание, что все стены и столы покрыты картами исключительно Польши» [7].

Германский историк С. Хаффнер считает английскую гарантию (как и французскую) лишенной реального содержания: «Если вступление Гитлера в Прагу было демонстрацией в адрес Англии, то гарантии Чемберлена Польше были демонстрацией в адрес Германии. Фактически это был чистый блеф: Англия не могла защитить Польшу в случае нападения на нее Гитлера» [8].

Что касается англо-франко-советских переговоров, то они начались в апреле 1939 г. с конкретных предложений наркома

иностранных дел СССР М.М. Литвинова по созданию широкой антигерманской коалиции с участием в ней Великобритании, Франции, СССР, а также стран Восточной Европы, расположенных от Балтики до Черного моря и имевших общую границу с Советским Союзом. В случае реализации этих предложений был бы создан надежный барьер по недопущению фашистской агрессии и предотвращению Второй мировой войны.

Однако этого не произошло. Великобритания и Франция со скепсисом отнеслись к советскому проекту. Их не устраивало многое, что подтверждают документы из архивного фонда Форин оффис. 19 апреля постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган представил на рассмотрение кабинета согласованные с руководителем Форин оффис лордом Галифаксом замечания по советскому проекту. Проект, на взгляд Кадогана, был «крайне неудобным» с военной и политической точек зрения: «Выгода от получения бумажного обязательства России примкнуть к нам в случае войны не компенсирует неудобства открытой ассоциации с Россией». Он невысоко оценил оборонный потенциал СССР (опираясь на информацию британского посольства в Москве и секретных служб), «чья армия подорвана чистками, а военно-воздушные силы, хотя и внушительные по количеству самолетов, не отвечают современным требованиям». Кадоган был настроен скептически и в отношении поставок советских военных материалов Польше и Румынии из-за «неэффективности транспортной системы» СССР. Еще один аргумент «против» свелся к тому, что «СССР не имеет общей границы с Германией, а посылать войска через территорию Польши не может, ибо Польша опасается именно этого». Британский дипломат выразил недовольствие тем обстоятельством, что предложенное соглашение предусматривало оказание помощи Латвии, Эстонии и Финляндии. Он повторил аргументы, выдвигавшиеся Чемберленом на заседании кабинета 27 марта: союз с СССР подтолкнет страны фашистского блока к разжиганию военной опасности, вызовет недовольство Польши и Румынии и подрвет влияние Великобритании в Испании, Португалии и Югославии. В то же время не исключалась опасность, хотя и «весьма

отдаленная», что СССР, столкнувшись с нежеланием западных держав заключать с ним соглашение, повернет к Германии и нормализует отношения с ней, да и оппозиция в Англии использовала бы отказ правительства от советских предложений для новых нападков на его политику. И все же Кадоган склонился к отказу, поскольку соглашение «оттолкнет от нас наших друзей и усилит пропаганду наших врагов без достаточной компенсации каким-либо реальным материальным вкладом в укрепление фронта» против Германии [9].

Дальнейший ход англо-франко-советских переговоров подтвердил нежелание Великобритании и Франции сотрудничать с СССР на-равных. Этого не желали и страны Восточной Европы, о которых шла речь в предложениях советского правительства. Так, Польша (по сообщению английского посла в Варшаве Г. Кеннарда в Форин оффис) «опасается, что если СССР станет полноправным участником коалиции совместно с Англией и Францией, ценность и значимость Польши уменьшится в наших (т.е. англичан. – А.И.) глазах» [10]. Позицию Румынии озвучил министр иностранных дел этой страны Г. Гафенку во время визита в Лондон 24 апреля: «Я не доверяю советскому правительству, поскольку их цель – мировая революция. Я полностью согласен с вашей (правительства Чемберлена. – А.И.) линией. С Россией нельзя заключать соглашения. Лучше всего им не доверять. Румыния желает остаться в стороне от Германии и СССР» [11]. Прибалтийские страны – Латвия, Финляндия и Эстония (Литва не фигурировала в проекте соглашения, поскольку не имела общей границы с СССР) также не были настроены в пользу сотрудничества с Советским Союзом. Так, министр иностранных дел Эстонии К.Сельтер заявил 9 мая, что «советская военная машина может функционировать только в обороне». Что касается гарантии, то его страна готова принять ее от Англии, но только не от России [12]. Примерно в таком же духе высказался и руководитель Финляндии маршал К. Маннергейм [13]. Наконец, Латвия не желала не только тесно сотрудничать с СССР, но и углублять связи с Англией и Францией из-за опасений вызвать раздражение у Гитлера. 7 июня 1939 г. Латвия и Эстония заключили пакты о ненападении с

Германией, что еще больше осложнило ситуацию на тройственных переговорах.

Между тем обстановка в Европе ухудшалась буквально с каждым днем, а Германия все более открыто демонстрировала свою агрессивность. 28 апреля 1939 г. Гитлер, выступая в рейхстаге, заявил о расторжении германо-польской декларации о неприменении силы 1934 г. и англо-германского морского соглашения 1935 г. Для многих в Европе становилось очевидным, что Гитлер может развязать вооруженный конфликт в любой момент.

3 мая 1939 г. произошло неожиданное для всех событие: нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов был смещен со своего поста и заменен В.М. Молотовым. Вслед за этим на НКВД обрушилась волна арестов. Многие соратники теперь уже бывшего наркома подверглись репрессиям. В секретной телеграмме Сталина советским полпредам отставка Литвинова объяснялась так: «Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела» [14]. Но за этой не совсем понятной формулировкой скрывался конфликт гораздо более глубокий. Сталин не был удовлетворен прозападной ориентацией Литвинова и не усматривал каких-либо перспектив на переговорах с Великобританией и Францией. Новый нарком Молотов, один из ближайших соратников Сталина, должен был внести свежую струю в советскую внешнюю политику, а это означало в том числе отказ от идеи коллективной безопасности и сближение СССР с Германией. В.М. Бережков, бывший долгие годы переводчиком Сталина, считает, что «именно тогда Сталин, видимо, задумался над тем, нельзя ли полюбовно договориться с фюрером» [15]. Впрочем, резкого поворота не произошло, новые предложения СССР странам Запада ничем не отличались от прежних, литвиновских. Многое, если не все, зависело от Германии, так что дорога к советско-германскому пакту о ненападении оказалась долгой и непростой.

На Западе смена наркома была воспринята с большой настороженностью. Так, в Лондоне оценили возникшую ситуацию как «мрачную». Сотрудники Форин оффис не исключали поворота в советской внешней политике к изоляционизму или к сближению с Германией. Молотову была дана нелестная характеристика человека «грубого и невежественного». Предполагалась замена его со временем В.П. Потемкиным (заместитель Литвинова, а до этого полпред во Франции; к тому же он «вполне цивилизованный и имеет заметное влияние на Сталина»). Не исключался и А.А. Жданов в должности наркома («наиболее неприемлемый кандидат со всех точек зрения») [16].

Отставка Литвинова означала удар по политике коллективной безопасности. Сталин уже давно разочаровался в ней и выжидал лишь подходящий момент для корректировки внешнеполитического курса. Умиротворяющие жесты со стороны немцев (изменение тона нацистской прессы по отношению к СССР, возобновление торговых переговоров) были восприняты им как позитивный знак и приглашение к диалогу. Таким образом, смена наркома может рассматриваться и как предупреждение Западу, не желавшему идти на уступки на переговорах с СССР, и в качестве своеобразного сигнала для Гитлера. Это понимали в Лондоне те, кто не был настроен на обструкционизм на переговорах с Москвой. Одним из таких немногих дипломатов был руководитель Северного департамента Форин оффис Л. Кольер. Он записал в памятной записке 5 мая: «Тенденция к изоляционизму (в советской внешней политике. – А.И.) вполне возможна, а это на руку Германии, так как Польша скорее всего не желает получать помощь от русских в случае войны. Но даже сейчас для нас есть шанс выправления положения (на тройственных переговорах. – А.И.) посредством согласия в ключевом вопросе о взаимных гарантиях против агрессии» [17].

Но в английском кабинете и в Форин оффис (да и в британском истеблишменте в целом) доминировали убежденные противники равноправного сотрудничества с СССР, которые не исключали замирения с Германией посредством новых уступок

ей, на этот раз за счет Польши. Для них с политикой умиротворения не было покончено, требовалось какое-то время для возобновления диалога с Гитлером. Это подтверждает, в частности, протокол заседания кабинета Чемберлена от 24 мая 1939 г. Там было высказано мнение, что «когда мы усилим наши позиции посредством заключения соглашения с российским правительством, мы должны выступить с инициативой о возобновлении политики умиротворения». Таким образом, «у нас появится возможность договариваться (с Германией. – А.И.) с позиции силы, и скорее всего Германия прислушается к нам». Инициаторы этого предложения министр иностранных дел лорд Галифакс и министр по делам доминионов Т.Инскип считали, что для успеха переговоров с немцами необходимо заверить их в том, что Англия не собирается осуществлять экономическую блокаду Германии и готова обсуждать с ней «в любое время любые вопросы». Они не исключали, что «это предложение может быть отвергнуто (немцами. – А.И.), но если оно будет принято, то послужит важным шагом к умиротворению. Если наши позиции будут достаточно сильными, мы сможем взять инициативу на себя в подходе к Германии». Чемберлен не отверг этого в принципе, но заметил, что момент для принятия данного предложения «еще не созрел. Необходимо не только оставаться сильным, но добиться того, чтобы другие осознали этот факт. К тому же общественное мнение...еще не готово для такого поворота» [18]. Кстати, Галифакс в беседе с германским послом в Англии Г. фон Дирксеном 19 мая 1939 г. также затронул тему умиротворения, но предложил, чтобы немцы взяли инициативу на себя [19].

Итак, налицо были глубокие разногласия между участниками тройственных переговоров – СССР, с одной стороны, Великобританией и Францией – с другой. Что касается Франции, то она уже давно, примерно с середины 1930-х гг., послушно следовала за Великобританией и не проявляла инициативы на тройственных переговорах, что устраивало англичан. Зависимость Франции от своего британского партнера определялась комплексом причин и факторов: утратой Францией своего былого влияния на Европейском континенте, потерей

союзников (Польша и Чехословакия) и распадом Малой Антанты, сложным и неустойчивым внутривластным положением страны, серьезным отставанием Франции от Германии в сфере вооружений, откровенным неприятием многими французами войны и, как следствие, стремлением правительства избежать ее посредством очередных уступок Гитлеру.

Суть разногласий между участниками тройственных переговоров изложил лорд Галифакс в меморандуме от 22 мая 1939 г. На его взгляд, «неудобств» от союза с СССР было гораздо больше, чем выгод и приобретений. В числе первых (а всего их насчитывалось 11) фигурировали следующие: такой союз будет означать оформление «идеологического» блока против держав оси» и он плохо повлияет на Гитлера; он оттолкнет от Англии Италию, испортит отношения с Испанией, Португалией, Финляндией и Югославией, а его влияние на Японию может оказаться «разрушительным»; соглашение Англии с Германией станет невозможным. И далее: «Англия может быть втянута в войну не для защиты малых стран, а в защиту СССР против Германии. Это может расколоть общество»; германская пропаганда использует союз Великобритании и Франции с СССР как предлог «для сплочения немцев вокруг Гитлера; для умеренных элементов в Германии все будет потеряно». Присутствовал и военно-стратегический аспект: «Военная помощь со стороны СССР не представляет особой ценности; флот может сыграть какую-то роль на Балтике; военно-воздушные силы могут оказаться полезными; но на суше русская армия неэффективна, учитывая, в частности, плохое состояние дорог».

Тем не менее, на взгляд Галифакса, были и выгоды от предполагаемого соглашения:

- «1. Пакт может предотвратить войну.
2. Политика гарантий может оказаться очень эффективной.
3. В случае неудачи переговоров мы можем получить советско-германское сближение.
4. Провал переговоров может подтолкнуть Германию на агрессию.

5. В любом варианте соглашения, которое мы можем заключить с советским правительством, представляется желательным получить максимум возможного для себя в обмен на что-либо из наших предложений советскому правительству».

Примечателен и такой пассаж: «В любом случае надо постараться вовлечь СССР в войну (если она случится), чтобы не допустить, что СССР останется невредимым, а Англия и Германия окажутся в руинах». И последнее. Высказывалось предположение, что «реальная советская политика сводится к тому, чтобы постараться втянуть нас (в военный конфликт. – А.И.), а самим остаться в стороне» [20].

Этот меморандум проясняет многое. Правительство Чемберлена тянуло время на тройственных переговорах в надежде (пустой, как оказалось), что эвентуальный союз западных держав с СССР образумит Гитлера и он отложит реализацию своих планов в отношении Польши, согласится на переговоры с Англией и мир на западе будет тем самым обеспечен. Но это была очередная иллюзия умиротворителей, которая резко контрастировала с жесткими реалиями лета 1939 г. В Лондоне были осведомлены о ближайших намерениях фюрера. Так, 27 июня главный дипломатический советник правительства Р.Ванситтарт представил меморандум, в котором со ссылкой на немецкие источники указал, что Гитлер осуществит вторжение в Польшу не позднее сентября. Оставшееся до этого время он использует для нагнетания напряженности в Европе и запугивания своих противников. Вермахт планируется привести в состояние полной боевой готовности к 27 августа. «Из сказанного выше, – резюмировал Ванситтарт, – очевидно: Гитлер убежден в том, что подчинение Польши может быть достигнуто в лучшем случае при помощи силы, а в худшем – развязыванием быстротечной войны» [21]. Но в Лондон поступали и другие сообщения, по сути диаметрально противоположные, от активных умиротворителей, таких как английский посол в Германии Н. Гендерсон. Вот что он отметил в докладной записке для постоянного заместителя министра иностранных дел А. Кадогана от 29 июня: «Я не верю, что Гитлер уже принял решение, как поступить этой осенью. Он просто выжидает и

играет на нервах. Несомненно, он желает получить то, что он хочет при условии, что это случится без войны, и он по-прежнему стремится к взаимопониманию с Англией и не собирается воевать с нами, если только мы не нападем (на Германию. – А.И.). Отсюда следует, что если мы выработаем конструктивную линию, нацеленную на достижение мира, он скорее всего будет готов к диалогу. Но усилия в этом направлении должны быть такими, которые его устроят, а именно: признание господства Германии на континенте (в Европе. – А.И.), другими словами, признание факта равенства Германии с нами» [22]. Очевидно, что не все в правительстве Чемберлена в полной мере разделяли миротворческий пыл Гендерсона, но желание обеспечить мир для себя за счет других преобладало.

В силу непреодолимых противоречий политические переговоры Великобритании, Франции и СССР зашли в тупик, и тогда по предложению советской стороны в Москве в августе 1939 г. прошли переговоры военных миссий. Они длились недолго, всего несколько дней, ибо шансов обеспечить согласие, договориться о совместной борьбе с агрессором к тому времени практически не осталось.

Некоторые историки полагают, что Сталин поспешил с заключением пакта о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 г. и тем самым сорвал московские переговоры, не использовал последний шанс спасти мир [23]. Насколько обоснованным можно считать данный тезис?

Архивные документы свидетельствуют о том, что переговоры в Москве в силу многих причин и обстоятельств были обречены на неуспех с самого начала. И это несмотря на стремительно приближавшуюся угрозу войны. 18 августа 1939 г., т.е. в то самое время, когда в Москве заседали военные миссии трех великих держав, в Германии начались предмобилизационные мероприятия, а неделю спустя был отдан приказ о скрытой мобилизации основных сил сухопутной армии военного времени. В соответствии с замыслом германского командования они сосредоточивались против Польши с целью быстрого ее разгрома; на западе против Франции было оставлено минимальное количество войск.

Вот лишь несколько документальных свидетельств, подтверждающих сказанное выше. 10 июля 1939 г. на заседании британского комитета по внешней политике Н. Чемберлен заявил следующее: «В случае отказа (от советского предложения о проведении штабных переговоров. – А.И.) правительство столкнется с бесчисленными трудностями, хотя лично мне оно совершенно не нравится». Чемберлена поддержал министр иностранных дел лорд Галифакс: «Когда начнутся военные переговоры, большого прогресса не будет. Переговоры будут тянуться бесконечно долго, и в конце концов каждая из сторон согласится принять обязательство общего характера. В таком случае мы выиграем время и к своей выгоде используем ту ситуацию, из которой сейчас нет выхода». О позиции Франции министр сказал следующее: «Французское правительство считает, что военные переговоры будут тянуться очень долго и в случае неудачи ни о каком политическом соглашении не может быть и речи». И далее: «До тех пор, пока будут продолжаться военные переговоры, мы предотвратим сближение между Советской Россией и Германией» [24].

Итак, западные державы стремились не допустить нормализации советско-германских отношений и выиграть время. Но время тогда играло не на Англию и Францию, а на Германию. Приготовления Германии к нападению на Польшу вступили в свою завершающую стадию. Расчет официальных кругов Лондона и Парижа на затягивание московских переговоров до осенней распутицы или даже до зимы с тем, чтобы задержать начало войны, имел под собой зыбкую почву. Гитлер не рисковал в ситуациях, гораздо менее благоприятных для рейха, и его выступление на восток мог остановить только внушительный по своей мощи коллективный фронт с участием в нем Великобритании, Франции и СССР. Но он по известным причинам не состоялся. Да и Сталина не устраивала перспектива неопределенно – тревожного выжидания перед лицом агрессивных приготовлений Германии вблизи советских границ. В то же время на переговорах в Москве советская делегация во главе с наркомом обороны К.Е. Ворошиловым практически с самого их начала столкнулась с обструкционизмом делегаций

Великобритании и Франции. Они были снабжены инструкциями, содержание которых не позволяло надеяться на быстрое и успешное завершение переговоров. Так, британской делегации предписывалось «вести переговоры очень медленно; к русским относиться сдержанно» и не передавать им никакой конфиденциальной информации, поскольку отсутствует политическое соглашение; воздерживаться от обсуждения совместной стратегии на Западе и в Средиземном море и т.д. [25]. Аналогичным образом была проинструктирована и французская миссия. Все это не могло не вызвать у советского руководства подозрения относительно намерений западных миссий договариваться. К тому же центральный вопрос повестки – о проходе советских войск через территорию Польши или Румынии для противодействия германской агрессии не был решен, хотя он имел тогда ключевое значение. В инструкции Ворошилову от 7 августа 1939 г. было указано: «Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно» [26]. Но Польша (как и Румыния) не собиралась сотрудничать с СССР, а тем более пропускать советские войска. В Лондоне и Париже по-разному относились к этому. Так, 20 августа Форин оффис телеграфировал послу Г. Кеннарду в Варшаве: «Если Бек (польский министр иностранных дел. – А.И.) будет упорствовать, переговоры сорвутся, и это развяжет Гитлеру руки в отношении Польши... Заключение военно-политического соглашения с СССР может предотвратить... войну» [27]. А вот начальник французского генерального штаба генерал М. Гамелен, по сообщению английского посольства в Париже от 21 августа, «с сочувствием отнесся» к отказу поляков пропускать советские войска. Более того, он послал в Варшаву генерала Фориса, с тем чтобы тот усилил аргументацию польского генерального штаба против пропуска советских войск [28]. Но почти одновременно, 19 августа, из Парижа в Лондон поступило сообщение, что министр иностранных дел Франции Ж.Бонне считает «абсолютно важным, чтобы поляки приняли советское предложение. Будет катастрофа, если переговоры с СССР сорвутся» [29].

К сожалению, осознание этого пришло к некоторым западным политикам и военным слишком поздно, к тому же далеко не ко всем. Военная машина Германии была запущена на полный оборот, и ее практически уже нельзя было остановить. Расчеты умиротворителей в Лондоне на сделку с Гитлером типа второго Мюнхена за счет Польши были построены на песке, ибо время Мюнхена давно миновало. Гитлера гораздо больше интересовала позиция СССР, ему нужно было обеспечить нейтралитет СССР, и он был готов ради этого на многое. Вот что пишет в этой связи авторитетный британский историк, профессор Кембриджского университета Р. Эванс: «В начале августа 1939 года Риббентроп и Вайцеккер (статс-секретарь германского МИДа. – А.И.) с одобрения Гитлера подготовили планы совместного разделения Польши с Советским Союзом. Но Сталин все еще колебался. Однако наконец 21 августа он согласился со все более настойчивыми запросами Гитлера о подписании официального пакта» [30].

Советско-германский пакт о ненападении, подписанный Молотовым и Риббентропом в Москве 23 августа 1939 г, подвел финишную черту под политикой коллективной безопасности. По меньшей мере странным выглядело заявление Молотова о том, что «некоторое время спустя, например, через неделю переговоры с Францией и Англией могли быть продолжены» [31]. Через неделю Европа уже погружалась в хаос войны, а правительства западных держав поспешно и лихорадочно изыскивали подходящие варианты урегулирования польского вопроса.

Разграничение сфер интересов Германии и СССР по секретному дополнительному протоколу к пакту было наглядным подтверждением краха курса на обуздание агрессоров и может рассматриваться как циничная сделка двух диктаторов. 22 августа, т.е. за день до подписания пакта и протокола к нему, Гитлер провел секретное совещание с высшим руководством вермахта в Оберзальцберге. Запись совещания, разумеется, неполная, поскольку запрещалось его участникам что-либо фиксировать, она была тайно передана одним из офицеров (видимо, антинацистом) американскому журналисту Лохнеру из

Associated Press of America, а тот передал ее в британское посольство в Берлине. 25 августа она была уже в Форин оффис в Лондоне. Выступление Гитлера содержит некоторые важные оценки текущей обстановки, личностей и его ближайших планов. Вот что он заявил: «В конце концов в мире всего три великих государственных деятеля – Сталин, я и Муссолини. Муссолини – самый слабый из всех, так как он оказался не в состоянии покончить с короной и церковью. Сталин и я – единственные, кто способен предвидеть будущее. Через несколько недель я протяну ему руку на общей германо-русской границе, а затем мы займемся переделом мира». Далее он затронул тему предстоявшей войны с Польшей: «Решение напасть на Польшу принято весной. Геринг показал нам, что наш 4-хлетний план закончился провалом и что наши силы на исходе, если мы не добьемся победы в предстоящей войне. Наша сила в нашей быстроте и жестокости... Будьте безжалостны.

Япония с нами не выступит. Муссолини окружен продажными личностями, поэтому я решил пойти навстречу Сталину». Гитлер упомянул визит Риббентропа в Москву и подчеркнул, что наделил его всеми полномочиями и предписал «соглашаться на любое требование Сталина».

О западных лидерах фюрер отозвался презрительно: «Чемберлен и Даладье – это черви; они не решатся атаковать, они готовы только к блокаде. Против этого у нас наша автаркия и русское сырье». Он выразил опасение, как бы Чемберлен «в последнюю минуту не явился с предложениями мирного решения (проблемы Данцига и Польши. – А.И.), но я его сброшу со ступенек». И последнее. Гитлер заявил: «После Польши – черед России. С Россией будет то же самое, что с Польшей» [32].

Расхожая версия многих западных исследователей, будто советско-германский пакт о ненападении подтолкнул Гитлера к нападению на Польшу и тем самым сыграл зловещую роль в развязывании нацистской Германией Второй мировой войны [33], не имеет под собой веских оснований. К тому времени экспансия нацизма уже переросла «мирные» рамки в своем развитии. Об этом фюрер говорил своим генералам сразу после ликвидации Чехословакии. С пактом или без него, но Гитлер в любом случае

осуществил бы нападение. Нейтралитет СССР позволял Германии провести кампанию блицкрига с гораздо большей уверенностью в ее конечном успехе, тогда как неурегулированность германо-советских отношений могла в дальнейшем привести к нежелательным для рейха осложнениям.

Советско-германский пакт оказался неожиданным для западной общественности, но не для правительств Великобритании и Франции. Так, Форин оффис телеграфировал послу Г. Кеннарду в Варшаву: «Британской прессе было дано указание относиться к советско-германскому пакту о ненападении со спокойствием и сдержанностью. Слишком рано давать оценку последствиям, к которым такое развитие событий может привести» [34]. А вот мнение начальника французского генерального штаба М. Гамелена: «Если бы поляки согласились на поддержку России, русско-германский пакт не был бы подписан» [35].

Интересным представляется и тот факт, что в Лондоне были осведомлены о том, что в Москве состоялось подписание также секретного протокола к пакту. 30 августа 1939 г. в Форин оффис поступила информация от английского посланника в Литве Т. Престона со ссылкой на окружение Риббентропа (в Москву его сопровождала делегация в количестве более 30 человек) о том, что Германия и Россия помимо пакта о ненападении подписали секретное соглашение, в котором речь идет о разделе Польши [36]. Аналогичное сообщение со ссылкой на немецкий источник пришло от посла в Румынии Р. Хора 12 сентября [37]. Впрочем, в Лондоне с осторожностью воспринимали эту и подобную ей информацию (были донесения также от других источников), поскольку она была довольно противоречивой.

И еще несколько интересных фактов из истории острой дипломатической борьбы в канун Второй мировой войны. Провал англо-франко-советских переговоров означал для Великобритании и Франции, что скорее всего надо готовиться к войне из-за гарантий Польше. Однако желание уйти от войны оказалось настолько сильным в британском (да и во французском) истеблишменте, что были предприняты дополнительные усилия (попытки, правда бесполезные, делались

и раньше) по урегулированию германо-польских отношений за счет Польши (Данциг и данцигский коридор). Но Гитлера все это не устраивало, время переговоров, на его взгляд, давно уже прошло. Все же зондаж позиции Лондона он считал необходимым, чтобы еще раз убедиться в том, что Великобритания (а вместе с ней Франция) воевать не собираются. Фюрер, как всегда, использовал тактику кнута и пряника. Он не желал ссориться с Англией и поэтому подыгрывал англичанам. Но, с другой стороны, вопросы, связанные с Польшей, считались для него решенными, как ему казалось, раз и навсегда. Вот что он заявил английскому послу в Германии Н. Гендерсону 25 августа 1939 г.:

«1. Провокации со стороны Польши стали несносными.

2. Германия стремится к миру, но не может больше этого терпеть.

3. Проблема Данцига и коридора должна быть решена.

4. Я желаю сотрудничать с Англией.

5. Я готов признать целостность Британской империи при условии удовлетворения колониальных требований Германии, которые весьма ограниченные.

6. Я готов признать обязательства Англии в отношении Франции. Германия никогда не будет воевать с Англией. Германия готова заключить соглашение с Англией, признать Британскую империю и даже оказать Англии помощь». Гендерсон, следуя инструкциям правительства, пытался убедить Гитлера в необходимости мирного урегулирования проблемы Данцига и данцигского коридора. Фюрер остался при своем мнении и заявил следующее: «Что бы ни случилось, судьба Польши будет решена Германией и Россией» [38].

Этот набор угроз и обещаний был вполне в духе рейхсканцлера и предназначался для того, чтобы ввести в заблуждение англичан (а заодно и французов). И это ему удалось. Вот что сообщил английский посол во Франции Э. Фиппс об оценке предложений Гитлера К. Шотаном, одним из лидеров партии радикалов и вице-премьером в кабинете Э.Даладьё: «Шотан считает, что предложения Гитлера Гендерсону следует

тщательно изучить» [39]. В Форин оффис прокомментировали это так: «Вполне удовлетворительная оценка» [40].

Зондаж Берлином позиции Лондона следует рассматривать сквозь призму стратегии Гитлера в 1939 г. Это не был чисто тактический маневр с целью усыпить внимание Чемберлена и заставить его отказаться от гарантии Польше, но представлял собой дипломатический ход, рассчитанный на перспективу: для Гитлера и его ближайшего окружения было важно усилить впечатление в мюнхенских кругах, что с Германией можно и нужно договариваться, даже если она захватит Польшу. Гитлер не верил в англо-французские гарантии, но дальнейший ход событий внушал ему озабоченность. Отсюда серия предложений и обещаний англичанам. Ближайший сподвижник фюрера Г. Геринг даже запланировал полет в Лондон на 3 сентября (он не состоялся, поскольку началась война). Главной приманкой для англичан было обещание Гитлера широкого и всеобъемлющего сотрудничества Германии и Британской империи. 28 августа близкий к Герингу шведский промышленник Б. Далерус (он выполнял челночную миссию миротворца) поставил в известность английское посольство в Берлине, что рейхсканцлер предлагает пакт на условиях отказа от оказания какой-либо помощи государству, которое выступит против Великобритании, будь то Италия, Япония или Россия [41]. В тот же день из Берлина сообщили в Лондон со ссылкой на «секретные и близкие к фюреру источники», что он «готов заключить союз с Англией самого всеобъемлющего характера» [42]. Незамедлительно последовал ответ официального Лондона: «Английское правительство готово внимательно изучить предложения Германии и рассматривает их как базис для переговоров. Как только польский вопрос будет урегулирован с Германией, можно будет перейти к широкому обсуждению с целью достижения соглашения». Но прежде «английское правительство считает, что предварительным условием этого должно стать урегулирование польского вопроса» [43].

Но для Гитлера вопрос о судьбе Польши считался решенным раз и навсегда. Он твердо нацелился на победоносную войну против Польши, особенно после подписания пакта со

Сталиным, а варианты, предлагавшиеся англичанами, напоминали ему мюнхенский. Время Мюнхена давно миновало, хотя в Лондоне немногие осознавали это, британский истеблишмент по-прежнему пребывал в некоем мире иллюзий. Что касается базы мирного урегулирования с Англией, то она не представляла большого интереса для рейхсканцлера с точки зрения его приоритетов. Вопросы, связанные с Англией, были в повестке дня фюрера не в 1939 г., а в плане на 1940 г.

Подводя итоги, отметим следующее. Провал англо-франко-советских переговоров в 1939 г. был закономерным, учитывая всю предысторию отношений СССР с Великобританией и Францией (не только Мюнхен и его последствия, но и многое другое). После уничтожения Чехословакии Германия представляла из себя мощную в военном отношении державу, которая стала доминировать в континентальной Европе (в Чехословакии нацисты захватили оружие и снаряжение, достаточное для оснащения 38 пехотных и 8 мобильных дивизий) [44]. В условиях, когда отношения с западными державами не складывались (это особенно явно проявилось на московских переговорах в августе 1939 г.), Сталину пришлось принять непростое решение – заключить пакт о ненападении с Германией и секретный дополнительный протокол к нему. Но это вовсе не означает «дьявольского союза», как об этом пишет английский историк Р. Мурхаус [45]. Противоречия между Германией и СССР оставались глубокими и фактически неразрешимыми, что и подтвердила драматическая история Европы от начала Второй мировой войны до нападения Германии на Советский Союз.

Примечания

1. См.: *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. – М.: Высшая школа, 1992. – С.22.

2. *Иванов А.Г.* 1939 год. Европа между миром и войной. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – С. 127–128.

3. *Pachter H.M.* The Fall and Rise of Europe. A Political, Social and Cultural History of the Twentieth Century. N.Y.: Praeger, 1975. – P.249.

4. The Encyclopedia of World War II. Ed. by Th. Parrish. London: Vintage Publishing, 1978. – P. 585; *Мурхаус Р.* Дьявольский союз. Пакт Гитлера-Сталина, 1939–1941. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – С. 22.

5. *Якобсен Г. А.* Как была проиграна Вторая мировая война // Почему Третий Рейх проиграл войну: немецкий взгляд / Алексей Исаев и др. – М.: Яуза-каталог, 2021. – С.14.
6. *Иванов А.Г.* Указ. соч. – С. 70–71.
7. Там же. – С.73.
8. *Хаффнер С.* Самоубийство Германской империи // Почему Третий Рейх проиграл войну: немецкий взгляд. – М.: Яуза, 2021. – С.197.
9. *Иванов А.Г.* Указ. соч. – С. 88–89.
10. Public Record Office (Национальный архив). – FO 371/23064. – P.16 – (Далее: PRO).
11. Ibid. – P. 193.
12. *Иванов А.Г.* Европейский кризис 1938–1939 гг. и внешняя политика Великобритании // Антигитлеровская коалиция – 1939. Формула провала: сб. ст. / Под общей ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О.Г. Назаров. – М.: Изд-во «Кучково поле», 2019. – С. 137.
13. PRO. FO 371/23069. – P. 114.
14. Документы внешней политики. 1939 год. – М.: Международные отношения, 1992. – Т. XXII. – Кн. 1. – С. 327.
15. *Бережков В.* Рядом со Сталиным. – М.: Вагриус, 1998. – С. 21.
16. PRO. – FO 371/23683. – P. 14.
17. Ibidem.
18. PRO. – FO 371/22973. – P. 134–135.
19. PRO. – FO 371/22972. – P. 73.
20. *Иванов А.Г.* 1939 год. Европа между миром и войной. – С. 110–111.
21. PRO. – FO 371/22974. – P. 247, 249.
22. *Иванов А.Г.* 1939 год. Европа между миром и войной. – С. 116.
23. *Семиряга М.И.* Указ. соч. С.22.
24. *Иванов А.Г.* 1939 год. Европа между миром и войной. – С. 129–130.
25. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Third Ser. London: Her Majesty's stationary office, 1952. – Vol. VI. – P. 763.
26. Документы внешней политики. 1939 год. – Т. XXII. – Кн. 1. – С. 584.
27. *Иванов А.Г.* 1939 год. Европа между миром и войной. – С. 146–147.
28. Там же. – С.147.
29. Там же.
30. *Эванс Р.* Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2012. – С. 750.
31. История внешней политики СССР 1917–1985. – М.: Изд-во «Наука», 1986. Т.1 – С. 386.

32. PRO. – FO 371/22979. – P. 63–65.
33. *McCauley M.* The Soviet Union since 1917. – London: Longman, 1981. – P. 100.
34. *Иванов А.Г.* 1939 год. Европа между миром и войной. – С. 152.
35. Там же.
36. PRO. – FO 371/22980. – P. 305.
37. PRO. – FO 371/22982. – P. 117.
38. PRO. – FO 371/22977. – P. 232; FO 371/22978. – P. 90–92.
39. PRO. – FO 371/22978. – P. 162.
40. Ibidem.
41. Ibid. – P. 178.
42. Ibidem.
43. Ibid. – P. 222–223.
44. PRO. – FO 371/22958. – P. 228.
45. *Мурхаус Р.* Указ. соч.

Г.В. Бемм

(г. Краснодар, Российская Федерация)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1939–1941 ГГ. ПРОТИВОРЕЧИЯ, ОЦЕНКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. История показывает, что между Германией и Россией (СССР) на протяжении долгого времени существовали тесные экономические связи. Но, несмотря на это дважды государства оказывались в серьезном политическом обострении, что по итогу приводило к мировым войнам. Цель данной статьи в том, чтобы оценить масштабы советско-германского сотрудничества и их перспективы, при учете политических разногласий, которые привели к нападению Германии на Советский Союз.

Ключевые слова: СССР, Германия, советско-германский договор о ненападении, торговое соглашение, Второй мировая война, международные отношения.

G. V. Bemm

(Krasnodar, Russian Federation)

SOVIET-GERMAN RELATIONS IN 1939-1941. CONTRADICTIONS, ESTIMATES, EFFECTS

Abstract. History shows that close economic ties existed between Germany and Russia (USSR) for a long time. But, despite this, twice the states found themselves in a serious political aggravation, which eventually led to world wars. The purpose of this article is to assess the scope of Soviet-German cooperation and their prospects, taking into account the political differences that led to the German attack on the Soviet Union.

Key words: USSR, Germany, Soviet-German non-aggression pact, trade agreement, World War II, international relations.

Наступающий 1939 год Европа встречала с чувством лихорадочной тревоги. Противоречия между великими державами были столь велики, что казалось, дело неминуемо рано или поздно приведет к большой войне, но при этом многие продолжали надеяться на мирное решение споров. Не особо помогло Мюнхенское соглашение от 30 сентября 1939 г. Германия, устами А. Гитлера громогласно заявляла, что после передачи Судетской области от Чехословакии к Германии не будет больше иметь ни к кому претензий в Европе. Но уже скоро выяснилось, что это был чистой воды блеф, дабы позволить Англии и Франции «сохранить лицо» при отказе от союзнических обязательств по отношению к Чехословакии.

15 марта 1939 г. Гитлер ввел войска вермахта в Прагу, уничтожив Чехословакию как независимое государство, а месяцем позже денонсировал германо-польское соглашение о нейтралитете, давая понять, что готов к войне с Польшей, вместе с которой еще недавно фюрер делил Чехословакию. Только тогда британское правительство Н. Чемберлена и французское правительство Э. Даладье (к слову, следовавшее уже в целом в фарватере английской политики) поняли, что были обмануты Гитлером и начали осторожные попытки договориться с СССР относительно создания антигерманского союза.

Советский Союз, пожалуй, был одним из тех государств, которые больше всего проиграли от итогов Мюнхена (если не считать Чехословакию). По сути СССР оказался в изоляции, что вкупе с откровенно враждебными отношениями с Германией, а также с намечавшимся конфликтом с Японией (союзницей

Третьего рейха), в худшем случае сулило создание крупного антисоветского блока.

Не будем углубляться в тонкости и суть политических советско-германских противоречий до 1939 г. Отметим лишь, что экономические отношения между странами никогда не прерывались, даже в пик напряженности в сентябре 1938 г. Конечно, откровенно враждебные политические отношения не могли не сказаться на экономическом сотрудничестве, но в Берлине понимали, что Германия нуждается в хозяйственных связях с СССР. Так еще в 1934 г. германский посол Г. фон Дирксен в беседе с замнаркомом иностранных дел Н. Крестинским сказал, что «Гитлер не хочет вносить никаких изменений в хозяйственно-политические отношения с СССР» [1]. А в начале 1939 г. германский канцлер достаточно неожиданно решил сделать реверанс в сторону СССР. На торжественном приеме в рейхсканцелярии Гитлер подошел к советскому полпреду А. Мерекалову и провел с ним несколько минут в ничего не значащей, но подчеркнута дружелюбной беседе, что было несвойственно для немецкого диктатора в отношении СССР [2]. Такого прежде не бывало. Расположение фюрера к советскому послу вызвало фурор в дипломатических кругах. Следом были начаты торговые переговоры с СССР, но Гитлер вскоре сам же их затормозил, чтобы слишком не раздражать Польшу, с которой тогда велись переговоры о передаче Германии Данцига взамен на продление договора о ненападении и заключении военно-политического союза.

В апреле 1939 г. уже начался более серьезный немецкий зондаж, целью которого было добиться взаимопонимания с СССР, учитывая зашедшие в тупик германо-польские отношения. Статс-секретарь Э. Вайцзеккер в беседе с А. Мерекаловым установил взаимозависимость экономического обмена с тоном политических отношений.

28 июня 1939 г. посол Германии в Москве Ф. Шуленбург убеждал советского наркома иностранных дел в том, что германское правительство желает не только нормализации отношений с СССР, но и улучшения [3]. Собственно говоря, это улучшение вылилось в подписание экономического и кредитного

договоров, о чем настаивала советская сторона, как об обязательном шаге на пути к нормализации политических отношений. В августе 1939 г. Германия предоставила Советскому Союзу кредит в 200 миллионов марок (притом, что все золотовалютные запасы Германии составляли 500 млн. марок) [4].

Ряд историков и публицистов считали, что советская сторона была не менее заинтересована в подписании советско-германского пакта и секретных протоколов к ним. Однако хронология дипломатических переговоров говорила об обратном. 3 августа 1939 г. посол Шуленбург по поручению министра иностранных дел И. фон Риббентропа обратился к наркому В. Молотову с меморандумом об отсутствии противоречий между странами и необходимости к политическому сближению. Но советское правительство все еще вело переговоры с Англией и Францией, к тому же намечались тройственные переговоры между военными делегациями стран, а потому ответ советского наркоминдела был очень сдержанным. Шуленбург констатировал: «У меня сложилось впечатление, что Советское правительство в настоящее время намерено заключить соглашение с Англией и Францией, если они примут все требования Советов...» [5].

Здесь стоит отметить, что подобный пессимизм был не только у германского посла, но и у многих европейских политиков и даже спецслужб. Так, британская разведка сообщала в начале августа, что несмотря на контакты между СССР и Германией «сближение невозможно пока Сталин и Гитлер стоят во главе Германии и России» [6]. Тем не менее, тройственные переговоры в Москве закончились крахом по ряду причин, и, опасаясь остаться в одиночестве в грядущем мировом конфликте, И. Сталин дал добро на активизацию советско-германских контактов. 23 августа в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, инициатором которого была Германия, но Советский Союз выигрывал от подписания договора едва ли не больше. Так, СССР оговорил себе «сферу интересов» в Восточной Европе на случай ее территориального переустройства в результате военного конфликта, заключил

достаточно выгодное кредитное соглашение, а также получил экономические выгоды (о чем поговорим дальше). Но самое главное, что пакт о ненападении существенно ослабил германо-японскую коалицию. Конфликт на реке Халхин-Гол после подписания договора вскоре сошел на нет, а в Японии даже сменилось правительство, ориентированное во внешней политике прежде всего на войну против СССР.

1 сентября Германия напала на Польшу, спустя два дня Англия и Франция объявили войну Германии – Вторая мировая война стала фактом. С учетом изменившихся отношений с Германией, а также с учетом традиционных тяжелых советско-польских отношений, СССР, тем не менее, сохранял выдержку, выжидая, чем закончится конфликт. По-видимому, И. Сталин в первые десять дней сентября еще не планировал ввод войск в Восточную Польшу. По крайней мере, об этом говорит тот факт, что полпред СССР в Варшаве Н. Шаронов предложил министру иностранных дел Польши Ю. Беку поставку военных материалов, на что польский политик обещал «рассмотреть вопрос» [7]. Впрочем, позднее советское правительство отклонило запрос польского правительства о военных поставках. Но ситуация на фронтах развивалась очень быстро и уже после недели боев стало понятно катастрофическое положение польских армий. Начальник генерального штаба Германии Ф. Гальдер писал в своем дневнике от 7 сентября: «Поляки предлагают начать переговоры. Мы готовы на следующих условиях: полный разрыв с Францией и Англией, остаток Польши будет сохранен...Области Западной Украины самостоятельны» [8].

8 сентября командующий сухопутными силами Германии В. фон Браухич посредством информационного агентства ДНБ заявил, что Германия готова к перемирию с Польшей, правда германские дипломаты вскоре дезавуировали это сообщение [9]. Наконец, 15 сентября Ф. Шуленбург прямо предупредил В. Молотова, что если СССР не введет свои войска в Западную Украину и Западную Белоруссию, то на этих землях может образоваться вакуум, на котором могут возникнуть новые государства [10]. С учетом того, что Германия разыгрывала предыдущие шесть лет «украинскую карту», стало понятно, что

нужно действовать. Впрочем, судя по военным перемещениям, первые серьезные подготовки к военной акции со стороны советского правительства начались еще 10 сентября.

Таким образом, можно сказать, что советское правительство совершенно точно проводило самостоятельную и осторожную внешнюю политику, не давая возможности представить себя в качестве союзника Германии. Однако, понимая исход германо-польской войны, а также возможности создания прогерманского государства на территории Западной Украины, решило ввести войска в Восточную Польшу. Впрочем, какого-то особенного военного эффекта эта акция не имела, поскольку основные польские силы были разгромлены немцами в первые 17 дней войны.

28 сентября в Москву снова прилетел И. фон Риббентроп и по результатам переговоров со Сталиным и Молотовым был подписан договор с одиозным названием «О дружбе и границе». В нем исключалось сохранение какой-либо польской государственности, а также уточнялись территориальные приобретения. В частности, Советский Союз получил в свою «сферу интересов» Литву, а Германия забрала себе часть этнической Польши. В отличие от пакта о ненападении, данный договор гораздо больше отражал партнерские отношения СССР и Германии, но все же по факту фиксировал уже де-факто существующее положение вещей в Польше.

В дальнейшем, вплоть до лета 1941 г. отношения между странами были корректными, на официальном уровне даже дружескими. Например, Гитлер и Сталин обменивались поздравительными рождественскими телеграммами, фюрер, инструктируя военного атташе Г. Ашенбреннера, называл СССР дружественным государством, которое очень помогло Германии в войне на западе [11] (имелись в виду поставки необходимого немцам сырья), а В. Молотов желал успехов германскому оружию при начале операции «Везерюбунг» (вторжение в Норвегию и Данию). Выступая на сессии Верховного Совета СССР 30 сентября 1939 г. нарком иностранных дел заявил, что Англия и Франция являются поджигателями войны, тогда как Германия стремится к миру. Советский нарком лукавил. Да,

Гитлер был не против заключить мир, о чем он говорил в октябре 1939 г., но при условии полного доминирования Германии в Восточной Европе. Бывали и более практические шаги, например, в январе 1940 г. Ф. Шуленбург попросил у В. Молотова позволения германскому крейсеру заправиться в бухте «Западная Лица» неподалеку от Мурманска и получил положительный ответ [12].

А что с торгово-экономическими делами? Там тоже было не все гладко. Несмотря на деловые отношения, СССР и Германия старались в первую очередь думать о своих нуждах, даже в ущерб нуждам партнера. Иногда это приводило к сложным ситуациям. Так в новогоднюю ночь 1940 г. Сталин провел фактически с послом по особым экономическим поручениям Германии К. Риттером. Вопрос касался поставки железа и СССР ссылался на невозможность поставки обогащенной руды в нужных размерах, хотя ранее в августе 1939 г. эта проблема, казалось, была решена [13]. Спустя семь дней уже посол в Москве Ф. Шуленбург жаловался В. Молотову, что Германия не успеет полностью рассчитаться по поставкам станков в СССР минимум до 1 апреля 1941 г. и попросил сбалансировать торговый баланс [14].

Особенно остро стоял вопрос о поставках военной техники. СССР ждал от Германии корабельных оружий, чертежей башен, а также крейсера «Лютцов». Немцы всячески старались затянуть поставки, обещая поставить за 1,5–2 года вместо 12 месяцев. Дошло до того, что И. Сталин даже немного вспылал, заявив, что партнеры лукавят и относятся к советским предложениям легкомысленно [15]. Обе стороны азартно сражались за то, чтобы получить друг от друга как можно больше. Германия, будучи отрезанной от мировых рынков, нуждалась в сырье (нефть, вольфрам, никель, молибден, зерно), тогда как СССР требовались новейшие станки, современные корабельные орудия и артиллерия, а также оптика. В апреле 1940 г. СССР прекратил поставки зерна в Германию из-за того, что не получил от немцев авиационных двигателей согласно контракту, что по словам Ф. Шуленбурга вызвало в Берлине настоящий переполох [16].

Впрочем, дипломатический конфликт удалось замять, и после приказа Г. Геринга СССР получил нужные товары.

Ситуация стала кардинально меняться после того, как в июле 1940 г. капитулировала Франция. После этого Гитлер стал склоняться к мысли, что советские ресурсы можно не покупать, а просто захватить, используя освободившийся и доселе непобедимый вермахт. Непростые переговоры по ряду политических и экономических вопросов только убеждали фюрера в этом. Так, летом 1940 г. СССР потребовал у Румынии не только Бессарабию, но также Северную Буковину, которая не фигурировала в секретном протоколе к советско-германскому договору о ненападении. Ф. Шуленбург пробовал протестовать, однако советская сторона отклонила протесты. В Москве понимали, что надо торопиться с укреплением западных границ, по возможности отодвигая рубежи дальше от жизненно важных центров. В Берлине же демарш СССР в отношении Румынии был воспринят как доказательство того, что СССР сложно договариваться и долговременных партнерских отношений быть не может. Доподлинно известно, что в конце лета-начале осени начинается планирование агрессии против СССР. Тогда же Германия начала более активно затягивать поставку товаров в СССР.

Ситуацию усугубил визит В. Молотова в Берлин, который состоялся в ноябре 1940 г. Несмотря на то, что германская пресса захлеб рассказывала о взаимовыгодном сотрудничестве, о создании Германией новой континентальной системы на принципиально новых началах и так далее, реально переговоры протекали трудно. Гитлер и Риббентроп во время переговоров с советским комиссаром иностранных дел пытались уйти от решения неудобных практических вопросов, которые неизбежно ставил Молотов, а вместо этого отправить СССР в сторону Персидского залива и Индийского океана. Однако В. Молотов получил совершенно четкие инструкции от Сталина и химеры его не интересовали. Советский нарком поставил три ключевых вопроса: о пересмотре режима проливов посредством изменения конвенции в Монтре от 1936 г., о советских гарантиях Болгарии по аналогии с гарантиями, данными немцами Румынии, а также о

выводе немецких войск из Финляндии. Молотов даже намекнул на то, что СССР готов в перспективе начать новую войну с финнами, на что натолкнулся на серьезное недовольство со стороны Гитлера. Очевидно, что Финляндия рассматривалась уже немцами как будущий союзник против СССР (до окончательного оформления плана «Барбаросса» оставался месяц) и сдавать его Советскому Союзу вновь как по пакту «Молотова-Риббентропа» было нельзя. По остальным вопросам канцлер и министр иностранных дел Германии также дали отрицательные ответы, пусть и в уклончивой форме [17]. Зато Гитлер предложил СССР присоединиться к пакту 3-х, фактически реформировав его до пакта 4-х с закреплением сфер интересов за каждым из подписантов (Италия, Германия, Япония, СССР). Для Германии, по-видимому, это было отвлекающим маневром, чтобы снизить бдительность советской дипломатии и не дать понять, что готовится разрыв отношений в ближайшее время. В пользу этого говорит тот факт, что немцы никогда больше первыми не возвращались к данному вопросу. Надо отметить, что советское руководство достаточно серьезно отреагировало на данное предложение и еще примерно два месяца обсуждало вопрос о присоединении к державам «оси» на уровне посольств.

И все же нельзя сказать, что Сталин и Молотов были довольны переговорами, скорее наоборот. Если после первой беседы с Гитлером, где обсуждались скорее теоретические вопросы, В. Молотов сообщал в Москву, что «видно стремление немцев улучшить отношения с нами», то после второй беседы с фюрером, когда Гитлеру были заданы конкретные практические вопросы от наркома, настроение Молотова изменилось. Так, Вячеслав Михайлович телеграфировал в Кремль, что «похвастать нечем, но по крайней мере выявил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться» [18].

В 1941 г. советско-германские отношения начали неуклонно ухудшаться. Советская сторона крайне негативно восприняла ввод германских войск в Болгарию, а также вторжение Германии в Югославию, с которой за несколько дней до вторжения был подписан союзнический договор. В свою очередь, подписание СССР договора с правительством Д. Симовича, которое свергло

прогерманское правительство принца-регента Павла, стало еще одним аргументом в пользу того, что откладывать вторжение в СССР больше не нужно.

Экономические отношения в свою очередь неуклонно снижались, о чем свидетельствуют неоднократные демарши со стороны советских дипломатов, дававших знать о срыве немцами контрактов. Частыми стали случаи нарушения советско-германской границы. Все эти случаи были зафиксированы и нарком иностранных дел В. Молотов только в мае 1941 г. имел четыре беседы с Шуленбургом по этому поводу. Впрочем, слухи о предстоящей войне между государствами распространялись уже на всех уровнях, так что советское руководство также начало де-факто снижать поставки сырья в Германию.

Какой же вывод можно сделать из развития советско-германских отношений? Очевидно, что СССР и Германия, не являвшись полноценными союзниками, оказались очень выгодными друг для друга экономическими (в первую очередь) партнерами. СССР модернизировал свою промышленность и армию, тогда как Германия избежала экономической блокады. К 1941 году стало ясно, что партнеры все меньше нуждаются друг в друге, а политические интересы настолько разные, что пакту о ненападении осталось жить недолго. В некотором смысле обе стороны подготовили своего будущего врага к войне друг с другом.

Примечания

1. Документы внешней политики СССР. Т.16. – М., 1960. – С. 120.
2. *Розанов Г. Л.* Сталин – Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941. – М., 1991. – С. 46.
3. *Фалин В.М.* Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией. – М., 2009. – С. 41.
4. *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР 1939–1945 гг. – М., 2020. – С. 43.
5. *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. – М., 2020. – С. 547.
6. *Иванов А.Г.* Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. – М., 2014. – С. 305.

7. *Кремлев С. Т.* Россия и Германия: Путь к пакту. – М., 2004. – С. 420.
8. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записки начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т.1. – М., 1961. – С. 108.
9. *Широкорад А. Б.* Великий антракт. – М., 2008. – С. 310.
10. *Макарчук В. С.* События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь». Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией. – М., 2009. – С. 124.
11. *Бушуева Т. С.* СССР - Германия: Тайное сотрудничество (20–30-е годы). Малоизвестные документы архивов России. Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов 20 столетия. – М., 2004. – С. 140.
12. *Документы внешней политики 1940–22 июня 1941.* – М., 1995. – Т.1. – С. 25.
13. Там же. – С. 7.
14. Там же. – С. 58.
15. Там же. – С. 209.
16. Там же. – С. 115.
17. *Документы внешней политики 1940–22 июня 1941.* – М., 1998. – Т.2. – С. 111.
18. Там же. – С. 80.

Я.Н. Войтова-Долгих
(г. Краснодар, Российская Федерация)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОЛГАРО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС

Аннотация. В статье освещаются некоторые аспекты болгаро-германских взаимоотношений, особое внимание уделяется переговорам между Германией и Болгарией накануне и в начале Второй мировой войны. Еще накануне войны начала обозначаться линия болгарского руководства на постепенное сближение с Германией и тому было много причин. Болгария надеялась на возвращение Южной Добруджи Румынией, получение выхода к Эгейскому морю от Греции, а также присоединение Вардарской Македонии.

Особое внимание в статье уделяется македонскому вопросу и попыткам его решения в годы Второй мировой войны. В годы Второй

мировой войны Вардарская Македония, входившая в состав Югославии, была оккупирована Болгарией, являвшейся союзницей фашистской Германии. Освободительная борьба македонского народа привела к активизации Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) и созданию планов по образованию Независимой Республики Македония.

Задача данной статьи – обозначить основные моменты во взаимоотношениях Германии и Болгарии накануне и в годы Второй мировой войны, а также показать роль македонских территорий в этих взаимоотношениях.

Ключевые слова: Германия, Болгария, македонский вопрос, царь Борис III, Советский Союз, Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО), Антифашистское собрание по народному освобождению Македонии (АСНОМ).

Y.N. Voitova-Dolgikh
(Krasnodar, Russian Federation)

CERTAIN ASPECTS OF BULGARIAN-GERMAN RELATIONS DURING THE TIME OF WORLD WAR II AND THE MACEDONIAN QUESTION

Abstract. The article covers some aspects of Bulgarian-German relations. Special attention is paid to the negotiations between Germany and Bulgaria on the eve and at the beginning of the Second World War. Even on the eve of the war, the line of the Bulgarian leadership for a gradual rapprochement with Germany began to be outlined, and there were many reasons for this. Bulgaria hoped for the return of Southern Dobrudja from Romania, obtaining access to the Aegean Sea from Greece, as well as the joining of Vardar Macedonia.

The article pays special attention to the Macedonian question and attempts to solve it in the period of the Second World War. At that time, Vardar Macedonia being a part of Yugoslavia, was occupied by Bulgaria, which was an ally of nazi Germany. The liberation struggle of the Macedonian people led to the activation of the Internal Macedonian Revolutionary Organization (IMRO) and the creation of plans for the formation of an Independent Republic of Macedonia.

The purpose of this article is to indicate the main points in the relations between Germany and Bulgaria on the eve and during the Second World War, as well as to show the role of the Macedonian territories in these relations.

Key words: Germany, Bulgaria, Macedonian question, tsar Boris III, the Soviet Union, the Internal Macedonian Revolutionary Organization (IMRO), Anti-Fascist Assembly for the National Liberation of Macedonia (AFANLM).

Как известно, во Второй мировой войне Болгария выступила на стороне фашистской Германии.

Еще с середины 1930-х гг. внешняя политика Болгарии была определена международной обстановкой, в которой становилось все более очевидным, что Германия готовится к началу войны. Германия стремилась проникнуть на Балканы, усиливая свое экономическое и идеологическое влияние. Балканы в очередной раз становились «камнем преткновения» и объектом ожесточенной борьбы между Германией, ее союзницей Италией, Великобританией, Францией, а также Советским Союзом за установление там своего преобладающего влияния [1].

Дипломатическое влияние велось со всех сторон, но болгарское правительство и царь Борис III не торопились с тем, чтобы примкнуть к одной из стран, занимая выжидательную позицию. При этом правительство Болгарии понимало, что напряженная международная обстановка и геополитическое положение страны не позволят ей долго оставаться в стороне от разгорающегося международного конфликта.

Пытаясь лавировать в сложном лабиринте международных отношений, царь Борис ориентировался в первую очередь на решение своих территориальных проблем, поэтому его взгляд был направлен как в сторону Германии, так и Советского Союза.

В начале 1941 г. Гитлер планировал наступление на Грецию и Югославию, поэтому болгарская территория имела большое значение в этих планах – в качестве плацдарма для нападения.

По мнению многих современных историков, у царя Бориса III была дилемма – подвергнуть страну оккупации или стать союзником Германии.

О трудном выборе царя Бориса III и основных причинах перехода Болгарии на сторону Германии написано немало исследований. Достаточно аргументированно, на наш взгляд, изложены основные причины в статье Е.Л. Валева, где автор обосновывает трудный выбор царя Бориса III и поэтапно

освещает проблему присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. [2]. По мнению Е.Л. Валева, царю Борису III удалось свести выполнение Болгарией обязательств по отношению к Германии к минимуму. С точки зрения царя Бориса, присоединение к Тройственному пакту можно было оправдать только одной исторической задачей – национальным объединением (имелось в виду присоединение Западной Фракии, т.е. греческой части Македонии). Е.Л. Валева отмечает, что в годы войны Болгария имела другие условия, чем остальные страны региона. Болгарии удалось значительно (хотя, как оказалось впоследствии, временно) увеличить свою территорию, в первую очередь присоединив часть Македонии, Северной Греции и Сербии. Также автор отмечает, что Болгария практически не участвовала в военных действиях, сохраняя известную самостоятельность во внутренней и даже во внешней политике, оставалась весьма «своенравным» союзником «Третьего рейха». При этом царь Борис III учитывал русофильские настроения болгарского народа и поэтому Болгария, единственная из германских сателлитов, сохраняла дипломатические отношения с СССР на протяжении почти всей войны и, несмотря на нажим Гитлера [3].

Следует отметить, что Германия официально предложила Болгарии присоединиться к Берлинскому пакту в октябре 1940 г. И сразу после этого немцы начали подготовку к переоборудованию портов Варна и Бургас для размещения там боевых кораблей.

В конце 1940 – начале 1941 гг. в Болгарию была направлена специальная группа советников люфтваффе, чтобы заняться подготовкой болгарских аэродромов к приему немецких самолетов. С этого времени в Болгарии началось активное строительство новых аэродромов, число которых должно было увеличиться до 50. В январе 1941 г. в Софии была открыта специальная немецкая транспортная служба и 24 объекта транспортной инфраструктуры были взяты под охрану немецкими военными.

1 марта 1941 г. Болгария официально присоединилась к пакту «Рим-Берлин-Токио», о чем были подписаны документы в Вене.

Согласно германскому плану нападения на Югославию, было предусмотрено вступление болгарских войск в Македонию и Сербию. В этих целях германское военное командование направило Генеральному штабу Болгарии разработанную программу участия болгарских войск в оккупации Югославии и Греции.

6 апреля 1941 г. германская авиация нарушила воздушное пространство Югославии, особенно ожесточенной бомбардировке подвергся Белград. В тот же день произошло нападение на Югославию 51-й дивизии, в которую входили германские, итальянские, венгерские, военные силы [4]. Как известно, югославская армия к началу военных действий не успела подготовиться, всеобщая мобилизация была объявлена только на второй день войны, что привело к полному захвату и безоговорочной капитуляции Югославии за неполных 10 дней.

В планах А. Гитлера была быстрая ликвидация Югославии как государства, Македония имела первостепенное стратегическое значение благодаря своему географическому положению.

Во время югославской компании состоялась встреча болгарского царя Бориса III и А. Гитлера, в ходе которой решалась будущая судьба Македонии. В воспоминаниях личного пилота Гитлера, обергруппенфюрера СС Ганса Баура подробно изложены основные события этой встречи. Как описывает Г. Баур в своих воспоминаниях, перед окончанием югославской компании царь Борис III, облачившись в свой парадный мундир, полетел на встречу с Гитлером. После этой встречи, поздно вечером, царь Борис очень спешил вернуться обратно в Софию, поскольку хотел как можно быстрее объявить по радио болгарскому народу о том, что Гитлер пообещал ему Македонию. Вместе с царем Борисом находился и премьер-министр Болгарии, который также спешил в Софию, чтобы созвать заседание кабинета министров и сформулировать свою позицию относительно предложений Гитлера по передаче Македонии. В

воспоминаниях Г. Баур особенно отмечает, что передача Македонии была воспринята царем Борисом III как очень радостное событие, в честь которого глава службы протокола фон Дёрнберг устроил для царя Бориса чудесный праздник. Сам же Борис III говорил, что болгары будут к нему снисходительны, когда услышат его обращение к ним по радио [5].

18 апреля 1941 г. Королевскому генеральному штабу Болгарии было направлено письмо командующего германской 12-й армией о вступлении болгарских войск в Македонию [6]. Согласно этому документу, подписанному начальником Генерального штаба Гансом фон Грейфенбергом, фюрер разрешал болгарским войскам вступать во Фракию, на территорию Югославии, а также на македонские территории в направлении Вардара и до греческой границы. Болгарские части находились в подчинении германской 12-й армии. При этом Германия оставляла за собой право в наступлении на территории Кюстендил – Скопье, Горна-Джумая – Велес – Скопье. Также, особым пунктом отмечалось, что болгарские войска должны были самостоятельно снабжаться продовольствием, горючим и т.д. Но все военные трофеи (военнопленные, вооружение, оснащение, хозяйственные запасы, транспортные средства и т.д.) принадлежат без исключения германским войскам. Болгарские войска обязывались только лишь оказывать помощь в процессе сбора и хранения этих трофеев [7]. Связь с болгарским командованием в Македонии должна была поддерживаться главным командованием Германии 50-го армейского корпуса в Скопье. Также германское командование направило просьбу Королевскому генеральному штабу Болгарии известить какие болгарские части назначены осуществить оккупацию Македонии и Фракии, оповещать о путях следования, временных пунктах размещения болгарских войск, о начале выступления и выполнении ежедневных заданий [8]. Исходя из этого документа, очевидно, что болгарская армия должна была по каждому пункту согласовывать свои действия с германским командованием и строго выполнять все его распоряжения, при этом выполняя захват территорий, болгары обязывались все трофеи отдавать в пользу Германии.

21 и 22 апреля 1941 г. в Вене министры иностранных дел Германии и Италии на основе директивы А. Гитлера утвердили раздел югославской государственной территории. Болгария, как союзница, получала большую часть македонских территорий, без городов Тетово, Гостивар, Кичево, Струга и Дебар, которые были отнесены к так называемой «Великой Албании» под итальянским протекторатом.

Согласно приказу германской ставки от 18 апреля 1941 г., части 5-й болгарской армии под командованием генерала Н. Михова приступили к оккупации Македонии и к 24 апреля 1941 г. заняли предоставленную Болгарии часть македонской территории [9]. Остальную часть македонских земель заняла 5 болгарская армия (4 дивизия) под командованием генерал-лейтенанта В. Бойдева. Тогда же из Македонии были принудительно депортированы 56 тыс. сербов. Кроме того, 19 тыс. македонцев были отправлены на работу в Германию и Италию, 25 тысяч – в Болгарию. Около 7 тыс. евреев, проживавших в македонских землях, были угнаны на территорию Польши, откуда были сосланы в концлагерь «Треблинка» [10].

24 апреля 1941 г. министр иностранных дел Болгарии И. Попов и немецкий дипломат К. Клодиус подписали секретное соглашение между Германией и Болгарией (договор Клодиус – Попов), согласно которому нацистская Германия получила право разработки месторождений и добычи полезных ископаемых в Болгарии, а Болгария обязалась выплатить долги Югославии перед нацистской Германией и взять на себя расходы по содержанию немецких войск в Болгарии [11].

26 апреля 1941 г. болгарское правительство издало приказ № 1, в котором объявлялось населению области Скопье о том, что с этого дня на территории устанавливается власть Болгарского царства. Оккупированная часть Македонии в административном отношении была разделена на области – Скопье и Битолы – в качестве высших территориально-административных единиц, к компетенции которых относились нижестоящие единицы – районы и общины. На македонских территориях, находящихся под властью Болгарского царства, вступили в силу все гражданские и административные законы

Болгарии. На местах устанавливалась болгарская власть, болгарские законы действовали на подведомственных территориях. Македонскому населению приказывалось сохранять полное спокойствие, продолжать хозяйственную деятельность, оказывать полную и безоговорочную поддержку болгарским властям [12].

С сентября 1940 г. по апрель 1941 г. к Болгарии были присоединены территории 42 466 км² с населением 1,9 млн чел. В результате была образована так называемая «Великая Болгария», которая включала территории от Черного до Эгейского моря. Нацистская Германия в качестве благодарности передала Болгарии 11 трофейных югославских бомбардировщиков Do-17Кв-1, а также 40 французских танков R-35 [13].

Болгарским царством присоединение македонских территорий, которые они называли «чисто болгарской землей», воспринималось как важный историко-политический факт, требующий установления духовного единства в пределах вновь установленных границ Болгарии. Об этом свидетельствует распоряжение управляющего областью Скопье Антона Козарова от 18 июня 1941 г. [14]. В распоряжении отмечалось, что «особая роль в процессе духовного объединения и перевоспитания освобожденных болгар» (т.е. македонцев), отводилась чиновнической интеллигенции, которая по мнению болгарского правительства, должна была справиться с этой тяжелой и ответственной задачей [15]. В этом распоряжении представители болгарских властей называли македонский народ «вновь освобожденными болгарскими», которые на протяжении многих десятилетий подвергались воздействию завоевателей (имеется в виду сербов). В противовес «безнравственным сербским чиновникам, болгарский государственный чиновник должен был подавать пример трудолюбия, добропорядочности, воспитанности и нравственности» [16].

После нападения на Советский Союз Гитлер неоднократно пытался оказывать давление на царя Бориса III, убеждая его в необходимости отправки болгарских войск на Восточный фронт. Но, как уже отмечалось выше, царь Борис III пытался уклоняться от этих действий, принимая во внимание прорусские настроения

в Болгарии. После объявления войны США и Великобритании в декабре 1941 г. Болгарией, царь Борис предоставил в распоряжение Германии экономические ресурсы своей страны.

При этом болгарское правительство усиливало экономическое давление на присоединенные македонские земли. В мае 1942 г. в македонской подпольной газете «Вестник» партийной организации в Скопье была напечатана статья о терроре болгарских оккупантов в Македонии. В статье говорилось, что по германскому распоряжению болгарские власти проводили среди македонцев насильственный сбор меди и шерсти, которые были так необходимы для нужд германской армии [17]. На присоединенных македонских землях вводились специальные законы, ограничивающие все права македонского населения, велась активная проболгарская пропаганда, была изменена финансовая система – югославские динары были заменены болгарскими левами. Помимо этого, активную пропаганду проводила болгарская церковь, в македонских епархиях были назначены болгарские митрополиты. Проводилась активная ассимиляция македонского народа. Обучение в школах проводилось болгарскими учителями, насаждающими болгарский язык и культуру [18].

На оккупированных территориях были созданы органы гражданской администрации (в том числе полиция), а также военизированные формирования «Охрана» из местных сторонников. На этих землях был создан Болгарский оккупационный корпус (три пехотные дивизии, флотилия, ряд отдельных частей), численность которого к концу 1943 г. составляла около 58 тыс. человек. Корпус находился в подчинении командующего немецкой группой армий «Е» [19].

В октябре 1942 г. в Бюллетене Главного штаба Народно-освободительных партизанских отрядов Македонии № 1, 2 была напечатана статья о тяжелом положении македонцев и фашистском терроре в стране. В статье звучали призывы дать отпор кровавому фашистскому террору, вступать в партизанские отряды, которые формировались в то время на всей территории Македонии и совместными усилиями сплотиться в борьбе с врагом [20]. Вооруженное противостояние македонского народа

проявилось в создании партизанских отрядов и военных формирований. Если в 1941 г. в Македонии было 3 партизанских отряда, то в течении 1942 г. их число увеличилось до 9.

Распространение фашистской оккупационной системы мобилизовало организацию освободительного антифашистского движения в Македонии и привело к образованию Антифашистского собрания по народному освобождению Македонии (АСНОМ) весной – летом 1944 г. [21].

Весной 1944 г. (апрель-июнь) велась ожесточенная борьба с германскими и болгарскими войсками, а также с формированиями албанских фашистов в некоторых районах долины реки Вардар, в Западной Македонии и Южной Сербии. Эта борьба в македонской историографии известна под названием «Весеннее наступление». После завершения этого наступления практически Македония была освобождена. На освобожденных территориях развивалась полноценная жизнь, в первую очередь стабилизировалась народная власть и политические организации.

Осенью 1944 г. вся территория Македонии была освобождена от войск Германии и ее союзников – во многом благодаря переходу Болгарии на сторону антигитлеровской коалиции и действиям левого сопротивления – партизан, руководимых И.Б. Тито в Вардарской Македонии, а также партизан, руководимых болгарскими коммунистами в Пиринском крае, греческих левых сил в Эгейской Македонии [22].

Подводя итог следует отметить, что македонский вопрос занимал особое место в болгаро-германских взаимоотношениях в годы Второй мировой войны. Болгария, не желавшая отказываться от своих территориальных притязаний на Македонию, Фракию и Добруджу, объединилась с фашистской Германией и державами оси. Осуществив свою давнюю мечту и присоединив Македонию, болгарское правительство установило на македонских территориях жесткий фашистский режим, выкачивая ресурсы для передачи их Германии. После Сентябрьского переворота 1944 г. правительство Отечественного фронта в Болгарии признало национальную особенность

македонцев и были созданы условия для полного проявления волеизъявления македонского народа.

31 декабря 1946 г. Народная Республика Македония на принципах полного равноправия с другими народами Югославии вошла в состав Федеративной Народной Республики Югославии.

Примечания

1. *Генчев Н.* Внешнеполитическая ориентация Болгарии в период Второй Мировой войны. Кн. III, Т. XI. – София, 1979. – С. 23.

2. *Валева Е.Л.* Трудный выбор царя Бориса III: к проблеме присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnyy-vybor-tsarya-borisa-iii-k-probleme-prisoedineniya-bolgarii-k-troystvennomu-paktu-v-1941-g> (дата обращения: 19.07.2022).

3. Там же.

4. Македонија во борбата против фашизмот // Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. – Саратов, 2003. – С. 74.

5. *Баур Г.* Личный пилот Гитлера. Воспоминания обергруппенфюрера СС. 1939–1945 // URL: <https://biography.wikireading.ru/125699> (дата обращения: 09.06.2022).

6. Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. – Т. 2. – Скопье, 1985. – С. 319–320.

7. Там же. – С. 320.

8. Там же.

9. Там же. – С. 327.

10. Македония. Территория раздора // URL: <https://topwar.ru/178438-makedonija-territorija-razdora.html> (дата обращения: 09.08.2022)

11. Движение сопротивления в Болгарии // URL: <https://www.bulcar.ru/9may/> (дата обращения: 08.08.2022).

12. Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. Т. 2. – Скопье, 1985. – С. 327.

13. *Кузнецов Р.* История ВВС Болгарии. Часть 2. Болгарские ВВС во Второй мировой войне // URL: <https://topwar.ru/60305-istoriya-vvs-bolgarii-chast-2-bolgarskie-vvs-vo-vtoroy-mirovoy-voyne-1939-1945-gg.html> (дата обращения: 31.08.22)

14. Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. – Т. 2. – Скопье, 1985. – С. 327–328.

15. Там же. – С. 328.

16. Там же. – С. 328–331.

17. Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. Т. 2. – Скопье, 1985. – С. 350–351.

18. *Чакарјаневски Г.* Главниот штаб и државноста на Македонија:

(1941–1945). – Скопје, 2001. – С. 31–32.

19. *Митровски Б., Глишич В.* Болгарская армия в Югославии 1941–1945. – Белград, Международная политика, 1971. – С. 46.

20. Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. – Т.2. – Скопье, 1985. – С. 358–360.

21. *Войтова-Долгих Я.Н.* Фашистская оккупация Македонии и ее новый передел // Синергетика образования № 2 (18). 2010. – С.107.

22. *Лукин П.Е., Сафонов А.А., Ямбаев М.Л.* Македония. Очерк истории // Кондаков Н.П. Македония. Археологическое путешествие. – М.: Индрик, 2019. – С. 611–612.

А.Д. Гронский

(г. Москва, Российская Федерация)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕМЕЦКОМ ОККУПАЦИОННОМ РЕЖИМЕ И БЕЛОРУССКОМ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМЕ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ, ИЗДАНЫХ В 2019 И 2021 ГГ.

Аннотация. В статье анализируется содержащаяся в белорусских школьных учебниках истории информация, посвященная образу немецкого оккупационного режима в БССР и взглядам на белорусских коллаборационистов. Обращается внимание на то, что в учебнике, изданном в 2019 г., информация о белорусском коллаборационизме отсутствует.

Ключевые слова: школьный учебник истории, Белоруссия, Великая Отечественная война, коллаборационизм, нацистская Германия, бело-красно-белый флаг.

A.D. Gronsky

(Moscow, Russian Federation)

REPRESENTATION OF THE GERMAN OCCUPATION REGIME AND BELORUSSIAN COLLABORATION IN SCHOOL TEXTBOOKS ON THE HISTORY OF BELORUSSIA, PUBLISHED IN 2019 AND 2021

Abstract. The article analyzes the information contained in Belorussian school history textbooks on the image of the German occupation regime in the BSSR and views on Belorussian collaborators. Attention is drawn to the fact that there is no information about Belorussian collaboration in the textbook published in 2019.

Key words: school history textbook, Belorussia, the Great Patriotic War, collaboration, Nazi Germany, white-red-white flag, «own strangers», «external strangers».

В белорусской школе обучение истории происходит в двух концентриках. Сначала история представляется с упором на факты, даты, имена, а в старших классах – на более высоком теоретическом уровне, который призван создать понимание сути исторического процесса. Таким образом, история Великой Отечественной войны изучается в 9-м и 11-м классах. С 2014 г. по 2021 г. сформировалась новое поколение учебников. По сравнению с прошлым поколением учебников, в ряде моментов заметны изменения, связанные не только с получением наукой новых данных, но и с идеологическими требованиями официальных властей.

В процессе выпуска учебников поколения 2014–2021 гг. в Белоруссии произошло событие, серьезнейшим образом повлиявшее на отношение к собственной истории, символам, властям и т.д. Этим событием стали массовые протесты 2020 г. против итогов президентских выборов. Все учебники истории поколения 2014–2021 гг., за исключением одного, были выпущены до протестов. Единственный выпущенный после протестов учебник по отечественной истории – это учебное пособие по истории Белоруссии для 11 класса. В нем отразились те идеологические изменения, которые стали актуальными для властей после протестов 2020 г. Именно поэтому представляется интересным сравнить учебники, описывающие события Великой Отечественной войны, изданные до и после протестов. Великая Отечественная война является достаточно значимым событием в коллективной исторической памяти, поэтому пропаганда активно использует память о войне для создания позитивных или негативных ассоциаций в современности.

В конце августа 2019 г. в журнале администрации белорусского президента «Беларуская думка» вышла статья «К вопросу об исторической политике» [1]. В ней академические ученые и члены белорусского Совета безопасности обсуждали вопросы, связанные с политикой репрезентации прошлого. В статье были перечислены 14 приемов «искажения исторического прошлого белорусского народа». Под номером 12 был указан следующий прием: «Создание образа борцов за национальные интересы белорусского народа из белорусов-коллорационистов периода Великой Отечественной войны. А также отрицание того, что борьба с нацистскими захватчиками на территории Беларуси носила всенародный характер» [2].

Учебник для 9 класса был подписан в печать 9 сентября 2019 г., т.е. в нем требования исторической политики не должны были быть отражены. Тем более, что написан учебник был на несколько месяцев раньше, т.к. перед изданием необходимо было пройти процедуру рецензирования.

Этот учебник содержит целый раздел, состоящий из нескольких параграфов, посвященный событиям Второй мировой и Великой Отечественной войн. Авторы учебника стремятся представить школьникам не только знания о войне, но и сформировать эмоциональное отношение к событию. В частности, в параграфе, обобщающем данный раздел, в первом же задании сказано: «Выскажите свое отношение, в том числе эмоциональное, к обозначенным на "ленте времени" историческим событиям (процессам) и объясните его» [3]. Таким образом, авторы учебника допускают эмоциональное отношение к событиям в процессе постижения материала.

Естественно, что повествование о любой войне подразумевает указание на наличие противника, являющегося «чужим». Поскольку противник пришел из-за границы, он предстает «внешним чужим». Эти «чужие» не разделяют «наших» идей, «нашего» видения мира и стремятся все это разрушить. Например, учебник белорусской истории для 9 класса указывает, что «главными целями нацистской Германии в войне против Советского Союза являлись расширение жизненного пространства для германской нации за счет присоединения

восточных территорий, разрушение советского государственного и общественного строя, онемечивание населения и физическое уничтожение значительной его части» [4].

В русском языке название коренного населения Германии происходит не от названия страны. Поэтому достаточно легко понять, когда речь идет о людях или институтах, определяемых через принадлежность к государству (например, германские войска), а когда о людях, определяемых через этничность (немцы). В учебнике для 9 класса достаточно часто встречается упоминание определений «внешнего чужого» не через этнические категории: «гитлеровские войска», «нацистская Германия», «германская нация», «Гитлер», «гитлеровское командование», «враг», «противник», «германское командование», «вооруженные силы Германии», «германские войска», «фашистские танки», «нацисты», «германский “новый порядок”», «германские захватчики», «германский оккупационный режим», «арийская раса», «оккупанты», «германские солдаты и офицеры», «германские оккупанты», «гитлеровцы», «захватчики», «оккупационные власти», «войска противника» [5].

Лишь иногда вместо определений, связанных с политическим режимом Германии, собственно государством или его лидером, появляются маркеры этничности – упоминание немцев: «группа немецких танков и автомобилей», «необходимость расширения “жизненного пространства” для немцев», «привилегированные слои немецкого общества», «немецкие фабриканты и заводчики» [6].

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев «внешние чужие» рассматриваются не через призму этничности (немцы), а через призмы антагонизма (противник, враг и т.д.), идеологических определений (нацисты, арийская раса и т.д.), правившего на тот момент политического лидера (гитлеровские войска и т.д.) или через призму государственной принадлежности (германские войска, германское командование и т.д.). Можно предположить, что такая частотность упоминания должна подчеркнуть отсутствие претензий за геноцид к немцам как этносу и подчеркивания того, что вина лежит на политических

лидерах и носителях нацистской идеологии. Хотя, скорее, это всего лишь использование разнообразных синонимов. В параграфе приведено письмо девочки-подростка, которая описывает свое положение в период оккупации. В письме используются исключительно этнические характеристики: «немецкая неволя», «немецкие кровопийцы», «немецкий барон» [7]. Стоит отметить, что в учебнике письмо приведено с купюрами. В его полной версии упоминаются «немец Шарлэн», «проклятые, жестокие немцы», а также страна – Германия, «проклятая Германия», «проклятая немецкая земля» [8]. Т.е. очевидец в первую очередь пользуется этическими маркерами для описания «внешнего чужого».

Действия «внешних чужих» описываются достаточно однозначно: «Главным средством осуществления своих целей оккупанты сделали политику геноцида» [9]. Этой политике посвящен подпараграф в рамках параграфа, рассказывающего об оккупационном режиме. В подпараграфе есть блок, посвященный холокосту, блок, рассказывающий о концентрационных лагерях и блок, в котором упоминается положение детей на оккупированной территории. Целый абзац посвящен мемориалу «Красный берег» [10]. На этом месте во время войны немцы создали сборный пункт для детей 8–14 лет, которых отправляли в Германию в качестве доноров крови. Мемориал представляет собой «мертвый класс» – пустые бетонные парты и школьную доску перед которыми расположена фигура девочки. А возле нее размещен текст предсмертного письма 15-летней Кати Сусаниной из г. Лиозно Витебской области. Один из вопросов к параграфу просит охарактеризовать отношение оккупантов к детям [11]. В подпараграфе «Белорусские остарбайтеры» также упомянуто о детях: из 385 тыс. человек вывезенных в Германию с территории БССР, 24 тыс. являлись детьми [12].

В целом, «внешние чужие» представлены не просто как захватчики, а как ответственные за геноцид. Но в учебнике для 9 класса, изданном в 2019 г., есть очень показательный момент. Авторы учебника вообще не упоминают о «собственных чужих» – белорусских коллаборационистах, поддержавших оккупационный режим. Тема коллаборационизма в Белоруссии

не табуирована. Также стоит отметить, что в предыдущем поколении учебников коллаборационизм упоминался. Так, в учебниках 2009 г. (тогда в Белоруссии была попытка создать альтернативные учебники, поэтому их было два, но в реальности пользовались все равно одним, второй практически не был распространен) коллаборационизм описан достаточно критически. В основном учебнике указано, что коллаборационисты использовали герб «Погоня», бело-красно-белый флаг и приветствие «Жыве Беларусь!» [13]. В альтернативном учебнике издания 2009 г. указано, что руками коллаборационистов было уничтожено еврейское население БССР [14]. Но в учебнике нового поколения для 9 класса упоминание коллаборационизма исчезло из текста вообще.

Это отсутствие информации о коллаборационизме и его символах совпало с обострением российско-белорусских отношений и активными заявлениями о белорусской многовекторности. После 2014 г. белорусские власти начали проводить политику, направленную на резкое сближение с Западом, дистанцирование от России и противодействие российско-белорусским интеграционным процессам.

Это выразилось и на символическом уровне. Так, фактически властями был легализован бело-красно-белый флаг. Если ранее, с 1995 г. этот флаг рассматривался как оппозиционный, то после событий 2014 г. в Крыму и на Донбассе, власти постепенно перестали противодействовать распространению оппозиционной символики, как узнаваемого символа антироссийского дискурса. В 2018 г. государство позволило белорусской оппозиции провести торжества по случаю 100-летия объявления Белорусской народной республики, но в 2019 г. массовых мероприятий, посвященных столетию БССР, не проводилось. Хотя государственная символика Белоруссии после 1995 г. опирается на символику именно БССР, а не БНР, а современная белорусская государственность идеологически рассматривается как проистекающая из БССР и имеющая больше признаков, характерных именно для БССР, чем для БНР. Таким образом, усилиями государства бело-красно-белый флаг перестал ассоциироваться исключительно с оппозицией. Учебник для

9 класса был издан в 2019 г. Это было время достаточно жесткого противостояния с Россией и стремления опереться на Запад, как на силу, которая позволит и далее сопротивляться российско-белорусской интеграции. В 2017 г. официальный Минск поддержал украинское заявление против России на сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ, а в 2018 г. США назвали Белоруссию «бастионом против российского неоимпериализма» (Подробнее о дрейфе Белоруссии на Запад и антироссийских действиях властей см.: [15]). В 2019 г. бело-красно-белый флаг воспринимался властями Белоруссии как один из символов сопротивления российско-белорусской интеграции. Поскольку это было актуально, то данная символика в глазах подрастающего поколения, читающего школьный учебник, не должна была нести на себе негатива, поэтому акцентирование связи бело-красно-белого флага с белорусским коллаборационизмом периода Великой Отечественной войны не являлась идеологически правильной для внутренней политики официального Минска того времени. Но в 2020 г. бело-красно-белый флаг стал символом массового противодействия белорусских граждан, недовольных итогами президентских выборов. После этого отношение властей к флагу поменялось на противоположное. Власти вдруг вспомнили, что это полотнище активно использовалось белорусскими коллаборационистами в период войны. Видимо, нежелание властей до августа 2020 г. поддерживать ассоциацию бело-красно-белого флага с коллаборационизмом и повлияло на то, что в учебнике, изданном в 2019 г. про использование бело-красно-белого флага белорусами, служившими оккупантам, вообще не упоминалась, как и о самих коллаборационистах.

Учебник для 11 класса вышел в 2021 г., когда протестная волна уже улеглась. Режим сделал некоторые выводы, в том числе появились разговоры о том, что в активном участии молодежи в протестах не последнюю роль играли школьные учебники истории. В учебник, выпущенный в 2021 г. вернулось упоминание о коллаборационистах. Более того, в нем было акцентировано внимание на некоторые детали, которые должны были создавать ассоциации с протестной активностью 2020 г. В

частности, в учебнике говорилось: «Белорусские коллаборационисты, полицаи носили на левом рукаве униформы бело-красно-белые повязки или шевроны-нашивки в виде бело-красно-белого флажка, на головных уборах – бело-красно-белый околыш и кокарду с "Погоней". Во время торжественных мероприятий использовали бело-красно-белые флаги» [16]. Далее учебник сообщал, чем занимались носители бело-красно-белой символики: «Они участвовали в карательных операциях против партизан и мирного населения, уничтожении евреев в гетто, сожжении белорусских деревень» [17].

Таким образом, авторы учебника, обратили внимание на символику, которую носили коллаборационисты. Эта символика известна всем, кто следил за белорусским кризисом 2020 г., как протестная. Т.е. у школьников может сформироваться ассоциация идейной связи коллаборационистов времен войны и современных протестующих по факту использования единых символов. Однако никаких явных указаний на это в учебнике нет. Более того, об истории создания бело-красно-белого флага учебник также упоминает, и это упоминание абсолютно нейтрально: «Бело-красно-белый флаг впервые появился в 1917 г. Его создателем является архитектор Клавдий Дуж-Душевский. Во время Февральской революции 1917 г. к нему обратились белорусские организации Петрограда с просьбой создать флаг белорусского национального движения. Он предложил несколько эскизов. Среди них был белый флаг как символ Белой Руси. Но поскольку этот цвет был еще и цветом аристократии, капитуляции, добавили красную полосу как символ революции. Первое публичное использование бело-красно-белого флага состоялось весной 1917 г., он был вывешен в Петербурге над зданием Белорусского общества помощи пострадавшим от войны» [18]. Флаг упомянут как символ национального движения, но не указано, что он стал национальным символом белорусов.

Протестующие в 2020 г. помимо красно-бело-красной символики использовали лозунг «Жыве Беларусь!». История бытования этого лозунга в период оккупации также отражена в учебнике на примере описания школьного образования: «С

декабря 1941 г. существовали нормативные предписания, которые регулировали деятельность народных школ. Учебный процесс в школах имел прогерманскую направленность. В каждом классе вывешивался портрет Гитлера, украшенный с двух сторон бело-красно-белыми лентами. Обязательным приветствием были слова "Жыве Беларусь" (как аналог приветствия "Хайль Гитлер" для местных жителей). Перед уроками проводились обязательные беседы о биографии Гитлера, о жизни народов в Новой Европе, победах войск вермахта. Учебные программы были проникнуты расовой идеологией. Обязательной являлась тема "Арийская раса как высшая культурная и цивилизованная раса человечества".

Школы, открытые фашистами на оккупированной территории Беларуси, были элементом нового порядка, который они насаждали» [19]. Таким образом, бело-красно-белые ленты указываются в связке с портретом А. Гитлера, а лозунг «Жыве Беларусь!» приравнивается к нацистскому приветствию.

Этими экскурсами авторы учебника создают образ «собственных чужих» – носителей бело-красно-белой символики, использующих лозунг «Жыве Беларусь!». Причем эти «собственные чужие» являются даже не оппонентами, а врагами, которые совместно с «внешними чужими» применяют геноцид к мирному населению, в том числе и детям.

Немцы же в учебнике 2021 г. описываются так же, как и ранее – через призму антагонизма, идеологических маркеров или государственной принадлежности. Тем не менее, чаще, чем в учебнике для 9 класса, встречаются этнические определения: упоминается о теории расового превосходства немецкой нации, расширении «жизненного пространства» для немцев, немецких фабрикантах, немецких солдатах, немецком фронте, немецком тыле, немецких оккупантах, немецкой армии, немецких военных перевозках [20]. В нескольких случаях в качестве «внешних чужих» упомянуты именно немцы: «немцы вербовали пронацистские элементы», «немцы привезли с собой кадры [...]», «немцы считали эти части ненадежными», «разгром немцев под Москвой» [21]. Т.е. в учебнике для 11 класса авторы достаточно широко используют как этнические, так и иные маркеры для

определения «внешних чужих». Это вряд ли стоит считать сознательной попыткой подчеркнуть этническую принадлежность «чужих», скорее, тут необходимо вести разговор о большом выборе синонимов.

В целом, сравнение учебников истории, выпущенных до и после белорусских массовых протестов указывает на попытку государства скорректировать содержание материала для создания негативного представления о конкретных символах, актуализировавшихся в современности в качестве антирежимных. Однако следует признать, что эти попытки являются лишь косметическими. Они неспособны поменять представление об белорусском историческом процессе, которое сформировалось после распада СССР.

Формирование представлений о «собственных чужих» через описание деятельности белорусских коллаборационистов не поможет создать устойчивую идеологическую конструкцию. У думающих школьников может возникнуть вопрос, почему люди, практиковавшие сотрудничество с немцами в период Великой Отечественной войны, оцениваются негативно, а люди, которые также сотрудничали с немцами, но во время Первой мировой войны, считаются героями и деятелями белорусского национального возрождения. Такие сравнения приводят к мысли, что «правильное» или «неправильное» поведение населения в период военных кризисов определяется не отношением к защите своей Родины, а возможностью использовать фигуры из прошлого в конструировании современной национальной идеологии. Получается, что сотрудничавшие с немецкими оккупантами белорусские националисты в период Первой мировой войны не рассматриваются как «собственные чужие», а те, кто занимался подобными практиками в период Великой Отечественной войны, рассматриваются.

Примечания

1. Коваленя А., Арчаков В., Данилович В., Баньковский А. К вопросу об исторической политике // *Беларуская думка*. – 2019. – № 08. – С. 3–11.
2. Там же. – С. 9.
3. Панов С.В., Сидорцов В.Н., Фомин В.М. *История Беларуси, 1917 г. – начало XXI в.: учеб. пособие для 9-го кл.* – Минск, 2019. – С. 91.

4. Там же. – С. 65.
5. Там же. – С. 65, 66, 68, 70, 71, 76, 80, 81, 86.
6. Там же. – С. 68, 70, 71.
7. Там же. – С. 75.
8. Письмо 15-летней девочки К. Сусаниной с фашистской каторги. 12 марта 1943 г. // Проект «Всемирная история». URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000164/st085.shtml> (дата обращения: 11.12.2021).
9. *Панов С.В., Сидорцов В.Н., Фомин В.М.* Указ. соч. – С. 71.
10. Там же. – С. 73–74.
11. Там же. – С. 75.
12. Там же.
13. История Беларуси, XIX – начало XXI в.: учебное пособие для 11-го класса / *под ред. Е.К. Новика.* – Минск, 2009. – С. 159.
14. *Трашчанок Я.І., Вараб'ёў А.А, Жалюзняк М.М.* Гісторыя Белаўрсі: (кастрычнік 1917 г. – пачатак XXI ст.): вучэбны дапаможнік для 11-га класа. – Мінск, 2009. – С. 121.
15. *Гронский А.Д.* Отношения Белоруссии с Европейским союзом и США (1992–2018 гг.): от дистанцирования к дрейфу на Запад // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 71–97.
16. История Беларуси, XIX – начало XXI в.: учеб. пособие для 11-го кл. / *под ред. А.В. Касовича, А.П. Соловьянова.* – Минск, 2021. – С. 133.
17. Там же.
18. Там же. – С. 25.
19. Там же. – С. 133.
20. Там же. – С. 128, 131, 132, 135, 136.
21. Там же. – С. 132, 134, 135.

РАЗДЕЛ II. НЕМЦЫ И СЛАВЯНЕ: ВОПРОСЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С.А. Манько

(г. Краснодар, Российская Федерация)

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ (АВСТРИЕЙ И ПРУССИЕЙ) И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ИНИЦИАТИВА ПРУССИИ ПО РАЗДЕЛУ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА АВСТРИИ В ОТНОШЕНИИ ГАЛИЦКИХ ЗЕМЕЛЬ

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о причинах, приведших к разделу Речи Посполитой в конце XVIII в. и роли в этом процессе Пруссии. Описывается ситуация, сложившаяся в польском государстве, приведшая страну к национальной катастрофе. Детально показаны действия династии Габсбургов по оккупации Галицких земель.

Ключевые слова: Пруссия, Австрия, Российская империя, конвокационные сеймы, *liberum veto*, Магдебургское право, епископ, идеология «сарматизма», просвещённый абсолютизм, *rutheni*, диссиденты, Барская конфедерация.

S.A. Manko

(Krasnodar, Russian Federation)

RELATIONSHIP BETWEEN THE GERMAN STATES (AUSTRIA AND PRUSSIA) AND THE RUSSIAN EMPIRE IN EASTERN EUROPE AT THE END OF THE XVIII-FIRST HALF OF THE XIX c. PRUSSIA'S INITIATIVE TO PARTITION THE RZECZ POSPOLITA. AUSTRIAN OCCUPATION POLICY TOWARDS THE GALICIAN LANDS

Abstract. This article explores the reasons that led to the partition of the Rzech Pospolita at the end of the 18th century and Prussia's role in this process. It describes the situation in the Polish state, which led the country to a national catastrophe. Actions of the Habsburg dynasty in the occupation of Galicia are shown in detail.

Key words: Prussia, Austria, The Russian Empire, convocation seims, liberum veto, Magdeburg Law, bishop, the ideology of "sarmatism", enlightened absolutism, rutheni, dissidents, Bar Confederation.

Начавшийся в XVIII в. затяжной внутривосточный кризис в Речи Посполитой на фоне усиливающейся мощи соседних государств (Австрии, Пруссии и России) неумолимо вел страну к национальной катастрофе. В отличие от других европейских государств Польша в предыдущие XVI–XVII столетия не вступила в фазу абсолютистского государства, оставаясь сословной монархией со слабой королевской властью. Ни магнаты, ни шляхта не были заинтересованы в централизации государственного управления и усилении власти короля. Этому способствовали огромные богатства, текущие мимо казны в закрома польской элиты с бескрайних русских территорий Речи Посполитой, ранее входивших в состав Великого княжества Литовского.

В то же время преобразования, которые энергично внедряли соседние государства, для Польши были ещё более востребованы и актуальны. Остановка и даже задержка в их проведении грозила стране национальной катастрофой. Однако, вследствие беспрецедентной, исключительной роли лишь одного, шляхетского сословия, Речь Посполитую постоянно лихорадило [1]. Внутригосударственные институты не имели возможности работать эффективно, экономика стагнировала, а внешняя политика оставалась маловыразительной. С Варшавой всё меньше и меньше считались соседние монархии, переживавшие период абсолютизма и активного расширения территорий. Русский историк, профессор С.М. Соловьёв в своём труде «История падения Польши» так описывает эти события: «В ноябре 1772 г. прусский посол в Петербурге граф Гольц представил карту Польши, где был отмечен участок, желаемый Пруссией. "Её Императорскому Величеству всеподданнейше докладываем о домогательствах прусского министра графа Гольца получить ответ на предъявленное со стороны короля его желание, касающееся до приобретения им части земли от Польши. Чертою на карте означенной и до введения войск его в

ту часть. ...Её Величество указала в высочайшем своём присутствии и под собственным Её усмотрением протянуть черту на карте Польской для показания того удела, который предназначается к Всероссийской Империи". Черта была проведена от восточной границы Курляндии, мимо Пинска, через Волынь, к границам Австрийской Галиции.

Прусский удел заключал Познань, Гнезно, Калиш, Серадж, Ленчицу, Честохов, Торн, Данциг.

Екатерина последнее время усердно занималась древнею русскою историею; ей было тяжело, что не все русские области войдут в состав Всероссийской империи и остаются за чужими стольные города знаменитых русских князей (Львов – С.М.), но она рассчитывала, что со временем можно будет выменять их у Австрии на турецкие области» [2].

Проявляя беспокойство всё более ухудшающимся положением православного населения на русских территориях Речи Посполитой, едва заняв трон, императрица Екатерина II в 1764 г. отдаёт приказ о вводе русских войск в Польшу, заставляя подобной демонстрацией силы конвокационный сейм признать равноправие *диссидентов* (православных и лютеран) с католиками [3]. Дело в том, что незадолго до этого решения императрицы, знаменитый своей учёностью епископ Белорусский Георгий Конисский принёс ей жалобу на невыносимые притеснения православных христиан в польских владениях и умолял её вступить за «диссидентов».

В указанном документе он перечислял дискриминационные и репрессивные действия правительства, жертвами которых становились его православные прихожане: о двухстах храмах, отнятых у церкви и переданных униатам; о запрещении реставрировать или восстанавливать разрушенные храмы; о физическом преследовании православных священников, вплоть до их убийства. В этой ситуации Екатерина II не могла отказать в заступничестве единоверцам и вступила в переговоры с Фридрихом Великим. 11 апреля 1764 г. был заключён тайный договор, согласно которому обе стороны условились совместно оказать давление на Польшу с целью разрешения диссидентского вопроса.

Внутриполитическое устройство Речи Посполитой накануне вступления на трон в 1764 г. последнего польского короля и великого князя литовского Станислава II Августа Понятовского (1732–1798 гг.) уже не отвечало требованиям времени, финансовое и экономическое состояние страны было удручающим. Шляхта, являющаяся правящим вооружённым сословием, существовала за счёт эксплуатации крепостного населения и имела *абсолютные права* в государстве.

Города не могли составить ей противовес на государственном уровне, поскольку сословий, представлявших ремесленников, купечество и владельцев мануфактурного производства городов (Магдебургское право вместе с немецкими колонистами и еврейскими переселенцами охватило более 200 городов и городков Великой и Малой Польши – С.М.) в Сейме не было.

Это касалось и бесправного закрепощенного польского крестьянства, которое шляхта называла – *быдлом*, при этом считая себя потомками древних сарматских родов (в тот период среди шляхты была популярна идеология «сарматизма» (Sarmatyzm) – С.М.).

Сейм Речи Посполитой делился на три «сеймовых сословия»: 1 – король; 2 – сенат, в который входили католические архиепископы и епископы, воеводы, представители руководящих органов власти; 3 – «посольская изба», состоявшая из депутатов сейма, выбранных шляхтой на местных сеймиках.

Таким образом, отсутствие сдерживающих государственных и общественных факторов и противовесов, способных нивелировать монопольное положение шляхты, позволяло ей уверовать в свою *исключительность и независимость* даже от короля, за пределами завышать самооценку, не считаться с требованиями общественного блага и интересами государства.

Из изложенного следует, что магнато-шляхетское сословие считало Речь Посполитую территорией *исключительно своих корпоративных интересов*. Король избирался шляхтой на *элекцийном (electio – избрание)* сейме, в то время как сама шляхта выбирала своих послов (депутатов) на провинциальных сеймиках

и давала им наказания. По возвращении они должны были отчитаться перед избирателями.

Сеймы собирались каждые два года. Решения на них принимались лишь при полном единогласии, т.е. практически любой посол мог сорвать жизненно важный для страны закон, наложив на него *право вето (liberum veto)*, либо «*систа актавиратэм*» («*приостанавливаю деятельность*»). В результате с 1652 по 1764 г. из 55 созванных сеймов благополучно закончились лишь 7, остальные 48 были сорваны, а за время царствования короля Августа III (в течение 30 лет, с 1733 до 1763 г.) только один сейм завершился принятием решений.

Соседи Польши, особенно прусский король, подкупая кого-либо из шляхтичей-послов, регулярно срывали сеймы с целью непринятия на них решений, касающихся увеличения армии или подобных, направленных на укрепление обороноспособности страны. При наличии такого законодательного механизма, ни о какой внутривосточной консолидации в Польше не могло быть и речи. Это подтверждают события 1768 г., когда при поддержке католических держав Австрии и Франции консервативная часть магнатов и шляхты во главе с каменецким епископом А.С. Красиньским провозгласила образование в Баре (Подолия) конфедерации (вооружённого союза) против России и своего короля Станислава Августа Понятовского.

Основными целями Барской конфедерации были: сохранение древних прав и привилегий магнатов и шляхты, а также католической церкви, отмена решений сейма, уравнивающих в правах диссидентов с католиками, отказ от политических реформ, исключение влияния России на внутривосточную ситуацию в стране. Деятельность конфедератов-консерваторов спровоцировала гражданскую войну в Польше, восстание гайдамаков в *руських* воеводствах Речи Посполитой и послужила катализатором войны между Россией и Турцией (1768–1774 гг.)

Расчёты конфедератов, противников России, на её ослабление в результате войны с Турцией не оправдались. После её окончания, в июле 1774 г., между Российской и Турецкой империями был подписан Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому

Россия удерживала за собой Керчь, Еникале, Азов и Кинбурн, а также земли между Днепром и Южным Бугом. Ей также предоставлялось право торгового мореплавания по Чёрному морю, строительства портов на Черноморском побережье и прохода торговых судов в Средиземное море.

Итак, кровавые события 1768–1776 гг. закончились полным разгромом польских конфедератов и поражением Турции. Опасаясь остаться без территориальных приобретений, а также ещё большего усиления России, в связи с имеющимися у неё возможностями захвата всех польских земель, входивших ранее в состав Великого княжества Литовского, Пруссия предложила Вене и Петербургу совместно осуществить раздел Польши (первый), который состоялся 17 февраля 1772 г.

По его итогам Пруссии переходили *исконно польские территории* – Западная Пруссия, без Гданьска и Торуня, часть Куявии и Великой Польши (всего 36 тысяч квадратных километров).

Австрии досталась большая часть Червонной Руси со Львовом и Галичем и южная часть Малой Польши с Освенцимом и Тарновым, без Кракова (всего 83 тысячи квадратных километров) [4]. России отошла восточная часть Белоруссии и Чёрной Руси (всего 92 тысячи квадратных километров), т.е. *территории стародавнего государства – Киевской Руси* [5].

При таком геополитическом разделе, произошедшем в конце XVIII в., земли древней Галицкой Руси были включены в состав Австрии, в статусе коронного края с официальным названием *Królestwo Galicji i Lodomerii* (рис. 1, 2).

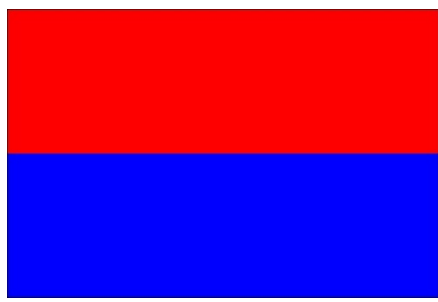

Рис. 1. Флаг Королевства Галиции и Лодомерии

Рис. 2. Герб Королевства Галиции и Лодомерии

Присоединив исконно польские краковские земли к королевству, австрийские власти разделили его на Западную и Восточную Галицию. Польский историк М. Сивицкий пишет по этому поводу: «Таким образом, коренная Галичина стала Восточной Галицией. Другим краем, чем в княжеское время, в значительной мере денационализированным, колонизированным и полонизированным. Несмотря на падение Польши, процесс полонизации, начавшийся агрессией в XIV столетии, развивался и в дальнейшем под австро-венгерской властью. Он был результатом неравной экономической ситуацией двух народов» [6].

Однако, начало австрийских притязаний на эту территорию было положено в далёком 1741 г., когда цесаревна Мария Терезия короновалась венгерской короной св. Стефана и одновременно приняла титул королевы Галиции и Лодомерии. Информацию об этом событии можно найти в польских источниках. «W 1741 roku Maria Teresa koronując się węgierską koroną św. Stefana, przyjęła również tytuł królowej Galicji i Lodomerii. W czasie koronacji wniesiono również sztandary tego królestwa. W 1769 roku cesarzowa włączyła do swojej pieczęci herby Księstwa Halickiego i Księstwa Włodzimierskiego. *Było to związane z zasiadaniem na tronie Księstwa Halicko-Włodzimierskiego węgierskiego króla Kolomana* (курсив наш – С.М.). Pretekst ten wykorzystano do zajęcia przez Austrię części ziem Rzeczypospolitej w 1772 roku w I rozbiórce Polski. Pod koniec

1772 roku ogłoszono wywód uzasadniający prawa Austrii do tych ziem. Autorami wywodu byli hofrat Teodor Antoni Rosenthal, kustosz Adam Kollar i rektor Josef Benczura, nosił on tytuł "Wywód poprzedzający prawa Korony Węgierskiej do Rusi Czerwonej i Podola, tak jako Korony Czeskiej do Księstwa Oświęcimskiego i Zatorskiego"». – «В 1741 г. Мария Тереза, коронуясь венгерской короной св. Стефана, также приняла титул королевы Галиции и Лодомерии. Во время коронации были также внесены знамёна этого королевства. В 1769 г. императрица присоединила к своей печати гербы княжества Галицкого и княжества Владимирского. Это было связано с занятием трона королевства Галицко-Владимирского венгерским королём Коломаном. Этот предлог был использован для занятия Австрией части земель Речи Посполитой в 1772 г. при первом разделе Польши. В конце 1772 г. было объявлено заключение, обосновывающее права Австрии на эти земли. Его авторами являлись гофрат (надворный советник (нем. *Hofrat*), входивший в Совет при дворе – С.М.) Теодор Антони Розенталь, хранитель Адам Коллар и ректор Йозеф Бенчюра. Оно носило название "Заключение, предваряющее права Венгерской короны на Русь Червонную и Подолье, также как Чешской короны на княжество Освенцимское и Заторское"» [7].

Представленный текст свидетельствует о том, что аристократическое руководство австрийского эрцгерцогства ничем не отличалось от прусского королевства в проведении своей экспансионистской политики в отношении славянских земель. Ведь как свидетельствует приведённый документ, за 41 г. до первого раздела Польши, Габсбурги лелеяли планы отторжения русских земель (галицких и владимирских), принадлежавших Польше, подводя при этом под их реализацию «историческую и правовую базу». По этому поводу Ф. Энгельс писал: «Пёстрая, по кусочкам унаследованная и наворованная австрийская монархия, эта организованная путаница из десяти языков и наций, эта бессистемная смесь самых противоречивых обычаев и законов...» [8].

Австрия, получившая по разделу Галицкую Русь, с самого начала вела двуличную политику. С.М. Соловьёв так описывает

эту ситуацию: «В Берлине были в восторге от согласия России на раздел Польши; но чем веселее были в Берлине, тем печальнее были в Вене: Пруссия получит немедленно вознаграждение за войну, а Австрия? Должна ждать обмена Бельгии на Баварию, а между тем французы уже заняли Бельгию, и менять стало нечего! ...Венский двор не хочет довольствоваться вознаграждением, которое получает в промене Бельгии на Баварию, а требует польских земель (в том числе и галицких – С.М.) во временное владение на случай, если выговоренный промен не состоится. ...Венский двор прямо признавался, что не смеет явно действовать против Пруссии, имея нужду в её союзе против Франции, но тайно позволял себе действовать и против Пруссии, и против России, мешая им в Польше. ...Император Франц утешал польского министра при австрийском дворе: "Я не одобряю раздела и в нём не участвую (хотя вопрос уже был им решен – С.М.), но моё положение таково, что не могу ничего сделать. *Утешьтесь и успокойте своих поляков насчёт этой беды, ибо обстоятельства, наверное, могут измениться*".

Однако уже 16 июня управляющий иностранными сношениями венского двора знаменитый Тутут писал послу Кобенцелю в Петербург: "Императору желательно было бы получить город Краков: положение Ченстохова, столь грозное для Галиции, необходимо заставляет нас желать этого оборонительного пункта"» [9].

Учитывая многонациональный и многоконфессиональный характер австрийского государства, Иосиф II (1741–1790 гг.) из рода Габсбургов, император Священной Римской империи, король Германии и эрцгерцог Австрии, заняв престол, приступил к проведению политики *просвещённого абсолютизма*, пытаясь вывести страну из тяжёлого кризиса, усугубившегося после Семилетней войны, путём реформ сверху.

Дело в том, что поражение Австрии от Пруссии в Семилетней войне (1756–1762 гг.) имело для страны тяжелейшие последствия: она окончательно потеряла права на Саксонию, в сражениях погибло, было ранено или попало в плен около 400 тысяч солдат, в огромной мере была подорвана экономика. В то же время её главный соперник – Пруссия вышла из войны

победителем, став одной из ведущих европейских держав. Сложность положения заставила Иосифа II немедленно приступить к проведению экономических и административных реформ: поощрялось развитие мануфактур, ограничивалась барщина, отменялась личная зависимость крестьян, укреплялся аппарат власти, создавалась постоянная армия.

Однако ,ломка старых отношений, особенно в национальных территориях, без учёта их особенностей, к тому же сопровождавшаяся насильственной германизацией, привела к активизации освободительного движения в Венгрии, Австрийских Нидерландах, Чехии и других землях. В итоге реформы «сверху» в условиях феодального абсолютизма, окончились провалом.

Несмотря на то, что в ряде славянских земель было признано православие, в Галиции, официальными религиями считались: римско-католическая и униатская. Единственный оставшийся в этом регионе православный Манявский скит был закрыт (рис. 3).

Рис. 3. Манявский скит

Монахи, отказавшись признать унию, ушли в монастыри Южной Буковины и Киево-Печерскую лавру. Во Львове немногочисленной православной общине разрешалось открыть лишь небольшую домовую церковь в частном доме.

Только спустя 60 лет, в 1856 г., в этом городе на небольшом частном земельном участке началось строительство православной церкви, которое было окончено к 1901 г.

В то же время при поддержке австрийских властей уже в 1808 г. в Галиции была создана униатская Галицкая митрополия во главе с митрополитом Антоном Ангеловичем, а в 1885 г. образована Станиславская (Ивано-Франковская) кафедра. Всего к концу XIX в. на всей края действовало 3 тысячи униатских приходов и около 20 базилианских монастырей.

С целью подготовки кадров священнослужителей для растущего количества культовых учреждений в 1783 г. в регионе начинает свою деятельность духовная семинария с преподаванием на *русском (руськом, русинском)* языке. В Вене в 1784 г. открывается теологическая академия, для обучения в которой стали приглашаться униаты из Галиции, а 16 ноября этого же года первых студентов принимает Львовский университет (как академия известен с 1661 г.), с преподаванием на русском (русинском) языке с 1787 г. на ряде кафедр, наряду с латинским, немецким и польским. С 1792 г. лекции на русинском языке ограничивались лишь двумя часами в неделю.

В 1805 г. преподавание на русском (русинском) языке во Львовском университете было запрещено, а вскоре и сам университет был переведён в Краков, т.е. фактически не функционировал до 1817 г. Австрийские власти всерьёз опасались пробуждения национального самосознания студентов, представлявших автохтонное население через профессоров русинов. Термин «русин» широко применялся в Галичине в период австрийского владычества, особенно его искажённый вариант *rutheni*.

Как синоним слова «русский» он встречается, к примеру, в московском памятнике XVI в. В XIX–XX вв. в Галиции, как и в Закарпатье, самоназвание «русины», наряду с «русскими», получило широкое распространение среди всего населения, особенно у представителей интеллигенции [10].

Униатскому духовенству запрещалось преподавание религии в школах, а процесс религиозного обучения переходил к католическому клиру. В 1821 г. в Галиции было 834 церковные школы, в которых обучались 11% детей школьного возраста, в 1843 г. – 921 русинская школа. Начальные школы имели элементарный уровень – 1–2-й классы. Те, у кого была

возможность обучаться дальше, могли продолжать это делать в сельских школах, чтобы получить рекомендацию в среднюю школу, но, уже с преподаванием на польском или немецком языке. Со временем эта ситуация только ухудшалась.

Для сравнения: уже во второй половине XVIII в. в российской части Малороссии осуществлялись следующие мероприятия правительства в области образования. «На Левобережье и Слобожанщине получает дальнейшее распространение начальное образование... в основном в церковно-приходских школах в течение трёх лет и на малороссийском (украинском) языке. Уже тогда на Левобережье было более 1 200 таких школ. Однако образованных людей не хватало. В связи с этим в Лубенском и Черниговском полках в 1760–1768 гг. вводилось обязательное обучение грамоте.

На Запорожье, кроме церковно-приходских школ, во второй половине XIX в. существовала сечевая школа за счёт Кошта и зажиточных казаков. В 1771 г. в Сечи была основана музыкальная школа. В последней четверти XVIII в. на Левобережье и Слобожанщине в рамках общероссийской реформы были созданы народные училища, которые делились на главные и малые. Главные училища с четырехлетним сроком обучения для дворян (старшина была приравнена к дворянству. – С.М.) были открыты в Киеве, Чернигове, Новгород-Северском, Харькове и Екатеринославе. В уездных городах, Нежине, Полтаве, Прилуках, Ромнах, Погаре, Изюме, Ахтырке, Сумах и Богодухове, создавались малые училища с двухлетним сроком обучения. Средние учебные заведения – коллегии, по образцу Киево-Братской коллегии, были образованы в Чернигове, Переяславле и Харькове. Многие выпускники из этих учебных заведений продолжали образование в университетах Москвы и Петербурга.

Таким образом, раздел Речи Посполитой сопровождался насаждением католической либо униатской веры, запретом православия, родного языка и письменности, внедрением германской образа жизни, образования и культуры, потерей национальной идентичности. В то же время налицо видны

огромные успехи развития территорий, вошедших в состав Российской империи.

Примечания

1. В специальной литературе этот период в истории Польши часто именуется шляхетской республикой. Отдалённо, по некоторым параметрам, её можно сравнить с древней Спартой, в которой отношение господствующего класса спартанцев к бесправным илотам было надменным и агрессивным.

2. *Соловьёв С.М.* История падения Польши. – М., 1863. – С. 105.

3. Конвокационные сеймы (лат. convocation) назначали время и место выборов короля, рассматривали предполагаемого кандидата и разрабатывали условия будущей договорённости с ним (Пакта конвента).

4. Разделы Польши. Документы // URL: <http://docs9.chomikuj.pl/71683975,PL,0,1,Kr%C3%B3lstwo-Galicji-i-Lodomerii.doc> (дата обращения: 27.06.2022).

5. Разделы Польши. Документы // URL: http://www.polska.ru/polska/historia/rozdzi_polski.html (дата обращения: 27.06.2022).

6. *Сивіцький М.* История польсько-українських конфліктів. – Київ, 2006. – С.41.

7. *Толочко П.П.* Очерки истории Украины. – Киев, 2010. – С. 249.

8. *Соловьёв С.М.* История падения Польши. – М., 1863. – С. 106–108.

9. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. – М., 2001. – С. 5.

А.М. Авраменко

(г. Краснодар, Российская Федерация)

КАЗАЧЕСТВО И НЕМЦЫ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Военные традиции немцев и казаков значительно отличались. Им приходилось быть и врагами, и союзниками. Историческое взаимодействие немцев (имеются в виду жители разных государств, говорящих на немецком языке, в том числе Австрии и Швейцарии) с казаками известно с XVI столетия. Вначале это были дипломатические контакты, совместное участие в походах и битвах. Позже началось культурное взаимодействие: дети украинской казачьей старшины учились в университетах Германии и Австрии, а немецкие учёные, изучавшие народы России, старались понять феномен казачества.

Ключевые слова: казачество, немцы, Германия, Австрия, войны, запорожцы, Сечь.

A. M. Avramenko
(Krasnodar, Russian Federation)

COSSACKS AND GERMANS: THE EXPERIENCE OF HISTORICAL INTERACTION

Abstract. The military traditions of the Germans and the Cossacks differed significantly. They had to be both enemies and allies. The historical interaction of Germans (meaning residents of different German-speaking states, including Austria and Switzerland) with Cossacks has been known since the XVI century. At first it was diplomatic contacts, joint participation in campaigns and battles. Later, cultural interaction began: The children of Ukrainian Cossack colonels and centurions studied at universities in Germany and Austria, and German scientists who studied the peoples of Russia tried to understand the phenomenon of the Cossacks.

Key words: Cossacks, Germans, Germany, Austria, wars, zaporozhtzi, Sich.

Трудно найти в Европе столь непохожие военные культуры и традиции, как немецкая и казачья. Немецкие войска с давних времён были известны своей дисциплиной, упорством в бою, а их полководцев отличали умение точно планировать военные действия, а также пунктуальность и педантизм. Казаки, напротив, поражали воображение европейцев лихостью, умением действовать нестандартно, автономно, рассыпаться в случае опасности и собираться там, где не ждут, а также необыкновенной силой духа и стойкостью в обороне, когда другие считали поражение неизбежным.

Уже в конце XVI в. впечатляющие успехи запорожских казаков в борьбе против крымских татар и Османской империи обратили на себя внимание в странах Центральной, Восточной и Южной Европы. Император Священной Римской империи Рудольф II отправил своего посла Эриха Лясоту к запорожцам, чтобы нанять их для военных действий против османов. Дневник Лясоты, содержащий интересное описание Сечи в 1594 г., неоднократно публиковался. Запорожские казаки совместно с немецкими наёмниками участвовали в Ливонской войне против Московского царства в составе войск Речи Посполитой, а вскоре

в событиях «Смутного времени» в России, после чего – в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг., как на стороне габсбургской, так и антигабсбургской коалиции [1].

Боясь усиления казачества, польские власти летом 1635 г. соорудили крепость Кодак на правом берегу Днепра, чтобы затруднить связь Сечи с остальной Украиной. Крепость была построена под руководством французского инженера Г. Левассера де Боплана и немца Ф. Гетканта, гарнизон составляли 200 немецких наёмников-драгунов, во главе с полковником Ж. Марионом. Но уже в ночь на 12 (22) августа того же года казаки, во главе с гетманом И. Сулимой, внезапно захватили крепость, уничтожили гарнизон и частично разрушили укрепления. Это произвело большое впечатление на современников.

Едва закончилась Тридцатилетняя война, опустошившая германские земли, как началось мощное казачье восстание под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого, в ходе которого казаки неоднократно сражались против немецкой наёмной пехоты, служившей в войсках Речи Посполитой. Хмельницкому удалось создать уникальное казачье государство, ставшее субъектом международного права, а восстание превратилось в грандиозную войну, охватившую Восточную и Северную Европу. Её участниками стали Россия, Османская империя, Крымское ханство, Швеция, Датско-Норвежское королевство, Молдова, Валахия, Трансильвания, Бранденбург. Император Фердинанд III в 1657 г. отправил посольство к Б. Хмельницкому, надеясь привлечь Войско Запорожское к войне против Османской империи.

Немецкие монархи, полководцы и иные современники не могли не обратить внимание на то, что польско-литовские войска, успешно воевавшие против московских войск в Смоленской войне 1632–1634 гг., иногда испытывали сокрушительные поражения в боях с украинскими казаками, даже несмотря на наличие немецких наёмных отрядов. Новые войны Речи Посполитой, России, Священной Римской империи и Венецианской республики против османов с 1672 по 1700 гг. также происходили с активным участием казачества. Особенно

важной была битва у Вены в 1683 г., в которой на помощь осаждённой австрийской столице пришли войска из Саксонии, Швабии, Франконии, Ганновера и других немецких государств. Решающее значение сыграло вступление в битву польского войска, в составе которого были и казаки [2]. Не удивительно, что уже во второй половине XVII в. появились книги немецких историков, посвящённые украинским казакам.

Одним из них стал Самуэль фон Пуфендорф, которого впоследствии Шарль Луи де Монтескьё назвал «Тацитом Германии». В книге «Вступление в историю основных европейских государств» (1684) и в иных трудах Пуфендорф употреблял термин «Украина», упоминал отдельные события из военной истории украинского казачества 1648–1676 гг. Эти труды впоследствии использовали украинские казачьи летописцы – С. Величко и Г. Грабянка. Критикуя отдельные высказывания немецкого историка, Величко отметил, что Пуфендорф пришёл к обоснованному выводу о том, что восстание казаков в 1648 г. началось из-за политики польских магнатов и шляхты.

Автором первой систематизированной «Истории Украины и украинских казаков», написанной на немецком языке (1796 г.), стал австрийский историк Иоганн-Христиан фон Энгель. В его представлении Сечь можно охарактеризовать как милитарно-спартанскую республику. Появление украинского казачества Энгель объяснял самозащитой народа от опустошительных татарских набегов, а казачьи восстания против Речи Посполитой считал борьбой угнетённого народа за своё национальное и социальное освобождение.

Долгое время о донских, яицких, терских и сибирских казаках немцы имели слабое представление, так как с ними практически не контактировали, за исключением редких эпизодов. Однако появление немцев на российской службе делало такие эпизоды всё более частыми. Немецкие офицеры, служившие московским царям, в походах и боях взаимодействовали с разными казачьими отрядами, поначалу не видя между ними особого отличия. Но некоторые немцы оказывались даже в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, где видели иных казаков. Так, балтийский (остзейский) немец

А. Фаренсбах, превратившийся в России в Д. А. Францбекова, был с 1648 г. якутским воеводой, участвовал в организации экспедиций Е. Хабарова на Амур и командовал казачьими гарнизонами в Восточной Сибири. Выходец из Пруссии А. И. Бейтон, возглавивший героическую оборону казаков в Албазинском остроге в 1686 г., а позже служивший иркутским казачьим головою, – другой известный пример.

Иностранцы способствовали проникновению знаний о российских казаках в Европу. Но ещё больше этому способствовали войны России XVIII – начала XIX в. Казакам приходилось тесно взаимодействовать не только с немецкими офицерами на российской службе, но и с войсками различных германских государств. Так, в начале Северной войны 1700–1721 гг. союзницей России были Саксония, а в последующем и Пруссия, в войне за польское наследство 1733–1735 гг. – Саксония и Австрийская империя. В войне за австрийское наследство 1740–1748 гг., охватившей значительную часть территории германских государств, среди союзников России были Священная Римская империя, Ганновер, а среди противников – Пруссия, Бавария, Саксония, Гессен-Кассель, Пфальц. Но гораздо более заметно казаки показали себя во время участия России в Семилетней войне (1757–1761 гг.) – они сражались во всех крупных боях, вступили в Берлин в 1760 г., действовали на коммуникациях противника. В то же время контакты немцев и казаков в данное время носили и мирный характер. Некоторые сыновья украинской казачьей старшины временно жили в разных государствах Германии, преимущественно во время учёбы в немецких университетах.

Надо отметить, что уже в войнах Петра I боевые качества казаков стали снижаться. С одной стороны, боеспособность регулярных войск постепенно росла благодаря более совершенному вооружению, дисциплине, постоянному обучению военному делу. Украинские казаки гетманских и слободских полков в условиях постепенной интеграции в империю теряли стимулы и больше были заинтересованы в развитии своего домашнего хозяйства. Ограничение прав гетмана и казачьей старшины они воспринимали как нарушение царским

правительством прежних договоров и не особенно желали воевать за чуждые им интересы. Донское казачество, разгромленное в ходе подавления Булавинского восстания 1707–1709 гг., также не стремилось защищать интересы царизма. Однако участие в войнах казаки воспринимали, как возможность обогатиться трофеями. В случае захвата вражеского обоза они часто занимались грабежом вместо преследования противника, что приводило в ярость царских генералов. Однако иного от казаков ожидать не приходилось – в отличие от регулярной армии, они были на полном самообеспечении, что делало грабежи неизбежными.

Впрочем, боеспособность запорожских казаков оставалась высокой, что показал опыт русско-турецких войн. Это, в частности, установил украинский историк О.А. Репан, сравнивший эффективность применения малороссийских казачьих полков и запорожцев в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. [3]. Интересно, что возвращению последних в российское подданство и созданию Новой Сечи в 1734 г. содействовал киевский генерал-губернатор граф И. Б. фон Вейсбах, выходец из Австрийской империи. Именно ему 27 марта 1734 г. кошевой атаман И. Малашевич сообщил, что он новым Кошем стал на р. Подпольной [4]. В ответ И. Б. фон Вейсбах в письме кошевому атаману от 4 апреля 1734 г. рекомендовал «Курени или дома» построить себе, от Крымской стороны укрепляя [5]. В тексте А. А. Скальковского ошибочно указан 1743 г., но это явная опечатка, т. к. фон Вейсбах умер в 1735 г.].

Украинская укрепленная линия (около 285 км), строительство которой началось по проекту И. Б. фон Вейсбаха в 1731 г., должна была защищать от татарских набегов. Ежегодно её сооружали приблизительно 20 тыс. малороссийских (гетманских), 2 тыс. слободских казаков, а также около 10 тыс. посполитых (крестьян). Многие из них умерли во время строительства от болезней, голода, непосильного труда и тяжёлых бытовых условий. Начавшаяся вскоре Русско-турецкая война 1735–1739 гг. показала низкую эффективность линии – татары легко прорывались через неё. Все казаки, участвовавшие в данной войне, подчинялись немцу на русской службе генерал-

фельдмаршалу Б. К. фон Миниху, как главнокомандующему. На Миниха также была возложена обязанность наблюдать за продолжением строительства и обороной Украинской линии. Фельдмаршал игнорировал автономные права Левобережной Украины и относился к малороссийским казакам с антипатией, но запорожцев он старался не раздражать и требовал от своих подчинённых не давать повода сечевикам для недовольства [6].

Запорожцы тщательно оберегали традиционные порядки Сечи, которые иностранцы воспринимали, как экзотику. Близкое знакомство немцев с этими казаками порою приводило к неожиданным результатам. Так, астроном Х. Л. Эйлер, в 1769 г. составивший карту р. Яик (где познакомился с яицкими казаками), в 1770 г. был уже в Сечи, где получил от запорожцев почётный «аттестат», согласно которому он был принят товарищем в Кущовский курень по собственной просьбе [7]. Это не было исключительным явлением – некоторые российские генералы также записывались товарищами в один из куреней, в том числе всеильный Г.А. Потёмкин. Но немцы в этом ряду выглядели неожиданно.

Данная традиция продолжалась даже в XIX веке. Создавая новое Усть-Дунайское Буджакское казачье войско (УДБКВ) в 1807 г., генерал И. И. Михельсон (сыгравший ранее решающую роль в разгроме повстанческого войска Е.И. Пугачёва), призывал задунайских запорожцев переходить на сторону России и записываться в курени, как было принято в Сечи. Подавая им пример, для создания иллюзии возрождения новой Сечи, в список казаков Кущёвского куреня был записан сам главнокомандующий Молдавской армией генерал И.И. Михельсон, а в Васюринский курень первым был записан инженер-полковник Е. Х. Ферстер (с 1809 г. – генерал-майор) – комендант Килийской крепости. Именно эти лица (как основатели войска) записаны в УДБКВ 18 февраля 1807 г., а первые настоящие казаки стали присоединяться к ним только 24 февраля [8]. Но в результате запорожцы получили новую иллюзию, а войско вскоре расформировали.

Немецкий учёный-естествоиспытатель Й. Миллер, оказавшись в Кременчуге, встретил там украинизированного

немца Шика, который в своё время жил в Запорожье, знался с сечевиками и был свидетелем уничтожения в 1775 г. Запорожской Сечи. Шик рассказал Миллеру немало интересного о казаках и даже спел песню о ликвидации Сечи [9]. Интересно, что даже в реестре запорожских казаков 1581 г. был записан какой-то «Енджей из немец», на что обратили внимание немецкий историки, проанализировавшие 356 имён и прозвищ из 373, с целью установления их происхождения [10].

Во время целенаправленных научных экспедиций по заданию Петербургской академии наук учёные-немцы Д. Г. Мессершмидт, Г.-Ф. Миллер, И.Э. Фишер, П.С. Паллас, И.Г. Георги, И.Г. Гмелин, С.Г.Г. Гмелин, Г.В. Стеллер (Штеллер), И.А. Гюльденштедт в XVIII в. собирали ценные сведения о разных народах России, в том числе о казаках в различных регионах. Некоторые немцы на русской службе посвятили специальные исследования казакам. Так, инженер-генерал-майор немецкого происхождения А. И. Ригельман стал автором двух исторических трудов о донских и малороссийских (украинских) казаках, не потерявших значения до сих пор [11].

Известный немецкий историк Г.-Ф. Миллер, принявший российское подданство, собрал ценную коллекцию документов о восстании под предводительством Е. Пугачёва, написал статьи «О начале и происхождении запорожских казаков» и «Известия о запорожских казаках», опубликованные вначале на немецком языке в журнале «Sammlung Russischer Geschichte» («Собрание российской истории»), а в 1760 г. – на русском языке [12]. Научная ценность последних двух работ невелика: Н. В. Полонская-Василенко доказала, что почти всё автор заимствовал из рукописи С. И. Мышецкого [13]. Но Миллер добавил свои рассуждения и выводы. В частности, он сравнил курени с отдельными кантонами, из которых состоит казачья республика: они ссорятся, но когда начинается война, все ссоры затихают [14].

Однако роль Г.-Ф. Миллера в истории запорожского казачества этим не ограничивается. Именно ему было поручено политическое обоснование необходимости ликвидации Запорожской Сечи. По заданию царского правительства Миллер

представил рукопись, в которой отрицалась легитимность прав и привилегий запорожцев, и даже само право на существование Сечи в цивилизованном мире. Аргументы Миллера были положены в основу Манифеста 14 августа 1775 года, обнародованного вскоре после ликвидации Сечи [15].

Вновь Центральная Европа (в том числе германские государства) познакомилась с казаками во время коалиционных войн против Франции в 1799–1814 гг. В Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова, вся конница в его армии состояла исключительно из казачьих полков. Героический переход Суворова через Альпы вызвал восхищение современников. Всё, что связано с этим походом бережно сохраняется, как часть исторического наследия в Швейцарии.

Следующие войны против Наполеона I на территориях Австрийской империи и Пруссии также дали казакам немалую боевую практику. Но особенно они прославились во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Немцы с восторгом встречали казаков, освобождавших их от наполеоновских войск.

Вступление казаков в Париж в 1814 г. произвело настоящий фурор. Особенно прославился атаман М.И. Платов, сопровождавший Александра I после заключения мира в Англию. Муниципальные власти Лондона в знак признания особых заслуг наградили почётными саблями ювелирной работы трёх виднейших фельдмаршалов – российского М.Б. Барклая-де-Толли, прусского Г.Л. фон Блюхера и австрийского К.Ф. Шварценберга, а также донского атамана генерала М.И. Платова – случай уникальный! Популярность казаков в центре Европы тогда была очень велика.

Правительство нередко использовало исполнительность немцев на русской службе, поручая им надзор и управление казаками. Так, главный командир Охотско-Чукотско-Камчатского края и последний командир Анадырского острога, немец курляндского происхождения Ф.Х. Плениснер в 1760-х годах проводил опросы казаков, чукчей, эскимосов, собирал ценные этнографические сведения, осуществлял экспедиционные изыскания, деятельным участником которых был анадырский

казак Николай Дауркин (до крещения – Тангитан, сын коряка и чукчанки) – переводчик Плениснера [16].

Со временем появились даже наказные атаманы казачьих войск немецкого происхождения. Не имея родственных связей в казачьей среде, такие атаманы, с точки зрения императоров, были в наибольшей степени способны обеспечить полный контроль над вверенными им войсками. Начиная с Николая I, императоры стремились назначать наказными атаманами не казаков, а если казаков, то чаще всего из чужих казачьих войск.

В 1827 г. неожиданно наследник престола (будущий император Александр II) был провозглашён Августейшим атаманом всех казачьих войск, что официально трактовалось как милость императора и его отеческая забота о казаках. Разумеется, последовали предсказуемые верноподданнические восторги казачьего начальства. На самом же деле это был ещё один шаг к полному подчинению казачества империи: с этого времени войсковые атаманы казачьих войск становились наказными, то есть назначенными, исполняющими обязанности. Радости у казаков это вызвать не могло, хотя их начальство стремилось доказать обратное. Само слово «наказный» означало, что выборность атаманов не будет восстановлена никогда.

Протестов не последовало, и уже при Николае I стали появляться наказные атаманы, не имевшие отношения к казачеству, зато верные престолу. Так, в Оренбургском казачьем войске, искусственно созданном из разнородных социальных элементов, наказным атаманом в 1831–1834 гг. был генерал-майор А.Г. фон Энгельгардт, а в 1835 г. – генерал-майор А.А. Гельд, из остзейских немецких дворян. В 1836–1837 гг. наказным атаманом Астраханского казачьего войска был генерал-майор И. И. фон Лёвенштерн (из немецких дворян Эстляндской губернии), а в 1838–1848 гг. – генерал-майор Э.Д. фон дер Брюгген (из немецких дворян Курляндской губернии). Малочисленные астраханские казаки, не имевшие компактной территории проживания, спорить не стали, опыт также оказался удачным. Поэтому генерал-майор К.К. Геке (из немецких дворян Лифляндской губернии) был назначен наказным атаманом Уральского казачьего войска, известного своим непокорством, и

был им в 1845–1857 гг. Можно упомянуть также Ивана Егоровича Гангардта, с 1854 г. – исправлявшего должность (исполнявшего обязанности) наказного атамана Дунайского казачьего войска (в 1856 г. переименовано в Новороссийское). Он был обрусевшим немцем, православным, числился среди дворян Курской губернии. С 1859, после получения чина генерал-майора Гангардт был утверждён в должности наказного атамана, которым оставался до 1869 года (до упразднения войска).

При Александре II эта практика продолжилась: среди наказных атаманов теперь были греки (Х.Е. Попандопуло, М.А. Цакни), армянин (М.Т. Лорис-Меликов), сын французского военнопленного В.Д. Дандевиль. Но немцев оказалось существенно больше. Первым военным губернатором Амурской области и наказным атаманом Амурского казачьего войска (в 1858–1866 гг.) был выходец из дворянской семьи немецкого происхождения, лютеранского вероисповедания, Н.В. Буссе, а в 1874–1880 гг. эти же должности занимал барон А.Г. фон Оффенберг, из остзейских дворян Курляндской губернии. Наказным атаманом Забайкальского казачьего войска в 1864–1874 гг. был Н.П. фон Дитмар, из остзейских дворян Эстляндской губернии. Аналогичную должность в Оренбургском казачьем войске занимал в 1865 и в 1875–1878 гг. генерал-майор Е.И. фон Зенгбуш, из остзейских дворян Лифляндской губернии, лютеранского вероисповедания. Наказным атаманом Астраханского казачьего войска в 1875–1878 гг. был В.Б. фон Линденер (Линдинер), из дворян Херсонской губернии, обрусевший потомок выходца из Пруссии.

Учитывая особенности политического курса Александра III, можно было ожидать, что на подобные должности будут назначать только русских. Однако наказным атаманом Семиреченского казачьего войска 1882–1887 гг. был А.Я. Фриде, вероятно, из обрусевших остзейцев. Аналогичную должность в Астраханском казачьем войске в 1884–1888 гг. занимал Н.М. фон Цеймерн, из дворян Лифляндской губернии, однако православный и обрусевший. Наказным атаманом Сибирского казачьего войска в 1889–1900 гг. был лютеранин М.А. Таубе, из остзейских немцев, а первым наказным атаманом Уссурийского

казачьего войска стал П.Ф. Унтербергер (1889–1897 гг.), сын немца из Риги, получившего российское дворянство. Таким образом, почти все назначенные немцы в этот период были обрусевшими.

Николай II, по-видимому, не уделял данному вопросу большого внимания – ценилась только лояльность и исполнительность. В годы его правления наказным атаманом Астраханского казачьего войска был в 1895–1903 гг. М.А. фон Газенкампф, из дворян Санкт-Петербургской губернии, выходец из старинного рода, лютеранского вероисповедания. Такую же должность в Уссурийском казачьем войске в 1905–1909 гг. занимал В.Е. Флуг, вероятно, обрусевший немец. Барон Ф.Ф. Таубе, из остзейских дворян Лифляндской губернии, в 1906 г. возглавлял Оренбургское казачье войско, а позже стал первым немцем среди наказных атаманов Войска Донского (в 1909–1911 гг.). Сибирское казачье войско в 1908–1915 гг. возглавлял Е.О. Шмит, из дворян немецкого происхождения, но православный.

В православной семье обрусевших немцев родился М.В. Фольбаум, бывший наказным атаманом Семиреченского казачьего войска с 22 ноября 1908 по 24 октября 1914 и с 29 сентября 1915 по 22 октября 1916 г. Так как в условиях Первой мировой войны в русской армии стали проявляться антигерманские настроения, он пожелал сменить свою фамилию немецкого происхождения на девичью фамилию матери и именоваться Соколовым-Соколинским, что было разрешено Высочайшим приказом от 7 сентября 1916 года. Наказным атаманом Забайкальского казачьего войска в 1912–1914 гг. был А.Е. Эверт, из дворян Московской губернии, вероятно, обрусевший немец. Такую же должность занимал в 1912–1917 гг. в Терском казачьем войске С.Н. Флейшер, происходивший из семьи обрусевших немцев.

Всего, по моим подсчётам, в 11 казачьих войсках, существовавших в России накануне Февральской революции 1917 г., с 1861 г. было 139 наказных атаманов, из которых немцы (в том числе обрусевшие) составили 17 человек (один из них занимал дважды свою должность в одном войске). В их число не

включён И.Е. Гангардт, так как Новороссийское казачье войско в 1869 г. было упразднено.

Можно также вспомнить, что немцев порою назначали командирами казачьих полков и иных подразделений. Интересно, что иногда сами немцы стремились служить именно в казачьих частях, хотя такие случаи были очень редкими. Некоторые из них были приписаны или прикомандированы к казачьему войску, но через время возвращались в регулярную кавалерию. Но есть и другие примеры. Так, были приписаны к Кубанскому казачьему войску (ККВ) и долго служили в нём, фактически слившись с войском, генерал-майор А.В. Пистолькорс, полковник М.П. Арнольди.

Происходивший из немецкого дворянского рода Курляндской губернии, М.П. Арнольди 32 года прослужил в Кубанском войске, сроднился с ним. В чине есаула он служил в 24-м конном полку ККВ, в 1871 г. за отличия по службе произведён в войсковые старшины. С 1876 г. М.П. Арнольди нес тяжёлую службу на полуострове Мангышлак и в Туркмении, командуя 5-й сотней Лабинского полка, за отличия в делах против текинцев был награждён Золотым оружием «За храбрость» (1877 г.) и чином подполковника (1879 г.), служил впоследствии в Урупском (1879–1882), 1-м Уманском (1883–1888), 1-м Ейском (1888–1891), 1-м Кавказском (1892–1895) конных полках ККВ [17]. С 10 сентября 1884 года по 1889 год командовал 2-й Ейским полком Кубанского казачьего войска [18]. Имея такой опыт, М.П. Арнольди написал ряд работ, имеющих важное значение для понимания казачьей службы [19]. При этом он только в 1887 г. был зачислен в войсковое сословие по станице Абадзехской Майкопского отдела Кубанской области, хотя зачем это было нужно дворянину-немцу?

Гораздо более известной и колоритной личностью был генерал-майор А.В. Пистолькорс, долгие годы служивший в ККВ. Ещё не будучи офицером, он был в 1840-е гг. зачислен в Кавказское линейное казачье войско, а после того как в 1860 г. шесть бригад его вместе с Черноморским войском образовали новое Кубанское казачье войско, служил в последнем. Несмотря на то, что в начале 60-х гг. А.В. Пистолькорс был переведён в

Оренбург, а затем долго находился в Туркестане, он числился как по ККВ, так и по армейской кавалерии. Такое положение сохранялось даже после того, как 1 января 1869 г. А.В. Пистолькорс получил чин генерал-майора и состоял при командующем войсками Туркестанского военного округа К.П. Кауфмане [20]. По утверждению военного историка М.А. Терентьева, «первым, кто стал выезжать в бой на белом коне и во всем белом, был известный на Кавказе, и в Туркестане полковник кубанского казачьего войска Александр Васильевич Пистолькорс, бывший несколько лет начальником кавалерии в туркестанских войсках. Ростом без малого в сажень, в высокой белой папахе, увеличивавшей его рост, в длинной белой черкеске и на белом коне, он представлял только одну черную отметину: длинную крашеную бороду. Человек замечательного хладнокровия и храбрости, истыканный кинжалами в рукопашных схватках с черкесами (с пульными и шашечными ранами он имел всего 11 «особых примет» [...]). Не умри Пистолькорс перед самой турецкой войной, о нем бы еще Россия услышала. Лихой был казак!» [21]. По мнению М.А. Терентьева, прибывший в Ташкент М. Д. Скобелев, под влиянием рассказов о легендарном Пистолькорсе, многому научился и, явно подражая ему, воспринял манеру идти в бой на белом коне и во всем белом, как и манеру поведения под вражеским обстрелом, за что и был прозван «белым генералом».

Ещё более экзотической личностью был остзейский барон Роберт Николаус Максимилиан (для русских – Роман Фёдорович) фон Унгерн-Штернберг [22]. Его род был известен в Ливонии с 1269 г., мать барона была немкой, родившейся в Германии. Окончив Павловское военное училище в 1908 г., Унгерн-Штернберг по личной просьбе был зачислен в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска, командиром полка был его родственник Э. фон Ренненкампф. В 1910 г. Унгерн-Штернберг перевёлся в 1-й Амурский полк Амурского казачьего войска, в 1912 г. получил чин сотника. В начале Первой мировой войны он стал сражаться против австро-венгерских войск в составе 34-го Донского казачьего полка (как прикомандированный), был награждён за храбрость орденом

св. Георгия. В конце 1914 г. Унгерн-Штернберг был переведён в 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска, а в сентябре 1915 г. – в конный отряд Особой важности атамана Л.Н. Пунина, осуществлявший партизанские действия в немецком тылу – в Восточной Пруссии. Летом 1916 г. Унгерн-Штернберг вернулся в 1-й Нерчинский полк (которым тогда командовал барон П.Н. Врангель), в сентябре стал подьесаулом, затем есаулом.

Поучаствовав в 1917 г. в боях на Кавказском фронте, неугомонный Унгерн-Штернберг вернулся в Забайкалье уже как войсковой старшина, а вскоре стал одним из активных участников Белого движения. В ноябре 1918 г. он получил чин генерал-майора. Командуя Туземным конным корпусом, преобразованным в Азиатскую конную дивизию, барон мечтал восстановить монархии, разгромив революции во всей Евразии, включая Монголию, Маньчжурию и Китай. Из политических соображений он женился летом 1919 г. в Харбине по православному обряду на принцессе Цзи – представительнице свергнутой маньчжурской династии Цин. Принцесса получила имя Елены Павловны Унгерн-Штернберг. В феврале 1921 г. барон штурмом взял Ургу – столицу Внешней Монголии, освободил из-под ареста правителя страны Богдо-гэгэна VIII и изгнал китайские войска. За эти заслуги Унгерн-Штернберг получил один из высших монгольских титулов в степени хана, а атаман Г.М. Семёнов произвёл его в генерал-лейтенанты. Со временем выяснилось, что именно благодаря барону Внешняя Монголия оказалась независимым государством, в то время как Внутренняя Монголия осталась в составе Китая.

Перейдя в монгольское подданство, Унгерн-Штернберг носил жёлтый халат, на котором были погоны российского генерал-лейтенанта. Остзейский барон, так долго служивший в казачьих войсках (Забайкальском, Амурском, Донском), теперь надеялся объединить Монголию, Маньчжурию, часть Китая, Тибет в некую Срединную империю, подобную державе Чингисхана, чтобы её силы направить против Запада, породившего революции. По его представлениям, в отличие от «белых» народов, азиаты не утратили традиционных устоев, и

только опираясь на них можно искоренить революционную «заразу» в Европе, восстановить свергнутые монархии. Будучи мистиком и фаталистом, Унгерн-Штернберг принял буддизм, не отрекаясь от христианства. Он полагал, что тибетский буддизм, «жёлтая вера» и культура должны духовно обновить Старый Свет. Этим нелепым мечтам не суждено было сбыться. В 1921 г. Унгерн-Штернберг предпринял последний поход на территорию Советской Сибири, но потерпел поражение, был схвачен и вскоре расстрелян.

Первая мировая война сделала казаков смертельными врагами Германии и Австро-Венгрии. Как выяснилось, даже некоторые немецкие колонисты Кубанской области воевали в казачьих частях против врагов Российской империи [23]. Но в конце войны произошло невероятное: на обломках рухнувшей старой России возникали новые правительства, Войско Донское стало союзником кайзеровской Германии, так как нуждалось в защите от Красной Армии, а на территории Украины, при поддержке немецких оккупационных властей, временно установилась власть гетмана П.П. Скоропадского, пытавшегося воссоздать или заново конструировать украинские казачьи структуры. Свергнувшая гетмана Директория Украинской Народной Республики также заимствовала некоторые элементы из казачьего прошлого, в частности, наименования воинских званий. А после Гражданской войны 1918–1922 гг. многие казаки, как российские, так и украинские, оказались в эмиграции, в том числе на немецких землях и в Австрии.

Будучи беженцами, они объединялись по месту жительства в общественные организации, именуемые станицами и хуторами. Возникали и иные объединения, печатные издания. При этом российские и украинские казаки, как правило, не объединялись. Исключения были редкими. Показательно, что российские историки, изучающие казачью диаспору, ограничиваются теми организациями, которые были созданы представителями 11 казачьих войск, существовавших накануне революции 1917 г., добавляя к ним калмыков, иркутских и енисейских казаков, создавших свои войска в ходе революции и Гражданской войны, но практически игнорируют украинскую казачью диаспору [24].

В то же время историки современной Украины в значительной мере восполнили этот пробел: в некоторых публикациях показана деятельность на территории Германии гетмана П. Скоропадского (и связанного с ним «гетманского движения»), И. Полтавца-Остряницы, Е. Коновальца, представителей «Вольного казачества» («Вільного козацтва») и т. д., хотя тема далеко не исчерпана.

В этом контексте интересно, как представители российской и украинской казачьей диаспоры контактировали с властями и общественностью немецкоязычных государств – Германии, Австрии, Швейцарии. Соответственно, надо исследовать, как реагировала обратная сторона, в частности, как менялось отношение к казачьей диаспоре в межвоенный период. Например, после прихода нацистов к власти в Германии некоторые группы казаков надеялись на помощь немецких войск в предстоящей борьбе против большевизма. При этом отдельные украинские лидеры видели в Германии союзницу, которая поможет восстановить независимость Украины (в чём они глубоко ошибались), а вожди российского казачества в эмиграции (П. Краснов, А. Шкуро и др.) полагали, что вторжение немецких войск в СССР даёт шанс начать новый этап Гражданской войны и освободить Россию (как и всё казачество) от режима большевиков. Однако у нацистов были иные планы.

Накануне Второй мировой войны и после её начала отдельные казачьи теоретики пытались убедить Гитлера в том, что казаки не являются частью русского народа, а их предки были потомками древних готов, которые жили в Причерноморье в III–IV вв. Эта идея была положительно воспринята в конце 1942 г. германским Министерством по восточным территориям, когда Вермахт остро нуждался в пополнениях. Теперь здесь стали считать казаков не «расово неполноценными славянами», а арийцами, достойными того, чтобы стать союзниками рейха и в последующем создать казачью государственность под протекторатом Германии. Но казачьи формирования в составе Вермахта стали создаваться ещё раньше. Многие казаки горели желанием отомстить советской власти за чудовищные репрессии и истребление казачества.

В Красной Армии также создавались добровольческие казачьи формирования. До сих пор историки спорят, на чьей стороне больше оказалось казаков. Л.И. Футорянский утверждал, что численность личного состава советских казачьих частей была больше. Ему возражали А.В. Венков и В.П. Трут на том основании, что в «казачьих» советских частях было много людей неказачьего происхождения. Развернулись жаркие дискуссии: считать ли П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро и прочих повешенных в 1947 г. изменниками Родины, либо борцами против большевистского режима. С формальной точки зрения они не могли быть изменниками, так как никогда не были советскими гражданами и присягали на верность императору, а не СССР, но военные преступления подлежат безусловному осуждению. Интересно, что походный атаман казачьих войск Вермахта немец Г. фон Паннвиц, имевший возможность спастись в британской зоне оккупации, предпочёл разделить судьбу своих казаков – тех, кого считал своими боевыми товарищами, и был повешен вместе с ними. Его примеру последовал ряд немецких офицеров.

Проблема коллаборационизма долгое время была запретной в СССР, но М.И. Семиряга сумел прорвать плотину молчания, возведённую советской цензурой и пропагандой. После его фундаментальной книги [25] появилась серия исследований, где поднимаются сложные вопросы истории казачьих формирований Вермахта [26]. Однако идейные наследники тех, кто привык замалчивать и засекречивать, чтобы не всплыли собственные преступления, не смирились. Изменившаяся политическая конъюнктура привела к тому, что объективный научный поиск стал крайне трудным. В 2016 г. К.М. Александров успешно защитил докторскую диссертацию «Генералитет и офицерские кадры вооружённых формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.», однако защита сопровождалась политической травлей учёного: некий «Народный собор», активисты КПРФ и возбуждённые ветеранские организации устроили пикетирование и обратились в прокуратуру, подтасовывая факты. В 2017 г. Экспертный совет ВАК выступил против утверждения докторской степени именно по политическим, а не научным соображениям. Это не помешало

той же організації остаточно утвердить в докторской степени В.Р. Мединского, несмотря на протесты учёных.

Тема исторического взаимодействия казаков и немцев привлекает внимание и зарубежных учёных [27]. Она таит в себе много неожиданных сюжетов и заслуживает объективного изучения. Те, кто боятся правды, обречены жить в мире лжи и сами станут её жертвами. Настоящая наука не может строиться на замалчивании и полуправде. Представленная в данной статье информация даже не затрагивает многие аспекты исторического взаимодействия казаков и немцев. Например, заслуживает отдельного анализа формирование и изменение собирательного образа немцев в представлениях казаков [28], как и немецкие представления о казачестве. Но эти и другие аспекты ждут своих исследователей.

Примечания

1. *Gajecy G., Baran A.* The Cossacks in the Thirty Years War. Vol. I. 1619–1624. – Rome: PP. Basiliani, 1969; *Baran A., Gajecy G.* The Cossacks in the Thirty Years War. Vol. II. 1625–1648. – Rome: PP. Basiliani, 1983.

2. *Чухліб Т.* Відень 1683: Україна-Русь у битві за «золоте яблуко» Європи. – Київ: Кліо, 2013.

3. *Репан О.А.* Іржа на лезі: Лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 років. – Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2009.

4. *Скальковский А.А.* История Новой-Сечи или последняго Коша Запорожскаго... Ч. II. Одесса, 1846. – С. 56.

5. Там же. – С. 73.

6. *Репан О.А.* Указ. соч. – С. 22–23.

7. *Толок В.О.* Ейлер Христофор // Українське козацтво: Мала енциклопедія. Видання 2-е, доп. і перероб. – Київ: Генеза; Запоріжжя: Прем'єр, 2006. – С. 171.

8. *Бачинський А.Д.* Джерело для вивчення історії народної колонізації Буджацького степу і пониззя Дунаю в кінці XVIII – на початку XIX ст. // Козацтво на Півдні України. Кінець XVIII – XIX століття. – Одеса: Друк, 2000. – С. 130, 133.

9. *Чабаненко В.А.* Козацька тематика в українському та світовому музичному мистецтві // Енциклопедія історії України. – Т. 4. Ка-Ком. – Київ: Наукова думка, 2007. – С. 418.

10. *Luber S., Rostankowski P.* Die Herkunft der im Jahre 1581 registrierten Zaporoger Kozaken // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1980. Bd. 28, H. 3. – S. 368–390; *Luber S.* Die Herkunft von Zaporoger Kosaken des

17. Jahrhunderts nach Personennamen. – Berlin; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1983.

11. [Ригельман А.И.] История или повествование о донских казаках, отколы и когда они начало свое имеют и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч., собранная и составленная из многих вернейших российских и иностранных историков, летописей, древних дворцовых записей и из журнала Петра Великого [1778] // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – М., 1846. № 3 и 4; Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ея народе и козаках вообще, отколы и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как то: черкаские или малороссийские и запорожские, а от них уже донские, а от сих яицкие, что ныне уральские, гребенские, сибирские, волгские, терские, некрасовские, и проч. козаки, как равно и слободские полки. Собрано и составлено чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1785–86 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1847, № 5, 6, 7, 8 и 9.

12. Миллер Г.Ф. Известия о казаках запорожских // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. – 1760. Май. – С. 387–444.

13. Василенкова-Полонська Н.Д. [Полонська-Василенко Н.Д.]. Историки Запорожжя XVIII в. // Ювілейний збірник ВУАН на пошану академіка Д.І. Багалія. – Київ, 1927. С. 816.

14. Миллер Г.Ф. Указ. соч. – С. 432.

15. Грибовський В.В. Г.-Ф. Міллер і ліквідація Запорозької Січі, або До питання про роль особистості історика в історії // Січеславський альманах: збірник наукових праць з історії українського козацтва. – Вип. 6. – Дніпропетровськ: НГУ, 2011. – С. 39–65; Грибовський В. Г.-Ф. Міллер як партнер Г. О. Потьомкіна в підготовці рішення про ліквідацію Запорозької Січі // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. – Т. 24. – Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України, 2012. – С. 167–197; Грибовський В.В. Г. Ф. Миллер и Запорожская Сечь: о роли личности историка в истории // Cogito. Альманах истории идей. – Вып. 6. – Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2015. – С. 311–337.

16. Алексеев А.И. Ученый чукча Николай Дауркин. – Магадан: Кн. изд-во, 1961; Березницкий С.В. Методика сбора этнографических материалов командира Анадырского острога Фридриха Плениснера (1760-е годы) // Кунсткамера. – СПб., 2019. – № 3 (5). – С. 189–199.

17.

URL:

[http://ria1914.info/index.php?title=Арнольди_Михаил_Павлович.](http://ria1914.info/index.php?title=Арнольди_Михаил_Павлович)

18. *Лебедев И.* Исторический очерк. 2-й Ейский полк Кубанского казачьего войска во время Турецкой войны 1877–1878 г. и на льготе. Екатеринодар, 1900. – С. 15.

19. *Арнольди М.* Заметка по вопросу о строевом образовании в льготных полках Кубанского казачьего войска // Военный сборник. – 1888. – № 5. – С. 177–179; *Он же.* Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. – СПб., 1890; *Он же.* Сбережение казачьей сотни: Практические советы старого командира (из 32-х лет практики). – СПб., 1905.

20. *Потапов А.Е.* Участие кубанского казачества в присоединении Средней Азии к России (70–90-е годы XIX века): Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2020. – С. 51.

21. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. С картами и планами. – СПб., 1906. – Т. III. – С. 103–104.

22. *Белов Е.А.* Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. – М.: АГРАФ, ИВ РАН, 2003; *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни: Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. – М.: Ad Marginem, 2010; *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. – М.: КМК, 2011; и др.

23. *Карпов М.В., Колесов В.И., Фролов Б.Е.* Кёниг против кайзера: немецкие колонисты в казачьих частях в период Первой мировой войны // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.). – Ростов н/Д.: Альтаир, 2018. – С. 251–259.

24. *Ратушняк О.В.* Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.). Дис. ... докт. ист. наук. – Краснодар, 2017.

25. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000.

26. *Дробязко С.И.* Под знамёнами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооружённых сил 1941–1945. – М.: Эксмо, 2004; *Кринко Е.Ф.* Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: Проблемы историографии и источниковедения. – М.: Союз, 2004; *Александров К.М.* Русские солдаты вермахта: Герои и предатели: Сборник статей и материалов. – М.: Яуза, Эксмо, 2005; *Крикунов П.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным: Крестовый поход против большевизма. – М.: Яуза, Эксмо, 2005; *Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранцы формирования Третьего рейха. – М.: АСТ, Астрель, 2011 и др.

27. *Kern E.* General von Pannwitz und seine Kosaken. Göttingen: Vowinckel, 1964; *Goehrke C.* Die russischen Kosaken im Wandel des

Geschichtsbildes // Schweigerische Zeitschrift Geschichte, 1980, vol. 30, n°2. S. 181–203; *Gehrmann U.* Das Kasakentum in Russland zu Beginn der neunziger Jahre. Historische Traditionen und Zukunftsvisionen, Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und Studien. 11, 1992. – Köln, 1992; *Lannoy F., de.* Les Cosaques de Pannwitz = Pannwitz Cossacks. 1942—1945. – Paris: Heimdal, 2000 (русский перевод: *Ланнуа Ф., де.* Казаки Паннвица. 1942–1945. / Пер. с фр. *Д.Акулова, Н. Баулиной.* – М.: АСТ, АСТ МОСКВА, 2006); *Krause W.H.* Kosaken und Wehrmacht. Der Freiheitskampf eines Volkes. Graz, 2003 (рус. перевод: *Краузе В.Х.* Казаки и Вермахт. Освободительная борьба одного народа. / Пер. с нем. *С.А. Лунатов, науч. ред. С.И. Дробязко.* – Москва: Сеятель, 2020); *Die Kosaken im Ersten und Zweiten Weltkrieg.* / *Harald Stadler, Rolf Steininger, Karl C. Berger (Hrsg.).* – Innsbruck / Wien / Bozen: StudienVerlag, 2008; *Kappeler A.* Die Kosaken: Geschichte und Legenden. München: Verlag C.H. Beck, 2013 и др.

28. *Матвеев О.В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. – С. 395–405.

Л.Г. Степанова
(г. Краснодар, Российская Федерация)

КОЛОНИЗАЦИЯ НЕМЕЦКИМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ ЮЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖЕВОГО АРХИВА)¹

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования при изучении колонизации немецкими переселенцами южных территорий Российской империи в первой половине XIX века материалов Межевого архива. Автор приходит к выводу, что собранные во время проведения Генерального межевания исходные данные позволяют дополнить сведения Экономических примечаний к планам, восстановить потерянную в ходе обобщения информацию. Выявленные в Межевом архиве полевые записки и спорные дела позволяют уточнить механизм установления границ между немецкими колониями и землями других переселенцев, содержат достаточно точные их описания, помогают прояснить систему

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00330, <https://rscf.ru/project/22-28-00330>

урегулирования земельных споров, выяснить фамилии конкретных лиц и территории, задействованные в спорных делах.

Ключевые слова: Немецкие колонисты, меннониты, Генеральное межевание, Экономические примечания, полевые записки землемеров, спорные дела.

L.G. Stepanova
(Krasnodar, Russian Federation)

**GERMAN SETTLEMENTS OF THE SOUTHERN
TERRITORIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST
HALF OF THE XIX CENTURY
(BY THE MATERIALS OF THE LANDSCAPE ARCHIVE)**

Abstract. The article discusses the possibilities of using materials from the Land Survey Archive when studying the colonization of the southern territories of the Russian Empire by German settlers in the first half of the 19th century. The author comes to the conclusion that the initial data collected during the General Land Surveying allows supplementing the information of the Economic Notes to the Plans, restoring the information lost during the generalization. The field notes and disputed cases found in the Land Survey Archive make it possible to clarify the mechanism for establishing boundaries between the German colonies and the lands of other settlers, contain fairly accurate descriptions of them, help clarify the system for settling land disputes, and find out the names of specific individuals and territories involved in disputed cases.

Key words: German colonists, Mennonites, General surveying, Economic notes, field notes of surveyors, disputed cases.

После подписания Екатериной II в 1762 г. специального манифеста немецкие переселенцы стали активно выезжать со своей исторической родины на новые, неосвоенные земли Российской империи [1]. Переселенцам, как ремесленникам, так и хлебопашцам, российские власти изначально планировали предоставлять различные привилегии для обустройства на новом месте, выделяли свободные земли для поселений и предусматривали большие льготы тем, кто примет вечное подданство [2].

Прибывшие на переселение иностранцы освобождались от рекрутской повинности и получали льготу не платить 30 лет подати [3]. Им предоставлялись свободное отправление веры,

внутреннее самоуправление, разрешалось строительство в своих колониях и местечках церквей и колоколен, исключая монастыри, выделялись беспроцентные деньги из казны на постройку домов, обзаведение скотом, различными инструментами и материалами, которые нужно было вернуть через 10 лет. В реестре свободных земель, подлежащих заселению, значились Тобольская, Астраханская, Оренбургская и Белгородская губернии, но колонистам не возбранялось селиться и на других территориях [4].

После присоединения к России новых территорий на ее южных рубежах началась их колонизация. Одной из особенностей колонизации Новороссии стали масштабные перемещения населения на эту территорию как из внутренних губерний Российской империи, так и из-за рубежа. Немецких переселенцев регион Северного Причерноморья привлекал к себе теплым климатом и большими массивами плодородных, еще хозяйственно неосвоенных земель. Переселенцы принадлежали к разным конфессиям, среди них были не только католики, но и протестанты [5]. Одной из самых многочисленных групп, переехавших на юг России, стали меннониты, жившие достаточно изолированно от остального мира, отказывавшиеся от исполнения воинской службы и несения государственной службы. После долгих лет притеснений в Европе многие из них выбрали переселение в Россию.

В 1789 г. в Екатеринославском уезде основались первые 228 семейств прусских меннонитов, заложившие на новой земле восемь колоний, а прибалтийские колонисты основали селение Ямбургское [6]. В октябре 1803 г. градоначальнику Одессы Э.И. Ришелье было предписано расселять немецких колонистов в окрестностях Одессы и различных местах Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний [7]. Однако со временем в связи с большими расходами бюджета требования к иностранным переселенцам стали ужесточаться. С 1804 г. действовали уже другие правила принятия и водворения иностранных колонистов. Российское правительство было заинтересовано в принятии иностранцев, обладающих хорошими навыками в ведении сельского хозяйства, имеющих опыт в

выращивании винограда, шелковичных деревьев, разведении овец и другого скота. Количество немецких переселенцев было ограничено до 200 семей в год. Тем не менее каждая семья колонистов, кроме нагорной части Крыма, могла рассчитывать на 60 дес. земли. Но для обзаведения хозяйством на новом месте жительства нужен был свой наличный капитал или товар на сумму не менее 300 гульденов. Водворяющимся в Новороссии колонистам предоставлялась освобождение от уплаты податей на 10 лет, в следующие 10 лет им полагалось уплачивать от 15 до 20 копеек в год за каждую десятину, затем их права в уплате подушной подати уравнивались с казенными поселянами. По истечении льготного периода переселенцы должны были исполнять другие повинности наравне с остальными российскими подданными, за исключением постоев [8].

Новороссия оставалась основным заселяемым районом страны в начале XIX в. Аграрное перенаселение районов старого заселения приводило к усилению миграционных потоков на южные окраины. Однако освоение региона шло очень медленно. Многие земли продолжали использоваться для скотоводства. Трудности в развитии земледелия были вызваны новыми природно-климатическими условиями, к которым не успели приспособиться переселенцы, и связанными с освоением региона нерешенными вопросами землепользования и межевания. По данным седьмой ревизии к 1811 г. на территории Екатеринославского уезда Екатеринославской губернии переселенцы основали 12 меннонитских колоний (Хортица, Эйлаге, Розенталь, Нейенбург, Кронсвейде, Остров Хортица, Шенгорст, Нейендорф, Бурвальде, Нижняя Хортица, Нейостервик, Кроненталь), и одну немецкую (Ямбургскую,) в Новомосковском уезде две немецких колонии (Йозефстальскую и Фишерсдорф) и одну меннонитскую (Кронсгартен), в Александровском уезде колонию меннонитов (Шенвиз) [9]. В 1803–1809 гг. на территории Херсонского и Тираспольского уездов Херсонской губернии появилась 31 колония немецкоговорящих переселенцев. В первые два десятилетия XIX в. на левом берегу реки Молочной в Мелитопольском уезде Таврической губернии были основаны 33 колонии меннонитов,

объединившихся в Молочанский меннонитский округ, на правом берегу реки Молочной появились 22 немецкие колонии, вошедшие в Молочанский колонистский округ [10]. Активный переезд в Новороссию немецких колонистов, несмотря на изданный в 1819 г. указ о прекращении дальнейшего переселения иностранцев в Россию, продолжался вплоть до 1827 г. [11]. В 1823–1825 гг. в Александровском уезде Екатеринославской губернии из поселений немецких переселенцев были созданы Мариупольский колонистский и Мариупольский меннонитский округа.

К середине XIX в. немецкие колонии стали играть существенную роль в развитии южных территорий. Переселенцы использовали на них систему землепользования, основанную на общинном землевладении. Несмотря на большие участки земли, выделенные российским правительством, для расширения земельных владений, дальнейшего хозяйственного развития и основания новых колоний они докупали земли у других землевладельцев [12]. Однако на первых порах обустройство колонистов на новых землях не было легким. Им приходилось сталкиваться с многочисленными трудностями, адаптироваться к незнакомым условиям природной среды, бороться с засухами и неурожаями, нашествиями саранчи, эпидемиями чумы и холеры. Возникали также споры о границах земельных владений, поскольку новые южные территории в это время активно заселялись переселенцами из внутренних губерний России, государственными и помещичьими крестьянами, отставными солдатами, представителями различных религиозных течений.

Многие вопросы, связанные с колонизацией немецкими переселенцами южных территорий Российской империи в первой половине XIX в., позволяют прояснить документы, создававшие в ходе и по итогам проведения Генерального межевания земель, призванного навести порядок в землевладении и положить конец частым земельным спорам. На территории Новороссии Генеральное межевание земель не только позволяло закрепить права владельцев на землю, но и оценить хозяйственный потенциал региона. За четыре десятилетия здесь был проведен огромный комплекс работ, связанный с разграничением

земельных владений и установлением права собственности на землю. Проведение межевания в этом регионе требовало не только создания специальных правил, но и необходимость учитывать особенности колонизации, одновременно протекающие процессы заселения и освоения новых земель [13].

Несмотря на то, что процесс заселения немецкими колонистами обширного южного региона Северного Причерноморья в конце XVIII – первой половине XIX в. вызывает значительный интерес, до нынешнего времени документы Межевого отдела Российского государственного архива древних актов, в котором хранятся материалы Генерального межевания, проводившегося на территории Новороссии и Крыма, для его изучения практически не привлекались. В межевом архиве находятся как картографические источники – планы уездов и отдельных дач, позволяющие увидеть расположение на местности поселений и их земельных угодий [14], так и Экономические примечания к планам, содержащие описания дач по утвержденной схеме с предоставлением сведений о природной среде, количестве, категориях и качестве различных земельных угодий, количестве мужских и женских душ в поселениях [15]. Огромный материал содержат фонды полевых записок землемеров, спорных и мелочных дел, заводившихся в ходе и после межевания [16].

Среди первичных материалов Генерального межевания сохранились полевые записки землемеров, межевавших Мелитопольский уезд Таврической губернии, на территории которого располагались Молочанский меннонитский и Молочанский колонистский округа. В полевых записках содержатся сведения о процессе установления границ земельных владений меннонитских колоний Шензе, Фирстенау, Ладекоп, Линденау, Блюмштейн, Фирстенау, Петерсгаген, Гальбштадт, Шенау, Лихтенау [17], основанных в 1804–1806 г. по течению реки Молочной. Между тем среди спорных дел по уезду было выявлено дело, заведенное в мае 1821 г., в котором рассматривалось установление межи между меннонитскими колониями и селами Богдановки, Терпение, Троицким и Спаским, принадлежащими духоборцам [18]. Представители этого

религиозного течения, отрицавшего всякую обрядность, в 1801 г. по специальному указу, последовавшему после их прошения «о соединении их в одно место и водворении сколько можно отдаленно от прочих» дальше были переселены из других регионов России в Мелитопольский уезд на Молочные воды [19].

Место для водворения духоборцев считалось хорошим во многих отношениях: не только по отдаленности расположения, но и по имевшимся большим просторам плодородной, еще целинной земли. Условия переселения были для них выгодными: на каждую душу выделялось по 15 дес. земли, на 5 лет духоборцы освобождались от всех государственных податей, из казны на переезд выделялось на каждое семейство 100 руб., по истечении 10 лет с года водворения деньги в течение 20 лет необходимо было вернуть в казну. Доверенные люди от духоборцев вместе с чиновниками должны были изучить местность, предоставляемую для их переселения, и выбрать удобные места для поселения. Выделенную землю нужно было снять на план и представить на утверждение в вышестоящие органы.

Почти одновременное заселение и хозяйственное освоение района по течению реки Молочной духоборцами и немецкими переселенцами вызвало спор об установлении земельных границ их владений, окончательное решение которого было возложено на Правительствующий Сенат. К созданному по этому вопросу спорному делу была приложена обширная исходная документация, позволявшая установить границы, содержащая опросы старожилов, свидетельства землемеров, представителей общи духоборцев и меннонитов. Среди исходных документов в деле обнаруживаются полевые записки землемеров на обмежеванные дачи духоборцев, меннонитские и немецкие колонии, которые не значатся в фонде полевых записок, в частности полевая записка на земли колонии Нейдорф [20], а также дело о снятии немецких колоний на план [21].

В полевой записке 1828 г. об утверждении межи острова по речке Молочной между селами духоборцев Богдановкой, Терпение, Троицкой, Спаской и меннонитскими колониями Шензе, Фирстенау и Ладекоп, помимо указа об исправлении

неточностей при проведенном межевании имеется реестр документов, отправленных для решения спора в Правительствующий Сенат, а затем вернувшихся в Екатеринославскую межевую контору. Для рассмотрения в высшей инстанции были представлены полевые записки 1817 г. о разыскании межи между духоборческими и меннонитскими колониями, снятия внутренней ситуации в спорном отводе, отошедшим меннонистам от духоборцев, поверочная деревень Богдановки и Терпение, а также дело о снятии на план речки Молочной. Среди отправленных планов значились бесспорный и поверочный план на селения Богдановка и Терпение, специальный план спорной земли по течению реки Молочной, копии проектного плана, а также планы других земель, граничащих с землями духоборцев [22].

Таким образом, исходные материалы Генерального межевания (полевые записки землемеров, спорные, мелочные дела) содержат достаточно большой массив сведений. Они позволяют дополнить сведения Экономических примечаний к планам Генерального межевания по различным земельным владениям, восстановить собранную на местах и потерянную в ходе обобщения информацию. Полевые записки и спорные дела, выявленные в Межевом архиве, позволяют уточнить сам механизм установления границ между земельными владениями немецких колонистов и других переселенцев, содержат достаточно точные описания расположения их границ-меж, помогают прояснить систему урегулирования земельных споров, выяснить конкретных лиц и территории, участвующие в спорах.

Примечания

1. О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу. Манифест. 4 декабря 1762 г. // ПСЗ 1. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XVI. – № 11720. – С. 126–127.

2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 16. – Оп. 1м. – Д. 348. – Л. 2–10.

3. РГАДА. – Ф. 16. – Оп. 1м. – Д. 349. – Л. 1–3.

4. О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах.

Манифест. 22 июля 1763 г. // ПСЗ 1. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XVI. № 18880. – С. 313–316.

5. История российских немцев // RusDeutsch. Информационный портал российских немцев // URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/16/38> (дата обращения: 25.06.2022).

6. *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVII – начале XX века. – Москва: Наука, 1998. – С. 47.

7. О поселении в окрестностях Одессы и в других местах губерний Херсонской, Екатеринославской и Таврической колонистов, из Германии прибывших. 17 октября 1803 г. // ПСЗ 1. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXVII. № 20988. – С. 932–934.

8. О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов. Высочайше утвержденный доклад Министра внутренних дел. 20 февраля 1804 г. // ПСЗ 1. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXVIII. – № 21163. – С. 137–139.

9. Очерки истории немцев и меннонитов Юга Украины. – Днепропетровск: Арт-Пресс, 1999. – С. 209.

10. *Кабузан В.М.* Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII–XX веках (1710–1989 гг.): историко-статистическое исследование. – М.: Институт российской истории РАН, 2003. – С. 44.

11. О пресечении дальнейшего переселения в Россию иностранных выходцев. 5 августа 1819 г. // ПСЗ 1. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXVI. – № 27912. – С. 325.

12. РГАДА. – Ф. 1261. Оп. 2. Д. 774. Л. 1.

13. *Степанова Л.Г.* Освоение и Генеральное межевание Новороссии в конце XVIII – начале XIX в. // Причерноморье в контексте обеспечения безопасности России: К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Краснодар, 2020. – С. 81–86.

14. РГАДА. – Ф. 1354. – Оп. 111, 114, 476.

15. РГАДА. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Д. 364, 365, 377, 378, 1557, 1558.

16. РГАДА. – Ф. 1308. – Оп. 1–5; Ф. 1339. – Оп. 1–5.

17. РГАДА. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 73, 74, 75, 76, 77.

18. РГАДА. – Ф. 1339. – Оп. 3. – Д. 125.

19. О переселении обитающих в Новороссийской и Слободско-Украинской губерниях духоборцов на поля, лежащие в Мелитопольском уезде, по течению реки Молочной. 25 января 1801 г. // ПСЗ 1. – Санкт-

Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXVII. – № 20123. – С. 27–28.

20. РГАДА. – Ф. 1339. – Оп. 3. – Д. 128.

21. РГАДА. – Ф. 1339. – Оп. 3. – Д. 146.

22. РГАДА. – Ф. 1339. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 3.

Д.В. Елисеенко, Л.Г. Степанова
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ПЕРВЫЕ НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ НА ЗЕМЛЕ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА: ОСОБЕННОСТИ ОСНОВАНИЯ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА²

Аннотация. В статье рассматриваются условия переселения немецких колонистов на территорию Черноморского казачьего войска, основание первых немецких колоний на побережье Азовского моря вблизи торгового города-порта Ейска, особенности их землеустройства и хозяйственной деятельности. Авторы изучают традиционный земледельческий и поселенческий уклад первых немецких колоний. Особое внимание уделено результатам межевания земель колоний. Сведения планов дач позволяют уточнить категории земель, выделенных немецким колонистам.

Ключевые слова: Немецкие колонисты, Черноморское казачье войско, межевание, землеустройство, категории земель.

D.V. Eliseenko, L.G. Stepanova
(Krasnodar, Russian Federation)

THE FIRST GERMAN COLONYS ON THE LAND OF THE BLACK SEA COSSACK ARMY: FOUNDATION AND LAND MANAGEMENT FEATURES

Abstract. The article discusses the conditions for the resettlement of German colonists on the territory of the Black Sea Cossack Host, the foundation of the first German colonies on the coast of the Sea of Azov near the trading port

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00330, <https://rscf.ru/project/22-28-00330>

city of Yeysk, the features of their land management and economic activity. The authors study the traditional agricultural and settlement way of the first German colonies. Particular attention is paid to the results of surveying the lands of the colonies. Information from the plans of dachas makes it possible to clarify the categories of land allocated to the German colonists.

Key words: German colonists, Black Sea Cossack army, land surveying, land management, land categories

В начале XIX в. интенсивно шло освоение и заселение новых южных территорий на юге Российской империи. В докладе императору Александру I министра внутренних дел Виктора Павловича Кочубея от 23 февраля 1804 года «О местах для поселения иностранцев на юге России» содержались действенные меры, способствующие развитию колоний на территории Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерний по опыту первых колоний в Саратовской губернии. Особое внимание в докладе было уделено вопросу о наиболее выгодном расположении колоний. Особенностью освоения южного региона, имеющего выход к морям, стало основание иностранных колоний как можно ближе к портовым городам. Рассчитывалось, что жители колоний будут использовать современные технологии земледелия и садоводства, укрепят хозяйственную базу портовых городов. В свою очередь сюда будут привозить необходимые товары для земледелия, взамен колонисты смогут реализовывать свою сельскохозяйственную продукцию, отправляемую как во внутренние порты Российской империи, так и в иностранные государства [1].

По указу Правительствующего Сената в 1795 г. территории по течению реки Ея были разграничены по высочайше утвержденной линии между черноморскими и донскими казаками [2]. В середине XIX в. в Ейском округе на берегу Азовского моря немецкими переселенцами были основаны первые колонии на территории Кубани. Они появились рядом с портовым городом Ейском с «целью снабжать городских жителей хорошими припасами и примером заохочивать коренное население Черномории к улучшению хозяйства и распространению всякого рода ремесла» [3]. Немецким поселенцам отводилась особая роль в развитии региона, распространении здесь земледелия и других

форм хозяйствования [4]. Портовый город Ейск был основан на стратегическом месте у основания Ейской косы в 1848 г. по инициативе исправляющего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска Григория Антоновича Рашпиля и при поддержке Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, Кавказского наместника Михаила Семеновича Воронцова. Решение об основании нового портового города обосновывалось необходимостью иметь крупный торговый город в Северокавказском регионе, который должен способствовать развитию торговых связей как внутри страны, так и усилить внешние торговые связи на Черном море [5]. Жители города не относились к казачьему сословию, они составляли мещанское общество. Пахотной и выгонной земли жителям при основании города не отвели [6], поэтому всплывала проблема их продовольственного обеспечения.

В 1852 г. переселенцами из колонии Рибенсдорф Острожского уезда Воронежской губернии была основана колония Михельсталь, получившая свое название в честь М. С. Воронцова (с 1893 г. село Воронцовка). Причинами к началу переселения колонистов из Воронежской губернии послужили нехватка обрабатываемой земли и последствия природной стихии. В июне 1850 г. на старом месте жительства в колонии Рибенсдорф случился большой пожар, который уничтожил большую часть деревянных строений. Положение Кавказского комитета «О переселении колонистов из колонии Рибенсдорф, Воронежской губернии, на земли близ г. Ейска в Черномории», утвержденное императором Николаем I, было основано на записке, поступившей от министра государственных имуществ. В свою очередь Кавказский наместник М.С. Воронцов поддержал это переселение, посчитал его полезным в виде первоначального опыта. Первые 30 семейств должны были заселиться на новые земли с целью демонстрации пользы портовому городу. В дальнейшем число колонистов предполагалось увеличить, если предполагаемый результат оправдается. Для обустройства на новом месте каждой семье переселенцев предлагалось выделить из сумм Черноморского казачьего войска до 175 руб. серебром, которые следовало вернуть с процентами на общих правилах

займов в течение 10 лет. Колонистам также обещали льготу в платеже казенных податей и повинностей на 8 лет. Условия для переселения колонисты посчитали хорошими, однако от денег из сумм Черноморского войска они отказались [7].

В переписке между Воронежской палатой государственного имущества и Войсковым правлением Черноморского казачьего войска обговаривался начальный срок выхода колонистов на новое место жительства. Весной 1852 г. переселение было отложено из-за отказа колонистов выезжать на новые места до уборки на полях табака и хлеба. Отсрочка была получена до ноября 1852 г. В период последних месяцев пребывания в Воронежской губернии немецкие колонисты принялись продавать свои дома и лишнее имущество, которое бы обременяло их в дороге. В именном списке Острожских переселенцев от 14 мая 1853 г. числится 30 семей, которые прибыли на территорию между станицей Должанской и городом Ейском: 28 душ мужского и 35 душ женского пола. Переселенцы перевозили оставшееся имущество в сундуках на телегах, захватив с собой 26 четвертей разного хлеба. Колонисты переселялись вместе с домашним скотом, вели с собой 52 лошади, 24 коровы. На первое время для пахотных работ и проведения межевания земли у них имелось два плуга [8].

На новом месте колонисты получили в общинное пользование землю между городом Ейском и станицей Должанской в количестве 900 дес. Исправляющий обязанности наказного атамана Черноморского войска Г. А. Рашпиль в записке Межевой комиссии 7 октября 1852 г. указал на необходимость предоставления дополнительных 100 дес. удобной земли колонистам для размещения молитвенного дома [9]. 16 июня 1853 г. младшим землемером Берновеком было проведено межевание земли, с последующим составлением плана земельного участка колонии [10]. Границы между участками семей колонистов проложили с помощью плуга. Особенности землеустройства колонии, количество земельных ресурсов и их потенциальные возможности, позволяющее организовать ведение сельского хозяйства с учетом различных природных факторов, проясняет составленный землемерами план земельного участка,

на котором выделялись традиционные для своего времени категории земель, которые делились на удобные и неудобные [11]. К колонии было отведено 1053 дес. 1488 саж. земли, в том числе 231 дес. 2060 саж. пашни, 745 дес. 2326 саж. степи, которая считалась годной к пашне и сенокосу, 9 дес. 1980 саж. находилось под поселением и огородами, 12 дес. 834 саж. относились к выгону. К неудобной земле причислили 53 дес. 1488 саж., на которых располагались солонцы, временно покрываемые водой, различные крутые места, пруд и проселочные дороги [12]. Учреждался проект колониетских усадеб, предусматривавший определенный тип фасада домов, разделенных на три разряда [13].

Михельстальское управление в переписке с Ейским окружным начальником 16 марта 1854 г. отчиталось об обустройстве молитвенного дома, на постройку которого отвели 80 дес. земли. Два раза в год колонию посещал пастор, дорогу и проживание которого оплачивали паства. Все вопросы, связанные с вероучением колонистов и исправлением их обрядов, курировал Московский Евангелическо-Лютеранский округ. Оставшиеся 20 дес. из выделенной земли были предназначены училищу для юношей [14]. В нем с 7 лет учились дети в течении последующих 8 лет. Число обучающихся в училище к 1860 г. доходило до 60 человек. В программу обучения входило изучение букваря, краткого катехизиса, Нового и Старого Завет, арифметики, церковного устава, грамматики, нотного пения и чистописания [15]. В школе преподавал духовный учитель из Пятигорского округа, колонист Христафор Бренинг. В ноябре 1857 г. колониетское управление заключило с ним контракт сроком на 5 лет с последующим правом продления. Все предметы он вел на немецком языке [16].

Основным родом деятельности немецких колонистов было земледелие. Среди культур в основном выращивались злаковые: пшено, рожь, овес. Каждая семья в обязательном порядке возделывала от 1 десятины картофеля. Полагавшиеся каждой семье колонистов 30 дес. земли делились на три участка: первый участок в 2 дес. предназначался для возведения усадьбы, обустройства огорода и сада, второй участок в 18 дес. выделялся

для пашни, третий участок в 9 дес. использовался для выгона скота. Для удобства обработки общинной пахотной земли, она делилась на шестнадцать поясов. Каждая семья в одном поясе обрабатывала от 1 до 1 дес.6 саж. земли. Пять поясов каждый год распахивали, при этом удобрения в почву не вносились, земля засаживалась хлебом до того момента пока не истощалась. Когда же урожайность падала до минимальных значений, то на один год на этой земле высаживалась рожь, дальше цикл повторялся. Оставшиеся одиннадцать поясов пахотной земли обрабатывали по технологии трехполья. Два пояса вспахивали и выращивали на нем злаки, третье поле использовали для выгона. В колонии было принято правило, что каждая семья бесплатно выпускает на выгон 15 лошадей или голов крупного рогатого скота. За превышение этой нормы хозяйство нужно было платить по восемьдесят копеек за одну голову скота [17].

Близость к Азовскому морю предоставляла возможность заниматься рыбным промыслом. Наравне с казаками колонисты получили право рыбной ловли [18]. Между береговой линией и землями колонии выделялось 150 дес. для проселочной дороги и расположения рыболовных снастей. Колонистам разрешалось заниматься ловлей рыбы наравне с войсковыми жителями, улов они могли использовать по своему усмотрению [19].

По ведомости «О состоянии лютеранской нации колонии Михельсталь» на 1 января 1859 г. в колонии числилось 224 колониста: 118 душ мужского пола и 117 душ женского пола. Колонисты проживали в 27 деревянных домах, но имелись также 2 землянки. На всю колонию была 1 кузница, 3 ветряные мельницы, позже колонисты освоят паровую мельницу. В своем хозяйстве немецкие колонисты держали 192 лошади, 181 голов крупного рогатого скота, 1350 овец. Во владении колонистов имелся сад, в котором произрастали 9300 фруктовых деревьев, выращивался виноград, количество которого составляло 5000 виноградных лоз [20]. Сады были разбиты на общинных участках земли и любое нарушение общепринятых правил приводило к судебным разбирательствам. Так, коллективная жалоба от жителей колонии Михельсталь поступила на колониста Шмитта, который выращивал виноградную лозу в количестве 1200 кустов

на земле, отведенной под молотьбу хлеба. Вследствие разбирательства Начальником Кубанской области было вынесено решение об уничтожении садовых растений на общественной земле [21]. Апелляция колониста Шмитта о возмещении ущерба в размере 4000 рублей из-за потери доходов от продажи вина была отклонена.

Однако жители колонии Михельсталь не смогли быстро адаптироваться к новой незнакомой среде. Надежды властей на развитие в колонии на высоком уровне земледелия и огородничества и передачу этого опыта местным жителям не оправдались, поэтому было принято решение пригласить на переселение немецких колонистов, имевших уже опыт ведения хозяйства в южном регионе [22]. В 1860 г. немецкими переселенцами из Таврической губернии на берегу Ейского лимана была основана колония Александрфельд, позже переименованная в село Александровка. 27 сентября 1860 г. земля колонии Александровской была обмежевана младшим землемером Милюковым. Колония граничила с землей станицы Старощербиновской Черноморского казачьего войска, за лиманом располагалась территория Екатеринославской губернии. К колонии отвели 926 дес. 1987 саж. земли. Землеустройство и состояние выделенных колонии земель представлено на плане межевания. К поселению и огородам относились 27 дес. 330 саж., к пашне – только 6 дес. 1200 саж., степи и выгонам, способным для хлебопашества и скотоводства – 866 дес. 870 саж., церкви и кладбищу – 1 дес. 100 саж. Под дорогами располагались 18 дес. 1459 саж. земли, бечевником – 5 дес. 1460 саж., обрывали, лиманом и балкой – 1 дес. 1308 саж. [23].

Учитывая нужду колонистов в новой земле, в 1863 г. двум немецким колониям была передано 1900 дес. из свободной войсковой земли. Колония Михельсталь получила 400 дес. земли, еще одна колония Александрфельд 1500 дес. [24]. Земля передавалась в оброчное пользование сроком от 6 до 15 лет, и была предельно отдалена от колоний на 30 верст [25]. Под пахоту она подходила не везде, поскольку состояла из солончаков и считалась неудобной для земледелия, но ее было достаточно для заготовки сена и выгула скота. К 1894 г. село Воронцовское

(ранее колония Михельсталь) располагало 1053 дес. земли на 672 жителя обою пола, колония Александрфелд имела в распоряжении 926 дес. на 385 жителей. Общественный капитал колонистов оставался без преумножения. В сумме бюджет двух колоний на 1893 г. составил 5040 рублей [26].

Таким образом, первые немецкие колонии, появившиеся в середине XIX в. на Земле Черноморского казачьего войска, основывались на еще пустующих и хозяйственно неосвоенных землях. При межевании происходила установка границ и закрепление межевых знаков, землемеры описывали не только общее количество выделенных земель, но и проводили их оценку как удобных и неудобных для ведения хозяйственной деятельности. Как и в других южных регионах, охваченных колонизацией, где наблюдались одновременные процессы заселения и освоения территории, они могли относиться к категориям земель, пригодных к распашке и развитию на них земледелия и скотоводства. Землеустройство колоний опиралось на потенциальные возможности тех земель, которые выделялись переселенцам. Традиционный поселенческий и земледельческий уклад немецких колонистов, принесенный на новую территорию, не всегда позволял им быстро адаптироваться у изменившимся условиям жизни. На новом месте наилучшие результаты хозяйствования демонстрировали колонисты, имевшие опыт проживания в сходных природных условиях на соседних южных территориях.

Примечания

1. О местах для поселения иностранцев. Высочайше утвержденный доклад. 23 февраля 1804 г. // ПСЗ 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXVIII. – № 21177. – С. 154–155.

2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1308. – Оп. 5. – Д. 380. – Л. 1–7.

3. *Черный К.Н.* Ейский уезд (Статистическое описание) // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: типография А.П. Сташевского и типография Л. Нитче, в г. Одессе, 1883. – Т. 1. С. 315.

4. *Юракова О.В.* Возникновение немецких колоний на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX века: причины, численность,

расселение // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена: научный журнал. – 2009. – № 115. – С. 109.

5. *Стефанов Т.* Город Ейск. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар: типография А. П. Сташевского и типография Л. Нитче, в г. Одессе, 1883. – Т.1. – С. 222.

6. *Мельников Л. М.* Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета.. Екатеринодар: типография А. П. Сташевского и типография Л. Нитче, в г. Одессе, 1883. – Т. 6. – С. 74.

7. Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. – Москва: Материк, 2006. – С. 261–263.

8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 252. – Оп. 1. – Д. 1583. – Л. 4–5.

9. ГАКК. – Ф. 252. – Оп. 1. – Д. 1419. – Л. 6.

10. ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9с. – Д. 422. – Л. 5.

11. *Степанова Л.Г.* Особенности Генерального межевания Таврической губернии в первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2019. – № 6. – С. 377–380.

12. ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9с. – Д. 422. – Л. 5.

13. ГАКК. – Ф. 252. – Оп. 1. – Д. 1419. – Л. 9.

14. ГАКК. – Ф. 252. – Оп. 1. – Д. 1941. – Л. 3.

15. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 2292. – Л.19–22.

16. Там же. – Л. 20.

17. *Черный К.Н.* Указ. соч. – С. 391–392.

18. *Сахань Т.В.* Особенности образования колонии Михельсталь – первого поселения на Земле Черноморского казачьего войска // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – 2020. – № 2(8). – С. 27.

19. ГАКК. – Ф. 252. – Оп. 1. – Д. 1941. – Л. 1.

20. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 2292. – Л. 16–17.

21. ГАКК. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 398. – Л. 21–30.

22. ГАКК. – Ф. 574. – Оп. 1. – Д. 277. – Л. 5–5 об.

23. ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9с. – Д. 423. – Л. 6.

24. ГАКК. – Ф. 574. – Оп. 1. – Д. 287. – Л. 5–14.

25. ГАКК. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 551. – Л. 1–5.

26. Кубанская справочная книжка. – Екатеринодар: Типография А.П. Сташевского, 1891. – С. 59.

С.Н. Шаповалов
(г. Краснодар, Российская Федерация)

**ОСТЗЕЙСКИЕ НЕМЦЫ НА ЧЕРНОМОРСКОЙ
БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ (НА ПРИМЕРЕ ГЕНЕРАЛ-
АДЪЮТАНТА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА
БУДБЕРГА)³**

Аннотация. в представленной статье рассматривается деятельность барона Александра Ивановича Будберга с момента поступления на службу и до ухода в отставку. Основное внимание уделено периоду, когда он исполнял должность начальника Черноморской береговой линии и способствовал ее развитию по гражданской и военной части. В качестве одного из источников использованы воспоминания Григория Ивановича Филипсона, который хорошо знал состояние Черноморской береговой линии и служил под началом нескольких начальников.

Ключевые слова: Александр Иванович Будберг, Кавказ, линия, укрепления, черкесы, Черноморская береговая линия.

S.N. Shapovalov
(Krasnodar, Russian Federation)

**OSTSEAN GERMANS ON THE BLACK SEA
COASTLINE (BY THE EXAMPLE OF ADEDUANT
GENERAL ALEXANDER IVANOVICH BUDBERG**

Abstract. The present article discusses the activities of Baron Alexander Ivanovich Budberg from the moment he entered the service and until his retirement. The main attention is paid to the period when he served as the head of the Black Sea coastline and contributed to its development in the civil and military parts. The memoirs of Grigory Ivanovich Philipson, who knew the state of the Black Sea coastline well and served under several commanders, were used as one of the sources.

Key words: Alexander Ivanovich Budberg, Caucasus, line, fortifications, Circassians, Black Sea coastline.

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00330, <https://rscf.ru/project/22-28-00330/>

Барон Александр Иванович Будберг принадлежал к выходцам из остзейского немецкого дворянства. [1]. Его семья была прочно связана с российским императорским двором со второй половины XVIII в. Его отец Готтард Иоганн фон Будберг служил адъютантом у Великого князя Константина Павловича, а мать, Анна-Магдалена Баранофф числилась статс-дамой Великой княгини Елены Павловны. Русские источники указывают различные даты рождения Александра Ивановича. В биографическом словаре А.А. Половцова рождение датировано 1798 г., а в Военной энциклопедии Сытина указан 1796 г. [2]. По описанию Григория Ивановича Филипсона, состоявшего в 1843 г. начальником штаба при начальнике Черноморской береговой линии и впервые увидевшего Будберга, ему было под 50 лет [3]. На этом основании мы можем предположить, что Александр Иванович все же родился в 1796 г. и возглавил Черноморскую береговую линию в возрасте 46–47 лет.

Александр Иванович выбрал для своей карьеры Институт инженеров путей сообщения, который был высшим техническим учебным заведением Российской империи. Получив образование, Будберг начал службу инженером в чине прапорщика. Через 6 лет ему было присвоено звание капитана. Карьера будущего начальника Черноморской береговой линии едва не закончилась в 1821 г., когда по причине расстроенного здоровья он вышел в отставку.

Через два года Александр Иванович вернулся на службу, но теперь он связал свою жизнь с кавалерией, поступив на службу, в Харьковский драгунский полк. В последующие годы Будберг принял участие в русско-персидской и русско-турецкой войнах, где сумел отличиться и продвинуться по службе. За сражение под Шумлою он был удостоен ордена Св. Анны 2-й степени, а покорение Варны и участие в битве под Кулевчею, были вознаграждены произведением в полковники.

Именно во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. произошло знакомство Александра Ивановича с Кавказом и населявшими его народностями. Полученный опыт станет востребованным при осуществлении управленческих и военных обязанностей на Кавказе в 40-х гг. XIX в.

Русско-польская война 1830–1831 гг. предоставила Александру Ивановичу возможность сполна проявить свои военные и дипломатические способности. В это время он состоял адъютантом генерал-фельдмаршала графа И.И. Дибича и исполнял различные поручения. Это не помешало ему принять участие в сражениях при Калушине, Минске, Вавре и при Грохове. Они доставили ему звание флигель-адъютанта Его Императорского Величества. Оно было получено им при личном донесении Императору Николаю I о поражении поляков.

Вернувшись из командировки в Санкт-Петербург к армии, Александр Иванович участвовал, с авангардом войск, в делах: под Куфлевым, при Минске и при крепости Залесце. Затем, сопутствовал движению от Пултуска летучего казачьего отряда походного атамана М.Г. Власова, в качестве начальника его штаба. После покорения Варшавы он находился при войсках генерал-адъютанта барона Г.В. Розена, во время преследования ими корпуса Ромарино. После прекращения военных действий, на Александра Ивановича было возложено участие в особой комиссии, назначенной для запечатания публичной библиотеки в Варшавском университете и библиотеки Варшавского общества любителей наук и словесности. За успешное исполнение гражданских и военных поручений в декабре 1836 г. Будберг был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту Его Императорского Величества.

Военная карьера Александра Ивановича Будберга продолжилась 14 апреля 1843 г., когда он вновь был назначен на Кавказ [4]. Теперь ему предстояло проявить свои способности при управлении и освоении Черноморского побережья Кавказа уже в должности начальника Черноморской береговой линии. По воспоминаниям Григория Ивановича Филипсона предыдущий начальник линии генерал-лейтенант граф Иосиф Романович Анреп постоянно страдал от абхазской лихорадки и был вынужден оставить свою должность по настоянию своей супруги [5].

Назначение Александра Ивановича исправляющим должность начальника (позже начальником) Черноморской береговой линии пришлось на период административно-

территориальных преобразований на самой линии, в которые он должен был сразу же начать вникать. Еще в период начальства генерал-лейтенанта графа И.Р. Анрепа 20 августа 1842 г. было принято положительное решение о присоединении земель Мингрелии и Гурийского уезда к Черноморской береговой линии путем образования в ее составе нового 4-го отделения. В результате территория линии достигла своего максимального размера. Гурийский уезд был подчинен начальнику линии по гражданской и военной части, а Мингрелия – только по военной. Командование новым отделением поручалось полковнику А.Н. Брусилову. Для управления новой единицей линии был определен соответствующий военный и гражданский штат. Частью преобразования стало переименование Грузинского линейного № 1 батальона в Черноморский линейный № 12 батальон. В распоряжение начальника береговой линии передавалась Имеретинская милиция, но для ее использования была необходима санкция от командира Отдельного Кавказского корпуса [6].

Сложность и неудобство новой системы управления 4-м отделением линии стали проявляться практически сразу же после окончания преобразования. Об этом еще до положительного решения вопроса предупреждал начальник штаба при начальнике линии Г.И. Филипсон, который писал, что распоряжения для Мингрелии и Гурии могли выходить своевременнее из Тифлиса, чем из Керчи (местопребывания начальника линии), так как вся корреспонденция туда все равно направлялась через Тифлис и Ставрополь [76].

Однако новый исправляющий должность начальника Черноморской береговой линии Александр Иванович Будберг начал свою деятельность с тщательного ознакомления с действующим положением вещей на линии, а также с местными начальниками и офицерами линии. Как писал Г.И. Филипсон: «...Сделав несколько поездок по Береговой Линии и осмотревшись в этом новом для него крае, Будберг сразу хорошо поставил себя относительно главных лиц своего командования...» [8].

Первостепенное ознакомление с краем действительно было крайне необходимо, так как после проведенного преобразования состав Черноморской береговой линии стал выглядеть следующим образом. 1-е отделение состояло из крепостей Анапы и Новороссийска, укрепления Кабардинского, форта Раевского, станиц Николаевской, Александровской, Суворовской, Витязевской и Благовещенской. Во 2-е отделение входили укрепления Геленджик, Новотроицкое, Тенгинское, Вельяминовское, форты Лазарева и Головинский. В 3-е отделение входили крепость Сухум-Кале, укрепления Навагинское, Св. Духа, Гагры, Пицунда, Бомборы, Дранды, Марамба, Илори и Катаульский пост. Последнее, 4-е отделение, состояло из укреплений Анаклия, Редут-Кале, Поти, Св. Николая, Квитаули, местечка Озургеты и Озургетского поста [9].

Ознакомление с делами линии позволило Будбергу вникнуть в конфликт, который возник между комендантом Анапы и начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмиралом Л.М. Серебряковым. Прибытие в Анапу и Новороссийск нового начальника привело к снижению напряженности между ними: «...Анапский комендант, хотя и барон, но понял, что ему нельзя долее продолжать открытую войну, против своего начальника Серебрякова. Последний убедился, что должен умерить свой воинственный пыл, хотя ему вполне было предоставлено предпринимать военные движения в размере его средств...» [10].

По свидетельству начальника штаба при начальнике линии Г.И. Филипсона А.И. Будберг не только не стремился использовать лишние раз военные средства против горцев, но и не препятствовал частной торговле на территории Черноморской береговой линии, в частности, в Новороссийске, куда заходили турецкие суда с различными товарами: «...Торговля стала развиваться. На рейде было несколько военных судов; стали приходиться и частные суда, особливо Турецкие кочермы. Привоз последними товаров из Турции конечно не совсем был согласен с таможенными правилами, но начальство Береговой линии смотрело на это всегда снисходительно, и г. Будберг еще более

других...» [11]. Основными ввозимыми товарами были сахар, кофе, табак и английский ситец.

Едва освоившись в новой должности и завершив ознакомление с подведомственной территорией, генерал-лейтенант барон А.И. Будберг должен был вникать в новые административные преобразования и в расширение своих обязанностей и полномочий на Черноморской береговой линии. 15 декабря 1846 г. было утверждено «Положение о заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Черного моря» [12]. В нем все пространство между устьями рек Кубани и Ингура теперь именовалось северо-восточным берегом Черного моря. По общему управлению весь этот берег был причислен к Закавказскому краю. В границах северо-восточного берега Черного моря учреждались три портовых города: Анапа, Новороссийск и Сухум-Кале. Станицы и поселки в окрестностях Анапы сохраняли общее название Закубанского поселения.

Положение расширяло полномочия начальника береговой линии, которому теперь присваивались права и власть военного губернатора, управлявшего гражданской частью на общем положении, для управления Закубанским поселением и городами Анапой, Новороссийском и Сухум-Кале. Начальнику линии предоставлялось право на выдачу окончательного разрешения на причисление к городам северо-восточного берега Черного моря и Закубанским поселением лиц свободного состояния. Для осуществления делопроизводства по части гражданского управления учреждалась особая канцелярия. На начальников отделений возлагалась обязанность к привлечению в города северо-восточного берега Черного моря, которые были вверены им для управления, промышленников, способных принести пользу развитию торговли и благосостоянию края. Они должны были также всеми средствами поощрять внутреннюю и внешнюю торговлю. Особое внимание в положении уделялось горцам. Начальникам отделений поручалось мерами «благоразумного снисхождения, кротости и строгой справедливости привлекать горцев к распространению торговых и дружественных с нами отношений» [13].

После публикации нового положения о северо-восточном берегу Черного моря начальник Черноморской береговой линии должен был теперь вникать в дела Закубанского поселения и составлявших его станиц и населенных пунктов. В своих рапортах на имя командира Отдельного Кавказского корпуса А.И. Будберг сообщал о делах и происшествиях, происходивших в станицах. Например, в рапорте от 30 ноября 1848 г. А.И. Будберг писал: «...В Закубанском поселении в ст. Суворовской оставалось больных к 16 октября поселян 13 и нижний чин 1. С 16 октября по 16 ноября заболело поселян 39 и нижних чинов 4. Из числа их умерло поселян 13, выздоровело поселян 39 и нижних чинов 5, а затем к 16 ноября больных поселян и нижних чинов не оставалось... В ст. Витязевой к 16 октября оставалось больных поселян 6 и нижних чинов 3 чел. С 16 октября по 16 ноября заболело поселян 54, обер-офицер 1 и нижних чинов 37; из того числа умерло поселян 25, , обер-офицер 1 и нижних чинов 14; выздоровело поселян 35 и нижних чинов 26...» [14].

Верный своим взглядам А.И. Будберг предпринимал меры к налаживанию отношений с горцами, и прежде всего, в области поддержания торговли между отдельными племенами и гарнизонами укреплений. Так в рапорте от 30 мая 1850 г. на имя командира Отдельного Кавказского корпуса А.И. Будберг докладывал о достигнутых результатах: «...Между тем торговля идет теперь с необыкновенной деятельностью. Не смотря на частые запрещения народных собраний доставлять нам строительные материалы, нынешней весной в укр Тенгинском продали нам горцы до 2-х т. Бревен для перестройки палисада и исправления строений и предлагают еще в большем количестве строевой лес. Примером не враждебного расположения к нам Шапсугов, живущих в окрестности укреплений, и неготовности их к войне, возжигаемой против нас Мухаммед-Эмином, может служить один недавний случай. Жители близ укр Вельяминовского достали из моря с погибшего в 1847 году транспорта «Адлера» и продали нам чугунное орудие 27 апреля за 9 р. с., не взирая на требования Мухаммед-Эмина собирать к прибытию его орудия...» [15].

А.И. Будберг являлся начальником Черноморской береговой линии с 1843 до 1851 года. За это время линия удержала все свои крепости и укрепления. В них поддерживался порядок, проводились ремонты и усиливались оборонительные позиции. Верный своим принципам, А.И. Будберг пытался поддерживать с горскими племенами мирные отношения, основанные на взаимных торговых интересах. Осторожная и дальновидная политика позволила Александру Ивановичу в течение целых 8 лет оставаться во главе нашей Черноморской береговой линии.

Завершить обзор деятельности остзейского немца генерал-адъютанта барона А.И. Будберга на Черноморской береговой линии хочется словами его подчиненного, сказанными через многие десятилетия спустя о своем бывшем начальнике: «...Будберг умел привязать к себе своим ровным и ласковым со всеми обхождением, при полном соблюдении своего начальнического достоинства» [1615].

Примечания

1. Русский биографический словарь: в 25 томах. – СПб.; М., 1896–1918. – Т. 3. – С. 430–431; Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В.Ф. Новицкого [и др.]. – СПб.; [М.]: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911–1915. – Т. 5. – С. 135.
2. Там же.
3. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. Историко-литературный сборник: в 156 выпусках. – М.: Университетская типография, 1884. – Вып. 1–2. – С. 351.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 438. – Л. 1.
5. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – С. 351.
6. О составлении 4-го отделения Черноморской береговой линии из Мингрелии и Гурии. 20 августа 1842 г. // ПСЗ. – Т. 17. – № 15982. – С. 878.
7. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – С. 351.
8. Там же. – С. 352.
9. Касумов Х.А. К вопросу о значении Черноморской береговой линии в Крымской войне // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 7. – С. 79.
10. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – С. 352.
11. Там же.
12. О заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Черного моря. 15 декабря 1846 г. // ПСЗ. – Т. 21. – № 20707. – С. 673.
13. Там же.

14. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Тифлис: Издательство: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1885. – Т. 10. – С. 678.

15. Там же. – С. 681.

16. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – С. 360.

А.В. Олифир

(г. Краснодар, Российская Федерация)

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДКИ ГЕНЕРАЛОМ Г.Х. ЗАССОМ НА КУБАНСКОЙ ЛИНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации и проведения разведки на Кубанской линии в период пребывания на ней с 1833 г. по 1842 г. незаурядного генерала Григория Христофоровича фон Засса, одного из плеяды т.н. «русских немцев», внесших значимый вклад в историю освоения Кавказа. Описаны основные способы и методы получения Г.Х. Зассом разведывательной информации, от которой в значительной мере зависел успех применявшейся им на Кубанской линии стратегии «активной обороны».

Ключевые слова: разведка, контрразведка, активная оборона, горцы, лазутчики, агентура, набег, Кубанская линия.

A.V. Olifir

(Krasnodar, Russian Federation)

ABOUT THE ORGANIZATION OF INTELLIGENCE BY GENERAL ZASS G.H. ON THE KUBAN LINE

Abstract. The article discusses the features of the organization and conduct of exploration on the Kuban line during the stay on it from 1833 to 1842, an outstanding Russian general Grigory Khristoforovich von Zass, one of the pleiades of so-called «Russian Germans» who made a significant contribution to the history of the development of the Caucasus. The main methods and methods of obtaining G.H. Zass intelligence information, on which the success of the "active defense" strategy he used on the Kuban line largely depended.

Key words: intelligence, counterintelligence, active defense, highlanders, spies, agents, raid, Kuban line.

Личность генерала Российской Императорской армии, немца по происхождению, представителя древнего вестфальского рода, барона Григория Христофоровича фон Засса, как и его деятельность на Северо-Западном Кавказе, до сих пор вызывают споры и оцениваются историками неоднозначно. В отечественной историографии упоминания о нем весьма редки и отрывочны. Наиболее интересными представляются воспоминания современника и сослуживца Засса генерала Георгия Семеновича Атарщикова, опубликованные им в 1870 и 1873 гг. [1], а также статьи современных историков А. Луночкина, А. Михайлова, В. Пархоменко, А. Остахова [2]. Авторы достаточно подробно останавливаются на особенностях военной стратегии и тактики генерала Засса, описывают черты его характера, благодаря которым он снискал искреннюю любовь подчиненных, почет и уважение врагов. Специальные работы посвятили Г.Х. Зассу кавказоведы В.Б. Виноградов и О.В. Матвеев [3]. Если первый ученый сделал акцент на роль генерала в основании Армавира и попытках сближения с горцами, то второй историк рассмотрел личность военачальника в контексте эпохи Кавказской войны, объясняя некоторые негативные аспекты восприятия военачальника в обществе.

В данной статье предпринята попытка характеристики организации Г.Х. Зассом разведывательной деятельности на Кубанской линии.

Из 20 лет службы на Кавказе 9 лет (с 1833 по 1842 гг.) Г.Х. Засс провел на Кубанской линии, куда был переведен начальником Кавказской области генерал-лейтенантом И.А. Вельяминовым. До этого Засс в звании полковника командовал Моздокским казачьим полком на Терской линии.

Одним из первых шагов, предпринятых Г.Х. Зассом сразу после его назначения в 1833 г. командующим Баталпашинским участком Кубанской линии, стал разведывательно-рекогносцировочный поход за Кубань. Он двинулся с малым отрядом на территорию, контролируемую горцами, с целью установления скрытых мест и путей, которые противник мог использовать для набегов на русские укрепления и станицы.

Успеху большинства проведенных под руководством генерала Засса военных операций способствовало заблаговременное получение им достоверной информации о противнике, его планах и намерениях. Для достижения этой цели, дававшей неоспоримое преимущество и позволявшей всегда быть на шаг впереди своего соперника, Г.Х. Засс активно использовал созданную им агентурную сеть, состоявшую из лазутчиков различных горских племен. Участник тех событий Г.С. Атарщиков вспоминал: «Заручившись надежными и сметливыми лазутчиками, барон Засс не только предупреждал всегда вторжения хищнических партий в наши пределы, по всей линии вверенной его начальству, но никогда не допускал, чтобы партии успели стянуться к условному пункту. Как только узнавал он, что партия собирается, немедленно составлял отряды, лично вел в известные ему заранее места и разбивал наголову сборище горцев» [4].

Концептуальным отличием действий на Кубанской линии генерала Г.Х. Засса от его предшественников являлась стратегия так называемой «активной обороны». Вместо концентрации основного внимания на оборонительных действиях внутри укреплений и иногда последующих за набегами горцев масштабных карательных операций он предпочитал наносить превентивные наступательные удары, характеризовавшиеся своей внезапностью и молниеносностью. Схематично эти удары можно изобразить таким образом: разведка – стремительный набег – преследование – грамотный отход к своим позициям. При этом, разведке отдавалось наиболее важное значение. На этот аспект обратил внимание ставропольский историк А.А. Остахов: «Точность оперативных ударов обеспечивалась за счет мощной разведывательной системы, развитию которой Засс уделял большое внимание. Он наладил разветвленную шпионскую сеть, состоявшую из лазутчиков-информаторов, войсковых разведчиков и кунаков. От них Григорий Христофорович получал подробную развединформацию: место и время сбора черкесских партий; аулы, жители которых участвовали в набегах; имена вожаков враждебных партий и князей, ведущих двойную игру» [5].

К сожалению, история не сохранила всех имен лазутчиков и других осведомителей генерала Г.Х. Засса, а также подробных документальных свидетельств о выполнении ими тех или иных заданий. Из дошедших до нас благодаря воспоминаниям Г.С. Атарщикова имен черкесских лазутчиков, таких как Карим-Хадиль и Момтали, прослеживается характер взаимоотношений Г.Х. Засса с состоявшими у него на связи горцами. В большинстве случаев эта связь основывалась на щедрых вознаграждениях генерала, зачастую из его собственных средств, которые он никогда не жалел тратить на цели разведки. Однако и роль личности полководца, черты его характера, уважительное отношение к смелости и благородству противника играли немаловажную роль в установлении и закреплении им доверительных отношений со своими осведомителями. Иногда эти отношения перерастали в искреннюю дружбу, как например с кабардинским князем Джембулатом Атажукиным. Последний обладая значительным влиянием в среде черкесской знати, не раз оказывал Зассу существенную помощь, считая его своим кунаком.

Благодаря сильному влиянию генерала Засса на абадзехов, проживавших в ближайших за р. Белой аулах, многие из них искали возможности расположить к себе грозного военачальника – «Последние были всегда в тайных сношениях с Зассом» [6]. В свою очередь, это способствовало получению важной разведывательной информации не только от лазутчиков, но и в ходе официальных контактов с делегациями горцев, их старейшинами и князьями.

Условно организованную и эффективно использовавшуюся генералом Зассом шпионскую сеть можно разделить на следующие составляющие:

1. Лазутчики-информаторы, вербовавшиеся из различных слоев черкесского общества для получения разведывательной информации о местах сбора черкесских партий, месте и времени планируемого ими набега.

2. Лазутчики-проводники, сопровождавшие русские отряды во время их походов на неприятеля, выполнявшие функции проводников и осуществлявшие поиск путей для обнаружения и

уничтожения вторгшихся на линию или оторвавшихся от преследования партий горцев.

3. Лазутчики-контрразведчики, которые во время своего нахождения внутри русских укреплений и казачьих станиц (при осуществлении меновой торговли, решения различных вопросов с администрацией, общения со своими кунаками, посещения родственников и т.п.) опознавали и докладывали о недружественных горцах, проникавших в эти поселения под видом мирных.

4. Кунаки – надежные друзья Г.Х. Засса из числа черкесской знати, которые не только снабжали его важной разведывательной информацией, но и сами порой участвовали в проводившихся генералом военных операциях.

Не совсем ясно какие меры конспирации и предосторожности использовались агентурой Г.Х. Засса для сохранения в тайне их конфиденциальных взаимоотношений с ним. Так, Г.С. Атарщиков описывает произошедший в 1835 г. эпизод боестолкновения войск Г.Х. Засса со значительно превосходившими по численности силами противника у реки Лабы, где огромную роль в успешном исходе операции сыграл верный лазутчик генерала Карим-Хадиль. В этом походе он своевременно и достоверно докладывал о передвижениях и численности партии горцев. Поняв, что часть войск Г.Х. Засса сбилась с дороги и отстала, но генерал не намерен отступать, Карим-Хадиль предпринял отчаянную попытку спасти положение: «Карим влетел в середину спавшего на заре сборища, выстрелил из пистолета – этот-то выстрел мы и слышали – и закричал во все горло отчаянным голосом: «Что вы спите! Засс! Засс! Засс!.. Он с несметною силою над вашими головами, бегите и спасайтесь кто куда может!» [7]. В стане противника началась паника и отряд Г.Х. Засса наголову разбил неприятеля. После боя барон Засс «обнял своего любимца Карим-Хадила и расцеловал его при всем отряде» [8]. Из повествования видно, что Карим-Хадиль, будучи лазутчиком, не скрывал данного обстоятельства и открыто принимал благодарность Г.Х. Засса на виду у всех. Нетрудно предположить, что этот эпизод наверняка стал известен и черкесам. Как в таком случае развивались события

применительно к Кариму и какова его дальнейшая судьба неизвестно.

Немаловажную роль в грамотной организации разведки играл и талант Г.Х. Засса разбираться в характерах и индивидуальных способностях своих подчиненных, в общении с которыми со стороны генерала не было преград, обусловленных сословными и другими различиями. Во время походных привалов разделить трапезу и пообщаться с бароном без каких-либо препятствий мог любой человек из отряда, включая простых солдат. В расположении укреплений Г.Х. Засс часто организовывал застолья, на которые приглашал своих офицеров. Тонко разбираясь в психологии людей, во время таких встреч он безошибочно подмечал их склонности и способности в военном деле. Зная для каких целей более пригоден каждый из его офицеров, генерал практически никогда не ошибался кого из них назначить для выполнения той или иной задачи, в том числе кто из них наиболее пригоден для проведения военной рекогносцировки.

Кроме военных рекогносцировок при подготовке и проведении рейдов на вражескую территорию, Г.Х. Засс не менее важное значение придавал обстановке вблизи расположения своих укреплений, чтобы вовремя получать данные о возможных угрозах и своевременно их ликвидировать. По его указанию постоянно осуществлялись проверки всех лесных балок и оврагов в которых могли укрываться незначительные партии горцев (о всех более-менее крупных скопищах его заблаговременно информировали лазутчики). На потенциально опасных участках была организована сторожевая служба, а у бродов выставлялись казачьи пикеты.

Рассматривая организацию генералом Г.Х. Зассом разведки на Кубанской линии, стоит также упомянуть и о предпринимавшихся им мерах контрразведывательного характера, которые были необходимы для выявления лазутчиков противника, действовавших на контролируемой русскими войсками территории. Информацию о таких лазутчиках Григорий Христофорович также получал через свою агентуру и в ходе наблюдения военными гарнизонами за поведением

адыгов, прибывавших на меновые дворы для сатовки. Свидетельства о разоблачении черкесских лазутчиков во время их нахождения в карантинной зоне Усть-Лабинской заставы имеются в фондах Государственного архива Краснодарского края, в которых описываются имевшие место в июне 1840 г. факты изобличения немирных абадзехов. Одним из них был некий Хусеин, опознанный 18 июня 1840 г. рядовым Черноморского линейного № 5 батальона Иваном Яковлевым как черкес, у которого он ранее находился в плену. Другой черкес, прибывший на сатовку на следующий день, привлек внимание начальника заставы своим поведением: «как будто бы чего-то ужасаясь, всемерно старался скрывать себя и в течение двух часов ни разу не подходил к ограде, устроенной для сатовки, а все оставался позади прочих мирных черкес – и беспрестанно переходя с одного края ограды на другой, как будто бы желал что-то увидеть, для него весьма интересное, – взоры его большею частью обращались во внутренность карантина, где находятся пассажиры. Усиленные старания его быть незамеченным ясно показали пришлеца, тайно введенного покорными горцами под предлогом мирного; – и при том принимая в соображение, что накануне, т.е. 18 числа взят на сатовке абадзех Хусеин и находится для очищения в карантине – куда хищные взоры этого горца невольно обращались и быстро искали желаемого предмета» [9]. Однако из-за оплошности в организации распорядительных действий коменданта крепости подполковника Маклакова лазутчику удалось скрыться.

Для пресечения подобных случаев проникновения немирных горцев в карантинную зону Г.Х. Засс распорядился принять следующие меры: «1. Если по достоверному узнанию между прибывающими в карантин окажутся абадзехи а темиргоевцы и урухоевцы с которыми они придут не захотят указать их, то чтобы достойно наказать их за дерзость приблизиться к границам нашим. А последних за провод оных, по решению Его Превосходительства в случае невозможности взять в плен употребить оружие и не щадить изменников мирных наравне с абадзехами.

2. Если абадзехи по открытии будут урухавцами и темиргоевцами выданы тогда прошу как их, так и тех общество мирных азиатцев в котором они окажутся приехавшими в карантин заарестовать, отправить для содержания на усть-лабинскую вахту, и в то время сообщить мне с приложением именных списков» [10].

Наряду с постоянно проводившейся агентурной работой стоит также отметить активное применение Г.Х. Зассом различных приемов дезинформации и оказания на горцев психологического воздействия при помощи различных остроумных ухищрений. Демонстрируя разнообразные фокусы генерал внушал им, что способен делать из пороха золото, заставляя пули из их пистолетов не попадать в цель, не выходя из своего кабинета видеть и слышать в реальном времени что происходит в черкесских аулах и т.п. Благодаря этим ухищрениям горцы наделяли Г.Х. Засса сверхъестественными способностями и считали, что он связан с потусторонними силами: «Потому-то он врасплох и нападает на наши сборища и аулы, что видит где есть караулы, а где их нет; следовательно с таким человеком ничего не поделаешь» [11].

Кульминацией хитроумных уловок Г.Х. Засса стала инсценировка им собственной смерти. В январе 1838 г. он распустил слух о своей тяжелой болезни, а через несколько дней представители враждебных аулов с радостью и облегчением лицезрели мертвенно-бледного генерала, лежавшего в гробу. Через день на рассвете внезапно «воскресший» Засс во главе своего отряда врасплох атаковал два непокорных абадзехских аула, накануне праздновавших кончину своего лютого врага и ослабивших в связи с этим меры предосторожности.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что организованная и эффективно использовавшаяся генералом Г.Х. Зассом система разведки в период его пребывания на Кубанской линии лежала в основе успеха всех проведенных им военных операций. Своевременное получение достоверной информации о противнике и его замыслах дало возможность в полной мере реализовать стратегию «активной обороны», основанную на тактике внезапных опережающих атак. В комплексе эти меры

позволили за достаточно короткое время повсеместно перехватить у противника инициативу и, как следствие, максимально сковать его активность, лишив возможности безнаказанно совершать набеги на русские поселения.

Примечания

1. *Атарциков Г.С.* Заметки старого кавказца о военной и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса: (Сырой материал для истории покорения Кавказа) // Военный сборник. – СПб., 1870. – Т. 74. – № 8. – С. 309–333.

2. *Луночкин А., Михайлов А.* Большая война. Григорий Засс и Яков Бакланов // Родина. – 2010. – № 1; *Пархоменко В.В.* Г.Х. Засс на Баталпашинском участке Кубанской линии (1833–1835 гг.) // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – Ставрополь, 2014. – № 3 (42). – С. 164–167; *Остахов А.А.* Военная система генерала Г.Х. Засса на Кубанской линии (1833–1842 гг.) // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – VI. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 22–23 ноября 2013. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – С.258–263.

3. *Виноградов В. Б.* Генерал Г.Х. Засс: «Отступления со мною нет и не будет!». – Армавир, 2000; *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* «В вечное сохранение и напоминание славных имен...» (к 100-летию пожалования Вечных Шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска). – Краснодар: Изд-во «Эдви», 2005. – С. 114–127.

4. *Атарциков Г.С.* Указ. соч. – С. 313.

5. *Остахов А.А.* Указ. соч. – С. 259.

6. *Атарциков Г.С.* Указ. соч. – С. 326.

7. Там же. – С. 315.

8. Там же.

9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 324. – Оп. 1. – Д. 468. – Л. 12 об. – 13.

10. Там же. – Л. 1–1 об.

11. *Атарциков Г.С.* Указ. соч. – С. 328.

О.В. Матвеев
(г. Краснодар, Российская Федерация)

**«Обильно пролитая кровь, громадные жертвы должны быть
искуплены положительными результатами...»:**

ИЗ НАСЛЕДИЯ А.Л. ЗИССЕРМАНА

Аннотация. Статья посвящена яркой судьбе и историко-литературному наследию А.Л. Зиссермана, участника и историка Кавказской войны, писателя, мемуариста и публициста. Как типичный «кавказец» лермонтовского типа, он принял активное участие в создании пространства общения и взаимопонимания в регионе, формировал выстраданное народами России и Кавказа в нелёгких испытаниях осознание историко-культурного единства. Как публицист и государственный деятель, А.Л. Зиссерман активно отстаивал интересы страны. Опыт жизни и творчества сына немецкого врача, горского пристава и казачьего офицера, русского писателя и подвижника славянского единства, крайне востребован в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: кавказцы, историко-литературное наследие. А.Л. Зиссерман, полковая историография, памфлеты, гуманизм русской литературы

O.V. Matveev
(Krasnodar, Russian Federation)

**«Abundantly spilled blood, huge sacrifices should
be redeemed by positive results ...»:**

FROM THE LEGACY OF A.L. ZISSERMAN

Annotation. The article is devoted to the bright fate and historical and literary heritage of A.L. Zisserman is a participant and historian of the Caucasian war, writer, memoirist and publicist. As a typical «Caucasian» of the Lermontov type, he took an active part in creating the space of communication and mutual understanding in the region, formed the awareness of historical and cultural unity suffered by the peoples of Russia and the Caucasus. As a publicist and statesman, A.L. Zisserman inspiredly defended the interests of the country. The experience of the life and work of the son of a German doctor, a mountain bailiff and a Cossack officer, a Russian writer and ascetic of Slavic unity, is extremely in demand in modern challenges.

Key words: Caucasians, historical and literary heritage, A.L. Zisserman, regimental historiography, pamphlets, humanism of Russian literature

На территории современного Тбилисского района Краснодарского края имеется хутор Зиссермановский. Это название сохраняет память о полковнике А.Л. Зиссермане, которого император Александром II пожаловал за заслуги в Кавказской войне участком земли в 1024 десятины 220 квадратных сажень на северном берегу Зеленчука [1]. Здесь офицер основал имение «Награда», вблизи которого сейчас и находится хутор Зиссермановский.

Историк Кавказской войны, писатель, мемуарист и публицист Арнольд Львович Зиссерман (1824–1897) являлся одним представителем выходцев из Германии, которые успешно адаптировались в служилой среде Российской империи. Отец историка, Лев Арнольдович Зиссерман (1803–1882) был уроженцем Силезии, состоял военным врачом на русской службе, и с получением чина VIII класса (коллежского асессора), обрел потомственное российское дворянство. Дворянский род Зиссерманов был внесен в третью часть родословной книги Подольской губернии, а их фамильный герб (с четким указанием на лекарскую профессию основателя рода) внесен в 14 часть общего российского гербовника и описывался следующим образом: «В лазуревом щите серебряный греческий крест. Из каждого его конца выходят по две серебряные змеиные головы с червлеными глазами и червлеными жалами. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: два лазуревых орлиных крыла, на каждом по серебряной пятиконечной звезде. Намет: лазуревый с серебром. Девиз «Nil desperandum» («Не отчаиваться») серебряными буквами на лазуревой ленте» [2].

24 ноября (по старому стилю) 1824 года в городе Каменец Подольском у Льва Арнольдовича родился сын, названный в честь деда Арнольдом. В 1829 г. Льва Арнольдовича родился сын Юлина, в 1830 г. – Генрих, в 1839 г. – Карл, в 1833 г. – дочь София. Младшие братья Арнольда также связали свою судьбу с Кавказом. Карл Львович Зиссерман, будучи действительным статским советником, в 1880-х годах являлся Ставропольским, а

затем Тифлисским губернатором. Юлий Львович Зиссерман служил в Нижегородском драгунском полку на Кавказе, после отставки был почётным мировым судьей в Ставрополе. Генрих Львович служил в Ставрополе прокурором [3].

С ранней юности Арнольд Львович Зиссерман увлекался кавказскими произведениями А.А. Бестужева-Марлинского, и мечтал попасть в эти края. Чтобы осуществить свою мечту, Арнольд в возрасте 17 лет послал прошение тифлисскому губернатору о принятии на службу.

Вынужденный сначала поступить мелким чиновником в палату государственных имуществ в Тифлисе, он вскоре постарался выбраться из душной канцелярской атмосферы кавказской столицы в горы, в распоряжение начальника Тушино-Пшаво-Хевсурского округа. «Я довольно скоро стал понимать более употребительные фразы, записывая слова по-русски», – вспоминал Арнольд Львович [4]. Вскоре он овладел языком в совершенстве, чем вызвал глубокое уважение к себе не только со стороны грузинской знати, но и простых горцев – пшавов и хевсуров. «С каждым днём я стал более и более убеждаться, что жить среди этого народа и придерживаться своих европейских обычаев невозможно. <...> Я начал с того, что нарядился в черкесский костюм, самый удобный и красивый, получивший право гражданства на всём Кавказе, обзавёлся собственной верховой лошастью, оружием и всеми принадлежностями коренного джигита (удальца-наездника), да с большим успехом и довольно скоро усовершенствовался в верховой езде. Одно это уже подняло меня в глазах жителей, которые не могли без смеху видеть чиновников, уродливо болтавшихся на лошадях» [5].

Высоко ценилась горцами личная храбрость, и здесь молодой человек тоже сумел проявить себя. За мужество, оказанное в борьбе с прорвавшимися в Кахетию горцами Шамиля в 1845 г. гражданский чиновник Зиссерман получил из рук кавказского наместника М.С. Воронцова боевую награду – знак отличия военного ордена Св. Георгия [6]. При этом он продолжал с увлечением вникать в особенности быта и традиций тушин, пшавов и хевсур, писал очерки, которые посылал в издававшуюся в Тифлисе газете «Кавказ». «Постоянной наблюдательностью,

расспросами, сношениями с туземцами я узнал в подробности их нравы, образ жизни, взгляды и склонности, и впоследствии в обществе туземцы почти забывали, что я русский, однако перестали при мне пускаться в ругательства и насмешки. При этих условиях и жизнь моя стала разнообразнее и легче; я стал находить в этой воинственной, полукочевой жизни своего рода поэзию и, наконец, пристрастился к ней до того, что изменить ей и расстаться со средой, у которой я приобрёл уважение, казалось мне невозможным» [7].

В декабре 1848 г. Арнольд Львович был назначен Элисуйским приставом. Это была территория бывшего Элисуйского султаната, ликвидированного после перехода султана Даниел-бека на сторону Шамиля. Над территорией приставства постоянно висела угроза прорыва отрядов Даниел-бека, которого тайно продолжали поддерживать многие проживающие здесь цахуры и азербайджанские татары. Поэтому от русских властей требовались очень большой такт и выдержка. Зиссерман и здесь проявил качества «настоящего кавказца» лермонтовского типа. «За изучение языка я взялся ретиво и самым практическим, уже раз оправдавшимся для меня способом, – вспоминал впоследствии Арнольд Львович. – Успех был такой, что через четыре месяца я мог довольно свободно изъясняться, а ещё через три-четыре я уже говорил, как истый татарин и произносил целым обществам грозные спичи <...>. Исподволь перешёл я от своего черкесского костюма и оружия к туземному татарскому; стал ходить в кошах (полубашмаки на высоких каблуках), стал курить кальян вместо короткой горской трубочки – одним словом, не прошло двух-трёх месяцев, я был уже и здесь свой человек» [8]. Преодоление языкового барьера и межкультурных границ помогли Зиссерману успешно решать многие вопросы социальной и политической жизни местных жителей, убедить их в преимуществах стабильного развития в рамках российской государственности.

Постижение мира горцев приводило к самым неожиданным выводам. Оказалось, что они заигрыванию и подаркам со стороны властей предпочитают справедливость и строгость русского начальника, не связанного местными родственными и

клановыми обязательствами. Оценивая в своих воспоминаниях политику кавказского наместника М.С. Воронцова, Арнольд Львович явно не одобрял заигрывание князя с местной аристократией при откровенном унижении при ней русских чиновников. Заигрывая с местным населением, и одновременно унижая человеческое достоинство своих подчинённых, русские власти вовсе не обретали уважения со стороны горцев. «Нигде в России нельзя было так наглядно убеждаться в традиционном пренебрежении, даже презрении высших служебных классов к своим, русским людям и глумом, унижительном ухаживании за всяким иноземцем, хотя бы туземцем-мусульманином. Тот же офицер, который последнего оборванца, байгуша, пастухачеченца или аварца принимает у себя с рукопожатием, угощением чаем и "ракой", тут же, при этом байгуше, за пустяшную вину валял по щекам своего денщика или вестового, изрыгая целый поток отвратительной брани, что доставляло байгушу большое удовольствие... Так же складывались отношения и в официальных вопросах: почти всегда всё в пользу туземцев, в ущерб своему войску или казачьему населению. И ведь ни благодарности, ни преданности никакой мы не заслужили» [9].

В отличие от многих современников, А.Л. Зиссерман не идеализировал населявшие его народы, не приукрашивал действия русской администрации, направленные на освоение края хотя, безусловно, его симпатии были всецело на стороне России. Офицер не скрывал от читателей фактов неумения или нежелания учитывать местную специфику, свойственную отдельным русским чиновникам беспечность: «Мы-таки достаточно порадели в пользу Шамиля и немало делали, чтобы продлить борьбу на многие десятки лет, – с горьким сожалением отмечал Арнольд Львович. – Что не сделало обаяние прежней безграничной власти, страх жестоких наказаний, возбужденный муллами религиозный фанатизм и обычная ненависть к русским, то довершила наша беспечность, наша близорукая бездеятельность, и привычка опираться исключительно на могущество штыков, и то уже в последнюю минуту» [10].

Демонстрируя качества настоящего «кавказца», Зиссерман проявлял присущее этому психологическому типу гуманное отношение не только к горцам, но и к своим подчинённым. Перейдя на военную службу и став командиром роты в Дагестане, он оставил о себе добрую память среди своих солдат. «Не приученный предшествовавшей службой к грубым казарменным выражениям я не имел духа подражать в этом отношении большинству моих сослуживцев, – вспоминал он, – и не вдаваясь в фамильярности, не прибегал никогда к ругани и кулакам. Солдаты, очевидно, ценили это человеческое обращение не менее моей заботливости об их интересах, а интересы у них были, и нарушались они сплошь и рядом. <...> Подобный образ действий не ускользнул от солдат, и на каждом шагу они старались доказать мне свою благодарность» [11]. Только одно сердило А.Л. Зиссермана: солдаты никак не могли запомнить его немецкую фамилию и упорно называли ротного командира «поручик Басурманов».

В 353 фонде Государственного архиве Краснодарского края сохранились документы, связанные с периодом командования полковником Зиссерманом в 1862–1865 гг. 1-й бригадой Кубанского казачьего войска, штаб которой располагался в станице Ладожской. Многие приказы бригадного командира полны заботы о боевом состоянии, быте, снабжении, охране здоровья, нравственности казаков. А.Л. Зиссерман много внимания уделял станичным школам 1-й бригады. Как-то ему доложили, что жители станицы Воронежской «под разными изворотами не хотят пущать детей своих в станичное училище и даже не хотят платить деньги учителю». Зиссерман немедленно предписал станичному правлению «сделать на обществе увещевание родственникам обучающихся мальчиков, что школа учреждена для их собственной пользы и что им должно быть стыдно, если сделать им в этом случае исключение противу всех прочих станиц в войске» [12]. Учителю Воронежского станичного училища Каменеву командир бригады распорядился выдавать «подлежащее жавлование из станичной суммы станицы Воронежской по окончании каждой трети; с родителей же мальчиков взыскивать и платить оказанную сумму» [13]. В

августе 1863 г. учитель бригадной школы урядник из дворян Эраст Зборовский доложил А.Л. Зиссерману, что общество ст. Ладожской игнорирует его просьбы о сборе мальчиков в школу. Командир бригады потребовал «тотчас же выполнить упомянутую просьбу учителя Зборовского и о выполнении донести» [14].

Отстаивал он и интересы крестьян. Так, несмотря на то, что в 1863 г. истёк срок освобождения дворовых крестьян, полковник И.Ф. Чуйков долго не хотел отпускать 17 своих бывших крестьян. Командир 1-й бригады, выполнявший к тому же обязанности мирового посредника пишет Чуйкову 24 июня 1863 г.: «Некоторые из бывших крепостных Ваших людей неоднократно являлись ко мне с жалобой о удержании их Вами при себе до настоящего времени несмотря на то, что им выданы увольнительные документы ещё 19 февраля; сего же числа опять принесла мне жалобу девка Степанида, что Вы удержали у себя все ея вещи, а когда она пришла за оными к вам в дом, то вы вместо удовлетворения нанесли ей побои, посадили её под арест в станичный каземат, и что до сих пор не выдавали ей увольнительного акта» [15]. Зиссерман потребовал бывших дворовых людей «удовлетворить как следует, отпустить на волю». Может быть поэтому имена многих офицеров, владельцев земельных пожалований за Кавказскую войну, стёрлись в людской памяти, а хутор Зиссермановский и ныне существует в Тбилисском районе Краснодарского края?

Во второй половине 1840-х гг. газета «Кавказ» регулярно публикует «Письма с линии» А.Л. Зиссермана. В 1850-е гг. офицер сотрудничает с журналами «Русский архив», «Русская старина», «Современник», «Русский вестник», газетой «Московские ведомости» где помещались его статьи и очерки. По словам одного из биографов А.Л. Зиссермана Бориса Каз-Гиреевича Тебиева, Арнольд Львович стремился «в яркой и доступной форме восполнить русскому читателю пробел, образовавшийся после трагической гибели писателя Марлинского» [16]. Его перу принадлежат такие документальные произведения, как «Осада Бурной и Дербента Кази-Муллой»,

«О последних событиях в Дагестане», «Свидание Клюки фон Клюгенау с Шамилем в 1837 году» и др.

В 1879 году вышла в свет его увлекательная книга «Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867», которая по сей день остаётся одним из ярких образцов военно-мемуарной литературы. Воспоминания отставного полковника не только освещали ход российского освоения региона, но и рассказывали читателю о том, как осуществлялось познание россиянами нового края, его прошлого и настоящего, народных обычаев и нравов.

В отставке, А.Л. Зиссерман продолжил свое творчество. Он выступил в роли полкового историка, создав трехтомную «История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. 1726–1880». Книга вышла в Санкт-Петербурге в 1881 г. В этом сочинении историк вышел за рамки традиций полковой историографии, ограничивавшейся обычно перечнем событий боевого прошлого и внутренней жизни войскового подразделения, представил эти события в широком историко-культурном аспекте [17]. Специалисты высоко оценили этот труд. Генерал-лейтенант П.П. Карцов в своём содержательном отзыве на историю Кабардинского полка отмечал, что книга далеко выходит за рамки полковой летописи, и её правильнее назвать историей присоединения Кавказа к России. «Редко в каком даже специальном описании завоевания этого края, заключил генерал, – встречается столько интересных фактов, столько характерных эпизодов кавказского быта, сколько в рассматриваемом сочинении» [18]. И далее: «Проникнутый кавказским духом г. Зиссерман, на всякое вводное им событие, не касающееся полка, жизнь которого он описывает, смотрит глазами истинного кавказца» [19].

И действительно, глубокое знание региона помогло Арнольду Львовичу правильно ответить на вопрос, почему князь Барятинский переиграл Шамиля: «Шамиль стремился к решительной нивелировке всего подвластного ему народонаселения; он не допускал никаких местных особенностей, преследовал строго всякие предания и легенды, уничтожив суды и обычаи и всё подчинил одному общему для всех шариату, т.е. духовному суду по Корану. Князь Барятинский задумал как раз

противоположное этому, стремясь, так сказать, возродить чеченский народ как племенную особь, имеющую свой язык, свои предания, обычаи, нравы, черты характера и даже наружность» [20].

Другим фундаментальным сочинением А.Л. Зиссермана стало трёхтомное биографическое исследование «Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский», изданное в Москве в 1888–1891 гг. Особое внимание в книге уделено личному участию князя в завершении военных действий на Северо-Восточном Кавказе и в последовавших за ними административными преобразованиями региона. Современный исследователь военно-административной деятельности князя А.И. Барятинского В.М. Муханов отмечал, что бесспорным достоинством книги А.Л. Зиссермана о военачальнике «является включение множества важных и интересных материалов официального и личного происхождения, проливавших свет на разные периоды жизни и деятельности Барятинского, причем не только кавказские» [21]. В то же время, В.М. Муханов справедливо отметил, что «заказной характер работы и близость героя исследования к представителям Российского Императорского Дома наложили серьезный отпечаток на изложение материала. Выводы и наблюдения автора не носили критический характер, поэтому Барятинский выглядит просто безупречно» [22].

Участовавший во многих горячих схватках с горцами, А.Л. Зиссерман открыто выступал против бессмысленного кровопролития, унаследовал высокий гуманизм русской литературы о Кавказе, преклонялся перед лермонтовским стихотворением «Валерик» с его всечеловеческим вопросом «Зачем?».

Сочинения А.Л. Зиссермана были использованы Л.Н. Толстым при написании рассказа «Кавказский пленник» и повести «Хаджи-Мурат», которую сам Лев Николаевич называл «Поэмой о Кавказе». Работая над рассказом «Репей», являвшемся первым наброском к «Хаджи-Мурату», писатель несколько раз приезжал за консультациями верхом из Ясной Поляны в имение А.Л. Зиссермана Лутовиново, находившееся в пятнадцати

верстах. Фигуру Хаджи-Мурата А.Л. Зиссерман оценивал очень высоко, и как полагал советский литературовед А. Сергеевко, «оказал в этом отношении влияние на Льва Николаевича». В яснополянской библиотеке хранилась книга А.Л. Зиссермана «25 лет на Кавказе», с надписью: «Графу Льву Николаевичу Толстому лично автором поднесено 12 сентября 1896 года в селе Лутовинове» [23].

При этом, как опытный кавказский боевой офицер, А.Л. Зиссерман находил немало поэтических преувеличений и откровенных фантазий в произведениях русской классики, посвящённых Кавказу. Рассказ А.А. Бестужева-Марлинского об «обычае какого-то горского общества, где хозяин будто бы обижался, если гость отказывался от ласк жены или дочери», Зиссерман считал выдумкой: «Подобного обыкновения на Кавказе нет, даже похожего на это нигде не слышно» [24].

На страницах журнала «Русский архив» Арнольд Львович раскритиковал статью первого биографа Лермонтова П.А. Висковатова об участии поэта в сражении на речке Валерик. «На первой же странице говорится о пёстрой группе людей в разнородных костюмах, – очевидное подражание Пушкинскому: «Какая смесь одежд и лиц, племён, наречий, состояний!», – писал в своей рецензии Зиссерман. – Если эта группа состояла из милиций, среди которой могли быть жители Дербентского и Кубинского уездов, Шамхальства и местные горцы, то, во-первых, таких равных черкесок, «едва прикрывающих наготу тела», не могло быть; потому что туземцы весьма одарены тактом приличия, и на службу в Русский отряд в таком виде ни один не явится, как бы он ни был беден; всё же заплату положит, но наготы тела не покажет это стыдно».

И далее: «Тут, рассказывает г. Висковатов, были татары-магометане (разве есть татары не-магометане?), кабардинцы, казаки, люди всех (!) племён и верований, встречающихся на Кавказе; были и такие, что сами забыли, к какой принадлежат народности». Ведь что хорошо и уместно в шайке разбойников, описанной такими стихами как «Братья-разбойники», то в отношении отряда русских войск выходит по меньшей мере неуместным. Какой же начальник уезда пошлёт по распоряжению

властей милиционеров-бродяг, не помнящих своего родства? <...> Я сам был начальником такой команды партизан в 1850 году на Лезгинской линии где бывало гораздо больше разноплеменных милиций в отряде, чем в Чечне; ну и хорошо бы я был, допустив в состав команды людей, "забывших, к какой народности они принадлежат". Такой бродяга мог бы изменить и передать неприятелю сведение, грозящее гибелью всей команде» [25].

Протестовал Арнольд Львович и против попыток П.А. Висковатого изобразить поэта отчаянным головорезом. Писатель призвал критически отнестись и к словам из лермонтовского письма Лопухину, где поэт писал, что при Валерике шесть часов дрались штыками, и горцы оставили на месте 600 тел. У кого хватит сил драться штыками шесть часов подряд? – спрашивал критик. Это преувеличение Зиссерман отнёс разыгравшемуся воображению молодого поэта, а относительно потерь чеченцев отметил: «Потери в 600 человек в одном деле, вообще для горцев случались за всё время Кавказской войны может быть два-три раза, и даже будучи побиты, вынужденные бежать, они успевали большую часть своих убитых уносить, так что на месте оставалось немного тел; на Валерике мы отступили и считать оставшиеся на месте трупы физически не могли» [26].

Немало в наследии А.Л. Зиссермана и путевых очерков, например, «Поездка в Малороссию», где характеризуется состояние хозяйства южной окраины Российской империи, содержится немало наблюдений и статистических данных. В очерке «Поездка на Кубань» (1875) писатель рассказал о путешествии по местам своей службы в крае, дал яркую характеристику Кубанской учительской семинарии, готовившей учителей для станичных школ: «Я попросил позволения посетить учительскую семинарию, и, благодаря любезности директора её Д.Д. Семёнова, мне было показано всё заведение. Я обошел все помещение, посетил классы во время уроков, был в саду в рекреационное время, видел скромные физический и зоологическо-минеральный кабинеты, слушал хоровое пение семинаристов, и, откровенно признаюсь, был просто озадачен! Такого благоустройства, такого порядка, такого очевидно

рационально-ведомого дела, наконец, таких блестящих результатов в относительно короткое время (семинария основана с 1871 года), я и представить не мог. <...> Общий отзыв о ней и её руководителях, с кем мне не приходилось говорить, даже между людьми, менее способным сочувствовать таким учреждениям, сводится к похвалам и одобрению. При семинарии существует образцовая школа для упражнений будущих учителей, и в особом помещении нормальное женское училище с педагогическими курсами» [27].

Перу А.Л. Зиссермана принадлежат работы по вопросам взаимоотношений нанимателей и рабочих, по проблемам разработки нефтяных месторождений и др.

Война за освобождение славян открыла в писателе талант яркого памфлетиста. Сотрудничая с «Русским вестником» и «Московскими ведомостями», занимавшими национально-патриотическую позицию, А.Л. Зиссерман успешно полемизировал с европейской прессой. Публицист был убежден, что «такие болезни, как рабство балканских христиан под турецким игмом, не лечатся протоколами и мемориями» и находил действенным только одно средство воздействия на Турцию – «нож хирурга», т.е. силовое решение вопроса, путем вооруженного вмешательства. Сравнение политики европейских государств с «трудноуловимой, болезненно-фантастической» музыкальной пьесой получило отражение в нашумевшем памфлете Зиссермана «Симфония». Памфлет был разделен на главы «Introductio», «Andante», «Allegro», «Allegro con brio», где с едким сарказмом публицист напоминал читателям об итогах Константинопольской конференции, когда «skonфуженный оркестр, собрав свои инструменты и ноты, удалился, публика стала расходиться, огни потухли», недвусмысленно намекая тем самым на неудачную попытку европейских держав призвать Турцию к компромиссу и принудить ее согласиться на предлагаемые условия мирного урегулирования Восточного вопроса [28].

От событий годовалой давности публицист переходил к текущей ситуации, когда триумфальные победы «русских варваров», которые, «невзирая на метели и морозы, продолжают

двигаться к Балканским тущам и перевалам, переносят сверхчеловеческие труды и лишения, тащат на себе пушки по каким-то скалам и льдам, обходят турецкие укрепления», вынудили Мидхат-пашу, по факту возглавлявшего Османскую империю, признать поражение. Берлинский конгресс, на котором были почти полностью пересмотрены результаты Сан-Стефанского договора в ущерб России, Болгарии и Черногории, произвел крайне гнетущее действие на Зиссермана. «Обильно пролитая кровь, громадные жертвы должны быть искуплены положительными результатами; отказаться от них значило бы отказаться от своего достоинства, от своей чести; а это разве мысли, разве можно великой державе, великому восьмидесятиmillionному народу, имеющему за собой не мало блестящих исторических страниц и пред собой великую будущность? Не убоимся и не посрамимся вовеки!» [29].

По словам Е.В. Переваловой, исследовавшей публицистическое наследие А.Л. Зиссермана, «доскональное владение фактическим материалом в сочетании со способностью к его переосмыслению и обобщению, напористость, темпераментность, даже агрессивность в отстаивании своей точки зрения, яркий, выразительный язык, мастерское владение целым арсеналом разнообразных художественных выразительных средств» превращали памфлеты писателя «в мощное оружие в информационном противостоянии российской и западной прессы в период кризиса на Балканах 1876–1878 гг.» [30].

Жизнь Арнольда Львовича оборвалась трагически 4 сентября 1897 г. во время рубки леса в лутовиновском имении. У Арнольда Львовича и его жены Анны Васильевны, урожденной фон Смиттен, имелось четыре дочери: Елена, 1860 г.р., Ольга, 1862 г.р., София, 1864 г.р., Евгения, 1875 г.р., и три сына: Василий, 1866 г.р., Павел, 1869 г.р. и Владимир, 1872 г.р. Потомки дворянского рода Зиссерманов живут в настоящее время в австралийском Сиднее.

Судьба и историко-литературное наследие А.Л. Зиссермана являются ярким свидетельством органичной интеграции династий немецкого народа в российской интеллектуальной и

духовной среде. Как типичный «кавказец» лермонтовского типа, он принял активное участие в преодолении межцивилизационных разломов и в создании пространства общения и взаимопонимания в регионе. Именно эта, незаметная рассчитанная не на одно десятилетие работа, помогала преодолевать предубеждения и исторические обиды, формировала выстраданное нашими народами в нелёгких испытаниях осознание историко-культурного единства. Как публицист и государственный деятель, А.Л. Зиссерман вдохновенно отстаивал интересы России, являя примеры крайне востребованного сегодня аргументированного противостояния в информационной войне. Его наследие еще ждет своего вдумчивого исследователя, однако уже сегодня очевидно, что опыт жизни и творчества сына немецкого врача, горского пристава и казачьего офицера, русского писателя и подвижника славянского единства, крайне востребован в условиях современных вызовов.

Примечания

1. *Вахрин С.В.* Биографии кубанских названий / *Под ред. и со вст. ст. В.Б. Виноградова.* – Армавир: Армавирский госпединститут, 1995. – С. 32.
2. *Тебиев Б.К.* Тайны книжных переплетов // URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54293407. (Дата обращения 12.03.2022). – С. 471.
3. Там же. – С. 472.
4. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. 1842–1867. – М.: Кучково поле, 2014. – С. 24.
5. Там же. – С. 27.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф 396. – Оп. 1. – Д. 2. – Д. 217. – Л. 612.
7. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. – С. 27–28.
8. Там же. – С. 187–188.
9. Там же. – С. 520.
10. *Зиссерман А.Л.* Отрывки из моих воспоминаний // *Русский вестник.* 1877. – Кн. 2. – С. 345–346.
11. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. – С. 364.
12. ГАКК. – Ф. 353. – Оп. 1. – Д. 1054. – Л. 43.
13. Там же. – Л. 60.
14. Там же. – Л. 62.
15. ГАКК. – Ф. 353. – Оп. 1. – Д. 1065. – Л. 4.
16. *Тебиев Б.К.* Указ. соч. – С. 476.

17. *Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Военные кавказоведы Российской империи: Библиографический словарь. – Ставрополь: изд-во «Дизайн-студия Б», 2021. – С. 109–110.
18. *Карцов П.П.* К истории покорения Кавказа. 1726–1880. История 80-го пехотного Кабардинского полка (с 1726 по 1800 год). Три тома. СПб., 1881 г. // Русская старина. – 1884. – Т. 43. – Июль. – С. 204.
19. Там же. – С. 210.
20. *Зиссерман А.* История 80-го пехотного Кабардинского генерал-Фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). – СПб., 1881. – Т. III. – С. 196.
21. *Муханов В.М.* Генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский (жизненный путь, военно-административная и общественная деятельность). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – С. 4.
22. Там же.
23. *Толстой Л. Н.* «Хаджи Мурат»: Неизданные тексты / Публ. и вступ. ст. А. Сергеевко // Литературное наследство. – М., 1939. – Т. 35/36. – С. 519.
24. *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. – С. 172.
25. *Зиссерман А.Л.* Критические заметки. О фельдмаршале князе Барятинском. О Лермонтове // Русский архив. – 1885. – № 5. – С. 78.
26. Там же. – С. 80.
27. *Зиссерман А.Л.* Поездка на Кубань // Русский вестник. – СПб., 1875. – Т. 120. – С. 475–476.
28. *Перевалова Е.В.* Pamфлет в публицистике А.Л. Зиссермана // Журналистика и политика: взаимодействие и взаимовлияние: [Электронный ресурс]: материалы II Всероссийской научной конференции (Архангельск, 09 апреля 2020 г.) / сост. и отв. ред. Н.С. Авдоница. – Архангельск: САФУ, 2020. – С. 190.
29. Там же. – С. 192.
30. Там же. – С. 192–193.

В.В. Кульбаиный
(г. Краснодар, Российская Федерация)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ: НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС

Аннотация. В статье рассмотрен немецкий вопрос в рамках национальной политики Российской империи в последней трети XIX –

начале XX вв. Автором выделены и проанализированы ключевые аспекты, которые оказали влияние на изменение положения немцев на территории страны. Сделан вывод о том, что давление на немецкое население России со стороны центральной и местной властей усилилось, что стало одним из дестабилизирующих факторов на пути к революции 1917 г. и к распаду империи Романовых.

Ключевые слова: национализм, национальный вопрос, немецкий вопрос, немцы, Российская империя.

V.V. Kulbashnyi
(Krasnodar, Russian Federation)

THE RUSSIAN EMPIRE NATIONAL POLICY IN THE LAST THIRD OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES: GERMAN QUESTION

Abstract. The article considers the German question within the framework of the Russian Empire national policy in the last third of the XIX – early XX centuries. The author identifies and analyzes the key aspects that influenced the change in the situation of Germans in the country. It is concluded that the pressure on the German population of Russia from the central and local authorities intensified, which became one of the destabilizing factors on the way to the revolution of 1917 and the Romanov Empire collapse.

Key words: nationalism, national question, German question, Germans, Russian Empire.

Россия исторически складывалась как многонациональное государство, прошедшее различные этапы во взаимоотношениях между центральной властью и представителями тех национальностей, которые не относились к титульным. Находясь под влиянием революционных процессов во Франции в конце XVIII в. и в ходе революционных движений в Европе в XIX в., с формированием общественно-политических течений, с ростом уровня самосознания в последней трети XIX – начале XX вв. в Российской империи обострился национальный вопрос, который требовал разрешения со стороны правительства.

Среди народов, живших в дореволюционной России, значимую долю представляли немцы. В соответствии с данными

Всероссийских переписи населения 1897 г. в стране проживало до 2 млн. немцев. Их традиционными территориями расселения были земли Прибалтики, Польши, Новороссии, Волыни, Поволжья, Южного Урала.

Продолжительный период времени немецкий вопрос не выделялся и не стоял так остро, как, например, польский или еврейский. Такое положение дел отчасти объясняется тем, что политические и экономические связи с немцами у России были сформированы со времен Средневековья и отличались относительной стабильностью. Среди этнических немцев была значимая доля землевладельцев, что позволяло им относиться к верхушке общества, в интересах которого действовал самодержавный режим. Важную роль в дореволюционной истории России сыграли представители немецкой знати, которые занимали важные государственные должности (Бенкендорфы, Струве, Тотлебены, Мейендорфы, Штакеншнейдеры и др.). В советской историографии в рамках классового подхода немцы рассматривались как «союзники самодержавия». Такие факты позволяют считать немцев, как «"свои" – "другие"» [1].

В период последней трети XIX – начала XX вв. положение немцев на территории России значимо изменилось, что было связано с несколькими аспектами.

В-первых, среди представителей консервативной общественно-политической мысли России и среди ряда политических деятелей возникли опасения потери Остзейского края, где весомое влияние имели немцы. Появились высказывания о необходимости ликвидации автономии в регионе. «Идея нации» среди исследователей определялась через единство культуры, формы правления и религии. Мыслители настаивали на обособлении эволюции как России, так и восточнославянских народов [2].

М.Н. Катков, будучи представителем консервативной общественно-политической мысли, указал на то, что только русская нация может проживать на землях Российской империи. В то же время он отметил, что нация может включать в себя представителей разных этносов, которые могли бы вести свободную жизнедеятельность [3]. М.Н. Катков подчеркнул, что

только в рамках «истинно национальной политики возможно соблюдение всех интересов страны в их правильной постепенности» [4].

По мнению публициста Т.И. Тихонова, переселение немцев на западные земли Российской империи носило политический характер. Он отметил, что «немецкая колонизация мало-помалу обратилась в систему как бы мирного завоевания наших земель на Западной окраине» [5].

Представители консервативной общественно-политической мысли, поддерживая единство Российской империи, а также выступая за сокращение автономии, способствовали усугублению ситуации в немецком вопросе. В свою очередь центральная власть стала стремиться поставить под контроль расселение немцев на территории Российской империи. С 1865 г. немцы при условии самовольного переселения из одной губернии России в другую подлежали исключению из колониетского звания, а также они теряли на постоянной основе права и преимущества, которые предоставлялись этому званию [6].

Во-вторых, с приходом к власти Александра III в России началась эпоха контрреформ, что нашло свое отражение в ужесточении политики на национальных окраинах. В отечественной историографии данный период был обозначен как проявление «русского имперского национализма» [7].

На территории Прибалтики правительство пошло на меры, способствовавшие вытеснению немецкого влияния, что выразилось во введении в делопроизводство русского языка. Подлежали контролю образовательные учреждения, которые создавались немцами для своих детей. Так протестантские церковные школы в Закавказском крае и в Саратовской губернии в 1892 г. передавались в ведение Министерства народного просвещения [8]. С 1892 г. метрические книги лютеранского вероисповедания было необходимо вести на русском языке [9]. Современники обращали внимание на то, что «немецкие колонисты <...> отличаются полным незнакомством с русским языком и очень тихо усваивают его на службе. Это вредно отзываясь на подготовке их как молодых солдат, затрудняя первоначальное обучение» [10].

Были выпущены указы, направленные на укрепление русского землевладения на территории западных губерний. Так с 1892 г. запрещалось всем иностранцам, в том числе принявшим русское подданство, поселяться на землях Волынской губернии вне городских поселений [11]. Город Дерпт в 1893 г. был переименован в Юрьев (историческое название города со времен основания при Ярославе Мудром), а Остзейский край стал именоваться Прибалтийским краем.

В-третьих, усугублялось экономическое противостояние между немцами-колонистами и крестьянами восточнославянского происхождения.

Колонизация территорий России со стороны немцев вызывала негативную реакцию со стороны других народов Российской империи, что видно на примере Поволжья.

В газете «Оренбургский листок» в 1893–1894 гг. вышло несколько статей, где были упомянуты факты приобретения земли колонистами. Так один из авторов отметил, что пару десятков лет назад можно было приобрести десятину земли дешевле трех рублей, теперь же цена была поднята до 20, 25 и даже 30 рублей [12].

Современниками указывались положительные качества немцев: трудолюбие и бережливость, что выделяло их на фоне казачьей аристократии в Оренбургской губернии, которая не желала копаться в грязи, предпочитая сдавать землю в аренду или продавать ее. В среднем на душу немецкого населения в Оренбургской губернии приходилось более 10 десятин земли [13].

В газете «Голос Руси» представлены критические замечания насчет немцев: «Все они плохо говорят по-русски, ведут обособленный от остального населения образ жизни, уклоняются от малейшего сближения с русскими на почве гражданско-правовых отношений и относятся к русским вообще пренебрежительно» [14].

Схожее положение дел было на территории юго-запада России, где немцы скупали землю, получая крупные суммы из Берлина, что отметил современник событий Д.И. Иловайский [15].

В-четвертых, весомую роль в усилении давления на немцев со стороны российского правительства сыграло изменение в отношениях с Германской империей.

В конце XIX – начале XX вв. правительства перешли от сотрудничества и поддержки друга на международной арене к статусу потенциальных противников на фронтах боевых действий, что вылилось в окончательный распад Союза трех императоров, к таможенным войнам между Германией и Россией, а также к складыванию Антанты в противовес Тройственному союзу.

В 1891 г. был создан «Пангерманский союз», который выступал за объединение всех немцев, живших за пределами Германии в идейном плане. Прибалтийским землям с его стороны было уделено особое внимание. А. Гейзер, являясь руководителем «Общества зарубежных немцев», совершил поездку на территорию Прибалтики с агитационной целью, где он стремился донести идею о том, что российское правительство целенаправленно разжигало рознь между немцами, которые жили в остзейских губерниях, и эстонским и латышским населением этого региона. Но весомого размаха его деятельность не получила, так как не удалось сплотить различные слои немцев, проживавших в Прибалтике, на основе национального единства. В ходе Первой российской революции 1905–1907 гг. остзейские помещики попали под террор. По располагаемым данным в период с конца октября 1905 г. по начало 1906 г. было убито порядка 80 прибалтийских немцев и разграблено около 160 имений. В таких условиях немецкие землевладельцы рассчитывали на поддержку со стороны правительства, которое не могло ее предоставить в должной мере. В итоге прибалтийские немцы обратились за помощью к Германии, в которой велась агитация за то, чтобы оказать помощь остзейцам вплоть до вооруженного вмешательства [16]. Указанный пример стал еще одной причиной дестабилизации в рамках немецкого вопроса в Российской империи.

Примечательна дискуссия между Председателем Совета Министров Российской империи П.А. Столыпиным и временным Прибалтийским генерал-губернатором А.Н. Меллер-

Закомельским, в ходе которой было отмечено, что немецкие крупные землевладельцы выделяли участки земли из своих имений, чтоб продавать их немецким колонистам, способствуя их переселению с территории Поволжья, Волыни, Польши. Такие меры способствовали вытеснению русского населения из Прибалтики. П.А. Столыпин выступал за увеличение количества русского населения в Прибалтике с целью сближения этого региона с центральной частью России, о чем он сообщил в письме В.Н. Коковцову в феврале 1908 г. По его мнению, из-за влечения немцев, проживавших в Российской империи к Германии, центральная исполнительная власть вынуждена была в 1850-е гг. и в 1880-е гг. принимать меры к усилению русского влияния в регионе. Такую политику не следует считать неправильной, напротив, ее необходимо усилить в реалиях начала XX в. В свою очередь А.Н. Меллер-Закомельский отмечал, что немцы в прибалтийских землях незаменимы, т.к. знают языки, корректны, не берут взятки. Раздача земель в регионе православным приведет лишь к обострению аграрного вопроса. «Естественно, что на нерусской окраине хозяева – нерусские», писал он [17].

В то же время немецкий вопрос на уровне верхов власти в начале XX в. продолжительный период времени оставался второстепенным. В составе Государственных дум I и II созывов было по 4 немца. Немецкий вопрос ставился лишь с точки зрения выступлений эстонцев и латышей против привилегированного положения помещиков-немцев в Прибалтике. В составе Государственных дум III и IV созывов количество немцев увеличилось: до 10-13 человек. Представленные изменения интересны в условиях того, что представительство поляков, евреев в Государственной думе существенно сократилось после выхода нового избирательного закона от 3 июня 1907 г., изменившего принцип избирательной системы по куриям. Такой расклад стал возможным в условиях того, что правительством была сделана большая ставка на землевладельцев, среди которых было немалое количество немцев. Попытки Думы на заседаниях в 1910 г. и в 1912 г. ограничить количество земли, которое могут приобретать колонисты, среди которых были немцы, оказались

безрезультатны. Против выступили октябристы, численность которых была наибольшей в составе Государственной думы III созыва, а также такие предложения не поддержали влиятельные русско-немецкие политики [18].

Поворотным аспектом в процессе актуализации немецкого вопроса стало начало Первой мировой войны, где Германия выступила основным соперником России.

На территории страны осуществлялись погромы в отношении немцев, проводились их высылки с территорий, которые оказывались задействованы в боевых действиях, чтоб ликвидировать пособничество врагу. В октябре 1914 г. вышло постановление генерала М.И. Эбелова, в соответствии с которым мужчинам-немцам было запрещено собираться более двух человек как в своих домах, так и за их пределами. Под запрет попали любые разговоры на немецком языке за пределами жилья, вывески и переписка на языке основного соперника России в Первой мировой войне [19]. В 1915 г. в составе Государственной думы была создана комиссия по борьбе с засильем немцев. Такие мероприятия со стороны власти не способствовали решению проблемы.

В итоге в национальной политике Российской империи была сделана ставка на принадлежность к титульной национальности, а не на принцип гражданственности, где бы все население было равно перед законом и не было бы учета национальной принадлежности. Такой порядок не мог поспособствовать сглаживанию противоречий между различными национальностями. Усугубление ситуации в национальном вопросе также было связано с преобладанием консервативных идей в рядах политической элиты [20].

Таким образом, центральной власти России в последней трети XIX – начала XX вв. не удалось выстроить осознание целостности нации у различных народов Российской империи. Напротив, национальный вопрос усугубился, что прослеживается на примере обострения немецкого вопроса. Противоречия усиливались на экономической почве из-за больших финансовых возможностей у немцев, что позволяло им скупать земли даже по высоким ценам, порождая увеличение ее стоимости для других

жителей России и вызывая их недовольство. Обособленность немцев и их нежелание вступать в культурные контакты с местным населением, отказ от изучения русского языка делали их далекими от приобщения к российским реалиям. Кроме того, трудолюбие немцев зачастую шло в разрез с широтой души русского мужика, что увеличивало непонимание.

В рамках консервативного курса, который осуществлялся Александром III и Николаем II, усилился процесс русификации этнических немцев, проживавших в России. Первая российская революция 1905–1907 гг. и ее итоги увеличили разрыв во взаимоотношениях немецких землевладельцев с представителями центральной власти из-за проявленного террора.

Условия геополитических изменений, где Германия оказалась в роли потенциального противника России, а затем и ход Первой мировой войны, оказались поворотным моментом в немецком вопросе. Давление на немецкое население со стороны центральной и местной властей, а также со стороны титульного населения усилились, что в дальнейшем стало одной из предпосылок к Великой российской революции 1917 г. и к распаду империи Романовых.

Примечания

1. *Циунчук Р.А.* Немецкий, польский и еврейский вопросы в Государственной думе: «свои», «иные», «другие», «чужие» // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. – СПб.: Общество с ограниченной ответственностью «ЭлекСис», 2013. – С.75.

2. *Кульбашный В.В.* Сравнительный анализ «идеи нации» во французской и российской консервативной мысли 1870–1914 годов // Преподавание истории в школе. – 2018. – № 5. – С. 80.

3. *Кудряшев В.Н.* Концепт русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в. – Томск: Издательство Томского университета, 2017. – С. 115.

4. *Катков М.Н.* Идеология охранительства. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – С. 149.

5. *Тихонов Т. И.* Письма о переселенцах. Немцы-колонисты в Волыни и в Сибири // Русский вестник. – 1896. – № 10. – С. 320—321.

6. Решение Государственного Совета о санкциях к колонистам, самовольно переселившимся из губернии в губернию, утвержденное Александром II (1865) // Немцы в истории России: Документы высших

органов власти и военного командования. 1652–1917. – М.: МФД: Материк, 2006. – С. 503–504.

7. *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 135.

8. Решение Государственного совета о передаче протестантских школ в ведение министерства просвещения, утвержденное Александром III. (1892) // Немцы в истории России. – С. 548–549.

9. Там же. – С. 549.

10. Письмо заместителя министра внутренних дел России Оренбургскому губернатору Я. Ф. Барабашу об обучении немецких колонистов русскому языку // Из истории оренбургских немцев: Сборник документов (1817–1974 гг.). – Оренбург, Москва: Готика, 2000. – С. 50.

11. Указ Александра III о правилах поселения на Волыни лиц нерусского происхождения (1892) // Немцы в истории России. – С. 547.

12. Из информации газеты «Оренбургский листок» о покупке земли в Оренбургской губернии немцами-колонистами // Из истории оренбургских немцев: Сборник документов (1817–1974 гг.). – С. 42.

13. Статья «Немец-реформатор» из газеты «Оренбургский край» // Из истории оренбургских немцев: Сборник документов (1817–1974 гг.). – С. 43.

14. Информация газеты «Голос Руси» о немецких колонистах Оренбургской губернии // Из истории оренбургских немцев: Сборник документов (1817–1974 гг.). – С. 57.

15. *Котов А. Э.* Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати: 1894–1899 годы // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 257.

16. *Андреева Н. С.* Революция 1905–1907 гг. и прибалтийские немцы. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2016. – С. 4–7.

17. *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: «ЛИСС», 1998. – С. 242–245.

18. *Циунчук Р.А.* Немецкий, польский и еврейский вопросы в Государственной думе: «свои», «иные», «другие», «чужие» // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. – СПб.: Общество с ограниченной ответственностью «ЭлекСис», 2013. – С. 80.

19. Постановление генерала М.И. Эбелова о запрещении собраний немцев и использования немецкого языка // Немцы в истории России. – С. 555–556.

20. *Кульбашный В.В., Вартаньян Э.Г.* Национальная политика Франции и России в 1870–1914 годы: сравнительный анализ // Научный диалог. – 2019. № 9. – С. 369–370.

А.П. Скорик, И.М. Федина

(г. Новочеркасск, г. Краснодар, Российская Федерация)

ТРАНСФОРМАЦИИ ТОПОНИМОВ И СОЦИОТИПА НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ КУБАНИ

Аннотация. С началом Первой мировой войны в Российской империи по конъюнктурным соображениям подверглись переименованию поселения, исторически носившие немецкие названия. В Кубанской области также выявили немецкие колонии, подлежащие переименованию, но процесс обретения нового имени поселенческими территориями протекал неоднозначно. В статье на примерах трансформации топонимов Кубани рассматриваются исторические судьбы и характеристики немецких поселений.

Ключевые слова: десятина (земля), имперские власти, интерпретация, колония (поселение), Кубань, немцы, пастор.

A.P. Skorik, I.M. Fedina

(Novocherkassk, Krasnodar, Russian Federation)

TRANSFORMATIONS OF TOPONYMS AND SOCIOTYPE OF THE GERMAN COLONIES OF THE KUBAN IN THE LATE 19TH –FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURIES

Abstract. With the outbreak of the First World War in the Russian Empire, for opportunistic reasons, settlements that historically bore German names were renamed. In the Kuban region, German colonies were also identified to be renamed, but the process of acquiring a new name for the settlement territories proceeded ambiguously. The article examines the historical destinies and characteristics of German settlements using examples of the transformation of the toponyms of the Kuban.

Key words: tithe (land), imperial authorities, interpretation, colony (settlement), Kuban, Germans, pastor.

К числу немецких поселений в начале XX в. в Екатеринодарском отделе Кубанской области относили колонию Гнадау и в Лабинском отделе значились Мариенфельд, Сонненталь и Фриденталь. Местное население немецких колоний по инициативе имперских властей в 1915 г. стало предлагать сменить наименование поселений, причём, в письменной форме

оно обязательно объясняло ситуацию с названием каждого поселения и выносило своё предложение о переименовании населённого пункта.

Согласно сохранившемуся в Российском государственном военно-историческом архиве тексту утверждённого приговора (решения общего собрания) жителей немецкой колонии Гнадау от 12 января 1915 г., немецкое слово «Гнадау» (полный вариант по-немецки: die Gnadenwiese. – *авт.*) в русском литературном переводе означает «долина», «луг милости». Но есть немецкое выражение «Die Gnade des Königs erlangen, verlieren», интерпретируемое нами отчасти в духе драмы Виктора Гюго «Король забавляется». В дословном русском переводе звучит так: «Получить милость короля, потерять». Впрочем, можно толковать ситуацию, используя немецкое выражение «die göttliche Gnade», или в переводе на русский язык «божественная благодать».

Действительно, благословенную землю переселенцы из села Нойдорф (Neudorf) Херсонской губернии купили в 1881 г. у прославленного кубанского воина, генерал-лейтенанта Павла Денисьевича Бабыча из расчёта по 48 рублей за десятину, с рассрочкой платежа сроком на 10 лет. Общая площадь выкупленного земельного участка составила 1014 десятин [1]. Он располагался на берегу реки Понура в составе юрта станицы Нововеличковской, и представлял собой ровную речную долину с прекрасным лугом, отчего поселившиеся здесь в 1884 г. немецкие колонисты и дали своему новому пристанищу симптоматичное название. После получения циркулярного распоряжения о переименовании селений, носящих немецкие названия, и замене их русскими жители колонии Гнадау юрта станицы Нововеличковской Екатеринодарского отдела собрались на сход. Поскольку немцы «считали себя истинными русскими подданными», то в принятом решении колонисты «ходатайствовали о переименовании колонии в селение Долиновка» [2]. Кстати, в 1918 г. здесь было захоронено тело генерала Л.Г. Корнилова, а в 1926 г. из 483 человек местного населения 425 являлись немцами по национальности [3], остальные значились русскими. Ныне село Долиновское в

административно-территориальном отношении входит в состав Калининского района Краснодарского края, и о немцах опосредованно помнят немногие старожилы. Село Долиновское сохранило до сих пор типичную планировку немецких колоний в одну прямую улицу, которая упирается в берег реки Понура. Немецкое население отсюда выселили с началом Великой Отечественной войны в сентябре 1941 г. Тогда в селе насчитывалось всего 54 хозяйства.

Развернувшаяся политическая кампания по переименованию немецких поселений на Кубани в 1915 г. докатилась также до трёх немецких колоний Лабинского отдела Кубанской области.

1) Немецкая колония Мариенфельд (Marienfeld) водворилась на арендованных землях в юрте села Вольного Успенской волости. Название поселение получило по имени жены прежнего владельца земельных угодий Марии Кривошеенко и в дословном переводе обозначало «поле Марии». Ныне это село Марьино Успенского района Краснодарского края. Оно располагается на левом берегу реки Кубань, в степной природной зоне, на расстоянии 14 километров в северо-восточном направлении от районного центра села Успенское и в 10 километрах юго-восточнее города Армавир. Напротив села Марьино на правом берегу реки Кубань находится станица Убеженская. На западной окраине села функционирует железнодорожная платформа Марьино, севернее станции Коноково Северо-Кавказской железной дороги.

Лютеранское (немецкое) селение Мариенфельд образовалось в 1881 г., и по данным на 1897 г. в нём проживало 776 человек, из них 774 человека составляли этнические немцы. В 1918 г. численность населения увеличилась до 1100 человек. По ходатайству атамана Лабинского отдела в 1915 г. колонию Мариенфельд переименовали в селение Марьино [4].

2) Немецкая колония Сонненталь (Sonnental, или точнее по-немецки: die sonniges Tal, если исходить из придаваемого наименованию топонимического значения) располагалась на арендованных юртовых землях селения Ново-Михайловского одноимённой волости Лабинского отдела. Образовалась колония как лютеранское село в 1899 г. в 10 километрах к югу от

Кропоткина, и она являлась дочерней колонией активно переселявшихся на Кавказ после окончания Кавказской войны во второй половине XIX в. групп поволжских немцев, а общая площадь её земельных угодий составляла 1429 десятин. До 1917 г. она входила в состав Лабинского отдела Кубанской области.

Изначальное название Сонненталь дал немецкой колонии окормлявший её пастор (колония относилась к лютеранскому приходу города Екатеринодара), и, согласно свидетельствам старожилов, наименование их поселения произошло при следующих обстоятельствах. В первый приезд лютеранского пастора с духовным визитом к своей пастве в новое поселение на дворе стоял ясный день, и долина Кубани, где образовалась эта колония, оказалась полностью залита ярким солнечным светом. Романтически настроенный пастор, отдавая должное красотам местной природы и пасторальным видам местности, дал название колонии Сонненталь, или в переводе на русский язык «солнечная долина». В связи с кампанией по переименованию, по ходатайству атамана Лабинского отдела Кубанской области немецкая колония Сонненталь в 1915 г. переименовали в селение Солнечное [5].

Однако навязанное сверху название не прижилось, и немцы вернулись к прежнему наименованию своего поселения, по крайней мере, при формировании в 1923 г. Гулькевичской волости Кропоткинского района (созданного на землях Кавказского отдела Кубанской области) в её составе значилась колония Сонненталь. Тем не менее, с 1924 г. немецкая колония подаётся в официальных сводках уже как село Николаевка. Судя по всему, в обиходе широко использовалось, наряду с наименованием Николаевка, и прежнее название немецкой колонии Сонненталь, поскольку на момент образования 31 декабря 1934 г. Гулькевичского района существовал Соннентальский сельский совет.

В 1918 г. в селении Сонненталь всего проживало 675 человек. К 1926 г. населения в нём заметно прибавилось, и насчитывалось 1004 человек, из них 998 человек составляли этнические немцы [6]. В селе Николаевка тогда работала кооперативная лавка и действовала начальная школа. Во второй

половине 1920-х гг. также существовала Соннентальская школа крестьянской молодёжи имени Эрнста Тельмана, переименованная в 1930-е гг. в неполную среднюю школу № 7 (директор школы Я. Миллер). С развёртыванием сплошной коллективизации название немецкой колонии прогремело в органах ОГПУ всей страны. 18 ноября 1930 г. в немецкой колонии Сонненталь Кротопкинського района вспыхнул женский бунт (участвовало 150 человек) против раскулачивания и проведения коллективизации, сопровождавшийся акциями неповиновения, нападениями на милиционеров, стрельбой местного населения, арестами инициаторов бунта и подавленный только через 10 дней [7]. С началом Великой Отечественной войны 5 октября 1941 г. коренных жителей (немцев) села Сонненталь Гулькевичского района Краснодарского края депортировали в Новосибирскую область. Сведений о сохранении поселенческой территории села Сонненталь мы не обнаружили.

3) Немецкая колония Фриденталь (die Friedental, дословно с немецкого языка её название переводится на русский язык как «долина мира») образовалась в 1870 г. Она располагалась на выкупленных (так указывается в материалах РГВИА [8]) немецкими переселенцами юртовых землях селения Кубанского (на расстоянии 7 вёрст от селения) одноимённой волости Лабинского отдела, на левобережье реки Кубань, причём, землю немцы выкупили у барона Р.В. Штейнгеля. Однако, согласно материалам архивного дела «О продаже генерал-адъютантом, князем Николаем Ивановичем Святополк-Мирским инженеру, статскому советнику, барону Рудольфу Васильевичу Штейнгелю недвижимого имения, состоящего в Кавказском уезде, в сумме 20000 рублей», реально Святополк-Мирский продал барону Штейнгелю свой земельный участок, расположенный с северо-востока за рекой Кубанью. Этот участок являлся смежным по отношению к стану (территории) ранее дислоцированной бывшей 2-й бригады, с юго-востока соприкасался с землёй казаков бывшей 6-й бригады Кубанского казачьего войска и с северо-запада граничил с участком генерал-адъютанта, графа Н.П. Граббе. Но получил Святополк-Мирский за это имение 205 тыс.

рублей, как следует из выписки нотариальной конторы Екатеринодарского окружного суда за 1881 г. А вот 3 тыс. десятин земли и часть леса взяли в аренду сроком на 17 лет (по 1889 г. включительно) немцы-колонисты по договору, заключённому с ними 2 апреля 1872 г. [9]. Согласно «Спискам населённых мест по сведениям 1882 г.», существовал владельческий участок жены графа Граббе, на котором располагалась немецкая колония Фриденталь. Совместно с находившимся рядом хутором Ковалёвым колония располагала 6050 десятинами земли. В 1882 г. в немецкой колонии Фриденталь значилось 108 дворов, и всего проживало 740 человек (388 мужчин и 352 женщины), из которых 42 человека не имели оседлости. Что примечательно, на земельном участке барона Р.В. Штейнгеля, расположенном на левом берегу реки Кубань, тогда же фиксировалась немецкая колония с историческим названием Клеопатрафельд (в переводе с немецкого языка означавшее «поле или земля Клеопатры»), где проживало 98 человек [10]. Образ египетской царицы Клеопатры во второй половине XIX в. являлся достаточно популярной в европейской культуре, а её имя носили многие девочки того исторического периода. Чем руководствовались немцы из этой колонии при наименовании своего поселения, нам не ведомо, но имя Клеопатры им явно было знакомо.

Судя по всему, первоначально немцы из колонии Фриденталь являлись скопщиками (безземельными арендаторами, оплачивавшими пользование землёй частью полученного урожая) на арендованных участках жены графа Н.П. Граббе. Причём, немецкие колонисты выступали в роли субарендаторов, поскольку сами земли арендовал землевладелец с предпринимательской жилкой барон Р.В. Штейнгель, основавший по соседству имение «Хуторок». От немца-барона немецкие колонисты получали землю на российских условиях «исполу» (фактически барщины): за 2 десятины арендованной земли в год скопщик обрабатывал ещё 1 десятину в имении «Хуторок». В отработку вместо денежной или натуральной платы включались работы по вспашке, боронению, уборке в копны колосовых культур с последующим вывозом и складированием в

указанном месте. А вот за усадебную (плановую) землю взималась ежегодная денежная плата из расчёта по 24 рубля за десятину, за сенокосные угодья полагалось заплатить в год 12 рублей за десятину. Перечисленные условия скопщины (по существу, российской барщины) действовали вплоть до 1904 г., поскольку тогда часть имения графа Граббе, на котором обосновалась колония Фриденталь, приобрёл в частную собственность землевладелец Захар Фёдорович Щербак, жестоко притеснявший скопщиков и рассчитывавший, в конце концов, выжить немцев с занимаемых земель по суду, но потом от этой первоначальной затеи он отказался. Ныне эти земли отчасти составляют посёлок Мирской в Новокубанском районе Краснодарского края, расположенный на расстоянии примерно 13 километров в северо-западном направлении от города Новокубанска.

Изначальное название Фриденталь дал немецкой колонии окормлявший её пастор (колония относилась к лютеранскому приходу города Екатеринодара), и, согласно свидетельствам старожилов, наименование их поселения произошло при следующих обстоятельствах. Когда лютеранский пастор первый раз посетил с духовным визитом свою паству в новом поселении, на дворе стоял ясный день. Его взору открылась чудесная природная картина в её первобытной красоте: широко раскинулась степная равнина, стройной благодатной стеной высился зелёный лес в речной пойме, вольно несла по долине свои воды река Кубань. Успокаивавшей тишиной, приятным мирским покоем и человеческим удовольствием веяло от этой природной картины. Романтически настроенный пастор, отдавая должное красотам кубанской природы и пасторальным видам местности, дал название колонии Фриденталь, или в переводе на русский язык «долина мира». В связи с кампанией по переименованию немецких поселений, по ходатайству атамана Лабинского отдела Кубанской области в 1915 г. немецкую колонию Фриденталь переименовали в селение Мирное [11]. Также встречается вариант Старо-Мирное, что, на наш взгляд, связано с расселением немцев из колонии Фриденталь в близлежащие населённые пункты, а сама поселенческая

территория, вероятно, смещалась в пространственном отношении. Так, в статистических сведениях переписи 1926 г. впервые встречаются хутор Нейфриденталь, и там значилось 500 немцев (ныне хутор Роте-Фане Новокубанского района), и хутор Равнопольский, а здесь фиксировалось 405 немцев [12] (ныне хутор Кирова Новокубанского района). В обоих хуторах проживали выходцы из колонии Фриденталь, что объясняется появлением трудовых товариществ по совместной обработке земли.

В 1897 г. население колонии Фриденталь увеличилось до 1476 человек (из них – 1474 немцы), но в 1912 г. количество жителей заметно сокращается до 603 человек, что, судя по всему, объясняется дальнейшим расселением немцев из-за возникших сложностей приобретения земельных участков. Немецкая община сумела лишь 26 апреля 1914 г. приобрести земельные участки под усадьбы в частную собственность и сельскохозяйственные удобные земли в общую собственность для занятия земледелием у бывшего пятигорского купца 2-ой гильдии (к тому времени пятигорского мещанина) Захара Фёдоровича Щербака (дедушки русского писателя А.И. Солженицына) [13]. В частности, поселяне-собственники, выходцы из далёкой Самарской губернии, под усадьбы получили (в нашем пересчёте на гектары): Яков Беккер (0,125), Яков Шейфер (0,166), Михаил Шпейхт (0,199), и т.д. Всего – 202 человека. Немецкие колонисты уплатили за эти земельные участки в общей сложности 15 тыс. рублей [14].

Следует обратить внимание на резкое изменение отношения к немецким колонистам со стороны имперских властей с началом Первой мировой войны. 2 февраля 1915 г. принимаются узаконения и законы от 13 декабря 1915 г. (ст. 2749) [15] о ликвидации недвижимого имущества состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских и германских выходцев. В 1916 г. войсковые власти составили списки землевладельцев, подлежащих в период 1916–1917 гг. «отчуждению» земельной собственности, которую планировалось продать на публичных торгах. Поимённые списки немецких колонистов-выходцев селения Фриденталь с точным указанием количества земельных

угодий опубликовала 3 апреля 1916 г. газета «Кубанские областные ведомости» [16]. Немецкие колонисты сильно возмутились, ибо через 10 месяцев планировалась ликвидация их земельной собственности. Согласно определению Присутствия Кубанского областного правления от 14 февраля 1917 г., требовалось «обществу выходцев Фриденталь 50 дес[ятин земли] продать, со всеми находящимися постройками, а равно принадлежащим им как живым, так и мёртвым сельскохозяйственным инвентарём с публичных торгов» [17]. Однако война и последующая революция прекратили уголовное разбирательство из-за противостояния немецких колонистов действиям властей, и землю немецким колонистам оставили. К 1926 г. в колонии фиксировалось 1890 человек, из них 1869 человек составляли этнические немцы [18]. После выселения немцев в октябре 1941 г. земельные угодья села Мирного отошли к селу Ковалевскому. Вернулись через годы на прежнее место жительства немногие потомки бывших немецких колонистов.

Таким образом, рассмотренный нами исторический сюжет, с одной стороны, имеет трагический характер и финал, а, с другой стороны, выполненное историописание наводит нас на итоговую мысль о колоссальном вкладе российских немцев в развитие исторического региона Кубани, их потрясающем человеческом стремлении укорениться на новых землях, что говорит о значительном социально-экономическом потенциале немецких колоний, отличавшихся от иных поселений характерным социотипом поселенческих структур. Вместе с тем названия немецких поселений не лишены известной доли романтизма и глубокого душевного смысла, позволяющего и сегодня находить новые, дополнительные интерпретации в топонимике немецких колоний.

Примечания

1. *Городецкий Б.М.* Немецкое землевладение на Кубани: доклад, прочитанный на общем собрании членов ОЛИКО 24-го октября 1914 г. // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Типография Областного Правления, 1915. – Т. 20. – С. 372.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 400. – Оп. 25. – Д. 10268. - Л. 35об.

3. Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г.: География и население. Справочник / *Сост. В.Ф. Дизендорф.* – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2002. – С. 38.
4. РГВИА. – Ф. 400. Оп. 25. – Д. 10268. – Л. 37об.
5. Там же.
6. Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г.: География и население. – С. 41.
7. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: Документы и материалы в 4-х т. 1918–1939. – Т. 3. Советская деревня глазами ОГПУ-НКВД. 1930–1934. – Кн. 1. 1930–1931. / *Под ред. А. Береловича, В. Данилова; Сост.: Л. Борисова, В. Данилов, Н. Перемышленникова, Н. Тархова, Т. Гольшикина, С. Мякиньюков, Ю. Разбоев, Т. Сорокина, Е. Степанова.* – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 532.
8. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 25. – Д. 10268. – Л. 37об.
9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 3, 4.
10. Сборник сведений о Кавказе. Т. VIII. Кубанская область. Списки населённых мест по сведениям 1882 года. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. – С. 37–38.
11. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 25. – Д. 10268. – Л. 37об.
12. Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г.: География и население. – С. 39, 40.
13. ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9. – Д. 411. – Л. 3.
14. Там же. – Л. 6об, 9об.
15. Из Инструкции о применении узаконений 2 февраля и 13 декабря 1915 года // URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/18/30/284> (дата обращения: 28.06.2022).
16. Кубанские областные ведомости. – 1916. – № 75. – 3 апреля.
17. ГАКК. – Ф. 449. – Оп. 9. – Д. 411. – Л. 40.
18. Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г.: География и население. – С. 42.

А.В. Баранов
(г. Краснодар, Российская Федерация)

НЕМЦЫ НА ЮГЕ РОССИИ В 1920-Х ГГ. И ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ⁴

Аннотация. Автор статьи исследует этнодемографию и землепользование немцев в пределах Северо-Кавказского края и Крымской АССР (1920–1929 гг.). Внимание уделено феномену немецких политических эмигрантов из стран Европы на Юге России. Раскрыты особенности партийно-государственной политики в отношении немцев Юга России ввиду их зажиточности и религиозности.

Ключевые слова: немцы, Юг России, советская этнополитика, особенности, 1920-е гг.

A.V. Baranov
(Krasnodar, Russian Federation)

GERMANS IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 1920s AND FEATURES OF THE SOVIET ETHNOPOLICY

Abstract. The author of the article explores the ethnodemography and land use of the Germans within the North Caucasian region and the Crimean ASSR (1920–1929). Attention is paid to the phenomenon of German political emigrants from European countries in the South of Russia. The features of the party-state policy towards the Germans of the South of Russia due to their prosperity and religiosity are revealed.

Key words: Germans, South of Russia, Soviet ethnopolitics, features, 1920s.

Актуальность темы статьи выражается в том, что немцы являлись в раннесоветском обществе достаточно многочисленной этнической группой, а, следовательно, специфика политики органов власти в отношении советских немцев была достаточно важной для определения курса этнополитики в целом. В Северо-

⁴ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

Кавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг. достаточно рельефно проявились особенности партийно-государственного курса в отношении различных территориальных и конфессиональных сообществ немцев.

Тема работы изучена в историографии фрагментарно и неравномерно. Мероприятия органов власти Юго-Востока России (с 1924 г. – Северо-Кавказского края) и его соподчинённых областей, округов, автономий в отношении всех национальных меньшинств выявлены в монографиях А.В. Аверьянова [1] и В.З. Акопяна [2]. Немецкий историк В. Дённингхаус раскрыл роль «западных» национальных меньшинств (немцев, поляков, чехов, народов Прибалтики и др.) в советском обществе 1917–1938 гг. [3]. Но специальные исследования немецких сообществ Юга России немногочисленны. Можно выделить монографии Т.Н. Плохотнюк [4], В.Г. Шнайдера и С.Н. Ктиторова [5], имеющие более широкий хронологический диапазон. Наибольшее внимание историков привлекают вопросы миграций (В.Г. Шнайдер) [6], религиозной жизни (В.З. Акопян, А.Д. Койчув, В.Г. Шнайдер) [7], политики «коренизации» в отношении немцев (М.Е. Игнатова) [8]. На материалах Крыма история немцев периода 1920-х гг. освещалась в статьях Г.Н. Кондратюка [9], Н.В. Крюковой и Г.И. Макаренко [10]. Есть также краткие упоминания особенностей землепользования и социального статуса немцев-колонистов в общих работах о национальной политике 1920-х гг. в Крыму [11]. Сравнительный анализ положения немцев и политики властей в отношении данного народа на материале русских областей Юга РСФСР, автономий Северного Кавказа и Крымской АССР ещё не проводился.

Цель статьи – установить особенности партийно-государственной политики 1920-х гг. в отношении немцев в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР.

Источниковая основа работы включает в себя директивные документы Коммунистической партии и органов государственной власти, аналитические записки и доклады с мест о положении немецких колоний, материалы переписей населения – Всекрымской 1921 г. и Всесоюзной 1926 г. Большинство изученных документов отложилось в фондах Центров

документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Краснодарского края (ЦДНИКК), Государственных архивов Республики Крым (ГАРК), Ставропольского края (ГАСК) и Ростовской области (ГАРО). Часть источников опубликована в сборниках документов [12].

Немцы проживают на Юге России с конца XVIII в., образуя рассеянные по обширному пространству сельскохозяйственные колонии. По мере модернизации возрастало и немецкое население в городах, в основном представленное чиновниками, предпринимателями, лицами «свободных профессий», духовенством.

По Всесоюзной переписи населения 1926 г. – наиболее достоверному и полному статистическому источнику, в Северо-Кавказском крае (т.е., на территории Дона, Кубани, Терека, Ставрополья и автономий Северного Кавказа) проживало 93915 немцев (1,12% всего населения края). В том числе, немцы составляли 3,2% жителей Таганрогского округа, 2,8% – Терского, 2,4% – Армавирского, 1,9% – Донецкого, 1,4% – Донского, 1,3% – Кабардино-Балкарской автономной области (АО), 1,1% – Ставропольского округа, по 1,0% – Северо-Осетинской АО и Черноморского округа. Удельный вес горожан среди немцев – 13,6%, что значительно ниже уровня по всему населению края (19,8%) [13]. Но немцы обладали гораздо более высоким уровнем грамотности, нежели другие народы края. Например, в Терском округе (1926 г.) были грамотными 57% немцев и 29% представителей других этнических меньшинств в сравнении с 40% русских [14].

В Крыму немецкое население, согласно региональной переписи 15 апреля 1921 г., составляло 42,3 из 720,3 тыс. чел. (5,8%). Немцы в основном проживали в засушливых северных и центральных районах Крыма [15]. Всесоюзная перепись 17 декабря 1926 г. зафиксировала в Крымской АССР 43,6 тыс. немцев из 713,8 тыс. всего населения (6,2%). Подавляющее большинство немцев (90,1%) были сельскими жителями [16].

По вероисповеданию среди немцев преобладали различные протестантские направления: меннониты, лютеране, евангельские христиане-баптисты, адвентисты. Между ними проявлялось

соперничество за должности в местных Советах, кооперативах и т.п. Религиозная регуляция всех сторон жизни была весьма прочной. Например, в 1924 г. среди коммунистов Крымской партийной организации числилось только 1,1% немцев – в 6 раз меньше, чем в составе всего населения республики [17].

Немецкие семьи обладали большими наделами земли, чем представители других народов. Во многом это объяснялось ведением скотоводческого хозяйства и выращиванием технических культур в зоне рискованного полеводства (Евпаторийском, Джанкойском и других уездах). В 1928 г. средние наделы немецких хозяйств Крыма составляли 12,8 дес., русских хозяйств – 6,6 дес., крымскотатарских – 3,0 дес. на семью при том, что немцы стали основным объектом земельных конфискаций за 1915–1922 гг. и потеряли половину своих земель [18]. Однако передел земель шёл с большими затруднениями, поскольку татарские переселенцы из предгорных и южнобережных местностей, а тем более – евреи из Белоруссии были плохо подготовлены к ведению хозяйства в засушливых степных районах. На 1925 г. немцы владели свыше 22% посевов и 29% рабочего скота, они создавали 20% валового дохода сельского хозяйства Крыма [19]. Их высокотоварные хозяйства стали объектом ограничений, а свыше 50% немцев лишались избирательных прав [20]. В 1925 г. состоялось выселение бывших помещиков со своих земель в соответствии со всесоюзным нормативным актом.

Сходные явления отмечались и в Северо-Кавказском крае. Немцы внедряли в хозяйствах новые приёмы земледелия и скотоводства, добиваясь повышенной урожайности. Как отмечал краевой комитет ВКП(б), «немецкие колонии могут стать рассадником чистосортных семян и племенного скота», высокой культуры быта [21]. При обследовании партийные органы отмечали повышенные размеры землепользования (в Терском округе – 4,41 десятины на едока) и обеспеченности инвентарём немецких колоний, что обеспечивало большую товарность, чем в русских хозяйствах и требовало значительного найма рабочей силы [22]. При обследовании Донского округа в 1925 г. установлено, что почти каждая немецкая семья регулярно

нанимала 1–3 батраков, чаще – русских или украинцев [23]. Батраками и бедняками обычно были переселенцы из голодавшего Поволжья либо другие мигранты. В то же время, социальное неравенство отчётливо проявлялось в немецких колониях. Так, на Тереке 38,9% немцев-сельских жителей зачислялись органами власти в бедняки, 43,2% – в середняки, а 12% – в зажиточные; лишь незначительная часть относилась к батракам [24].

За 1923–1925 гг. органы власти почти не препятствовали обогащению индивидуальных хозяйств, поскольку требовалось быстро восстановить довоенный уровень производства. Среди немцев Юга РСФСР активно действовали благотворительные, культурно-просветительные, религиозные и кооперативные организации “Kulturverein”, «Колонист», «Союз южнороссийских колонистов и граждан германской расы», «Союз немцев-колонистов Причерноморья», имевшие связи с Германией и Австрией [25].

Но по мере перехода к индустриализации экономическая политика в отношении немецких колоний ужесточилась. С 1926 г. это выразилось в росте налогообложения, отказе выделения кредитов и сложной техники для зажиточных семей, повышении удельного веса немцев, лишённых избирательных прав. Статус «лишенца» закрывал возможность зажиточным немцам участвовать в сельскохозяйственных кооперативах. Парадоксальным образом данный вектор сочетался с мерами коренизации, то есть созданием немецких районов и сельсоветов, повышением участия немцев, как и всех «нацменов», в органах власти, в партийных и комсомольских организациях.

В первой половине 1920-х гг. были созданы немецкие секции при областных комитетах РКП(б) – в Крыму в 1920 г., в Кубано-Черноморской области в 1923 г. Они соподчинялись агитационно-пропагандистским отделам обкомов и имели соответствующие задачи. Например, в Симферополе выпускалась малотиражная газета «Die Rote Krim», началась подготовка немецких «ответственных работников» в советско-партийной школе. Первоначально, как позволяет судить протокол заседания немецкой секции при Кубано-Черноморском обкоме РКП(б),

ставилась и задача подготовки будущих руководителей Советской Германии. Это была утопия, вскоре на первый план вышли культурно-просветительные и пропагандистские мероприятия в деревнях. На деле отношение большевиков к немецкому сельскому населению было под воздействием стереотипов о зажиточном народе, в основном не поддержавшем революцию, подконтрольном своему духовенству и кулачеству.

В 1926–1927 гг. курс подготовки мировой революции на деле сменился на противоположный. Партийные ячейки получили строго секретное предписание Полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю о постановке на учёт иностранцев и лиц без гражданства, о запрете принимать на работу даже немецких коммунистов-политэмигрантов.

Комиссия ЦК ВКП(б), инспектировавшая деятельность Крымской областной партийной организации в апреле 1925 г., указала на почти полное отсутствие работы по вовлечению немцев, греков, болгар и других национальных меньшинств в управление местными Советами [26]. Ответственный инструктор ЦК ВКП(б) Г.А. Козлов в докладной записке от 13 июля 1927 г. приводил противоречивые сведения: немцы насчитывают 3,3% советского аппарата и 13,3% выдвигаемых на хозяйственные должности, 1 школа первой ступени приходилась на 292 немца и 1252 русских [27].

Вследствие партийных указаний курс коренизации в отношении немцев Крыма активизировался. В 1927 г. немцы стали составлять 9,9% председателей сельсоветов, что соответствовало их удельному весу в сельском населении. Но в составе ЦИК Крымской АССР, избранном тогда же, немцы составляли только 2 из 75 чел. (2,7%) [28]. Было создано 46 немецких сельсоветов, из них 56,5% впервые [29]. Административно-территориальная реформа 1930 г. привела к созданию немецкого района в Крымской АССР.

В Северо-Кавказском крае к 1925 г. было создано 36 немецких сельсоветов, прежде всего – в Терском и Армавирском округах [30]. Президиум крайисполкома в 1927 г. принял постановление «О возможности образования на территории края

нацменовской административной единицы, объединяющей немецкое население» [31]. К 1929 г. было образовано уже 42 немецких сельсовета в русских округах края, не считая автономий [32]. Сначала планировалось создать два района – в Армавирском и Терском округах, но по финансовым причинам был создан только Ванновский немецкий район в Армавирском округе (в нём немецкое население составляло 43–45%) [33]. Как установил А.В. Аверьянов, политика коренизации сталкивалась с нехваткой ответственных работников – немцев. Только в 1929–1930 гг. соразмерное составу населения представительство немцев среди председателей и секретарей сельсоветов, членов районных партийных и государственных органов было достигнуто за счёт бедняков и батраков, женщин, а также путём чистки состава Советов от «классово чуждых элементов» [34].

Политика власти встречала активное неприятие зажиточных и религиозных слоёв немецких общин. Они призывали к эмиграции из СССР. По подсчётам В.З. Акопяна, эмигрировали за 1929 г. только в Германию 5671 чел., на 68,5% – меннониты [35]. Наибольший поток эмигрантов пришёлся на первую половину 1920-х гг. в связи с голодом и изъятием земли. Часть немцев выезжала из СССР без паспортов, пересекая границу в Закавказье нелегально. Немецкая секция при АППО ЦК ВКП(б) подготовила для Секретариата ЦК записку «Об итогах обследования немецких колоний Украины, Крыма, Северно-Кавказского края и Сибири» от 2 апреля 1929 г. В ней указывалось, что кулаки стремятся «создать единое религиозно-национальное объединение всех немцев», поддерживают религиозность, проникают в местные Советы, кооперативы и колхозы, комсомольские ячейки, разлагая их изнутри; призывают не служить в Красной Армии [36]. Отмечалось «выхолащивание» советских институтов, используемых в оппозиционных целях: избрание руководителями и членами Советов противников власти; создание пионерских отрядов и колхозов «на бумаге» либо во главе с авторитетными противниками власти. Соппротивление немецких этнических элит было сломлено только в 1929–1932 гг. вследствие коллективизации и запрета религиозных общин.

Итак, особенности партийно-государственной политики 1920-х гг. в отношении немцев Северо-Кавказского края и Крымской АССР таковы: жёсткие меры конфискации земли в начале 1920-х гг.; недостаточно плотная сеть партийного и общественного контроля над немецкими общинами; запоздалое (в основном с середины 1920-х гг.) применение мер коренизации местного аппарата управления; специальные меры противодействия эмиграции. Общий курс коллективизации и антирелигиозной борьбы особенно сильно ударил по немецкому населению как зажиточному и религиозному.

Примечания

1. *Аверьянов А.В.* Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. – Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. – 308 с.

2. *Акопян В.З.* Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.). – Ростов н/Д: Изд-во РГУПС, 2014. – 284 с.

3. *Дённингхаус В.* В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР, 1917–1938 гг. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 727 с., 8 л.

4. *Плохотнюк Т.Н.* Российские немцы на Северном Кавказе. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. – 203, 35 с.

5. *Шнайдер В.Г., Ктиторов С.Н.* Немцы Армавира. – Армавир: ООО «Полиграфическое предприятие им. Г. Скорины», 2012. – 680 с.

6. *Шнайдер В.Г.* Миграционные процессы и проблема устойчивости состава немецкой общины г. Армавира (конец XIX в. – 1941 г.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4 (108). – С. 85–92.

7. *Акопян В.З.* Государственная конфессиональная политика в отношении лютеранских приходов Северного Кавказа в 1920–1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2017. – Т. 27. Вып. 4. – С. 604–610; *Шнайдер В.Г., Койчуев А.Д.* Лютеранская община Армавира в 1880–1930 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – Вып. 4 (249). – С. 132–138.

8. *Игнатова М.Е.* Греческий и Немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. – 244 с.

9. Кондратюк Г.Н. «Нацмены Запада» в советской модели регулирования национальных отношений в Крымской АССР (20–30-е годы XX века) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 2. – С. 46–54.

10. Крюкова Н.В., Макаренко Г.И. Отдельные аспекты развития системы общественной самоорганизации немцев Крыма // Регионоведение. – 2016. – № 2 (95). – С. 126–136.

11. История Крыма: в 2 т. / *отв. ред. А.В. Юрасов*. – М.: Кучково поле, 2018. – Т. 2. – С. 457–527; История Севастополя в 3-х т. – Т. III. Севастополь в советский и постсоветский периоды. 1917–2014 гг. / *науч. ред.: С.В. Журавлёв, Е.Е. Бойцова*. – 2-е изд. – Севастополь: Альбатрос, 2021. – С. 163–288.

12. ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. – Кн. 1. 1918–1933 гг. – М.: РОССПЭН, 2005. – Кн. 1. – С. 368–370; Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений 1922–1939 гг.: Архивные документы. Комментарии / *предисл. В.Ф. Баумгертнера, коммент. В.Г. Чеботарёвой*. – М.: Общественная академия наук российских немцев; АНО «Центр немецкой культуры», 2009. – С. 646–648.

13. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. Т. 9. – С. 34–51.

14. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). – Ф. Р-1161. – Оп. 1. Д. 956. – Л. 14 об.

15. Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 г. – Вып. 1: Порайонные и уездные итоги. Симферополь: Кр.С.С.Р., Крым. стат. упр. 1922. – С. 10–11.

16. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. Т. 9. – С. 34–51.

17. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 248–250.

18. Волобуев О.В. Рождение и судьбы новой крымской государственности в первой половине XX в. // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 92.

19. Дённингхаус В. Указ. соч. – С. 117.

20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-1235. – Оп. 119. – Д. 78. – Л. 71; *цит. по: Чеботарёва В.Г. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. – 2006. – № 12. – С. 26–27.*

21. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 751. – Л. 98.

22. ГАСК. – Ф. Р-299. – Оп. 1. – Д. 784. – Л. 15.

23. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. Р-1798. – Оп. 1. – Д. 941. – Л. 161–161 об.
24. ГАСК. – Ф. Р-299. – Оп. 1. – Д. 784. – Л. 14.
25. *Айсфельд А.* Исторический опыт и современные проблемы политической самоорганизации российских немцев // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы политической самоорганизации. – М.: МСНК-Пресс, 2008. – С. 72.
26. *Хованцев Д.В.* О национальной политике в Крымской АССР в 1920-е годы // Культура народов Причерноморья. 1999. № 8. – С. 205.
27. ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. – Кн. 1. 1918–1933 гг. – С. 499.
28. ГАРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 636. – Л. 19, 7.
29. ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. – Кн. 1. 1918–1933 гг. – С. 500.
30. ГАСК. – Ф. Р-299. – Оп. 1. – Д. 250. – Л. 107.
31. *Плохотнюк Т.Н.* Немецкое население Северного Кавказа в условиях тоталитарной системы в середине 1920-х – 1930-х гг. // Наказанный народ: по материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики». – М.: Звенья, 1999. – С. 149.
32. ГАСК. – Ф. Р-299. – Оп. 1. – Д. 1080. – Л. 20.
33. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Ф. 493. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 12.
34. *Аверьянов А.В.* Советское строительство в национальной среде в Северо-Кавказском крае (на примере немецкого населения) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 1. – С. 10.
35. *Акопян В.З.* Указ. соч. – С. 607.
36. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии: Документальные материалы. – Новосибирск: Посох, 2009. – С. 235–237.

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Э.Г. Вартамян
(г. Краснодар, Российская Федерация)

БОЛГАРЫ И БОЛГАРИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЕВРОПЕЙЦЕВ (ПО ОПИСАНИЯМ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XV–XVIII ВВ.)

Аннотация. В эпоху Ренессанса и великих географических открытий стали расти международные связи и для европейского мира расширились возможности знакомства со странами и народами, о которых они имели весьма смутное представление. В Европе стали появляться сведения о народах Балканского полуострова, большая часть которых входила в рассматриваемый период в состав Османской империи. Сведения о Болгарии и болгарях, их вероисповедании, языке, обычаях, духовной и материальной культуре отражены в записках, дневниках, путевых заметках путешественников, ученых, послов, торговцев. Представления о болгарях формировались главным образом сквозь призму этнографических описаний. Сделан вывод о том, что путешественники дали возможность европейцам познакомиться с болгарями, их языком, бытом, культурой и увидели в них народ, близкий к себе в культурно-историческом и религиозном отношении.

Ключевые слова: Балканы, болгары, европейские путешественники, Османская империя, быт, обычаи, традиции, культура.

E.G. Vartanyan
(Krasnodar, Russian Federation)

BULGARIANS AND BULGARIA AS VIEWED BY EUROPEANS (AS DESCRIBED BY TRAVELERS OF THE 15th-18th CENTURIES)

Abstract. In the era of the Renaissance and the great geographical discoveries, international relations began to grow, and the European world expanded the opportunity to get acquainted with countries and peoples about which they had a very vague idea. In European society, information began to appear about the peoples of the Balkan Peninsula, most of which were part of

the Ottoman Empire during the period under review. Information about Bulgaria and the Bulgarians, their religion, language, customs, spiritual and material culture are reflected in the notes, diaries, travel notes of travelers, scientists, ambassadors, merchants. Ideas about the Bulgarians were formed mainly through the prism of ethnographic descriptions. It is concluded that the travelers gave the Europeans the opportunity to get acquainted with the Bulgarians, their language, way of life, culture and saw in them a people close to themselves in cultural, historical and religious terms.

Key words: Balkans, Bulgarians, European travelers, Ottoman Empire, way of life, customs, traditions, culture.

Автор статьи задается целью показать формирование в Европе XV–XVIII вв. представлений о народах Юго-Восточной Европы, в частности, болгарях, на основе источников личного происхождения. Воспоминания, дневники, записки путешественников безусловно носят субъективный характер, но представляют ценнейший источник, дающий возможность изучить черты характера народа, особенности его менталитета, процесс формирования самосознания, быт, обычаи, традиции, материальную и духовную культуру. Порой даже заведомо субъективные оценки представляют интерес с точки зрения изучения взглядов европейцев на те или иные народы.

В средневековой европейской литературе не было обстоятельных описаний Болгарии, поэтому представление о болгарях было в Европе весьма поверхностным. Исключение составляло описание византийского историка Никифора Григора от 1326 г., посвященное быту, обычаям, песням, одежде болгар, проживающих в Петриче и Струмице [1].

С началом эпохи Возрождения в Европе интерес к истории, географии, этнографии народов стал возрастать. В XV в. итальянский гуманист Эней Сильвий Пикколomini (1405–1464), ставший впоследствии римским папой под именем Пий II (1458–1464), написал такие сочинения, как «Космография», «Описание Германии», «Происхождение и история чехов». В этих работах описываются известные в то время страны и континенты, география и этнография Германии и Чехии. Э. С. Пикколomini интересовала этническая принадлежность населения изучаемых стран, их язык, обычаи, традиции. Позже, в XVI в., к изучению

географии и этнологии народов обратились немецкий учёный Себастьян Мюнцер в своей «Космографии», флорентийский писатель и торговец, проживающий в Антверпене, Лодовико Гвиччардини («Описание Нидерландов»), польский историк и географ, профессор Краковского университета, автор медицинских и исторических сочинений Матфей Меховски – «Трактат о двух Сарматиях» и др. [2]. В этих сочинениях показаны этнические особенности отдельных европейских народов, их язык, нравы, обычаи.

Страноведческая литература в Европе получила развитие в XV–XVI вв., в эпоху великих географических открытий. Балканский полуостров стал одним из регионов Европы, через который европейские путешественники направлялись на Восток, прежде всего в Малую Азию. Это были времена, когда османские войска продвигались все дальше вглубь Центральной Европы и представители торговых, представительских миссий стран, которые стремились поддерживать официальные отношения с османским правительством и избегать с ней военных столкновений (Польша, Австрия, германские княжества, итальянские государства, Испания), а также государств, стремившихся к установлению союзных отношений с Портой (Франция, Англия, Голландия) направлялись в Османскую империю с разными целями. Нередко в путевых заметках, воспоминаниях, дневниках они описывали свои впечатления от Балканского полуострова, населявших его народов, в том числе о болгарях. Только в XVI в. было составлено около 120 путевых заметок о Болгарии [3]. Эти материалы послужили богатым источником, которые давали европейским ученым и общественности сведения о болгарях как об отдельной этнической общности, их материальной и духовной культуре.

Итальянский гуманист, дипломат, публицист, нашедший убежище от гонений римского папы в Польше Филип Калимах во второй половине XV в. в качестве официального лица польского короля несколько раз посещал балканские страны. Он имел ясное представление о принадлежности болгар к славянским народам и писал, что пересекает земли «христианских, дружественных народов» [4].

В 1491 г. член «Общины чешских братьев» [5] Мартин Кабатник побывал в восточных районах Болгарии. Он писал: «От Дуная по турецкой стране брожу через большие горы и равнины. Нигде нет городов. Где-то есть города, но они расположены далеко друг от друга» [6]. Это свидетельствует о том, что тогда страна была слабо населена. В самом конце XV в. немецкий рыцарь Арнольд фон Харф тоже побывал в Болгарии, описал некоторые болгарские города – Пловдив, Пазарджик, Кюстендил. Но у него нет упоминаний о народе, населявшем эту страну [7].

В XVI–XVIII вв. европейские путешественники в своих путевых записках, посвященных балканским странам, редко использовали слово «болгары». Когда они описывали население полуострова, предпочитали использовать такие слова, как «христиане», «православные христиане», «христиане греческого вероисповедания», «местные жители». Это свидетельствует о том, что они не видели разницы между народами, населяющими Балканский полуостров, хотя отличали их по вероисповеданию. Нередко для обозначения православного населения Балканского полуострова они использовали слово «греки». Например, французский путешественник Жан Палерн, посетив в 1582 г. Балканский полуостров и описав болгарские города Адрианополь (Одрин, Эдирне) [8], Пловдив, Софию, Радомир отмечал, что Адрианополь был населен христианами, турками и евреями [9]. Иногда вместо «христиан» он применяет слово «греки».

Почему европейские путешественники отождествляли болгар с греками? Это связано с тем, что в эпоху Возрождения в Европе произошел возврат к основам европейской цивилизации – к культуре и духовным ценностям Античности, в первую очередь Древней Греции, источником знаний для просвещенных европейских кругов были труды философов Эллады. Знакомство с богатством древнего мышления происходило при посредстве произведений историков, поэтов, драматургов, а также древнегреческих памятников скульптуры, выставленных в музеях Италии. То есть образованный мир вплоть до начала XVIII в. знакомился с духом Древней Греции через итальянские музеи и коллекции, т.е. через так называемый итальянский мост. В то же время, общеизвестна роль православной Византии в

европейском мире в Средние века. Многие европейские авторы связывали православную веру с Грецией. В эпоху Возрождения стали появляться труды путешественников о малознакомых европейцам странах и народах, ученые, путешественники направлялись в Византию для изучения культуры Греции и трудов античных авторов. Поэтому православные народы Юго-Восточной Европы у них нередко отождествлялись с греками. Это свидетельствует о том, что европейцы плохо разбирались в этнических различиях балканских народов.

В XVI в. иностранцы, посещавшие Османскую империю, особенно те из них, кто знал славянские языки, все чаще описывали отдельные балканские народы. Так, Антон Вранчич, венгерский епископ, писатель, переводчик и дипломат хорватского происхождения, автор ряда исторических и географических сочинений, в 1553 г. подробно описал болгарское село Клисуну (тур. Куручешме) и отметил, что «София – огромный рынок болгар», а в Пловдиве «кроме турок живут болгары и сербы» [10].

Интересны заметки немецкого путешественника Ганса Дерншвама, побывавшего в Османской империи в 1553–1555 гг. в составе посольской делегации. За время путешествия Г. Дерншвам сумел посетить многие районы Османской империи и свои впечатления отразил в книге, опубликованной им по возвращении. В путевых очерках он проанализировал увиденное, но не ограничился описанием мест, где побывал, стараясь дать более широкий обзор региона. Он отмечал, что «болгарский язык фактически сербский или славянский язык», а «болгары – христиане греческого вероисповедания» [11]. Точного представления о территории расселения болгар у европейских авторов не было, но Ганс Дерншвам подчеркивал: «С Одрина начинается Болгария. Во всех селах говорят по-болгарски» [12]. Немецкий путешественник имел возможность непосредственного общения с болгарам и, следовательно, мог определить этническую принадлежность этого народа.

Ближе к верному представлению о болгарях подходит Мартин Груневег – гданьский торговец, доминиканский монах, который составил «Записки» о своем путешествии из Львова на

Балканский полуостров с торговыми целями. М. Груневег пересек Добруджу и через ряд городов Балканского полуострова достиг Одрина. В своих «Записках» он называет болгар сербами, православными христианами, «хорошим, скромным народом, говорившим на славянском языке <...>, поляки и некоторые русские могут разговаривать с ними» [13].

Немецкий теолог и ученый Стефан Герлах пробыл пять лет (1573–1578) в Османской империи и имел возможность наблюдать особенности разных народов, проживающих на ее территории. Он безошибочно различал турков, греков, болгар, сербов, использовал традиционные географические и административные названия, например, «Болгария», «Румыния», «Македония», перечислял болгарские села Клисуре, Казичене, Драгоман, Цариброд. С. Герлах видел различия между греками и болгарскими, отмечал, что «болгары и греки здесь ходят в одну церковь, имеют одно богослужение, а когда присутствует много болгар, литургия ведется на болгарском языке». Описывая город Ниш, С. Герлах отмечал, что «в городе проживает мало христиан, но они в основном сербы» [14].

В эпоху Просвещения Европе заметно растет интерес к Греции. Переломным моментом в этом смысле можно назвать конец XVIII – начало XIX вв. Как отмечал греческий исследователь Э. Вуразели, «три международных события явились отправными точками, с которыми связано увеличение притока путешественников (в греческий мир – Э.В.). Первое – это Возрождение, которое обращает взоры к классической Элладе; второе – это наполеоновские войны, в ходе которых встал вопрос об освобождении греков от турецкого ига; третье – это греческая освободительная революция, которая явилась источником вдохновения для поэтов современной Европы» [15]. Причем постепенно описания путешественников приобретают не только познавательно-просветительский, но отчасти и торгово-коммерческий характер: они служат своего рода проводниками для нарождавшихся деловых кругов в Европе, желавшим расширить сеть своих операций.

В XVIII в. в связи с увеличивающейся в Европе информацией о Турции и странах, входивших в состав

Османской империи, западные путешественники все чаще стали описывать балканские народы, о болгарях формировалось представление как об отдельном народе, подчеркивались их характерные черты и особенности. Хотя в большинстве своем, по-прежнему, жителей Пловдива, Асеновграда и других болгарских городов и сел называли не болгарями, а христианами. О болгарях как отдельном народе написано в записках ряда путешественников: хорватского ученого Руджера Бошковича (1752), немецкого ученого на датской службе, картографа, путешественника Карстена Нибура (1767), французского государственного деятеля, дипломата, графа Д'Отерива, который в 1785 г. с удивлением и восхищением отмечал: «Эта Болгария, название которой пугает, является одной из самых красивых стран Европы» [16].

Французский консул в Салониках в 70-е – 90-е гг. XVIII в. Еспри-Мари Кузинери много путешествовал по Балканам, исследовал Фракию и Македонию, имел возможность знакомиться с жизнью разных народов полуострова. О болгарях он пишет следующее: «Болгары продолжают жить либо в горах, либо на равнинах, где они поселились как завоеватели <...>, все они земледельцы. В городах греки и болгары более схожи в одежде, в языке и религии, но, несмотря на эти точки сближения, они редко вступают друг с другом в коммерческие союзы или браки. В деревнях они живут совершенно обособленно друг от друга; именно там костюм болгар больше всего отличается от костюма греков» [17]. Путешественник демонстрирует осведомленность об истории болгар, приход их с Востока на Балканский полуостров (в этой связи он их называет завоевателями), переход к оседлости, показывает общие черты и различия между болгарями и греками. Кроме болгар и греков Е.-М. Кузинери говорит об этнических группах Македонии – македонцах, албанцах, евреях, турках, цыганах и др. Описывая Вардарскую область Македонии автор отмечает, что «эта область населена турками, которые говорят по-болгарски (болгаро-магометане)» [18]. Е.-М. Кузинери демонстрирует свои познания в географии, отмечая, что «болгарский город Воден был назван

так болгарами... из-за прекрасных вод, стекающихся водопадами» [19].

Первым из авторов, кто написал о ранней истории болгар и их происхождении, был фламандский ученый-энциклопедист Ожилье Гислен де Бусбек. Бусбек был знаком с гуманистом Эразмом Роттердамским, оказавшим на него огромное влияние, свободно владел голландским, латинским, французским, итальянским, немецким, испанским и несколькими славянскими языками. С 1556 г. в течение 7 лет занимал должность посланника Священной Римской империи в Стамбуле. Основной труд Бусбека вышел в 1581 г. на латыни, переиздан в 1595 г. под названием «Турецкие письма». Он отмечал в своем труде, что первоначально район обитания болгар был на реке Волге, волжские болгары прибыли на Балканский полуостров во время великого переселения народов, «осели в районе горы Хемус, имевшим естественную защиту между Софией и Пловдивом, и оттуда долго вели борьбу с византийским императором» [20].

О происхождении болгар имели странные представления немецкие путешественники Саломон Швайгер (1577) и Райнхолд Лубенау (1597). Саломон Швайгер – лютеранский богослов, антрополог, востоковед, во время своих путешествий по Балканам и Ближнему Востоку собрал ценную информацию, которую отразил в знаменитой книге путешествий (к слову сказать, он опубликовал первый перевод Корана на немецком языке), а фармацевт Райнхолд Лубенау посетил Османскую империю в 80–90-е гг. XVI в. Они отмечали, что, исходя из фонетического сходства имен, балканские народы – сербы, болгары и др. – произошли от древнегерманских племён, позже были названы римлянами «даки», что означает «дунайцы». Говоря о болгарях, Р. Лубенау пишет, что на горе Хемус жили «истинные старые волгары или болгары, которых так именовали по названию скифской реки Волги» [21].

Заметки о этнической принадлежности болгар в записках путешественников сопровождаются краткой или подробной характеристикой их внешнего вида, одежды, быта, обычаев. В этих описаниях авторы чувствовали себя уверенно, поскольку

опирались на собственные наблюдения. Сведения и характеристики, которые давали иностранцы болгарам в рассматриваемый период, соответствуют уровню развития европейской этнографии. Эти записки являлись ценным источником для европейской научной мысли и, вместе с тем, повышали интерес европейского общества и интеллигенции к этим народам.

Интересны материалы венецианского путешественника Катерино Зено, который в 1472 г. стал послом Венецианской республики при Узун-Хасане (1453–1478) – правителе княжества Ак-Коюнлу в Восточной Анатолии [22]. Катерино Зено пользовался большей свободой, чем все его европейские предшественники, и использовал своё положение при дворе для сбора сведений о нравах страны и событиях периода царствования Узун-Хасана. Вернувшись в Венецию, издал описание своего путешествия. Через 50 лет книга К. Зено исчезла из обращения, вследствие чего его племянник Никколо Зено в 1558 г. напечатал очерк путешествия, составленный по письмам К. Зено. Катерино Зено в своих записках дает сведения о внешнем облике жителей Сплита, Ниша, Софии, Царьграда: «Страны султана <...> населены христианами – славянами, болгарами, сербами и греками; немало венгров, все платят харадж (налог с иноверцев – Э.В.) за рабский труд. Женщины тоже сильные и выполняют много работы» [23].

Нередко иностранцы описывали внешний вид болгар. Так, итальянец Томазо Альберти, посетивший восточную границу Болгарии в 1612 г., был восхищен внешним видом жителей Аспарухово, Варненско, в то же время отмечал, что «люди в большом количестве страдают от болезней, в частности, от водянки, что связано с плохим воздухом, который преобладает здесь, так как они (эти земли – Э.В.) расположены в долине у подножия высоких гор». А француз Пуле в 1558 г. писал о болгарских селянах как о подвижных, здоровых людях, которые хорошо работают на поле. Роберт Баргрейв, английский купец XVII в., оставивший «Путевой дневник Роберта Баргрейва Левантского торговца» (1647–1656) подчеркивает, что «болгарские женщины работают наравне с мужчинами и имеют

хорошее телосложение» [24]. В 1780-е гг. итальянец Антонио Бонетти с восхищением писал о болгарах: «Климат страны создал расу людей, которые превосходят всех других, которых видел в Турции» [25].

Что касается одежды болгар, то этот аспект также оказался в сфере внимания иностранных путешественников. Бенедикт Курипешич, австрийский посол в Стамбуле, в 1530 г. первым обратил на это внимание, путешествуя по болгарским землям. В частности, он писал: «Мужчины, женщины, дети носят одежду, рубашки, вышитые шелковыми нитками, хоть и грубыми. Женщины надевают на уши серебряные серьги, а там, где нет серебра – латунные, оловянные. Женщины и девушки носят косы с головы до пят, на них много украшений». Путевой дневник Б. Курипешича – один из ранних дневников по Балканам XVI в. [26]. Его описания ценны с исторической точки зрения, так как показывают картину обычаев стран и народов. Факты из дневника можно считать достоверными в той части, где автор описывает то, что видел сам, но в описаниях исторических событий часто сочетаются народные предания с исторической правдой. Географические названия в большинстве случаев написаны правильно.

Подробное описание одежды и украшений болгарских женщин составил упомянутый ранее Антон Вранчич, обогатив, таким образом, этнографические сведения о болгарах Б. Курипешича. А. Вранчич описывает украшения, которыми щеголяют болгарские женщины, их одежду и головные уборы. Он подчеркивает, что болгары – преимущественно сельский народ, жестоко угнетаемый турками [27].

Внешний вид и некоторые черты характера болгарок описывает немецкий путешественник XVI в. Райнхолд Лубенау. Достигнув села Куручешме (Клисура), Р. Лубенау отмечает, что отсюда начинается Большая Болгария, подчеркивает усердие болгарских женщин, их трудолюбие, одежду, высокие головные уборы, рубашки с вышивкой, которые «хоть и сшиты из грубого полотна, но украшают болгарок». Он замечает некоторое сходство между костюмами и украшениями болгарок и женщин некоторых прибалтийских народов: «Когда приходишь до Дуная,

думаешь, что литовские женщины из своих земель пришли туда» [28].

Англичанин Роберт Баргрейв в XVII в. составил описание болгарских женщин юго-восточной части страны: «Это были бедные и честные женщины, которые участвовали в полевых работах наряду с мужьями <...> Одежда женщин – платье без рукавов с подкладкой ниже талии <...> Они носят серебряные перстни почти на всех пальцах, браслеты с черными и белыми бусинами или ракушками на запястьях, а на шее большие гирлянды из серебряных монет» [29].

Немецкий путешественник Конрад Хилтебранд во время посещения территории Болгарии (от Одрина до Пловдива) в 1657 г. также обратил внимание на внешний вид болгар. Он отмечал, «на шею женщины навешивали различные монеты, на руках у них были надеты широкие серебряные браслеты, у некоторых просто оловянные, на пальцах серебряные или большие латунные перстни. На ушах у всех серьги. Косы заплетены в очень маленькие косички, которые почти закрывают плечи как длинный хвост, по нижнему краю которых – орнамент из медных пластин. Рубашки грубые, но красочно вышитые. Их верхняя одежда, скрепленная ремнями, была сделана из светло-коричневой грубой шерсти» <...> «мужчины, которые идут в поле, несут на спине посох и ведут за собой одну или двух привязанных собак» [30].

Француз Робер дьо Дриё (1665–1689) обратил внимание на доверие болгар к иностранцам-христианам: «Когда мы прибыли в болгарское село, все мужчины были на работе в поле, откуда вернулись вечером. А женщины и девушки вышли из домов поглядеть на нас. Когда они поняли, что мы христиане, это нас сблизило, будто мы с ними были знакомы давно» [31].

Некоторые европейские путешественники восхищались общительностью и природной интеллигентностью болгарок, француз Поль Люка характеризует болгарок симпатичными, любезными, гордыми и при этом мягкими в общении [32].

Немецкий ученый Карстен Нибур, побывавший в болгарских землях во второй половине XVIII в. пишет, что «болгарки не носят шаровары как магометанки, и не закрывают

лицо на улице. Рубашки, как и у мужчин, имеют вышивку из шерстяных ниток разных цветов. Женщины носят рубашки с платьем без рукавов из простой черной ткани. Две узкие ленточки спускаются с лямок их широкого пояса» [33].

В записках путешественников можно встретить много заметок о болгарских городах и селах, жизни населения, быте, обычаях, материальной культуре. Не меньшее значение имеет описание духовно-нравственного состояния болгарского общества, а также праздников, свадеб, песен, танцев, погребальных обрядов.

Важно то, что иностранные путешественники описывали болгар в конкретной социальной и исторической обстановке. Они с сочувствием и состраданием показывали жизнь населения под османским гнетом, обремененного большим количеством налогов. Несмотря на то, что болгарское население покорно выполняло требования османских правителей, оно, как пишут современники, не превращалось в безропотную массу, смирившуюся со своей рабской участью. Напротив, описывались случаи, когда болгары защищали свое имущество, жизнь и честь, а при благоприятной международной обстановке выражали готовность подниматься на борьбу против поработителей. Некоторые европейские писатели рассматриваемой эпохи не только не скрывали своих симпатий к болгарам, но даже порой идеализировали их.

Таким образом, благодаря путевым заметкам, дневникам, запискам путешественников европейское общество составило представление о болгарях, их языке, быте, культуре, обычаях, а научные круги получили возможность лучше изучить народы Балканского полуострова. Болгары стали известны европейцам как этнос со своей оригинальной материальной и духовной культурой. Европейцы увидели в них народ, близкий себе в культурно-историческом и религиозном отношении.

Источники личного происхождения бесспорно субъективный вид источника, представляющий живое свидетельство, позволяющее исследователю изучить «образ других», в данном случае фрагментарный образ болгар, который отчасти включает в себя и мировосприятие создателей этого

образа. Тем не менее описываемая ими картина мира болгар – не миф, она отражает и объективно существовавшую реальность, в частности поведение людей, их жизненный уклад, умонастроения рассматриваемого времени.

Факты из дневников и заметок путешественников можно считать достоверными в той части, где авторы описывают то, что видели сами, но в описаниях исторических событий, в вопросах этнического происхождения болгар ими допускались неточности, порой неверные интерпретации.

По мере формирования национальной идентичности болгар, идеализм и прагматизм во взглядах болгар и европейцев друг на друга, безусловно, сохранился, однако характер взаимодействия претерпел существенные изменения, отражающий как перемены внутри Болгарии и европейских государств, так и эволюцию взаимоотношений государств и их народов в разные исторические эпохи.

Так происходило открытие Юго-Восточной Европы для европейцев, в процессе которого все больше внимания приковывалось к новым регионам и народам, становившимся более понятными и близкими европейцам.

Примечания

1. *Йонов М.* Чуждите пътеписи като извор за история на български земи // Помощни исторически дисциплини. – София: БАН, 1979. Кн. 1. – С. 284–309.

2. *Яцунский В.К.* Историческая география. – Москва: АН СССР, 1955. – С. 44–48, 94–98.

3. *Йонов М.* Българска народност в чуждестрвнната пътеписна литература през XV–XVIII в. // Българската нация през Възраждането. – София: БАН, 1980. – С. 112.

4. *Кесяков Хр.* Положението на България към края на XV в. // Сборник народни умотворения, наука и кнмжнина. – Кн. 6. – София: Изд-во Държавна печатница, 1891. – С. 180.

5. «Община чешских братьев» – чешская религиозная организация, порождённая Гуситским движением, ставшая в эпоху Реформации одним из протестантских течений. Основана в Богемии в XV в. Петром Хельчицким, который, разочаровавшись в учении католической церкви, стал проповедовать своё собственное «учение о справедливости», требуя возвращения к первым векам христианства.

6. *Kabatnika M.* Cesta z cech do Iuresalema a Kaira. 1491–1492. – Praha: České akademie Císare Františka Josefa pro vědy, slovesnost and umění, 1899. – P. 1.

7. *Йонов М.* Пътепис на Мартин Груневег като исторически извор на българските земи (1582) // Годишник на Софийския университет «Кл. Охридски». Исторически факултет. – Т. LXVII, 1977. – С. 114.

8. Адрианополь – греческое название города, Одрин – болгарское, Эдирне – турецкое.

9. *Йонов М.* Путевые заметки Ж.П. Форезьена как источник по истории болгарских земель (1582) // Actes du premier congress international des etudes Balkaniques et sudest europeennes. – Т. 3. – Sofia, 1969. – S. 482–486.

10. *Iter Buda.* Hadrianopolim anno 1553 exaratum ab Antonio Verantio... // Monumenta historica Hungarie. Ser. 2. – Т. 2. – Buda Pest, 1862. – P. 314–315.

11. *Hans Gernschwams.* Tagebuch einer Reisen ach Kjnstantinopel und Kleinasien (1553–1555) // Nash der Urschrift im Fugger-Archiv herausgegeben und erlautert von Fr. Babinger – Studien zur Figger Geschichte. Н. 7. Munchen und Leipzig, 1923. – P. 13; Дневникът на Ханс Дернивам за пътуването му до Цариград през 1553–1555 г. – София: Изд-во Отечества фронт, 1970. – С. 30.

12. Там же.

13. *Йонов М.* Пътепис на Мартин Груневег като исторически извор на българските земи (1582) // Годишник на Софийския университет «Кл. Охридски». Исторически факултет. – Т. LXVII, 1977. – С. 117.

14. *Герлах Ст.* Дневник на едно пътуване до Османската Порта в Цариград. – София: Изд-во Отечества фронт, 1976. – С. 35.

15. *Янници Феодора.* Греческий мир в конце XVIII – начале XIX вв. по российским источникам: к вопросу об изучении самосознания греков / Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Москва, 2000; Путевые заметки в качестве исторического источника. Классификация и характеристика. – Идеализм и прагматизм во взаимовосприятии русских и греков в конце XVIII – начале XIX вв. по воспоминаниям российских путешественников // URL: <https://pandia.ru/text/78/193/52410.php> (дата обращения: 21.07.2022).

16. *Петрински Иван.* Българската национална кухня (поглед назад в историята) // URL: <https://www.eurochicago.com/2010/08/balgarskata-natsionalna-kuhnya-pogled-nazad-v-istoriyata/> (дата обращения: 16.07.2022); *Вулф Ларри.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения // URL: <https://booksonline.com.ua/review.php?book=161173> (дата обращения: 19.07.2022).

17. *Цветкова Б.* Френски пътеписи за Балканите XV–XVIII вв. – София: Наука и изкуство, 1975. – С. 359–360.
18. Там же. – С. 364.
19. Там же. – С. 373–375.
20. *Иречек К.* Стари пътешествия по България от XV–XVIII столетия // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. – Кн. 6. – София, 1883. – С. 1–44.
21. *Йонов М.* Немски и австрийски пътеписи за Балканите. – София: Наука и изкуство, 1979. – С. 126.
22. В правление Узун Хасана (1453–1478), Ак-Коюнлу выросло из небольшого местного княжества в Восточной Анатолии в крупную исламскую державу, господствующую над большей частью центральных исламских земель (см. *Вартаньян Э.Г.* История Турции. Монография. – Краснодар: КубГУ, 2013. – С. 126–127).
23. *Decrizione del viazo de Constantinopoli 1550 de ser Catharin Zen, Starine.* – Zagreb, 1878. – Кн. 10. – Р. 20.
24. *Babinger Fr.* Robert Bargegrave in Bulgarien (1652) // Известия на историческото дружество. – София, 1937. Кн. 14–15. – С. 147.
25. *Йонов М.* Българска народност в чуждестрвнната пътеписна литература през XV–XVIII в. // Българската нация през Възраждането. – София: БАН, 1980. – С. 125.
26. *Курипешич Бенедикт.* Путевой дневник посольства // URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XVI/1520-1540/Kuripesic/pred.phtml?id=8259> (дата обращения: 20.07.2022).
27. *Iter Buda. Hadrianopolim anno 1553 exaratum ab Antonio Verantio...* // Monumenta historica Hungarie. Ser. 2. – Т. 2. – Buda Pest, 1862. – Р. 324; *Vrančić, Antun.* Iter Buda Hadrianopolim Anno 1553 Exaratum ... Nunc primum e Verantiano Cartophylacio in lucem editum (per Albertum Fortis) // URL: https://www.europeana.eu/en/item/9200352/_object_info_id_11910 (дата обращения: 24.07.2022).
28. *Йонов М.* Европейские пътеписи – извор за историята на българските земи през XVII в. // Годишник на Софийския университет «Кл. Охридски». Философско-исторически факултет. – Т. LXII. – 1969. – С. 76–78.
29. Там же. – С. 77.
30. Там же.
31. *Цветкова Б.* Френски пътеписи за Балканите XV–XVIII вв. – София: Наука и изкуство, 1975. – С. 238.
32. Там же. – С. 269.
33. *Niebuhr C.* Reisebeschreibung nach Arabian und andere umliegenden Ladem. Hamburg, 1837. – Р. 411.

О.В. Валецкий
(г. Москва, Российская Федерация)

ВЛАД ЦЕПЕШ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ XV ВЕКА

Аннотация. Дракула, князь тьмы – самый известный и, пожалуй, самый популярный мифический персонаж. Легендарный роман Брэма Стокера, написанный в 1987 г., стал основой всей «готической» субкультуры, а также родоначальником целого «вампирского» жанра в литературе и кино. Прототипом графа Дракулы стал исторический персонаж – военачальник Валахии, известный как Влад III, он же Влад Дракула (сын Дракона), или Влад Цепеш. Однако в Румынии Влада Цепеша вовсе не считают дьяволом. Здесь он считается национальным героем. Его помнят, как защитника своего народа от иностранного вторжения – турецких солдат и немецких купцов.

Ключевые слова: Влад Цепеш, Матей Казаку «Дракула».

O.V. Walecki
(Krasnodar, Russian Federation)

VIAD TCHEPESH AND THE POLITICAL REALITIES OF THE 15th CENTURY

Abstract. Dracula, the prince of darkness is the most famous and, perhaps, the most popular mythical character. The legendary novel by Bram Stoker, written in 1987, became the basis of the entire "Gothic" subculture, as well as the ancestor of the whole "vampire" genre in literature and cinema. However, the prototype of Count Dracula was a historical character – the military commander of Wallachia, known as Vlad III, aka Vlad Dracula (son of the Dragon), or Vlad Tchepesh. However, in Romania Vlad Tchepesh is not considered a devil at all. Here he is considered a national hero. He is remembered as a defender of his people from foreign invasion – Turkish soldiers and German merchants.

Key words: Vlad Tepes, Matei Kazaku, «Dracula».

Матей Казаку, будучи еще студентом Бухарестского университета, в 1969 г. написал работу «Влад Пронзитель. Историческая монография». Благодаря этой работе, Казаку был

рекомендован известным румынским историком Константином Жиуреску (1901–1977) американскому историку Раду Флореску.

Р. Флореску, вместе с другим американцем Раймоном Макналли, привлек Казаку в группу, которая провела изучение мест в Румынии, связанных с Владом Цепешем. По результатам исследований, Флореску и Макналли написали книгу «В поисках Дракулы», тогда как Казаку из-за сложностей с коммунистической цензурой был вынужден отказаться от авторства. В 1979 г. Казаку защитил докторскую диссертацию на тему Дракулы, однако только в 1988 г. его монография «История князя Дракулы» вышла в печать в Центральной и Восточной Европе. Лишь в 2004 г., по инициативе Министерства культуры Франции, вышла книга, в которой впервые был сделан исторический анализ фигуры Влада Цепеша.

Матиаш Корвин был сыном венгерского полководца Яноша Хуньяди, представителя Трансильванской знати, погибшего при обороне Белграда в 1456 г. Воспользовавшись смертью малолетнего короля Венгрии Ладислава Постума, часть знати провозгласила Матиаша королем. Так как родной брат Матиаша был казнен по обвинению в заговоре против Ладислава, можно предположить, что смерть короля так же стала результатом заговора [1]. В отличие от своего отца, Матиаш не был сторонником войны против турок: похоже, идея освобождения христиан его не слишком интересовала. Гораздо больше его волновала личная власть, и после восшествия на престол он вверг Венгрию в войну против императора Фредерика III Габсбурга, в империю которого входило королевство Венгрия. Одной из причин войны являлось то, что в тот период император короновался и как король Валахии.

Собственно, история «злодеяний Дракулы» берет начало с памфлета неизвестного автора, напечатанного предположительно в Вене в 1463 г. Единственная ценность этого памфлета состояла в том, что он представляет собой первый пример печатной политической пропаганды, так как до этого печатались только религиозные книги и карты войн с турками. Никаких доказательств, вроде имен свидетелей и жертв и мест захоронений жертв в данном памфлете не приводится [2].

Влад Цепеш принадлежал к династии Басарабов (1320–1352), которым в войне против короля Карла-Роберта удалось отстоять независимость от венгров, сохранив номинальную зависимость от сюзерена [3]. Сын Басараба, Николае-Александру, получил от патриарха в Константинополе статус архиепископии для Валахии. Внук Николае-Александру, Мирча Старый [4], смог отстоять независимость Валахии от турок, после победы над армией французов и бургундов под Никоподем, завоевавших все земли болгар. Хотя в 1417 г. Мирча Старый потерпел поражение от османов, лишившись Добруджи и вынужден был платить дань султану Мехмеду I, за Дунай османы не прошли. Мирча Старый вступил в конфликт из-за трона со своим братом Даном I (1383–1385), погибшим в войне против болгар. Дети Дана I после смерти отца начали вражду с потомками Мирчи Старого, в том числе с его сыном Владом Дракулой [5].

Румынские историки традиционно считали, что в соперничестве потомков Мирчи Старого и Дана I первых поддерживали турки, а вторых – венгры. Однако не стоит забывать, что на внутреннюю политическую жизнь Валахии большое влияние оказывало соперничество венгров и австрийцев. Для императорской власти в Вене – венгерских королей новой Анжуйской династии – большую опасность представляли турки. Венгерская аристократия, призвавшая на трон Анжуйскую династию, была недовольна властью императора. Так, император Сигизмунд (1387–1437) в 1428 г. потерпел поражение от турок во многом из-за недостаточной помощи венгров, уже в то время проявлявших известное национальное стремление освободиться от императорской власти. Австрийские императоры не могли эффективно воевать против турок, ослабляемые противодействием венгров, под властью которых номинально находились Босния, Сербия и Валахия [6].

Янош Хуньяди, талантливый полководец, был проводником идей венгерской аристократии, приведшей к власти его сына Матиаша. Императоры Священной Римской империи в тот период были заняты борьбой против чешских гуситов и не могли позволить себе в полную силу бороться против венгров, являвшихся их союзниками в борьбе против турок [7]. Влада

Дракула, отца Влада Цепеша, следует считать скорее сторонником императора, нежели турок, и венгры, поддерживавшие Дана II, сына Дана I, являлись его врагами. После смерти Дана II в 1431 г. в войне против турок, к власти пришел Александр Алдя, брат Влада Дракулы, который заключил договор с турками, обеспечивающий им проход до Трансильвании в обмен на три тысячи военнопленных. Однако поход османов в 1432 г. провалился, так как валашские воины поддержали саксонские города и венгерскую и секлерскую аристократию.

Провалился и турецкий поход в Молдавию, где турки были разбиты Тевтонским орденом, которым император Сигизмунд доверил охрану придунайской границы. В данном случае уже император, призвав Тевтонский орден, обошел венгерских королей. Как пишет Матей Казаку, Влад Дракул в этой войне сражался против турок [8]. Очевидно, воевал он хорошо, так как к этому времени он был принят лично императором Сигизмундом в члены двух рыцарских орденов – орден Ладислава и орден Дракона. В 1431 г., еще при жизни Дана II, император короновал Влада князем Валахии, территории, формально являвшейся вассалом Венгерского королевства. Очевидно, император принял Влада в члены двух рыцарских орденов с далеко идущими целями – получить возможность влиять на ход войн с турками напрямую, а не через своеобразных венгерских аристократов. Показательно, что несколько лет Влад Дракул жил с семьей в Сигишоаре, саксонском городке Трансильвании, существовавшем от торговли и ремесленничества и более тяготеющем к императорской власти, чем другие венгерские земли [9].

После смерти своего брата Александра Алдя от болезни в 1436 г., Влад Дракул 24 января 1437 г. провозгласил себя «автократом» и «великим воеводой». После восшествия на престол Влад Дракул был вынужден платить дань туркам, что было обычной практикой для того времени. Кроме того, он заключил договор с султаном, который, впрочем, вскоре был нарушен обеими сторонами. Этот договор не помешал новому императору Альберту Габсбургу (1438–1439) поручить охрану

саксонского города Брашов в Трансильвании именно Владу Дракуле, о чем и пишет Матей Казаку. Туркам удалось взять Себеш, что явилось следствием их огромного превосходства в силах. Однако благодаря дипломатии Влада Дракула население Себеша было султаном возвращено.

Помимо турок, императорская власть сталкивалась с опасностью, исходившей от венгерской аристократии, раздраженной властью императора в Вене и видевшей пример для подражания в Речи Посполитой. Венгерская знать претендовала на Римское наследие, чтобы править ойкуменой – Вселенной. Янош Хуньяди был выразителем интересов венгерской аристократии, которая и привела к власти его сына Матиаша Корвина. Последнего больше интересовало достижение независимости от Габсбургов, чем крестовые походы против турок, поэтому Корвин обманом захватил в плен Влада Цепеша. Как пишет Матей Казаку, Матиаш Корвин был богатым землевладельцем, обладая двумя миллионами гектаров земли, и имел большое число сторонников среди румынской знати Трансильвании [10].

Влад Цепеш, как наследник своего отца, оставался членом рыцарских орденов – Ладислава и Дракона – и представлял для Матиаша Корвина прямую угрозу успешными действиями против турок. Победа Цепеша над турками в 1458 г., предположительно под Турну Северином, пятитысячной армией венгров и валахов, очевидно, разъярила Матиаша Корвина. Согласно Матею Казаку, сохранилось письмо от 2 апреля 1459 г. претендента на валашский престол Дана, ставленника Корвина, где Цепеш обвиняется в сотрудничестве с турками и немислимых зверствах [11]. О причинах того, что полководец, разбивший турецкую армию, решил переметнуться на сторону врага, в письме не сообщалось.

Между тем, поражение турок было весомым, так как Влад Цепеш напал на ту часть армии Махмуд-паши, которая переправлялась через Дунай (из 18 тысяч человек погибли или утонули около 10 тысяч). Кроме того, Цепеш освободил 5000 угнанных Махмуд-пашой христиан, что делает бессмысленным обвинение в предательстве, приведенное в письме. Как пишет

Матей Казаку, Дракула, без сомнения, умел вести политические игры, поэтому так и не дал возможности туркам пройти через Валахию для нападения на Трансильванию и расположенные там города, являвшиеся центром торговли и ремесленничества [12]. С турками Цепеш регулярно подписывал договоры, которые тут же нарушал, нападая на турок при первой возможности. Между тем, Матиаш Корвин наносил удары в спину Дракуле, в частности, запретив 3 апреля 1459 г. саксонцам из Брашова поставлять Владу оружие. К тому же Корвин дал возможность двум претендентам на престол Валахии – Дану и Басарабу – жить в Трансильвании.

Очевидно, Дан (или Дан III) и Басараб готовили заговоры против Влада Цепеша, который отреагировал тем, что 25 марта 1459 г. в своих палатах в Тырговиште казнил бояр и своих приближенных, заподозренных в измене. Разумеется, в памфлете 1463 г. эта казнь была представлена как проявление безумства Дракулы. Это утверждение выглядело неправдоподобным, так как с учетом угрозы, исходящей от турок и от претендентов на престол – Дана и Басараба, Цепеш вряд ли хотел увеличивать число своих врагов [13].

Матей Казаку провел простой анализ имен исчезнувших после 1459 г. бояр и князей и размеров зала, в котором произошла казнь, и пришел к выводу, что число казненных составило 50 человек, а не 300, как утверждалось в анонимном памфлете. Необходимость казни была подтверждена, когда 13 апреля 1460 г. с одобрения венгерского короля Матиаша Корвина Дан III выступил с войском с целью свержения с престола Влада Цепеша. Поддержка короля не помогла, и отряд Дана III был полностью разбит, а сам он взят в плен и обезглавлен. После этого, как пишет Казаку, Влад Цепеш напал на город Брашов и окружающую его область Барсу, сжигая деревни и убивая жителей. В подобной карательной экспедиции не было ничего нового, однако именно эта ограниченная по времени и пространству операция представлена доказательством звериного облика Дракулы в анонимном памфлете и в его многочисленных компиляциях.

Во время войн гвельфов и гиббелинов в Италии и в ходе гуситских войн уничтожались не то, что деревни – города, однако именно Дракулу называли зверем. Между тем, после карательной операции Влад Цепеш принял послов из саксонских городов Брашова, Сибиу, Зибенбургена и от короля Матиаша Корвина и через две недели заключил с саксонцами перемирие [14]. Цепеш четко соблюдал мирный договор. Когда в августе 1460 г., как пишет Казаку, он предпринял карательную экспедицию против Амлеса, валашской деревни, поддерживавшей Дана III, то казнил только валахов, а саксонцев не трогал. Таким образом, можно сделать вывод, что Влад Цепеш только защищался от действий венгерского короля и его вассалов, а не нападал на них [15].

Не стоит забывать, что одновременно венгерский король Матиаш Корвин пытался сместить с трона императора Фредерика III, которого вместе с армией держали в осаде с 15 октября по 8 декабря 1462 г. восставшие венгры во главе с наемником Вольфгангом Хользером и отряд брата императора, эрцгерцога Австрийского Альберта. Как пишет Матей Казаку, Матиаш Корвин получал письма от аристократов Вены с предложением стать императором. Собственно, эта вражда длилась до закономерного разгрома венгров турками в битве при Мохаче в 1526 г. Военная компания, которую Матиаш Корвин с 1482 по 1487 год вел против императора, была направлена, как пишет Матей Казаку, на установление национальной централизованной монархии [16].

После смерти Матиаша Корвина венгерской аристократией королем был выбран Владислав Ягелло, который в 1491 г. в Пресбурге подписал мир с новым императором Максимилианом, сыном Фредерика III. Мирный договор не остановил вражду, тем более значительная часть венгров стала кальвинистами, что усилило их ненависть к католической императорской власти в Вене. В итоге значительная часть венгерской аристократии прибегла к помощи турок в борьбе против Габсбургов. После поражения венгров в битве под Мохачем турки при поддержке венгерских сторонников во главе с Яном Заполяем и его сыном Сигизмундом захватили центральную Венгрию и венгерскую столицу Буду. Лишь через полторы сотни лет австрийский

император Леопольд I Габсбург смог освободить Венгрию и включить ее в состав Австрии. Совершенно очевидно, что Влад Цепеш мешал Матиашу Корвину своей непримиримостью к туркам и верностью императору. Таким образом, его судьба была предрешена [17].

Клевета о Владе Цепеше могла со временем растаять, если бы в Англии не появился писатель Брэм Стокер. Матей Казаку в своей книге вскользь описывает биографию Стокера, который после службы в британской администрации в Дублине устроился заведующим лондонским театром Lyceum. Естественно, Казаку в своей книге хотел описать самого Владу Цепеша, поэтому он приводит роман Стокера как и то, что о использовал в качестве источников. Между тем, куда более важна биография Стокера, так как роман «Дракула» соединяет с историческим Владом Цепешем лишь имя главного героя [18].

Стокер, являясь масоном и вращаясь в лондонской театральной среде, где уже в то время культивировались сатанизм, извращения и опиум, создал произведение в духе продукции Голливуда конца XX – начала XXI в. В Голливуде много сценаристов, набивших руку на создании псевдоисторически сценариев, в которых разрекламированные актеры, умеющие играть лишь в коротких дублях, несет в массы, по сути, сектантские идеи. Стокер через образ Дракулы популяризировал в Англии, а затем в Европе и Америке идею вампиризма, сделав привлекательным образ дьявола, с которым у многих зрителей ассоциировался главный герой. По сути, роман Стокера был историческим бредом, начиная от происхождения Дракулы из народа секлеров и заканчивая его смертью как вампира [19].

Матей Казаку пишет, что роман Стокера был компиляцией из художественных произведений Эмили Герард («Земля за лесами. Факты, люди и легенды Трансильвании». 1888 г.), Джона Уильяма Полидора («Вампир». 1819 г.) и Жозефе Шеридана ле Фаню («Кармила». 1872 г.), а также из книги британского дипломата Уильяма Уилкинсона «Доклад о княжествах Валахии и Молдавии» (1820 г.) и разговоров с венгерским ориенталистом Арминиусом Вамбери, с которым Стокер встречался всего два

раза. Книга Уилкинсона о Дракуле состоит из небольших фрагментов, изобилующих очевидными ошибками. Например, в книге говорится, что Янош Хуньяди был взят в плен после битвы при Варне (1444 г.), однако это произошло после второй битвы на Косовом поле (1448 г.), причем пленил его не Влад Дракула, а сербский деспот Георгий Бранкович. К тому же Косово поле находилось не в Болгарии, как писал Уилкинсон, а в Сербии [20].

Так же непонятно, как Магомед II (Мехмед II), по мнению Уилкинсона, мог помочь валахам избавиться от «тяготившего их ига», и каким образом это связано с его походом на архипелаг. Уилкинсон утверждал, что это Дракула перешел Дунай с целью нападения на турок (вероятно, мирно проживавших на своих землях, которые они, правда, отняли у местных христиан), где его армию разбил султан. После этого Дракула бежал в Венгрию, а на его место султан поставил своего брата Бладуса. К своей исторической галиматье британский дипломат, не знавший языка Трансильвании, сделал приписку, что на валашском языке Дракула якобы означает «дьявол». Впрочем, в книге Уилкинсона приводятся хоть какие-то факты, в отличие от романа Эмили Герард, из которого Стокер с британской педантичностью выдирает куски текста. У Герард было все смешано в одну кучу: тут и секлеры, от которых якобы произошел Дракула, и Один, и берсерки, и морские берега Африки, и непонятная эпическая битва секлеров против венгров при Мачаге (правда, секлеры и венгры – народ единокровный) [21].

Непонятно, что мог узнать Стокер от Вамбери, главной сферой интересов которого являлась Центральная Азия. В Лондоне Вамбери проводил конференции об опасности русской экспансии в Центральной Азии для британских интересов. Возможно, как пишет Казаку, Стокер, встречавшийся с Вамбери всего два раза, не слишком хорошо все понял (возможно, увлекшись спиртным, до которого был охоч). Стокер услышал, что среди потомков Влада Цепеша были секлеры, так как его младший сын жил в стране секлеров в Тыргу-Муреш в графстве Добока, а род по женской линии разошелся на фамилии Гекзи и Папп, поэтому сделал своего Дракулу секлером [22].

Еще одним источником для сюжета стала книга «Капитан вампир» бельгийки Мари Низе, еще одной писательницы псевдоисторических бредней. Низе никогда не была в Румынии, а сведения о стране получила от дочерей одного из румынских участников революции 1848 года. Правда, у Низе злодеем-вампиром был русский капитан Лиатухин, так как она считала именно Россию главным врагом независимости Румынии, не обращая внимания на такие «мелочи», как русско-турецкая война 1877–1878 гг. Вскоре Мари оставила литературное поприще, а эстафету подхватил ее брат Анри Низе. В романе «Внушение» он обыгрывает тему вампиров и гипноза, привязав действие сюжета к области Борго Пасс на севере Буковины. По мнению Казаку, вполне возможно, что Стокер использовал и роман Анри Низе, что было в его стиле [23].

Собственно, если бы многие современные люди не черпали знания о Владе Цепеше из этих бредней, не имело и смысла писать о книге Стокера и массе подобных романов и кинофильмов. Одурманенные средствами массовой информации, современные люди считают себя свободными и цивилизованными, а на самом деле слепы и глухи, согласно словам из Евангелия от Матфея (1, с.13; 11–15) о людях, у которых огрубело сердце и у которых уши с трудом слышат, и глаза которых сомкнуты. Для таких людей достовернее выглядит воплощение бредней Стокера в Голливуде, нежели историческая правда о времени, когда решался вопрос жизни и смерти человечества [24].

Вера в вампиров имела широкое распространение в Валахии. Согласно Матею Казаку, первый случай вампиризма, описанный в исторических документах, произошел в городе Брашов и относится к 1521 г. Однако женщина, арестованная по обвинению в вампиризме, была названа «strigoaie» (striga), а это определение относилось, прежде всего, к ведьмам. Это событие произошло спустя полвека после смерти Влада Цепеша, причем ни самого Влада, ни его семью, как пишет Казаку, ни один исторический источник с колдовством не связывал. Как пишет Казаку, в Румынии школа колдовства была известна как Solomante (или Solomonaria). Это название использовала в книге

Эмили Герард, а Стокер, в свою очередь, перенес в свой роман, создавая бредовый портрет Дракулы с помощью еще одного героя – Ван Хельсинга [25].

Любители американских фильмов не могли не поверить тому, что писали голливудские сценаристы, готовившие «винегрет ужастиков», хотя ни одна хроника не говорит о Дракуле как о вампире.

Примечания

1. *Казаку Матей. Дракула.* – Москва: Этерна Палимпсест, 2011. (перевод с оригинала Matei Cazacu. «Dracula». Tallandier Editions. – Paris. 2004). – С. 65.

2. Там же. – С. 191.
3. Там же. – С. 31.
4. Там же. – С. 35.
5. Там же. – С. 39.
6. Там же. – С. 46.
7. Там же. – С. 76.
8. Там же. – С. 104.
9. Там же. – С. 107.
10. Там же. – С. 135.
11. Там же. – С. 141.
12. Там же.
13. Там же. – С. 191.
14. Там же. – С. 197.
15. Там же. – С. 125.
16. Там же. – С. 150.
17. Там же.
18. Там же. – С. 200.
19. Там же. – С. 205.
20. Там же. – С. 208.
21. Там же. – С. 215.
22. Там же.
23. Там же. – С. 217.
24. Там же. – С. 205.
25. Там же. – С.200.

Д.А. Тацциан
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СОСТАВЕ ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ В XVIII–XIX ВВ.

Аннотация. В статье проанализирован характер политической ситуации в славянских странах Восточной Европы в составе империи Габсбургов в XVIII–XIX вв., подробно рассмотрен характер условий для складывания причин и предпосылок борьбы славянских народов на самоопределение. Автор проводит анализ влияния политики и экономики Габсбургов на процесс национального определения чешского и словацкого народов. В статье описывается процесс формирования державы Габсбургов, выделяются уникальные отличительные черты данного процесса от других европейских государств. Автор подробно рассматривает причины децентрализации империи Габсбургов и факторы, которые привели к этому. Анализируется деятельность и характер национальных движений на примере отдельных стран.

Ключевые слова: Чешское национальное возрождение, чешская культура, Восточная Европа, Габсбургская монархия.

D. A. Tashchian
(Krasnodar, Russian Federation)

THE CHARACTER OF THE POLITICAL SITUATION IN THE SLAVIC COUNTRIES OF EASTERN EUROPE AS A PART OF THE HABSBURG EMPIRE IN THE XVIII–XIX CENTURIES

Abstract. The article analyzes the nature of the political situation in the Slavic countries of Eastern Europe as part of the Habsburg Empire in the XVIII–XIX centuries. The author analyzes the influence of the politics and economy of the Habsburgs on the process of national determination of the Czech and Slovak peoples. The article describes the process of formation of the Habsburg state, highlights the unique distinguishing features of this process from other European states. The author examines in detail the reasons for the decentralization of the Habsburg Empire and the factors that led to this. The activities and nature of national movements are analyzed on the example of individual countries.

Key words: Czech national revival, Czech culture, Eastern Europe, Habsburg Monarchy.

Период XVIII–XIX вв. характеризовался сложной политической ситуацией, связанной с активным формированием национального самосознания у народов Восточной Европы. Во многом политические факторы стали причиной активизации народных движений, движений по возрождению национального языка, просвещения, культурной идентичности. Итогом данного процесса стало оформление ряда национальных государств, которые на современном этапе являются полноценными участниками европейского межкультурного и экономического взаимодействия. В связи с этим, становление национальных государств Восточной Европы является важным аспектом для понимания исторического пути развития европейской общности и требует самостоятельного исследования.

Прежде всего, необходимо дать характеристику условиям, в среде которых сложились причины и предпосылки борьбы славянских народов за самоопределение [1]. Во-первых, на территории западной Европы формирование наций проходило в условиях капиталистической системы экономических отношений, способствующей созданию самостоятельных национальных государств. К ним можно отнести Англию, Францию и ряд скандинавских государств. Государства в Европе создавались, также по пути воссоединения на национальной основе (Германия и Италия).

Однако в регионе Центральной и Восточной Европы в XVI–XVIII вв. специфика геополитической реальности представлялась в совершенно другом формате. В Восточной Европе существовало два центра силы – монархия Габсбургов и Османская империя, которые охватывали значительные территории, и являлись многонациональными государственными образованиями. В этом заключается специфика, исторического процесса Восточной Европы. Она обусловлена тем, что страны и народы региона находились не только в определенной степени зависимости, но также были центре геополитических интересов вышеуказанных политических систем.

Во-вторых, процесс формирования наций в Восточной Европе связан с национально-освободительными движениями, причиной которых стало определенное отесненное положение народов, а также стремление их к национальной независимости и сохранению культурной идентичности. Несмотря на то, что национальные движения имели разную форму и степень активности в регионе, они являлись характерной чертой данного исторического периода, именуемого эпохой национального Возрождения славянских народов.

При этом необходимо отметить, что этносоциальная структура славянских народов Восточной Европы имела определенные особенности и различия. Славянская группа, к которой принадлежат чехи, имели к тому времени уже сформировавшийся феодальный класс. Он находился ко второй половине XVIII в. под влиянием западноевропейской культуры, что выражалось в развитии собственного процесса Просвещения [2]. Другая славянская группа, к которой относились словаки, входила в состав Габсбургской империи, где господствующий феодальный класс принадлежал другому народу, который развивался в парадигме европейского модерна.

На основании вышеизложенного необходимо сделать вывод о том, что чехи и словаки находились в разном историко-культурном положении относительно восприятия на своем политическом и экономическом пространстве идей европейского модерна. Однако народы имели одинаковую и концептуально важную особенность – они находились в объективе геополитического интереса Габсбургской монархии как часть единой империи. Поэтому процесс национального самоопределения чешского и словацкого народов развивался в условиях давления имперской геостратегической политики и экономики Габсбургов.

Однако важно заметить, что политический аппарат империи прошел длительный путь формирования, и к XVIII в. имел прочные позиции. Так, по мнению исследователя Т.М. Исламова, история монархии Габсбургов началась в 1526 г., после победы императора Османской империи Сулеймана Кануни над королем Венгрии и Чехии в битве при Мохаче [3]. Смерть короля из

династии Ягеллонов открыла не только путь к реализации и имперских амбиций Габсбургов, но консолидировала европейские народы, находящиеся в состоянии феодальной раздробленности. Функцию государствообразующего этноса в Австрии и Венгрии выполняли немцы и мадьяры, однако сам процесс складывания государств находился в сложном взаимодействии со славянскими народами. Здесь важно сказать, что «государствообразующим» этносом славяне являлись только на территории Чешской короны, а словенцы были частью населения этих земель, не имели собственного феодального сословия внутри структур Австрии и Венгрии.

Исторической причиной подъема монархии Габсбургов, стал фактор внешней угрозы, которая объединила вокруг себя как славян, так и венгров. Организация отпора агрессии и защита территории Восточной Европы от Османской империи с XV в. приобрела устойчивые очертания. Идея воспринималась славянами, немцами и мадьярами, как концепция «христианского щита» по сдерживанию противника [4]. Подобное отношение стало предпосылкой для реорганизации населения в пользу объединения геополитического пространства, которое разделилось между народами. Заключенные чешско-габсбургско-венгерские династические брачные договоры стали главной причиной и основанием для соединения трех королевств в единую политическую структуру.

Развитие монархии происходило в условиях сложных внешнеполитических отношений с Османским государством. В битве под Веной 1683 г. средневропейский союз народов во главе с династией Габсбургов одержал решительную победу, что стало переломным событием в войне с Османской империей. Однако войны с Францией за Германию и «за испанское наследство» потребовали от Габсбургов заключения мира с Османской империей, ценой которого стало возвращение Белграда и других балканских территорий. Карловицкий мир 1699 г. закрепил за Габсбургской монархией Венгрию и Трансильванию [5].

Рассматривая вопрос территориального генезиса монархии Габсбургов, необходимо объективно рассмотреть порядок

объединения под единой политической структурой отдельных частей территории Восточной Европы. В XVII в. в состав империи вошла Венгрия, Чехия, австрийские земли. В последней трети XVIII в. вошли Буковина и затем часть Польши под названием Королевства Галиции и Лодомерии. В конце XVIII – начале XIX в. – земли Далмации [6]. Таким образом, с 1526 г. и до начала XIX в. Габсбургская монархия объединяла под собой народы восточноевропейского территориального ареала и создала тем самым империю, которая имела серьезное политическое и историческое значение для истории западных славянских народов.

Следует сказать, что в государственно-правовом отношении земли народов империи Габсбургов делились на три большие группы:

1. Земли, имеющие внутреннюю автономию (Венгрия, Хорватия и княжество Трансильвания);

2. Земли, централизованно управляемые из Вены, но имеющие определенные сословно-представительные учреждения, сохраняющие регламентированную автономию (королевство Чехия, Моравия и Силезия);

3. Земли, не обладающие определенной государственно-правовой организацией и имеющие разобщенный административный, в том числе этнический характер. К ним относятся пограничные земли с Османской империей.

Подобная структура обусловила собой предпосылки для складывания многонациональной структуры империи. Процесс формирования державы Габсбургов имел свои уникальные отличительные от других европейских государств, таких как Франция, Англия, Голландия особенности: во-первых, монархия не имела ярко выраженного этноса-гегемона; во-вторых, империя была многонациональным государством, не имеющим даже официального названия. Именно термин «монархия», используемый одним из архитекторов империи, принцем Евгением Савойским, стал самым общеупотребительным названием империи Габсбургов на протяжении всего времени ее существования.

Характеризуя политическую ситуацию в Восточной Европе XVIII–XIX вв., необходимо, обратится к законодательному акту общеимперского значения. В 1713 г. была принята Прагматическая санкция (*Sanctio Pragmatica*), в которой отражались государственно-правовые связи стран и народов, составляющих империю Габсбургов. Главной доминантой нормативно-правового акта являлась регламентация норм наследования престола. Согласно Прагматической санкции, порядок передачи прав владения престолом совершался по принципу старшинства в династии [7]. Еще одной особенностью Прагматической санкции, являлось то, что документ оформлял неделимость владений династии Габсбургов, а это имело консолидирующее значение для устойчивости внутренней структуры империи.

С точки зрения отражения внешней угрозы, Прагматическая санкция, а также следствие признания всеми сословиями Австрии, Венгрии, Чехии принципа «единства и неделимости», имело важное стратегическое значение. Однако с конца XVII в. внешняя угроза войны с Османской империей постепенно стала исчезать. Это влияло на характер исторической необходимости объединения народов восточного региона Европы в империю Габсбургов, которая стремилась на всем протяжении второй половины XVIII в. методами «просвещенного абсолютизма» консолидировать ее. Однако, по мнению историка Т.М. Исламова, консолидация пришлась в основном на западные регионы империи – богемско-австрийские земли [8]. Нарастающий процесс формирования национального самосознания у народов, входящих в Центральную и Восточную части империи, к во второй половине XVIII в. привел к развитию антифеодальных национально-освободительных движений.

Процесс становления национальной самоидентификации, в том числе и становления культур народов в империи Габсбургов, сталкивался с определенными социально-экономическими трудностями. Например, в чешских землях феодальный класс и появляющаяся в XVIII – начале XIX вв. промышленная буржуазия состояла из лиц, относящихся к другому национальному происхождению. В свою очередь чешские

сословные сеймы имели лишь символическое значение, свидетельствующие о прошлой независимости. Однако в отличие от чехов, где сословное представительство сохранялось, традиции национальной государственности словаков и словенцев исчезли еще в раннем средневековье [9].

По мнению А.С. Мыльников, активно проникающий на рынок австро-немецкий истеблишмент, заметно тормозил развитие экономики местного рынка [10]. Такая точка зрения дает основание полагать, что неравномерность конкуренции повлияла на скорость формирования класса местной промышленной буржуазии и становилась следствием роста экономических противоречий в процессе совместного сосуществования народов, включенных в состав многонациональной империи Габсбургов.

Вследствие развития капиталистических отношений буржуазный класс становился частью нации и способствовал не только феодальному разложению, но также развитию частного капитала внутри этнических общностей. Важно сказать, что процесс складывания наций в Дунайском регионе начался в рамках крупного полиэтничного образования, в котором австро-немецкий этнос был господствующим. Данная особенность не могла не повлиять на ход общественного развития и приводила к обострению межнациональных отношений. Это проявилось в активном вовлечении буржуазии в народно-освободительные движения и стало основой генезиса формирования наций [11].

Социально-культурное положение народов империи Габсбургов, наряду с экономическим кризисом, еще больше осложнилось в 1780-е гг., в период проведения реформ Иосифа II, когда немецкий язык был объявлен официальным государственным языком на территории Габсбургской монархии. В этот период, как утверждает историк А. С. Мыльников, «...многим, патриотически настроенным деятелям культуры угнетённых народов Австрии (особенно чехам и словенцам) казалось, что их языки обречены на исчезновение» [12]. Однако их прогнозы не оправдались, хотя проблема германизации ощущалась в народе с еще большей остротой. При этом важно отметить, что выступление в защиту собственного языка как

системы сохранения национальной идентичности началось у чехов еще в начале XVIII в. вследствие форсированного развития рыночных связей.

Приведенные выше социально-экономические и национальные особенности структуры империи Габсбургов становились фактором развития системной нестабильности. Уже к началу XIX в. проявились признаки децентрализации. Ее основными причинами, по мнению И. В. Бахлова стали [13]:

1. Пробуждение национального самосознания народов, входивших в состав государства Габсбургов.

2. Неравномерность экономического развития отдельных частей империи. Национальная консолидация существовала с созданием национальных региональных рынков, однако единый рынок империи так и не был сформирован.

Экономические процессы в разной степени влияли на национальный вопрос, с которым столкнулась Габсбургская монархия в конце XVIII в. В этот период стали формироваться первые требования, касавшиеся получения права на самостоятельное культурно-социальное развитие народов, населяющих территорию империи. Данный тезис позволил объединить программные запросы, поскольку отражался в культурно-языковой сфере и был направлен на самоутверждение определённого этноса в качестве коллективной этносоциальной группы.

Народам требовалось создание национальной литературы, языка, культурных институтов, что в полной мере позволило бы выражать центральные идеи рождавшихся национальных государств. Обозначенный процесс усилил идеи национального самоопределения и ярко проявился в период наполеоновских войн, после которых слабость государственной идеи Габсбургов, выраженная в идее единой империи, стала очевидной.

Политическая система потеряла не только динамику, но также осталась сосредоточена в большей мере на сохранении режима, контроль над народами и проведение интервенций на их территории. Данные меры сдерживали внешние противоречия, но больше не оказывали влияния на внутренние центробежные тенденции. По мнению И.В. Бахлова, император и империя не

имели больше совместных оснований для фактического контроля над славянскими народами, включенными в политическую систему [14]. Концепция единого государства отождествлялась с самим императором и династией Габсбургов. В начале XIX в. эта концепция стала противопоставляться идеям национальных движений, которые к тому времени приобрели серьезный характер. Произошедшие изменения демонстрируются на примере отдельных наций.

Например, в чешских землях, процесс формирования нации имел свои характерные отличительные особенности, которые находились под воздействием следующих факторов:

Во-первых, национальное движение происходило в условиях территориальной подконтрольности габсбургской монархии. Кроме того, необходимо отметить, что это обстоятельство отличало чешское движение от условий, в которых развивалась освободительная борьба у таких народов как, например, итальянский и польский этносы;

Во-вторых, в чешских землях хорошо ощущалось воздействие контрреформации и германизации, которое к концу XVIII в. приняло острый характер;

В-третьих, чешский народ, по мнению В.И. Фрейдзона, относился к неполным социальным структурам, которые можно обозначить как децентрализованные сословия Чехии [15]. Тесно связанные с австрийской аристократией представители высших сословий Чешской короны, были централистски настроены. Несмотря на свою приверженность габсбургской политической конъюнктуре, чешская знать дорожила своими правами и преемственностью традиционных сословных структур, что неоднократно выражалось в проявлении патриотизма [16]. Однако ключевые позиции в чешской экономике заняли капиталистические предприниматели не чешского происхождения. Их деятельность затрудняла развитие национального промышленного предпринимательства.

Приведенные выше факторы накладывали отпечаток на развитие чешской общественной культуры, которая многими аспектами была связана с параллельно развивающимися национально-освободительными движениями в регионе. В

частности, характеризуя политическую ситуацию в Восточной Европе XVIII–XIX вв. необходимо отметить, что зарождение словацкого национального движения, в отличие от чешского Возрождения, происходило в исключительно тяжёлых условиях, к которым необходимо отнести следующие особенности:

1. Словаки не имели никаких политически значимых автономных атрибутов представительной власти. Территория словацких земель входила в Габсбургскую империю, но административно была разобщена. Органы местного управления и властные полномочия находились в руках мадьярских дворян;

2. Словацкое население, конфессионально разделенное между католицизмом и протестантизмом, не имело своей (национальной) церковной организации;

3. У словаков не было своих городских центров, которые могли быть центрами национальной культуры

Таким образом, политическая и социально-экономическая ситуация в словацких землях отражала не только угрозу абсолютной потери права на существование, но актуализировала вопросы, связанные с борьбой за сохранение национальной идентичности. Здесь важно сказать, что одной из характерных черт словацкого национального Возрождения выступали тесные словацко-чешские культурные связи.

Итак, подводя итог настоящему разделу, важно отметить, что к числу основных причин и предпосылок формирования национальных движений на территории Восточной Европы в XVIII–XIX вв. стал кризис империи Габсбургов. Подобное положение было продиктовано как экономическими, так и политическими факторами, воздействовавшими на гражданско-политические и экономические особенности народов, включенных в ее состав. Стремление к сохранению национальной идентичности, а также актуализации политической самостоятельности стали форсировано развиваться благодаря следующим факторам:

1. На рубеже XVIII–XIX вв. империя Габсбургов представляла собой неравномерную экономическую структуру. При этом процесс феодального разложения способствовал процессу накопления капитала и частной собственности не

только в рамках всей империи, но также в региональных системах. В экономике народов империи, особенно в чешских землях в большей степени господствовала австро-немецкая конкуренция, которая тормозила развитие местного рынка. Рост экономических противоречий при совместном сосуществовании народов, включенных в состав многонациональной империи Габсбургов, обуславливал необходимость национального Возрождения.

2. Политическая система вследствие потери идеологических оснований, объединяющих народы в единую политическую структуру, теряла прочность. Она сосредотачивалась на процессах сохранения режима путем контроля над народами, в которых уже накапливались политические и экономические противоречия. Концепция единого государства, отождествляемая с идеологией Габсбургов, входила в противоречия с идеями национальных движений.

Примечания

1. *Вартаньян Э.Г.* Особенности формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего: материалы Международной научно-практической конференции (29 октября 2011 г., г. Краснодар). – Краснодар: Центр славянских исследований КубГУ, 2011. – С. 14.

2. *Исламов Т. М.* Империя Габсбургов: становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. – 2001. – № 2. – С. 20–29.

3. Там же. – С. 26

4. Там же. – С. 27

5. *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. – С. 110–116.

6. Там же. – С. 115

7. *Исламов Т. М.* Империя Габсбургов: становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. – 2001. – № 2. С. 28

8. Там же. С. 29

9. *Мыльников А.С., Фрейдзон В.И.* Формирование наций в центральной и юго-восточной Европе в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. – 1987. – №8. – С. 63.

10. Там же.

11. *Фрейдзон В.И.* Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. – 1980. – С. 122.

12. Мыльников А.С., Фрейдзон В. И. Указ. соч. – С. 68.
13. Бахлов И.В., Бахлова О.В. От империи Габсбургов к Австро-Венгрии: соотношение тенденций унитаризации и федерализации // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2016. – №2 (34). – С. 61.
14. Там же. – С. 62
15. Фрейдзон В.И. Указ. соч. – С. 167.
16. Алексюн Н., Бовуа Д. История Центрально-Восточной Европы. – СПб.: Евразия, 2009. – С. 468.

В.М. Острога
(г. Минск, Республика Беларусь)

**УЧИТЕЛЬСКИЕ СЕМИНАРИИ В СИСТЕМЕ
ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В СТРАНАХ
ЗАПАДА И РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX –
НАЧАЛО XX ВВ.)**

Аннотация. В статье отмечается, что изменения в социально-экономическом развитии России второй половины XIX в. ставили новые задачи перед всей системой образования, включая проблему подготовки педагогических кадров, без решения которой серьезная реорганизация просвещения была невозможна. Должное внимание этому вопросу уделялось в странах Запада, особенно в Германии, где была создана строгая, на то время образцовая система педагогической подготовки. На основе анализа, в первую очередь, материалов педагогической журналистики рассматривается образовательная и кадровая политика стран Западной Европы и России (в том числе, и в белорусских губерниях), подходы и направления решения проблемы и результативность принятых решений.

Ключевые слова: учительские семинарии, педагогические кадры, система народного образования, образовательная политика, реформа, учебное заведение, начальная школа.

V. M. Ostroga
(Minsk, Republic of Belarus)

**TEACHER'S SEMINARIES IN THE SYSTEM OF TRAINING
PEDAGOGICAL STAFF IN THE COUNTRIES OF THE WEST**

AND RUSSIA (SECOND HALF XIX - EARLY XX CENTURIES)

Abstract. The article notes that changes in the socio-economic development of Russia in the second half of the nineteenth century. set new tasks for the entire education system, including the problem of training teachers, without which a serious reorganization of education was impossible. Due attention was paid to this issue in Western countries, especially in Germany, where a strict, at that time, exemplary system of pedagogical training was created. Based on the analysis, first of all, of the materials of pedagogical journalism, the educational and personnel policy of the countries of Western Europe and Russia (including in the Belarusian provinces), approaches and directions for solving the problem and the effectiveness of the decisions taken are considered.

Key words: teachers' seminaries, pedagogical staff, public education system, educational policy, reform, educational institution, elementary school.

В странах Запада развитие буржуазных отношений вызывало глубокие перемены во всех сферах жизни и приводило к серьезным изменениям в системе народного образования. Прогресс в деле просвещения во многом зависел от степени заботы и внимания со стороны правительств. В Германии, Австро-Венгрии, Англии, Франции, Чехии и других странах наблюдался достаточно быстрый количественный рост сети учебных заведений, включая педагогические, создавались новые направления учреждений просвещения. Качество образования находилось в непосредственной зависимости от профессионализма учителей – непосредственных проводников знаний в народные массы.

Важную роль в развитии образования в Германии сыграло «просветительское движение» конца XVIII в. Колоссальный духовный подъем, выразившийся в так называемых «освободительных войнах», мощном пробуждении национального самосознания, уничтожении крепостничества, благоприятно сказался на судьбах немецкой народной школы. Законом 1819 г. было введено всеобщее обязательное образование. Прусская Конституция 1850 г. утверждала свободу преподавания и гарантировала бесплатность обучения в

народных школах. Все учебные заведения были отданы в ведение министерства просвещения, учителям же предоставлялись права государственной службы [1].

В Германии уже с XVIII в. к занятию учительской должности допускались лишь лица с наличием соответствующего диплома. В одной только Пруссии к середине XIX в. было открыто 50 учительских (мужских) семинарий для подготовки педагогических кадров, но и этого считалось недостаточно для населения 17 миллионов человек [2]. Современники были убеждены, что государство сделало все возможное, чтобы поднять общий уровень и положение народного учителя. Например, в Баварии «путь к учительству был строго намечен» и включал обучение в начальной школе (7 лет – в сельской, 8 – в городской), 3 года в подготовительной школе при семинарии и 3 года в учительской семинарии. Выпускники год работали практикантами, потом еще 3 года помощниками учителя. После сдачи итогового экзамена кандидат назначался младшим учителем. Специальная подготовка осуществлялась в учительской семинарии, в программу которой входило, кроме обычных для средней школы предметов (исключая иностранные языки), психология, учение о воспитании, дидактика и методика предметов, история педагогики, чтение педагогических сочинений, школьная практика [3].

Вместе с тем молодые люди в силу сравнительно невысокой зарплаты не спешили навсегда связать свою судьбу со школой. Но не только в немецких землях, во всех странах Западной Европы был еще один источник, откуда можно было бы «весьма легко почерпнуть в изобилии педагогические силы и притом наиболее подходящие для народно-школьного дела. Источник этот – женщины-учительницы» [4]. Для подготовки учительниц открывались семинарии или педагогические курсы. К началу XX в. в Германии насчитывалось 115 женских педагогических семинарий, из которых 24 основаны и содержатся за счет государства, 42 – городами и 49 частными лицами. Вследствие этого общее число женщин-учительниц за 30 лет с 1860 и до 1890-х гг. увеличилось в семь раз, в то время как количество учителей даже не удвоилось [5]. Как правило, эти

курсы-семинарии организовывались при женских гимназиях и были особым их отделением. Существовали также семинарии в качестве самостоятельных учебных заведений.

Условия приема на учебу были везде одинаковыми: девушка должна быть не моложе 16 лет, представить свидетельство об окончании гимназии и выдержать вступительный экзамен. Но семинарии во многих городах Германии являлись практически единственным учебным заведением, где можно было продолжить обучение, начатое в гимназии, поэтому многие слушательницы посещали эти классы, вовсе не имея ввиду впоследствии заниматься педагогической деятельностью.

Например, в прусских семинариях в течение 3 лет преподавались: Закон Божий, немецкий язык, французский язык, английский язык, арифметика, история, география, естествознание, педагогика, чистописание, пение, рисование, рукоделие, гимнастика и практические занятия. В Бадене вводились и дополнительные занятия – «по желанию», которые также ставились в сетку расписания. Педагогическая практика организовывалась или при гимназии, или при городских училищах. Экзамен на звание старшей или научной учительницы в Германии был установлен только с 1894 г. Требовалось не менее 5 лет учебной практики в качестве учительницы старших классов и сдача специального экзамена [6].

Но даже в образцовой в вопросе постановки образования Пруссии число женских семинарий относилось к мужским в пропорции 1:12. В других землях этот показатель был значительно ниже. Сыграло определенную роль и то, что система среднего педагогического образования вплоть до середины XIX в. была представлена исключительно мужскими семинариями [7]. Расширение сети женских педагогических заведений проходило медленно и достаточно неохотно со стороны власти.

В 1907 г. в Чехии было 16 правительственных мужских семинарий (2 744 учащиеся) и 2 женские (575 учениц), а также 2 частные (168 учащихся) семинарии. Курс обучения в «Учительском уставе» объявлялся 4-летним. Объем преподавания предметов для мужских и женских учительских семинарий практически ничем не отличался от средней школы

(без древних языков). Кроме общеобразовательных предметов, обязательными для изучения были специальные предметы: педагогика, дидактика, методика, история педагогики, психология, физиология, логика. Для всех учащихся вводилась также игра на скрипке и органе. «Полноправными учителями» выпускники семинарий становились после прохождения педагогической практики и сдачи специально утвержденной Комиссией теоретического блока, а также образцовых практических уроков [8].

Первые семинарии в Венгрии появились в 1840 г. Первоначально они и учреждались, и находились под управлением церковно-приходских властей. Принятый министерством народного просвещения школьный закон 1868 г. радикально изменил существующее положение. Правительство решило утвердить и содержать на свои средства 24 учительские семинарии. Такое же предложение поступило к различным учреждениям и частным лицам при условии строгого соблюдения некоторых условий: семинарии должны помещаться в собственных специально приспособленных зданиях, иметь соответствующий контингент учителей, начальную школу для практических занятий учащихся, сад для работы по огородничеству и сельскому хозяйству.

Для поступления в семинарию требовалось окончание полного курса начальной и дополнительной школы (это 8-9 лет обучения). Возраст поступающих составлял не менее 15 лет для мальчиков и 14 лет для девочек. Зачисление велось на конкурсной основе. От кандидатов требовалось безупречное поведение и хорошее здоровье. Курс в семинарии был трехлетним с переходными экзаменами в конце года. В 1881 г. парламент принял поправки к старому закону, утвердив дополнительно к трем годам теоретического курса в качестве обязательного четвертый год практических занятий в школе.

В министерских семинариях на образование каждого учителя и учительницы выделялось 750 крон (300 р.) в год, церковные семинарии тратили значительно меньше – от 400 до 120 крон (160-48 р.) на каждого. После 4-х лет подготовки учащиеся сдавали устные и письменные экзамены по всем

предметам программы и получали дипломы на звание народного учителя начальной шестиклассной школы. На право преподавания в высших народных школах вводился дополнительный экзамен [9]. В курсе подготовки основное внимание уделялось педагогическим предметам. Важное место программа отводила венгерскому и немецкому языкам, грамматике, теории словесности и истории литературы. 13 часов в неделю выделялось на изучение математики (алгебры и геометрии). В семинарии преподавались также география, история, зоология, ботаника, минералогия, геология, физика, химия. В программу включались пение и музыка, рисование, Закон Божий, мораль, физическая культура. Во внеурочное время ученики занимались ручным трудом, изучали пчеловодство, садоводство и огородничество.

В семинарских программах других государств встречались разнообразные предметы. Так, в Бельгии давали знания о законах страны, обучали лесоводству, счетоводству и двум языкам – французскому и немецкому; а в Голландии и Швеции, кроме этих языков, изучали также и английский. В Португалии дополнительно сообщались элементарные знания по философии и сельскому хозяйству (земледелию); в Испании преподавали теорию поэзии, риторику, административное право, понятие об отечественной промышленности, торговли, а также о правилах вежливости. В США курс учительских семинарий отличался такой же многопредметностью, как и курс народной школы. Учебные планы дополнялись необязательными предметами: латинским и древнегреческим языками, политической экономией, государственным правом. Современники отмечали, что в США звание народного учителя «пользуется большим уважением и почетом, как нигде в Западной Европе: молодые люди, даже богатые, не только не брезгают этим званием, но еще всячески добиваются его». Многие высокопоставленные лица, полковники и генералы – бывшие народные учителя [10].

В начале XX в. в Лондоне из 16 000 учителей 13 500 человек имели дипломы об окончании учительских семинарий. В Англии большинство таких учебных заведений было основано частными лицами и религиозными обществами. Многие из них

открывались при университетах (такое право было получено в 1902 г.). Лондонский совет смог организовать обучение в 7 женских и мужских семинариях. Для лиц, изъявивших желание работать на педагогическом поприще, читались специальные курсы лекций по педагогике и методике преподавания. После окончания установленного 3-летнего курса обучения учащиеся сдавали итоговый университетский экзамен, на основании которого Учебный Совет выдавал дипломы [11].

Во второй половине XIX – начале XX вв. в России, в состав которой входили белорусские губернии, развернулось широкое общественно-педагогическое движение, направленное на борьбу с «вековым русским врагом – невежеством и безграмотностью». В данный период четкая система профессиональной подготовки учителей для средней и начальной школы не сложилась: ее осуществляли многие учебные заведения, принадлежащие разным министерствам и ведомствам, поэтому отсутствовала согласованность учебных планов и программ, соответственно, отличалась теоретическая и практическая подготовка. Россия заимствовала опыт и изучала успехи в области просвещения в западных государствах, которые активно популяризировались на страницах педагогической печати.

Российские педагоги того времени справедливо отмечали: «Если государство желает создать здоровую, серьезную и полезную школу, то оно должно позаботиться о том, чтобы учительская карьера не только никого не запугивала, как в настоящее время, но и стала бы в известной степени заманчивой» [12]. России подготовка молодых людей к преподавательской деятельности началась еще в XVIII в. Первым таким учебным заведением стала учительская семинария при Московском университете (1779 г.). В Петербурге в 1782 г. было открыто народное училище, позже преобразованное в учительскую семинарию. Создавались и другие педагогические учреждения (институты, курсы, педагогические школы). После закрытия Главного педагогического института в Петербурге, который в течение 1828 – 1859 гг. дал в учебную службу 682 человека (в высшие учебные заведения – 43, в средние – 377, в низшие – 262 человека), подготовка новых учителей шла в слишком

ограниченном масштабе, не соответствовавшим потребности в них.

В 1860-1870-е гг. на территории Беларуси были открыты 4 учительские семинарии: в Молодечно (1864 г.), Полоцке, Несвиже и Свислочи. В качестве основы проекта новых учебных заведений на территории Виленского учебного округа была взята программа Бременской учительской семинарии, которая признавалась немецкими педагогами образцовой [13]. Изначально семинарии относились к разряду низших учебных заведений, были лишены преемственной связи со средней школой (их выпускники не имели права поступления в гимназии, а тем более, в университеты). Учебные планы и программы были достаточно узкими и ограничивались теми предметами, которые нужны были учителю для практической работы в начальной школе: Закон Божий, основы педагогики и методики преподавания учебных предметов, церковнославянский и русский языки, арифметика и основы геометрии, чистописание, история, география и пение. Срок обучения объявлялся 2-летним, так как на более продолжительный курс не приходилось рассчитывать из-за отсутствия средств и необходимых преподавателей. В первом классе учащиеся должны были пройти основной курс общеобразовательных предметов. Во втором классе в основном изучалась методика преподавания и проводились практические занятия в школе для приобретения навыков учительского труда.

В 1870 г. утверждается новое «Положение об учительских семинариях» [14], которое предусматривало 3-летний срок обучения, увеличивается количество изучаемых предметов и часов. На более высоком уровне была организована педагогическая практика, которая начиналась со 2 класса: разработка планов урока в нескольких вариантах, пробные уроки, знакомство с документацией в школе, заполнение классного журнала, проверка ученических тетрадей и др. В 3 классе практиковались обязательные однодневные дежурства и самостоятельное ведение школьных занятий в течение целой недели. К руководству практикой привлекался весь педагогический коллектив семинарии.

В конце XIX в. при учительских семинариях создаются подготовительные классы с целью повышения

общеобразовательного уровня будущих специалистов. С 1907 г. в семинариях Беларуси был введен четырехлетний срок обучения [15]. Дополнительно учащиеся обучаются различным ремеслам (плетению корзин и мебели, выпиливанию, столярному и токарному делу и др.). В образовательных и воспитательных целях во время каникул для семинаристов организовывались экскурсии в культурные центры России.

Рост школьной сети заставил власти пойти на дальнейшее увеличение количества семинарий. В 1909 г. начала работу Рогачевская семинария, а с 1911 г. министерство разрешило открыть первую в Виленском округе женскую Оршанскую учительскую семинарию. В 1914 г. созданы Борисовская женская, в 1915 г. – Гомельская, в 1916 г. – Бобруйская женская семинарии.

В 1882 г. всего в России насчитывалось 48 учительских семинарий Министерства народного просвещения, не считая семинарий и школ, которые были открыты земствами и частными лицами. Но в связи со значительным ростом сети начальных народных училищ и такого количества было недостаточно. В начале 1914 г. было создано 128 учительских семинарий и школ (122 – казенные и 6 – частные). В марте 1917, к моменту падения в России самодержавия, насчитывалось 183 учительских семинарий, которые содержались на средства казначейства, и 9 учительских семинарий и школ, созданных на средства общественных и частных лиц [16].

В июне 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об изменении штата учительских семинарий». Обязательным стал 4-летний срок обучения. Объявлялось, что они могли быть мужскими, женскими и смешанного типа, а также многокомплектными. 3 – 8 августа в Москве на Всероссийском съезде деятелей учительских семинарий был принят учебный план, положительной чертой которого стало введение таких дисциплин, как тригонометрия, химия, космография и сельскохозяйственное производство [17]. Только в 1917 г. учительские семинарии получили статус средних педагогических учебных заведений.

Таким образом, история европейской школы в XIX в. представляет собой непрерывную цепь реформ, имевших целью приспособить наследие прошлых столетий к педагогическим,

государственным и общественным потребностям каждой отдельно взятой страны. Странами Запада был накоплен огромный опыт в вопросе подготовки учительских кадров, а идеи видных педагогов легли в основу организации учебно-воспитательного процесса в учительских семинариях, которые готовили профессиональные кадры для стремительно растущей сети начальной школы. Во второй половине XIX – начале XX вв. шло становление и развитие системы педагогической подготовки учителей для народных училищ Российской империи. Наиболее эффективным ее звеном являлись учительские семинарии, которые, как правило, имели достаточную материально-техническую базу обучения, опытных преподавателей, разработанные учебные планы и программы, давали специальное педагогическое образование и устойчивые навыки профессии учителя.

Примечания

1. *Генкель Г.Г.* Народное образование на Западе. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1911. – С. 97.

2. *Ушинский К.Д.* Проект учительской семинарии // *Ушинский К.Д.* Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1968. – С. 339.

3. *Обухова А.* Подготовка, положение и условия работы сельского учителя в Баварии // Педагогический листок. – 1913. – Кн 7. – С. 491.

4. *Михайловский Я.Т.* Очерк современного состояния заграничной народной школы. – СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1881. – С. 134–135.

5. *Мижуев П.* Женское образование и общественная деятельность женщин в Германии // Русская школа. – 1904. – № 4. – С. 11–12.

6. Там же. – С. 11.

7. *Готлиб А.* К вопросу о подготовке преподавателей средних учебных заведений. Система подготовки в Германии // Русская школа. – 1901. – № 7. – С. 208–219.

8. *Любченко Е.Д.* Современное народное образование в Чешском королевстве // Педагогический вестник. – 1912. – № 2. – С. 74–75.

9. *Страхова М.* Народный учитель в Венгрии // Русская школа. 1902. № 5. – С. 65–66.

10. *Михайловский Я.Т.* Указ. соч. – С. 100.

11. *Яворская Я.* Организация народного образования в Лондоне // Педагогический вестник. – 1912. – № 7–8. – С. 32.

12. *Готлиб А.* О материальном и служебном положении учебно-административного персонала средних учебных заведений в некоторых государствах Европы // Русская школа. – 1901. – № 10. – С. 80.

13. Бременская учительская семинария. – СПб.: Тип. Импер. Академии Наук., 1872. – С. 4.

14. Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / *Сост. П. Аннин.* – СПб.: тип. Глазунова, 1890. – С. 6–16.

15. Журналы совещания директоров и наставников учительских семинарий Виленского учебного округа, происходившего 25–29 апреля 1907 г. в г. Вильна. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1908. – С. 13.

16. *Кузьмин Н.Н.* Учительские семинарии в России и их место в подготовке учителей начальной школы (лекция по истории педагогики). – Курган, 1970. – С. 96–97.

17. *Паначин Ф.Г.* Педагогическое образование в России. – М.: Педагогика, 1979. – С. 203.

Е.Н. Кумпан

(г. Краснодар, Российская Федерация)

**«ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА ОСТАЕТСЯ ЧЕЛОВЕКОМ»:
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВАТИКАНА И РОССИИ В
ПЕРИОД ПОНТИФИКАТА БЕНЕДИКТА XVI**

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты отношений Святого Престола с Российской Федерацией и Русской Православной церковью в период с 2005 по 2013 г.: показаны линии межгосударственного взаимодействия, охарактеризованы взаимные визиты высшего духовенства Римско-католической и Русской Православной церквей, попытки формирования общего поля диалога и культурного сотрудничества, ярким примером которых являются дни Русской культуры и духовности, проведенные в Ватикане в мае 2010 г. На основе энциклик Бенедикта XVI выявлены особенности восприятия понтификом исторического прошлого нашей страны.

Ключевые слова: Ватикан, Святой престол, Россия, православие, папа Римский, понтифик, Бенедикт XVI, католицизм.

E.N. Kumpan

(Krasnodar, Russian Federation)

**«MAN ALWAYS REMAINS A MAN»: RELATIONS
BETWEEN THE VATICAN AND RUSSIA DURING THE
PONTIFICATE OF BENEDICT XVI**

Abstract. The article examines the main aspects of the relations of the Holy See with the Russian Federation and the Russian Orthodox Church in the period from 2005 to 2013: shows the lines of interstate relations, mutual visits of the highest clergy of the Roman Catholic and Russian Orthodox Churches, attempts to form a common field of dialogue and cultural cooperation, a vivid example of which are the Days of Russian Culture and spirituality held in the Vatican in May 2010, are characterized. Based on the encyclicals of Benedict XVI, the peculiarities of the pontiff's perception of the historical past of our country.

Key words: The Holy See, Vatican, Russia, Orthodoxy, Pope, Benedict XVI, Catholic Church.

Страницы истории взаимоотношений Ватикана и России в период существования советского государства содержат целый спектр смысловых контрастов, от известных фраз апостольского послания папы Пия XII «*Sacro vergente anno*», где он осуждает «заблуждения, которые преподаются безбожными вождями коммунизма... к величайшему ущербу своих сограждан» [1], до утверждения Иоанна Павла II о том, что «нельзя, чтобы кто-то претендовал на то, чтобы перемены в Европе и мире шли по западному образцу» [2]. В декабре 1989 г. в Ватикане произошла встреча главы СССР и понтифика, которая стала переломным моментом. В марте 1990 г. были установлены официальные отношения между Святым Престолом и Советским союзом на уровне дипломатических представительств. В 1992 г. при Ватикане был аккредитован российский Представитель в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла, а в Российской Федерации – Представитель Святого Престола в ранге Апостольского нунция. 2002 г. отмечен кризисом в отношениях между двумя государствами: в Ватикане было объявлено о решении папы Римского Иоанна Павла II повысить статус административных структур Римско-католической церкви на территории России до уровня епархий, Русская православная церковь заявила о том, что расценивает этот «шаг как недружественный и подрывающий перспективы улучшения отношений между двумя Церквами» [3]. Прозелитические действия католической церкви и попытки миссионерства на пространствах традиционно православного населения, которыми

отмечен дальнейший период понтификата Иоанна Павла II, трактовались Русской православной церковью как «серьезнейшее препятствие к нормализации православно-католических отношений» и характеризовались как неприемлемые [4].

В 2005 г. на престол понтифика был избран новый папа – Йозеф Ратцингер, немец по национальности, выбравший имя – Бенедикт XVI. На следующий день после избрания, 20 апреля, папа обратился с посланием, в котором указал, что считает своим основным обязательством «неустанно трудиться над восстановлением полного и видимого единства всех последователей Христа» и выбирает путь диалога, «потому что именно взаимопонимание создает условия для лучшего будущего для всех» [5]. Марко Полити, биограф пап Ватикана, корреспондент *La Repubblica*, по итогам выступления отметил, что «на повестке дня нового понтификата стоят два важнейших вопроса – об отношениях с Китаем и об отношениях с Россией», и в этом контексте «обращение, с которым выступил в среду утром в Сикстинской капелле Бенедикт XVI, представляется... исключительно важным». По его мнению «существенную помощь в этом деле Бенедикту XVI окажет председатель Папского совета по содействию христианскому единству кардинал Вальтер Каспер, который работает над снижением напряженности в отношениях между Святым престолом и Русской православной церковью и «в частности, настойчиво стремится убедить руководство Русской православной церкви в том, что католики не намерены заниматься прозелитизмом и ...можно будет прийти к согласию по вопросу о том, что католические иерархи в России будут заниматься исключительно духовными проблемами католиков, не пытаясь втянуть в свои ряды людей, принадлежащих к православной традиции» [6].

Интронизация Бенедикта XVI прошла 24 апреля 2005 г. На церемонии инаугурации присутствовал председатель Совета Федерации РФ Сергей Миронов. Делегацию РПЦ возглавил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл [7]. В этот же день он дал интервью газете «*La Stampa*», в котором отметил свои неоднократные встречи с кардиналом Ратцингером, прежде всего в то время, когда тот возглавлял Конгрегацию по вопросам

вероучения и выразил искреннюю надежду, что отношения между Русской Православной церковью и Римско-католической будут улучшаться. Митрополит высказал убежденность том, что «взаимосвязи должны строиться таким образом, чтобы проблемы, которые сегодня вызывают боль и тревогу православных верующих, получили свое разрешение», и выразил ожидание что новый понтифик проявит добрую волю «которая могла бы на деле убедить моих единоверцев: католики – не враги и не конкуренты, а люди, настроенные на сотрудничество». Говоря о выборе имени Бенедикта XVI, напомнил, что «папа Бенедикт XV был хорошо известен своими миротворческими трудами в годы Первой мировой войны и особым вниманием по отношению к Восточным Церквям» и выразил надежду, что Бенедикт XVI будет «верен его заветам и сделает все возможное для установления мира между православными и католикам» [8].

В 2006 г. в письме, адресованном Патриарху Алексию II в честь празднования его имени и дня рождения, Бенедикт XVI направил «горячие и сердечные добрые пожелания». Он подчеркивает значимость пути мира, уважения, «осуждения всех форм насилия, превосходства достоинства каждого человека и [его] неотъемлемых прав» [9]. В Москву на празднование приехала делегация во главе с кардиналом Роже Мари Эли Эчергаем – до 1998 г. он являлся президентом Папского совета по юстиции и миру, затем исполнял дипломатические поручения Святейшего Престола, в 2005 г. был назначен Бенедиктом XVI вице-деканом Коллегии кардиналов. После 1991 г. он неоднократно приезжал в Москву, смог выстроить с Патриархом Алексием II дружеские отношения: Иоанн Павел II и Бенедикт XVI «обращались именно к нему, когда речь шла о посредничестве в условиях кризиса» [10].

В ответном письме Алексей II выразил убеждение в том, «что для наших Церквей, разделяющих одинаковый взгляд на многие актуальные проблемы современного мира, приоритетной задачей сегодня должна стать защита и утверждение в обществе христианских ценностей» и выражает надежду что это будет способствовать устранению проблем, возникающих в

отношениях между Русской православной и Римско-католической церквями [11].

Отметим и реакцию Русской православной церкви на речь понтифика в Регенсбурге, которая в сентябре 2006 г., повлекла негативную реакцию мусульман. Спустя два месяца, в ноябре был проведен круглый стол «Вера и разум», в ходе которого Владимир Легойда (главный редактор журнала «Фома», на данном этапе профессор кафедры международной журналистики МГИМО, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского Патриархата) отметил, что «лекцию Папы Бенедикта XVI обсуждали долго и много, но обсуждение практически не касалось ее содержания»; Сергей Хоружий, директор Института синергийной антропологии, в своем выступлении обратил внимание на то, что «его поразили контраст реального содержания речи с ее «публичным восприятием»: чтобы понять природу этого контраста, сказал профессор «мало быть философом – надо быть специалистом по международным отношениям» [12]. В данном случае очевидна взвешенная позиция Русской православной церкви, направленная на поддержку межрелигиозного диалога и взаимопонимания.

В 2007 г. состоялся визит патриарха Алексия II в Страсбург и Париж: он выступил на сессии ПАСЕ перед парламентскими делегациями 40 стран, входящих в Совет Европы [13] и затем выразил благодарность за «радушный прием который был оказан ему Католической Церковью Франции» [14].

В декабре этого же года председатель Отдела внешнецерковных связей митрополит Кирилл приехал в Ватикан и провел встречу с Бенедиктом XVI, в рамках которой были обсуждены темы «православно-католического диалога» [15]. Позднее Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл направил приглашение кардиналу Вальтеру Касперу посетить вверенную митрополиту епархию: визит освещался прессой как неофициальный, но «это не только знак личной доброй воли, но и жест в адрес католической церкви, которую представляет кардинал Каспер», – писал в своем письме Бенедикт XVI [16]. В ходе поездки в Россию кардинал Каспер встретился с мэром

Казани Ильсуром Метшиным; И.Р. Метшин отметил, что «в Казани очень рады приезду кардинала Вальтера Каспера как человека, доставившего в Россию Казанскую икону Божией матери» [17]. В программу визита в город входило посещение Благовещенского собора Казанского кремля, Зилантова и Крестовыдвиженского монастырей, посещение Дивеевского монастыря (Нижегородская епархия) и поклонение мощам святого Серафима Саровского. Прошла также беседа кардинала с архиепископом Казанским и Татарским Анастасием [18]. В своем письме понтифик указывает что поездка кардинала имеет большое значение в рамках экуменических связей: «дает возможность встретиться с мусульманами, которые проявляют большое уважение к Марии, Матери Иисуса» и отмечает приверженность Русской православной церкви к «диалогу с различными церковными, религиозными и общественными организациями», выражает глубокую благодарность за знаки «дружбы и доверия» [19].

Следует отметить состоявшуюся 1 октября 2008 г. встречу Патриарха Московского Алексия II с архиепископом Неаполитанским кардиналом Крещенцио Сепе, при содействии которого в октябре 2007 г. в пользование общине Русской Православной Церкви было передано храмовое здание в центре Неаполя; в ходе приема делегации РКЦ в Свято-Даниловом монастыре Алексей II выразил благодарность кардиналу за содействие деятельности прихода в Неаполе, что «несомненно является залогом добрых взаимоотношений между нашими Церквями» [20]. Бенедикт XVI в своем благодарственном письме патриарху, посвященном этому событию, указывает, что «наше время, столь часто отмеченное конфликтами и горем, делает еще более необходимым ускорить путь к полному единству всех учеников Христа» [21].

29 октября 2008 г. состоялась встреча Патриарха с католическим архиепископом Парижа кардиналом Андре Вен-Труа: в беседе Алексей II подчеркнул, что «опыт пережитых гонений со стороны безбожной власти делает схожими исторические пути Русской Православной Церкви и Католической Церкви Франции. При этом французским

католикам пришлось первыми столкнуться с воинствующим безбожием и агрессивным секуляризмом в период революции 1789 года... «идеалы французской революции во многом вдохновляли тех, кто, захватив власть в нашей стране в 1917 году, подверг Русскую Православную Церковь неслыханным по размаху и жестокости гонениям» [22].

Таким образом, анализ материалов официального сайта Московского Патриархата и сайта Святого престола на начальном этапе понтификата Бенедикта XVI дает представление о встречах представителей высшего духовенства Римско-католической и Русской православной церквей, выстроенных в рамках формата готовности к диалогу и взаимодействию; переписка глав двух церквей формирует вектор благожелательных намерений и позволяет ориентироваться на точки соприкосновения культур и традиций, избегая при этом возможной конфронтации.

5 декабря 2008 г. Бенедикт XVI пишет скорбное послание в связи со смертью Патриарха Алексия II, вспоминая «его мужественную борьбу за защиту человеческих и евангельских ценностей, особенно на европейском континенте» и выражая веру в то, что «целеустремленность [главы Русской православной церкви] принесет плоды в виде мира и подлинного прогресса, человеческого, социального и духовного» [23].

В январе 2009 г. понтифик направляет поздравление Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу, вспоминая «добрую волю, которая характеризовала наши встречи во время Вашего служения в качестве президента Отдела внешних церковных связей» и выражая «свое уважение и духовную близость» [24]. Одним из ключевых событий, демонстрирующим готовность двух церквей к сотрудничеству, стали дни Русской культуры и духовности, которые прошли в Ватикане в мае 2010 г. и были организованы митрополитом Волоколамским Иларионом, председателем Отдела внешних связей Московского Патриархата. Понтифик в своей речи, посвященной этому событию, подчеркивает и глубину смысла, присущую русской культуре, и значимость масштабного события, в рамках которого не только исполнялась музыка Мусоргского, Римского-

Корсакова, Чайковского, Рахманинова, произведение митрополита Илариона, но и был проведен симпозиум на тему «Православные и католики в Европе сегодня»; Бенедикт XVI обращается к метафорическому видению Европы (восходящему к высказываниям В. Иванова и Иоанна Павла II), «которая дышит обоими легкими, чтобы восстановить дух не только верующих, но и всех народов континента» [25].

В период с 2005 по 2009 г. определенная попытка выстроить отношения Святого престола с нашей страной проявляется и в переосмыслении идеологических постулатов, в общественном сознании связываемых прежде всего с советским наследием: в трех энцикликах Бенедикт XVI формулирует понимание истоков революции, марксизма-ленинизма, холодной войны. Хронологически первая из них опубликована на сайте Ватикана на 14 языках в декабре 2005 г. [26] Говоря о справедливости и милосердии, понтифик отмечает, что начиная с XIX в., приводили доводы о том, что «бедные нуждаются не в благотворительности, а в справедливости, что дела милосердия... являются на самом деле для богатых способом избежать установления справедливости и успокоить совесть, сохраняя свои позиции и мошеннически отнимая у бедных их права». И нужно «создать справедливый порядок, при котором каждый получит свою часть благ мира, и, следовательно, больше не будет нуждаться в благотворительности». В этой аргументации, признает понтифик, «есть доля истины, но немало и ошибочного». Действительно, промышленный переворот, разрушение прежних социальных структур придали новый вектор развитию общества: «капитал и средства производства были теперь новым источником власти, сконцентрированной в руках немногих, что для трудящихся масс означало лишение прав, против чего они были вынуждены бороться». Марксизм видел в мировой революции и «последующей коллективизации средств производства» путь решения социальных проблем, но «эта мечта испарилась». Понтифик говорит, что на данном этапе главной задачей политики является построение справедливого порядка общества и государства: «что есть государство без справедливости, как не банда разбойников?», цитирует папа

слова Блаженного Августина. При этом церковь «не может и не должна брать в свои руки политическую борьбу», но глубоко заинтересована в том, «в том, чтобы действовать ради справедливости» [27].

В энциклике *Spe salvi*, в ноябре 2007 г. Бенедикт XVI также обращается к теме исторического опыта нашей страны, отмечая, что «после буржуазной революции 1789 г. настал час для новой революции, пролетарской: прогресс не мог продвигаться линейно, маленькими шагами». Обещания К. Маркса, «благодаря остроте анализа и четкому указанию способов решительно изменить мир, ослепило и до сих пор ослепляет множество умов. Позже такая революция была самым радикальным образом совершена в России». Но вскоре после победы революции стала очевидна и фундаментальная ошибка философа: думая, что все пойдет правильным путем само по себе и «все будут желать добра друг другу», К. Маркс «забыл, что человек всегда остается человеком», его невозможно изменить извне, только создав благоприятную экономическую среду и устранив классовые противоречия. Диктатура пролетариата, начало которой было положено действиями В.И. Ленина, рассматривалась как «промежуточная фаза», но она оставила «за собой удручающее разрушение, вместо того чтобы оздоравливать мир» [28].

В следующей энциклике «*Caritas in veritate*», в июне 2009 г., понтифик обращается к теме наследия холодной войны, указывая, что «вслед за развалом экономических и политических систем в коммунистических странах Восточной Европы и упразднением так называемых «противостоящих блоков» потребовалось комплексное переосмысление развития». Бенедикт XVI подчеркивает, что его предшественник, Иоанн Павел II, в 1987 г. считал наличие «блоков» одной из основных причин отставания в развитии, так как «политика отнимала ресурсы у экономики и культуры, а идеология препятствовала свободе». Но в начале XXI в. «перепланированное развитие» – не только бывшего социалистического пространства, но и стран Запада, совершилось только частично [29].

Отдельным направлением взаимодействия России и Римско-католической церковью в период понтификата Бенедикта XVI

являются встречи папы с президентами Российской Федерации. 13 марта 2007 г. президент России В.В. Путин прибыл в Ватикан во главе делегации из 14 человек, в числе которых министр иностранных дел С. Лавров и представитель России при Святом Престоле Н. Садчиков. Встреча В.В. Путина с Бенедиктом XVI проходила на немецком языке, к помощи присутствовавших переводчиков обратились только один раз. Помимо двусторонних вопросов, «представляющих взаимный интерес, в том числе касающиеся отношений между Католической Церковью и Православной Церковью», обсуждалась и международная повестка, в частности вопросы Ближнего Востока. Особое внимание уделено «проблемам экстремизма и нетерпимости, которые представляют собой серьезную угрозу гражданскому сосуществованию между нациями» [30].

В период, когда должность президента РФ занимал Д.А. Медведев, был подписан указ № 1330 от 22 ноября 2009 г. «Об установлении дипломатических отношений с Ватиканом» [31]. 3 декабря 2009 г. глава Российской Федерации совершил рабочий визит в Ватикан. Радио Ватикана, цитируя заявление Святого Престола, сообщило, что «Папа Бенедикт XVI и президент России... договорились о повышении уровня отношений между двумя сторонами до полноценных дипломатических». Отмечалось, что на встрече шло обсуждение «международной экономической и политической ситуации... говорили о текущих проблемах безопасности и мира, а также о культурных и социальных вопросах, таких как семья и вклад веры в российское общество» [32]. По мнению итальянского политолога Джованни Бенси, «повышение уровня дипломатических представительств не имеет большого практического значения, но в психологическом плане сигнализирует, что между двумя государствами складываются дружественные отношения» [33]. 9 декабря 2009 г. Российская Федерация и Святой Престол обменялись нотами об установлении дипломатических отношений на уровне Посольства РФ в Ватикане и Апостольской нунциатуры в Российской Федерации.

17 февраля 2011 г. прошла следующая встреча Дмитрия Медведева с Бенедиктом XVI. В бюллетене Пресс-службы

Святого Престола указано, что «в ходе сердечных бесед стороны выразили удовлетворение добрыми двусторонними отношениями, а также подчеркнули волю к их укреплению». Было уделено особое внимание вопросам культурного сотрудничества, отмечен положительный вклад межрелигиозного диалога в обществе; стороны обсудили международную обстановку, прежде всего ситуацию на Ближнем Востоке [34].

Период пребывания на папском престоле Бенедикта XVI характеризуется прежде всего развитием межгосударственных отношений между Ватиканом и Российской Федерацией. Визиты глав Российского государства заложили основу долговременных связей, сохраняющих позитивный характер и в настоящее время. Выбранная в этот период тональность отношений между Римско-католической церковью и Русской православной позволила выстроить культурный и религиозный диалог, сформировать идейное пространство взаимодействия двух церквей на основе в том числе и разграничения сфер влияния. Известно, что первая встреча между Патриархом всея Руси и Папой Римским прошла при Франциске в 2016 г. на Кубе, но между тем понтификат Бенедикта XVI снял напряженность, характерную для первых пяти лет XXI столетия. 1 марта 2013 г., после того как отречение Бенедикта XVI вступило в силу, в Ватикан было направлено послание патриарха Кирилла, с выражением «чувства братской во Христе любви и уважения», и надеждой, что сложившиеся при активном участии папы «добрые и доверительные отношения между православными и католиками будут и впредь развиваться» [35]. В последующие годы деятельность папы Франциска и Римско-католической церкви демонстрировала стремление сохранить сформированную тенденцию.

Примечания

1. Pius XII. Apostolic letter. Sacred vergent year. Consecration of Russia to the immaculate heart of Mary. 7 July 1952 // URL: [https://www-vatican-va.translate.googleusercontent.com/proxy/8181/content/pius-xii/it/apost_letters/documents/hf_p_xii_apl_19520707_sacro-vergente-anno.html?_x_tr_sl=it&_x_tr_tl=en&_x_tr_hl=en&_x_tr_pto=sc](https://www-vatican.va/translate.googleusercontent.com/proxy/8181/content/pius-xii/it/apost_letters/documents/hf_p_xii_apl_19520707_sacro-vergente-anno.html?_x_tr_sl=it&_x_tr_tl=en&_x_tr_hl=en&_x_tr_pto=sc) (дата обращения: 30.08.2022).

2. Архив Горбачев-Фонда. К столетию со дня рождения Папы Римского Иоанна-Павла II // URL: https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_30139/ (дата обращения: 2.09.2022).

3. Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с созданием в России католических епархий и «церковной провинции» (12 февраля 2002 г.) // URL: http://www-old.srcc.msu.ru/bib_roc/jmp/02/03-02/01.htm (дата обращения: 30.08.2022).

4. Заявление Священного Синода в связи с учреждением новых католических епархий на Украине // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4893021.html> (дата обращения: 30.08.2022).

5. Missa pro ecclesia. First message of his Holiness Benedict XVI at the end of the eucharistic concelebration with the members of the college of cardinals in the Sistine chapel. Wednesday, 20 April 2005 // URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/messages/urbi/documents/hf_ben-xvi_mes_20050420_missa-pro-ecclesia.html (дата обращения: 30.08.2022).

6. *Старцев С.* Эксперт: Бенедикт XVI может сделать серьезные шаги в отношении с РПЦ (20 апреля 2005 г.) // URL: <https://ria.ru/20050420/39710644.html> (дата обращения: 30.08.2022).

7. Лента папских новостей. Ватикан 20 апреля 2005 // URL: <https://papst.pro/ru/1285/> (дата обращения 2.09.2022).

8. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл ответил на вопросы корреспондента газеты «LA СТАМПА» («Ла Стампа», N 112, 24 апреля 2005 г.) // URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=11358> (дата обращения: 2.09.2022).

9. Letter of His Holiness Benedict XVI to the Patriarch of Moscow and of all the Russias, his Holiness Alexai II (From the Vatican, 17 February 2006) // URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/letters/2006/documents/hf_ben-xvi_let_20060217_patriarca-mosca.html (дата обращения: 6.08.2022).

10. Кардинал Роже Эчегарай покидает Ватикан с намерением провести остаток жизни в родной Франции // URL: <https://sib-catholic.ru/kardinal-rozhe-echegaray-pokidaet-vatikan-s-namereniem-provesti-ostatok-zhizni-v-rodnoy-frantsii/> (дата обращения: 2.09.2022).

11. To His Holiness Pope Benedict XVI Moscow, 22 February 2006 // URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/letters/2006/documents/hf_ben-xvi_let_20060217_patriarca-mosca.html (дата обращения: 6.08.2022).

12. В «Духовной библиотеке» прошел круглый стол, посвященный Регенсбургской лекции Папы Бенедикта XVI (28 ноября 2006 г.) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/165863.html> (дата обращения: 2.09.2022).

13. Выступление Предстоятеля Русской Православной Церкви перед членами Парламентской ассамблеи Совета Европы (2 октября 2007 г.) //

URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/305393.html> (дата обращения: 2.09.2022).

14. Святейший Патриарх Алексей принял французскую делегацию во главе с католическим архиепископом Парижа кардиналом Андре Вен-Труа (29 октября 2008 г.) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/482170.html> (дата обращения: 2.09.2022).

15. Состоялась встреча председателя ОБЦС митрополита Кирилла с Папой Римским Бенедиктом XVI (7 декабря 2007 г.) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/335120.html> (дата обращения; 2.09.2022).

16. Letter of his Holiness Benedict XVI to his Holiness Alexis II Patriarch of Moscow and all Russia (From the Vatican, 19 May 2008) // URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/letters/2008/documents/hf_ben-xvi_let_20080519_alexis-ii.html (дата обращения: 6.08.2022).

17. *Вальтер Каспер*: «Очень важно видеть город, где люди разных религий мирно живут вместе» (27 мая 2008 г.) // URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/valter-kasper-ochen-vazhno-videt-gorod-gde-lyudi-raznyh-religiy-mirno-zhivut-vmeste> (дата обращения: 4.09.2022).

18. Кардинал Вальтер Каспер прибыл с неофициальным визитом в Казань (27 мая 2008 г.) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/412120.html> (дата обращения: 4.09.2022).

19. Letter of his Holiness Benedict XVI to his Holiness Alexis II Patriarch of Moscow and all Russia (From the Vatican, 19 May 2008) // URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/letters/2008/documents/hf_ben-xvi_let_20080519_alexis-ii.html (дата обращения: 6.08.2022).

20. Состоялась встреча Святейшего Патриарха Алексея с архиепископом Неаполя кардиналом Крещенцио Сепе (1 октября 2008 г.) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/468772.html> (дата обращения: 10.08.2022).

21. Message of his Holiness Benedict XVI to his Holiness Alexy II Patriarch of Moscow and all Russia (From the Vatican, 22 September 2008) // URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/messages/pont-messages/2008/documents/hf_ben-xvi_mes_20080922_alexu-ii.html (дата обращения: 10.08.2022).

22. Святейший Патриарх Алексей принял французскую делегацию во главе с католическим архиепископом Парижа кардиналом Андре Вен-Труа (29 октября 2008 г.) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/482170.html> (дата обращения: 4.09.2022).

23. Message of his Holiness Benedict XVI to the Holy synod of the Russian Orthodox church on the occasion of the death of HIS Holiness Alexy II, Patriarch of Moscow and of all the russias // URL: <https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/messages/pont->

messages/2008/documents/hf_ben-xvi_mes_20081205_morte-alessio-ii.html (дата обращения: 10.08.2022).

24. Letter of his Holiness Benedict XVI to his Holiness Kirill Patriarch of Moscow and of all Russia on the occasion of his enthronement (From the Vatican, 28 January 2009) // URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/letters/2009/documents/hf_ben-xvi_let_20090128_patriarch-moscow.html (дата обращения: 10.08.2022).

25. Concert on the occasion of the days of Russian culture and spirituality in the Vatican, promoted by his Holiness Kirill I, Patriarch of Moscow and all Russia address of his Holiness Benedict XVI (20 May 2010) // URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/speeches/2010/may/documents/hf_ben-xvi_spe_20100520_concerto-kirill.html (дата обращения: 10.08.2022).

26. Encyclical letter Deus caritas est of the Supreme pontiff Benedict XVI to the bishops priests and deacons men and women religious and all the lay faithful on Christian love (Given in Rome, at Saint Peter's, on 25 December, the Solemnity of the Nativity of the Lord, in the year 2005, the first of my Pontificate). URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20051225_deus-caritas-est.html (дата обращения: 14.08.2022).

27. Там же.

28. Encyclical letter Spe salvi of the Supreme pontiff Benedict XVI to the bishops priests and deacons men and women religious and all the lay faithful on christian hope (Given in Rome, at Saint Peter's, on 30 November, the Feast of Saint Andrew the Apostle, in the year 2007, the third of my Pontificate) // URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20071130_spe-salvi.html (дата обращения: 14.08.2022).

29. Encyclical letter Caritas in veritate of the Supreme pontiff Benedict XVI to the bishops priests and deacons men and women religious the lay faithful and all people of good will on integral human development in charity and truth (given in Rome, at Saint Peter's, on 29 June, the Solemnity of the Holy Apostles Peter and Paul, in the year 2009, the fifth of my Pontificate) // URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20090629_caritas-in-veritate.html (дата обращения: 14.08.2022).

30. Владимир Путин и Бенедикт XVI выступили с совместным осуждением экстремизма и нетерпимости // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/212327.html> (дата обращения 4.09.2022).

31. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2009 г. № 1330 Об установлении дипломатических отношений с Ватиканом // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30170> (дата обращения: 4.09.2022).

32. Vatican-Russian relations to upgrade to full diplomatic ties // URL: <http://www.archivioradiovaticana.va/storico/2009/12/04/vatican->

russian_relations_to_upgrade_to_full_diplomatic_ties_/in2-339563 (дата обращения: 15.08.2022).

33. *Круг П. Медведев в Ватикане* // URL: https://www.ng.ru/events/2009-12-09/1_medvedev.html (дата обращения: 15.08.2022).

34. Comunicato della sala stampa: udienza al Presidente della Federazione Russa, 17.02.2011 // URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2011/02/17/0099/00237.html#TRADUZIONE%20IN%20LINGUA%20RUSSA> (дата обращения: 15.08.2022).

35. Послание Святейшего Патриарха Кирилла почетному Папе Римскому Бенедикту XVI (1 марта 2013 г.) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2821780.html> (дата обращения: 15.08.2022).

П.С. Крючек, Е.М. Сергеева
(г. Минск, Республика Беларусь)

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ БЕЛОРУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Аннотация. После распада СССР и обретения независимости бывшими советскими республиками вот уже почти три десятилетия мы наблюдаем динамичное развитие белорусско-российских отношений. Несмотря на периодически возникающие сложности между соседними государствами, тем не менее, обе стороны не отказываются от тесного, взаимовыгодного сотрудничества. На сегодняшний день Беларусь и Россия успешно взаимодействуют друг с другом по самым различным направлениям. В статье показано какое оценку белорусско-российские отношения получили в современном белорусском обществе.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, интеграция, сотрудничество, взаимоотношения.

P.S. Kruchek, E.M. Sergeeva
(Minsk, Republic of Belarus)

BELARUSIAN-RUSSIAN RELATIONS IN THE ASSESSMENTS OF THE BELARUSIAN PUBLIC

Abstract. After the collapse of the USSR and the independence of the former Soviet republics, for almost three decades we have been witnessing the

dynamic development of Belarusian-Russian relations. Despite the periodically arising difficulties between neighboring states, nevertheless, both sides do not refuse close, mutually beneficial cooperation. Today Belarus and Russia are successfully cooperating with each other in various areas. The article shows what assessment Belarusian-Russian relations received in modern Belarusian society

Key words: Belarus, Russia, integration, cooperation, relationships.

Нынешние белорусско-российские отношения являются предметом активного обсуждения в политическом дискурсе страны. Дискутируя по ключевым проблемам двустороннего сотрудничества, представители белорусского политико-академического сообщества и общественности придерживаются разных точек зрения. В частности, В Шадурский, рассматривая вопросы белорусско-российских отношений на современном этапе, условно выделил три основных подхода к данной проблеме. Представители первого подхода (можно условно определить как «белороссы») являются сторонниками тесного союза с Россией вплоть до объединения в единое государство. Представители второго направления (т.н. «евробеларусы»), наоборот являются сторонниками ускоренной интеграции с Евросоюзом. И, наконец, представители третьего направления («беларусы») выступают развитие отношений, как с Востоком, так и с Западом в национальных интересах нашей страны [1]. С учетом названных направлений рассмотрим наиболее популярные и распространенные точки зрения и оценки развития белорусско-российских отношений представителями белорусской общественности.

Расхождение в оценках состояния и перспектив белорусско-российских отношений началось уже в начале 1990-х гг. Несмотря на обретение независимости, большинство населения Беларуси продолжало занимать ярко выраженную пророссийскую позицию, связывая с последней надежды на скорейшее преодоление экономического кризиса. Почти 80% белорусов считали, что главной задачей по выводу республики из кризиса является восстановление разорванных экономических, социальных, культурных связей с Россией и другими постсоветскими странами. В то же время для части населения

Россия представлялась как источник опасности и угрозы белорусскому суверенитету. Однако те, кто выступает за сближение с Россией, видят интеграцию иначе, чем стремящиеся к объединению с Беларусью россияне. Дело в том, что белорусский суверенитет стал высшей ценностью не только для оппозиционного меньшинства, но и для большинства населения страны, в том числе сторонников белорусско-российской интеграции.

В дальнейшем на отношение общественности к Российской Федерации и белорусско-российской интеграции активно стал влиять ряд факторов, оказывавших воздействие на атмосферу двусторонних отношений в целом. С переводом Москвой в 2000-е гг. двусторонних отношений на прагматическую основу объединительная концепция белорусско-российской интеграции в общественном сознании Беларуси стала постепенно сменяться идеей дружеских отношений двух независимых государств. Так, по данным Независимого института социально-экономических и политических исследований, если в 2003 г. объединиться с Россией желали 53,1% белорусов, то в 2004 г. за объединение двух стран в единое государство проголосовали бы 49,3%, а в ноябре 2006 г. – 46,4% [2].

Согласно исследованию, проведенному в 2009 г. Институтом социологии НАН Беларуси, среди жителей республики преобладало мнение о необходимости налаживания отношений с РФ на основе международных договоров с сохранением независимости белорусского государства. За это высказалось 51% опрошенных. За равноправный союз двух государств с созданием наднациональных органов управления высказался 41% респондентов. Вхождение в состав Российской Федерации в качестве субъектов федерации поддержало лишь 4% опрошенных [3].

По данным Института социологии НАН Беларуси, в условиях финансово-экономического кризиса у белорусов усилились симпатии в отношении России. Так, в течение 2011 г. возросла численность населения страны, положительно оценивающего укрепление союза с Россией (весна 2011 г. – 62,8%, осень 2011 г. – 68,7%). За этот же период в два раза

снизилась группа респондентов, дающая негативные оценки интеграционным процессам с Россией (весна 2011 г. – 5,9%, осень 2011 г. – 2,8%). С 2011 г. увеличилась численность белорусского населения, позитивно оценивающего динамику отношений между Беларусью и Россией (2010 г. – 19,4%, 2011 г. – 28,2%, 2012 г. – 42,3%, 2014 г. – 46,7%, 2015 г. – 40,6%) и сократилась группа респондентов, негативно оценивающих динамику отношений между нашими странами. При этом белорусское население высказалось против вхождения Беларуси в состав Российской Федерации в качестве субъекта федерации. Доля населения, полагающая, что Беларусь должна войти в состав России в качестве субъекта(-ов) федерации, составила всего около 5–6 % [4].

По данным на август 2019 г., за союз с Россией выступало 54,5% белорусов, это минимум за последнее время. Количество сторонников европейского пути для Беларуси колеблется между 20% и 25%. А вот тех, кто сомневается, ныне стало больше. Эксперты подчеркивают, что для белорусов ориентация на Россию носит более ценностный характер, а ориентация на Европу – более материальный и прагматический характер. Значительным числом респондентов россияне воспринимаются как свои, наши, а европейцы – чужие, с другой психологией [5]. При этом, в последние годы для многих белорусов, преимущественно из числа студенческой молодежи и управленцев, укрепление связей с Россией объясняется, в первую очередь, экономической целесообразностью: зависимостью белорусской экономики от импорта российских энергоресурсов, единым торгово-экономическим пространством и перспективными рынками сбыта. Такие социокультурные факторы, как общий государственный (русский) язык и христианские ценности, являются для них малозначимыми, что выявляет тем самым, с одной стороны, достаточно жесткий прагматизм, с другой – в некоторой степени их традиционализм [6].

Таким образом, общественное мнение белорусов напрямую зависит от текущей ситуации в белорусско-российских отношениях и уровня взаимоотношений с Европой.

На протяжении всей постсоветской истории развития белорусско-российских отношений они активно освещаются в средствах массовой информации, как государственных, так и негосударственных. Государственные СМИ отражают официальную версию взаимоотношений Беларуси и России, поэтому они подают материалы как критического, так и позитивного плана. Как правило, комментаторы следуют за линией поведения белорусского руководства.

Наряду с государственными СМИ белорусско-российские отношения получают освещение и в негосударственных средствах массовой информации. Данные издания, как правило, не только критикуют действующую власть в стране, но и поведение России, а также белорусско-российские отношения. Особую группу представляют СМИ, выражающие позицию радикальной оппозиции, отстаивающие прозападные русофобские идеи. На страницах своих изданий они последовательно выстраивают образ России как страны мафиозных олигархов, как агрессивной державы с имперскими амбициями [7]. Тем не менее, следует отметить, что в основном в средствах массовой информации преобладает позитивный образ Российской Федерации и оптимистическая оценка перспектив белорусско-российских отношений

За тридцатилетний период суверенного развития в Беларуси появилось значительное количество экспертов, рассматривающих различные аспекты белорусско-российских отношений в постсоветский период.

По данному вопросу экспертное сообщество страны также можно условно разделить на три вышеуказанные группы. Первая группа (белороссы) включает пророссийских экспертов, недовольных тем, как развиваются двусторонние отношения на современном этапе. При этом вину за их кризисное состояние они возлагают на белорусскую сторону. Ко второй группе (евробеларусы) относятся сторонники прозападной ориентации Беларуси, критикующие внешнеполитический курс А. Лукашенко. В последние годы многие из них рассуждают об угрозах пророссийского вектора для нашей страны. Третью группу (беларусы) составляют те, кто, рассматривая белорусско-

российские отношения, придерживается официальной линии нашего руководства. Данные эксперты в своих комментариях следуют позиции Беларуси, отмечая плюсы и минусы сотрудничества с Россией [8].

В зависимости от политических пристрастий эксперты высказывают различные оценки развития белорусско-российских отношений.

Так прозападные эксперты, так называемые евробеларусы (Ю. Дракохруст, Л. Заико, В. Ровдо, В. Карбалевич, В. Силицкий, А. Федоров и др.), анализируя сложившуюся ситуацию, доказывают ненужность и даже опасность для Беларуси сближения с Российской Федерацией. Они подвергают критике тезис о «русской сущности белорусов», «русскую идею», «древнерусскую» концепцию белорусов и источников белорусской государственности, т. е. пророссийскую ориентацию Беларуси. Как подчеркивал заместитель главного редактора «БелГазеты» в 2002–2015 гг., политолог В. Мартинович, «Россия хотела бы и воспринимает с 1991 года Беларусь как свою часть. Россия считает, что наша независимость является каким-то недоразумением» [9].

В свою очередь, политолог В. Карбалевич расценил курс на интеграцию с Россией как некое проявление комплекса государственной неполноценности, неготовность белорусского общества и элиты взять на себя ответственность за собственную судьбу. По его убеждению, внешняя политика Беларуси, начиная с середины 1990-х гг., – это проявление не только комплекса государственной неполноценности страны, но и личных комплексов, капризов и авторитарности ее президента, постоянно ощущающего некий психологический дискомфорт от того, что не признается лидерами ведущих государств мира.

В свою очередь пророссийские эксперты (белороссы) подчеркивали, что во многом благодаря Союзному государству и «постсоветской инерции» Беларусь все еще считается частью русской цивилизации и ближайшим союзником России. При этом данные эксперты постоянно выступали с критикой белорусского руководства за якобы непоследовательную политику в деле интеграции. По мнению Ю. Баранчика, проживающего сейчас в

Москве, «руководство Беларуси нарушает все мыслимые обязательства и договоренности, постоянно осуществляя недопустимые в приличном обществе публичные выпады в адрес представителей российской власти, и поступками рвет по живому отношения с ближайшими союзниками, при этом не имея новых [10].

Однако в экспертном сообществе преобладает третья тенденция, характеризующаяся взвешенной и реалистической оценкой белорусско-российских отношений. Так уже в конце 1990-х гг. отечественными экспертами отмечалась противоречивость развития белорусско-российской интеграции. Так, в 1998 г. известный международник А. Розанов писал о том, что на фоне постсоветских интеграционных процессов отношения между Минском и Москвой выделялись как наиболее продвинутое по многим направлениям. Одновременно он обращал внимание на наличие в них декларативности и парадности. Поэтому их необходимо освободить от элементов декларативности и политиканства, переводить на реалистические рельсы постепенного, размеренного, просчитанного взаимодействия в тех областях, где оно действительно продуктивно

Профессор А. Шарапо, рассматривая процесс белорусско-российского сближения, подчеркивал, что создание и развитие Союза между Беларусью и Россией стало объективным политическим событием на фоне тех проблем, которым оказалось подвержено СНГ. При этом интеграционный процесс, конечно, не был лишен трудностей. По мнению эксперта в 1997–1998 гг. договаривающимся сторонам не удалось в полной мере создать единое экономическое пространство, общую транспортную и энергетическую систему, разрешить проблемы в таможенных делах и др. Тем самым, оценивая состояние белорусско-российских отношений и перспективы Союзного государства профессор А. Шарапо акцентировал внимание на том, что они формировались под влиянием и с учетом процессов происходящих в рамках СНГ в 1990-е гг., с другой – складывающаяся внутривнутриполитическая обстановка в обоих государствах. Несмотря на возникшие трудности,

интеграционный процесс не остановился, он лишь несколько видоизменил свои ориентиры и пути, на что указывают многие эксперты, не являющиеся противниками белорусско-российского сближения [11].

По мнению председателя Наблюдательного совета Центра стратегических и внешнеполитических исследований Ю. Царика, интеграция с Россией объективно отвечает интересам Беларуси. При этом, как убежден аналитик, независимо от персональных позиций российской и белорусской элиты, успешное развитие двусторонних отношений возможно только с учетом признания Москвой самостоятельности Беларуси как субъекта международных отношений и уважения ее политики, направленной на защиту интересов белорусского народа и государства. В противном случае, с его точки зрения, огромные потери понесут обе стороны.

Подводя итог дискуссиям в политико-академическом сообществе СМИ и общественности страны относительно развития белорусско – российских отношений, можно отметить, что, на наш взгляд, достаточно объективным является мнение А. Тихомирова о том, что с середины 1990-х гг. внешнеполитическим приоритетом Беларуси продолжает оставаться сотрудничество с Россией.

Заведующий сектором анализа макроэкономической динамики Института экономики НАН Беларуси Л. Воронцовская в статье для издания «Евразия Эксперт» назвала пять сценариев развития российско-белорусских отношений. По ее мнению, согласно первому варианту, Беларусь может стать частью России. В этом случае республика утратит свой суверенитет, но приобретет некоторые привилегии, в частности получит доступ к энергоресурсам на «очень привлекательных условиях», т.е. по внутрироссийским тарифам.

Второй сценарий заключается в развитии Союзного государства России и Беларуси с общим бюджетом и единой валютой. Как уверена эксперт, при таком варианте развития событий наши страны образуют новую федерацию с новым названием и государственной символикой и будут вынуждены идти на обоюдные компромиссы, в том числе в сфере

делегирования властных полномочий. Согласно Л. Воронечкой, «плюсы заключаются в максимальной заинтересованности в благополучии друг друга и общего будущего».

Третий вариант также касается дальнейшего развития Беларуси и России в формате Союзного государства, но с сохранением политического и экономического суверенитета, что, как считает специалист, «существенно уменьшает риски попадания одной из сторон в неравные условия». В подобном случае наши страны сохраняют нынешнюю государственную символику, но, как и во втором сценарии, продолжают поддерживать друг друга.

Четвертый сценарий предполагает дружбу между Россией и Беларусью так же, как и между другими странами Евразийского экономического союза. Л. Воронечкая подчеркивает: «В таком случае взаимная поддержка будет, но недостаточно сильная. Собственные интересы все равно будут существенно выше общих интересов. При таком раскладе смысла в Союзном государстве нет».

Согласно пятому варианту, Москва и Минск отдалятся друг от друга и могут вообще прекратить какие-либо отношения. В качестве примера реализации данного сценария эксперт назвала ситуацию с Украиной.

Прогнозируя дальнейшее развитие белорусско-российского сотрудничества, Ю. Царик назвал свои четыре возможных сценария. Два из них достаточно радикальные, поскольку в их рамках Беларусь либо утрачивает стратегическую автономию в результате давления со стороны Кремля (вплоть до реализации силового сценария), либо же по причине неудачного давления Москвы выходит из интеграционных образований на постсоветском пространстве, запуская процесс кардинальной трансформации как белорусско-российских отношений, так и политической карты всего восточноевропейского региона. Данные сценарии могут включать частичную утрату формального суверенитета нашей страны. При этом, по мнению эксперта, значительно более вероятной является угроза реализации сценария доминирования России. Два умеренных сценария предполагают сохранение стратегической автономии

Беларуси. «Оптимистичный» подразумевает расширение стратегической автономии республики в отношениях с РФ при сохранении институциональных рамок этих отношений. «Пессимистичный» описывает сокращение автономии Беларуси в отношениях с Россией [12].

На наш взгляд, рассуждая о дальнейших перспективах белорусско-российских отношений, нельзя не согласиться с точкой зрения член корреспондента НАН Беларуси В. Бобкова, который отметил, что их развитие во многом зависит от четырех важных факторов: уровня приоритетности Беларуси для России; отношения российской политической элиты к Беларуси; состояния общественного мнения в России касательно Беларуси; влияния США и ЕС на перспективы белорусско-российского сотрудничества.

Следовательно, утверждения представителей политику академического сообщества, СМИ и общественности страны о влиянии на развитие белорусско-российских отношений как объективных (историческое прошлое, наличие тесных взаимосвязей, политическая и социальная экономическая ситуация в мире, воздействие внешних сил и т. д.), так; субъективных (подходы лидеров государств, политические силы, общественное мнение, экспертное сообщество, СМИ и т.д.) факторов являются вполне справедливыми и закономерными.

Примечания

1. *Шадурский В.Г.* Интеграционные перспективы Республики Беларусь // Беларусь в современном мире: Материалы XII Международной конференции, посвященной 92-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 30 октября 2013 г. / редкол.: *В.Г. Шадурский [и др.]*. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 69.

2. *Косов А.П.* Современные белорусско-российские отношения: восприятие и оценки политиков, экспертов, СМИ и общественности Беларуси, России, Украины и стран Запада. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 28.

3. Там же. – С. 29.

4. Там же. – С. 30.

5. *Алейникова С.В.* «Русский мир»: белорусский взгляд. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 34.

6. Там же. – С. 150.

7. *Косов А.П.* Указ. соч. – С. 34.

8. Там же. – С. 35.
9. Там же. – С. 44.
10. Там же. – С. 40.
11. Там же. – С. 39.
12. Там же. – С. 49.

И.В. Коледа

(г. Минск, Республика Беларусь)

БЕЛОРУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ 1920-Х – 1930-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы осуществления национальной политики, известной как белорусизация, и роль национальной интеллигенции в ее проведении. Определяющую роль в судьбе белорусской интеллигенции сыграла кампания по борьбе с «национал-демократизмом», ставшая результатом формирования командно-бюрократической системы, режима личной власти и всеобщей подозрительности. Опасность для этого режима представляла и национальная интеллигенция, по которой и был нанесен первый удар.

Ключевые слова: национальная политика, белорусизация, национальная интеллигенция, «национал-демократизм».

I. V. Koleda

(Minsk, Republic of Belarus)

BELARUSIAN INTELLIGENTIA IN THE NATIONAL PROCESSES OF THE 1920S – 1930S

Abstract. The article deals with the problems of implementing the national policy, known as Belarusianization, and the role of the national intelligentsia in its implementation. The decisive role in the fate of the Belarusian intelligentsia was played by the campaign against «national democracy», which was the result of the formation of a command-bureaucratic system, a regime of personal power and general suspicion. The national intelligentsia also posed a danger to this regime, against whom the first blow was dealt.

Key words: national policy, Belarusization, national intelligentsia, «national democracy».

В истории Беларуси 1920-е гг. стали временем проведения политики национально-культурного строительства, известной как белорусизация. Это десятилетие называют «золотым», имея в виду произошедший в это время взлет интеллектуальных сил белорусского народа, стремительное развитие его культуры, науки, успехи народного образования, что, несомненно, содействовало росту национального самосознания.

С самого начала проведения белорусизации и на протяжении всего хода ее осуществления остро стоял вопрос участия национальной интеллигенции в проведении национальной политики, путей и методов подчинения ее партийному руководству, развития национального самосознания. Решались эти вопросы неоднозначно: здесь столкнулись два взгляда и два подхода, которые можно определить как жесткий, административно-силовой и более умеренный, профилактически-воспитательный. По мере того, как набирала силу политика установления однопартийной системы, первый подход становился единственно правильным.

Уже в конце 1920-х гг. в республике начинает разворачиваться кампания по разгрому так называемого «национал-демократизма», которая определила коренной поворот в проведении белорусизации. И если первоначально «национал-демократизм» определялся как тенденция «ставить национальные интересы выше классовых», то позже его политические оценки стали искусственно заостряться вплоть до проведения аналогий с национал-фашизмом [1].

Все чаще обвинения в поддержке идеологии «национал-демократизма» стали звучать в адрес белорусской интеллигенции. Впервые об этом было заявлено в сентябре 1925 года А.И. Криницким, первым секретарем ЦК КП(б)Б, на собрании Минской городской партийной организации: «Отмечается неизбежное при росте хозяйства возрастание тяги некоторых элементов мелкобуржуазной интеллигенции к национально-демократической платформе, особенно под влиянием зажиточного крестьянства...» [2].

А в скором времени борьба с интеллигенцией как лучшей, национально сознательной частью, которая выступала против партийного диктата, становится официальной политикой. Свою роль в этом сыграла комиссия ЦКК КП(б) Украины во главе с ее председателем В.П. Затонским, изучавшая практику проведения национальной политики в БССР. Выводы ее были следующими: национал-демократизм в республике перешел в открытое наступление; подчеркивалась чрезмерная роль интеллигенции в политической жизни республики, с настроением которой считается партийное руководство; ставилась задача остановить «чересчур затянувшуюся политику подстраивания под верхушку интеллигенции», а также «примиренческие отношения к различным уклонам» [3].

Деятельность комиссии стала началом национальной трагедии. Политические оценки национал-демократизма стали искусственно заостряться вплоть до проведения аналогии с национал-фашизмом, под которым стали понимать враждебную советскому строю идеологию и практику, контрреволюционные течения, цель которых – реставрация капитализма в БССР и ориентация на Запад [4]. И если вначале национал-демократизм рассматривался как националистическое течение, которое может возникнуть на мелкобуржуазной основе у любой нации, то позже он приобрел оценку именно белорусского национализма. Более того, главной опасностью в осуществлении национальной политики в Беларуси стали считать именно белорусский национал-демократизм [5]. При этом полярно менялись оценки прошлого – уже все национально-освободительное движение без какой-либо дифференциации, начиная с Ф. Богушевича, было объявлено реакционным.

Такое определение требовало выявления конкретных врагов, причем объединенных в крупные антисоветские организации. Обвинения в национал-демократизме все чаще стали звучать в адрес таких известных партийных и государственных деятелей, как Д. Жилунович (председатель Белгосиздательства), В. Игнатовский (президент Академии наук Беларуси), Д. Прищепов (нарком земледелия), А. Балицкий (нарком просвещения) и др., особенно тех из них, кто до вхождения в КП(б)Б состоял в

организациях революционно-демократического направления. В ходе кампании по расследованию «нацдемовщины» критика нередко направлялась и против председателя ЦИК БССР А. Червякова. На XVI съезде КП(б)Б в 1937 г. он подвергся явно инспирированным злым нападкам со стороны руководства и делегатов съезда. Ему было предъявлено обвинение в том, что он является идейным вдохновителем и руководителем национал-оппортунистического уклона в КП(б)Б и «нацдемовского движения в целом».

Таким образом, с укреплением административно-командной системы политические оценки «национал-демократизма» становились все более острыми, и вскоре дело дошло до серьезных обвинений большой группы белорусской интеллигенции, вплоть до обвьявления ее противником советского строя. Апогеем этой кампании стало сфабрикованное с начала до конца дело, получившее название «Союз освобождения Беларуси». В конце 1929 – начале 1930-х гг. будто бы за принадлежность к этому Союзу было осуждено более 0 человек, главным образом, работники науки, культуры, искусства и ряда наркоматов республики (нарком просвещения А. Балицкий, директор издательства «Беларусь» П. Ильюченок, нарком земледелия Д. Прищепов и др.). Руководство этой организацией приписывалось Я. Лёсику, С. Некрашевичу, В. Ластовскому – академикам АН БССР. Всем им было предъявлено обвинение в стремлении свергнуть советскую власть и установить белорусскую буржуазную государственность. Как результат – различные сроки заключения, высылка, а в 1937 г. почти все, кто проходил «по делу СОБ», были осуждены повторно и приговорены к высшей мере.

Под флагом борьбы с «нацдемовщиной» сильный удар был нанесен по разным группам творческой интеллигенции. По неполным данным в 1930-е годы было осуждено около 90 членов Союза писателей Беларуси, из которых более 50-ти погибли в лагерях и тюрьмах. Среди них такие выдающиеся деятели культуры, основоположники современной белорусской литературы, как М. Горецкий, В. Голубок, М. Чарот, М. Зарецкий и др. Более 100 ученых лишилась в те годы АН БССР [6]. В

результате массовых репрессий была уничтожена значительная часть работников искусства, образования.

С точки зрения официальной идеологии того времени опасность для режима представляли и школьные учителя, т. к. именно на них будто бы опирались в своей контрреволюционной деятельности белорусские нацдемы и среди них вербовали своих сторонников. Тоталитаризм изгонял из школы наиболее образованных, национально сознательных учителей. С начала 1930-х гг. репрессии среди учителей приобрели массовый характер, аресту подвергались уже не по одному, а целыми группами. И что мог противопоставить этому рядовой учитель, кто мог его защитить, если даже наркомы просвещения не могли защитить себя, свою жизнь? Одного за другим по политическим обвинениям исключают из партии, снимают с постов, а потом арестовывают и приговаривают к высшей мере наказания наркомов просвещения А. Чернушевича, А. Дьякова, В. Пивоварова.

Немало учителей было арестовано без каких-либо оснований. На их место приходили, как правило, люди малоподготовленные, без специального образования (основной состав учителей имел среднее и незаконченное среднее образование, как, например, нарком просвещения Е. Уралова, назначенная на эту должность в июле 1938 года, имевшая начальное образование). Разумеется, что все это не могло не отразиться на уровне работы общеобразовательной школы.

В скором времени уже само обучение на белорусском языке становится аргументом для обвинения в «национал-демократизме». Так случилось с талантливым ученым, ректором Белорусского государственного университета В. Пичета, которого обвинили еще и в прозападной ориентации за то, что в университете преподавание велось на белорусском языке и читались курсы лекций по «Истории славян» и «Истории Польши».

Под видом борьбы с национал-демократизмом из ВУЗов были исключены известные ученые, сторонники белорусизации, прекрасно знавшие историю, язык, культуру народа. Новых же

сотрудников высшей школы, пришедших на их место, мало волновали национальные интересы.

В своем развитии остановились целые направления белорусской науки. В 1938 г. были закрыты Институт философии и советского строительства и Физико-технический институт по причине того, что в них практически не осталось сотрудников. В распоряжение Госплана БССР перешел Институт экономики.

На долгие годы были подорваны основы для успешной подготовки национальных кадров и развития науки и культуры. Интеллигенция ВУЗов, подчиненная партийным и классовым принципам, вынуждена была приспособливаться к проводимому курсу. Это снижало творческий потенциал, не лучшим образом отражалось на качестве работы преподавательских кадров.

После «дела СОБ» официальная пропаганда направила свое внимание на литературное направление, где, якобы, наблюдалась активизация нацдемовщины. В скором времени были арестованы известные белорусские писатели – С. Граховский, А. Звонк, С. Шушкевич, В. Ходыко и др.

Обстановка растерянности и страха перед завтрашним днем не способствовала созданию условий для творческой работы писателей и поэтов, свободному выражению взглядов на действительность. Люди стали бояться один одного, избегать встреч и друзей. Массовые аресты привели к тому, что в 1938 г. литераторы находились в состоянии творческой депрессии, моральной подавленности.

В 1930-е гг. перед литературой была поставлена задача служения новому лозунгу времени – «социалистическому строительству». Основным методом литературы был объявлен метод социалистического реализма, главный принцип которого – «правдивое историко-конкретное отражение действительности в ее революционном развитии».

Результатом всего этого стало снижение духовного и художественного уровня литературных произведений. И закономерно, что именно вторая половина 1930-х гг. оказалась особенно бедной в творческом отношении.

Метод социалистического реализма, классовый подход доминировали не только в литературе, но и в театральном и

музыкальном искусстве. Творческий процесс был под контролем цензуры, правительственных и профессиональных организаций, которые настаивали на том, что необходимо, как в театральных постановках, так и в музыкальных произведениях, отказываться от тем исторического прошлого и искать актуальные темы в современности.

В белорусском театре были запрещены почти все лучшие постановки 1920-х гг. Были сняты из репертуара спектакли по пьесам А. Мировича «Кастусь Калиновский», «Машека», М. Чарота «На Купалье», В. Шешелевича «Опрометная», Я. Купалы «Тутэйшыя», пьесы Ф. Олехновича.

Под вывеской борьбы с национал-демократизмом с ведома художественного отдела Наркомата просвещения БССР начинается чистка художественного наследия. Ряд художников обвинили в следовании буржуазному западноевропейскому искусству. Так, в образах художника М. Филипповича (автор таких полотен, как «Ночь на Ивана Купалу», «Битва на Немиге», «Восстание К. Калиновского») была найдена идеализация прошлого, отражение народных предрассудков и кулацких настроений. А участие художника в экспедициях, как и сам факт поездок с целью зарисовок древних церквей и церковного оборудования, было расценено как враждебная деятельность национал-демократов.

От художников все чаще требовали показывать жизнь с пафосом монументальности, прославления высшего руководства. Тех, кто с этим не соглашался, подвергали критике как со стороны партийного руководства, так и со стороны руководства Союза художников. И уже даже самые прославленные художники (чтобы оправдать это звание и просто выжить) вынуждены были приспособливаться, отражать то, что диктовала официальная пропаганда.

Художники-графики были раскритикованы за стремление возродить традиции Скорининской библии, что расценивалось как проявление нацдемовщины в искусстве. Ответом на призыв партии «выкорчевывать» идеализацию прошлого Беларуси стала кампания по уничтожению работ, которые можно было подогнать под эту категорию.

Начинается регулярная чистка библиотек от нацдемовской и другой «вражеской» литературы, что в действительности приводило к отказу от всего национального в литературе и истории. Было запрещено использование учебников по истории белорусской литературы М. Горецкого, языку – Я. Лёсика, географии – А. Смолича, истории – В. Игнатовского и др. Уничтожались произведения В. Дубовки, Я. Пуци, Т. Гартного. Под запретом оказались журналы «Возвышение», «Пламя», издания Института белорусской культуры по гуманитарным дисциплинам. Органы Главлита вели постоянный контроль за процессом уничтожения в библиотеках «классово вражеской» литературы. А с принятием постановления о порядке сохранения книжных фондов в массовых библиотеках (1933 г.) были заложены основы создания «специальных» хранилищ, куда попадала запрещенная литература. Фактически, белорусская книга стала представлять собой немалую опасность.

В результате этой кампании уничтожались музейные экспонаты, которые были собраны стараниями ученых, уничтожался богатый этнографический и фольклорный материал, старопечатные книги и рукописи. Попытки спрятать, сохранить их были небезопасны. Да и некому было практически заниматься сохранением культурно-исторических памятников. Большая часть представителей интеллигенции, тех, кто был непосредственно связан с возрождением культуры, искусства и науки белорусского народа, была репрессирована.

Нельзя сказать, что разгром национал-демократизма был узко локальным, специально задуманным ударом против национальной интеллигенции. Он был результатом формирования жесткой, командно-бюрократической системы в целом, основанной на режиме личной власти и всеобщей подозрительности. Такой режим не мог терпеть самостоятельность ни в экономике, ни в национальной политике, не хотел мириться с самостоятельностью местных кадров. Опасность для этого режима представляла и национальная интеллигенция, по которой и пришелся первый удар.

Примечания

1. Третья сессия ЦИК БССР IX созыва. 10-16 декабря 1930 г. Стенографический отчет. – Минск.: Изд-во ЦИК БССР, 1931. – С. 43–44.
2. *Криницкий А.И.* Особенности внутрипартийного положения КП(б)Б. Доклад на собрании бюро ячейки Минской городской организации КП(б)Б 18 сентября 1925 г. – Минск: Изд-во газеты «Звезда», 1925. – С. 7–8.
3. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 196. – Л. 108–109.
4. Третья сессия ЦИК БССР IX созыва. 10-16 декабря 1930 г. – С. 3–4.
5. *Синекевич А.* За ленинскую линию в нацполитике // *Полымя.* – 1930. – № 11. – С. 164–165.
6. *Лыч Л., Новицкий В.* История культуры Беларуси. – Минск: ВП «Экоперспектива», 1997. – С. 301.

Д.К. Перенижко

(г. Краснодар, Российская Федерация)

ТРОФЕЙНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ В ПЕРИОД МАЛОКАРТИНЬЯ В СССР

Аннотация. После окончания Второй мировой войны экономика Советского Союза переживала сложный период. В том числе невероятно сильно пострадала и отрасль кинопроизводства и кинопроката. В данных условиях требовалось не просто наладить работы данной сферы, а, практически полностью ее перестроить, однако такие масштабные преобразования требовали, как огромных материальных ресурсов, которые в таких условиях тратились в первую очередь на восстановление стратегически важных отраслей промышленности, так и времени. В связи с этими особенностями производить в стране достаточно кинокартин для удовлетворения спроса было невозможно, поэтому, в качестве замены были использованы фильмы, захваченные в Рейхсфильмархиве в ходе штурма Берлина. Данные картины получили название трофейных.

Ключевые слова: кинематограф, малокартинье, СССР, трофейный кинематограф, кинофильмы, Вторая мировая война, кинопрокат, экономика, Германия, репертуар.

D. K. Perenizhko
(Krasnodar, Russian Federation)

TROPHY CINEMATOGRAPHY IN THE PERIOD OF SMALL PICTURES IN THE USSR

Abstract. The economy of the Soviet Union experienced a difficult period after the end of the World War II. The industry of film production and film distribution was also incredibly hard hit. Under these conditions, it was necessary not only establish the work of this sphere, but also completely rebuild it. However, such large-scale transformations required both huge material resources, which in such conditions were spent primarily on the restoration of strategically important industries, and time. Due to these features, it was impossible to produce enough films in the country to meet demand, therefore, films captured from the Reichsfilmarchiv during the storming of Berlin were used as a replacement. These movies were named trophy.

Key words: cinematography, small picture, USSR, trophy cinematography, films, World War II, film distribution, economy, Germany, repertoire.

Во второй половине 1940-х гг. экономика Советского Союза переживала не лучший период. Разрушения, которые оставила за собой война, оказали сильнейшее воздействие на развитие страны и большая часть государственных средств уходила на восстановление экономики. В первую очередь упор делался на развитие тяжелой промышленности и сельского хозяйства для обеспечения населения едой. В таких условиях необходимо страдали практически все отрасли, связанные с производством развлекательной и культурной продукции, в том числе и в особенности кинематограф, поскольку создание даже одной киноленты требовало огромных затрат, которые государство не могло на себя взять в связи с ограниченным бюджетом.

Данные обстоятельства привели к тому, что страна вошла в так называемый период малокартинья, когда за год выпускалось всего несколько кинофильмов, в основном на крайне необходимые для государства темы, которые не могли в полной мере удовлетворить зрительский интерес. Причем сложность положения усугубляло то, что именно в первые послевоенные

годы в СССР спрос на развлечения и разнообразные культурные мероприятия был крайне высоким. Население устало от ужасов военного времени, а жизнь после победы не стала легкой, поскольку требовались огромные человеческие ресурсы для восстановления экономики, и люди искали в кинематографе, цирке и театре способ уйти от проблем обыденной жизни.

В то же время в СССР принимается план четвертой пятилетки, согласно которому после войны Советский Союз потерял около 8 тысяч кинотеатров и в послевоенное время государство ставило задачу не только полностью восстановить отрасль кинопроката, но и увеличить количество залов даже по сравнению с довоенным числом. Помимо этого, стояло и требование увеличить число зрителей [1].

Также была полностью пересмотрена концепция создания новых кинолент, так, в 1930-е г. большая часть как производства, так и проката была сосредоточена в центральной части Советского Союза, а остальные республики развивались неравномерно и в итоге существовал достаточно серьезный разрыв в количестве зрителей между республиками. Эту специфику необходимо было менять, и за годы четвертой пятилетки отрасль должна была быть перестроена таким образом, чтобы максимальное количество зрителей смогло посетить кинозалы. Для реализации данной политики необходимо было, во-первых, произвести достаточно кинооборудования, которое в первую очередь включало в себя проекционные установки, а, во-вторых, следовало обеспечить хорошо отлаженную логистику, что включало в себя в основном производство специализированных автомобилей, перевозящих киноплёнку и проекторы между местами проката [2].

Итогом развития отрасли в период с 1946 по 1950 гг. должно было стать увеличение количества кинотеатров практически вдвое по сравнению с 1945-м г., а также повышение годового количества зрителей с 573 млн. человек до 1100 млн человек [3]. Однако данный проект развития кинематографа в СССР практически не ставил вопрос о серьезном увеличении количества кинолент, прокатываемых по всей стране, а также не учитывал разнообразие жанров данных фильмов, а именно в этом

и была большая проблема, поскольку одной из характерных черт советского кинематографа во второй половине 1940-х гг. являлось репертуарное однообразие. В основном, все ленты, которые выходили в прокат были не развлекательными, а скорее направленными на отражении на экранах идеологически важных тем, что, хоть и вполне нормально в такое сложное время, но тем не менее лишало массового зрителя картин, которые ему наиболее интересны, картин, где в первую очередь показывается жизнь обычного рядового человека.

Нашелся крайне необычный способ одновременно удовлетворить потребность общества в новых кинокартинах и при этом не тратить огромные средства на их производство. Этим способом являлся показ фильмов, которые были захвачены войсками во время штурма Берлина в апреле 1945 г. Дело в том, что Рейхсфильмархив, в котором хранились копии всех кинолент, выходящих в широкий прокат в Германии в 1930–1940-е гг., содержал в себе не только кинофильмы, пропагандирующие идеологию нацизма, но и огромное количество работ, направленных именно на среднестатистического зрителя.

Идея о прокате кинолент, захваченных в Германии, по всей видимости принадлежала непосредственно высшему руководству страны, поскольку многие из этих фильмов отсматривались и министром кинематографии И.Г. Большаковым, и И.В. Сталиным. И поэтому, даже когда у данного процесса возникали противники (а они были и среди населения, и среди партийных работников), процесс кинопроката не прекратился, тем более что большинство приняло новые фильмы с интересом, а разнообразные службы и ведомства даже писали заявки на специальные показы для работников [4].

Первым фильмом из списка трофейных, вышедших на широкий экран в СССР стала лента «Девушка моей мечты» режиссера Георга Якоби, причем картина даже не была переведена на русский язык в привычном аудио формате и показывалась с субтитрами и обязательной для всех трофейных кинокартин припиской в начале, в которой говорилось: «Этот фильм взят в качестве трофея». Важной отличительной чертой, которая и сделала возможным прокат немецкого кинофильма в

послевоенном СССР являлся тот факт, что в нем практически не было никакой нацистской символики (скорее всего специально, чтобы иметь возможность показа картины и в других странах) [5].

К концу 1947 г. в Советском Союзе на экраны уже было выпущено 8 лент, из списка трофейных, что составляло одну шестую часть всех картин, показанных в кинотеатрах в этом году [6]. В основном демонстрировались наиболее нейтральные из них, например, разнообразные мюзиклы (причем не только немецкие, однако американские кинокартины практически не выпускались на большой экран из-за проблем с авторскими правами). Помимо музыкальных работ были выпущены также серьезные драматические ленты, не несущие в себе антисоветских идей, либо же картины, снятые на нейтральную тематику.

В итоге за несколько лет с 1946 г. в СССР в прокат вышли 14 кинокартин из списка трофейных, что немного помогло советской кинематографии пережить сложный послевоенный период и добавить жанрового разнообразия на экраны.

Примечания

1. *Косинова М.И.* Советская кинофикация и кинопрокат во второй половине 1940-х годов. «Трофейное кино» – спасение киноотрасли в период малокартинья // Сервис+. 2015. – №3. – С. 59–61.

2. Там же. – С. 60.

3. Там же. – С. 60.

4. *Марьямов Г.* Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. – М., 1992. – С. 116–117.

5. *Маневич И.* За экраном. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 240–241.

6. *Кортунов В.В.* Имитация здравого смысла. Очерки по теории мировой культуры. – М., 2001. – С. 431.

И.М. Пономаренко
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ЧЕШСКАЯ ЖИВОПИСЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению развития чешской живописи второй половины XX в. в синтезе с политической обстановкой, которая сложилась в послевоенный период в ЧССР. Процесс становления искусства изучается с точки зрения идеологического влияния социализма на искусство ЧССР. Материалы конкретизированы работами таких художников, как Я. Славичек, М. Швабинский, А. Пельц, М. Бейка, В. Маковский, Я. Чумпелик и др. Помимо живописи в статье представлены материалы об искусстве художников, которые представляли оппозицию социалистическому искусству. Статья рассматривает также культуру и особенности плакатной живописи в ЧССР, а также одно из направлений искусства, которое имело популярность в Чехословакии, а именно филателию.

Ключевые слова: живопись, социалистический реализм, ЧССР, плакат, филателия, изобразительное искусство.

I.M. Ponomarenko
(Krasnodar, Russian Federation)

CZECH PAINTING OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY IN THE CONTEXT OF THE SPIRITUAL HERITAGE OF THE SLAVIC PEOPLES

Abstract. The article is devoted to the development of Czech painting in the second half of the XX century in synthesis with the political situation that developed in the post-war period in the Czech SSR. The process of art formations studied from the point of view of the ideological influence of socialism on the art of the Czech SSR. The materials are concretized by the works of artists such as I. Slavichек, M. Shvabinsky, A. Pelts, M. Beika, V. Makovsky, Ya. Chumpelik, etc. In addition to painting in the context of ideological influence, the article presents materials about the art of artists who represented opposition to socialist art. This article examines not only classical subjects of painting, but also the culture and features of poster painting in the Czechoslovak Republic, as well as one of the art directions that was popular in

Czechoslovakia, namely philately. The consideration of philately is supported by the consideration of a few festivals held in Czechoslovakia.

Key words: painting, socialist realism, Czechoslovakia, poster, philately, fine art.

Духовная жизнь является одной из сфер жизни общества, которая позволяет сформировать представления о мире, удовлетворяет потребности человека в прекрасном, а также объединяет людей. Однако рассмотрение чешской культуры невозможно вне контекста, который сложился к середине XX в. во всех сферах жизни общества.

Окончание Второй мировой войны в 1945 г. позволило частично восстановить государственность Чехословакии на прежних территориях, исключением являлась Подкарпатская Русь, которая стала частью УССР. 28 октября 1948 г. образовано Временное национальное собрание Чехословацкой Республики [1]. В мае 1946 г. прошли выборы в Национальное учредительное собрание. По итогам выборов первое место заняла Коммунистическая партия Чехословакии (далее КПЧ), второе – Чешская национально-социальная партия (далее ЧСНП), третье – Чехословацкая народная партия (далее ЧНП), четвертое – Чешская социал-демократическая партия (далее ЧСДП). Президентом был избран Э. Бенеш, а председателем правительства – председатель КПЧ К. Готвальд.

В государстве установился восточноевропейский коммунистический строй. Искусство социалистических стран в послевоенные годы образует новую интернациональную историко-художественную общность, основанную на социалистической идеологии, которая является единой по социальному статусу и функциям. Единство выражается в утвердившихся общих для всех социалистических стран основных принципах взаимодействия художественной жизни и культурной политики правящих партий, сопровождающихся созданием творческих объединений художников и архитекторов.

Искусство социалистическое, в отличие от предшествующего, во всех проявлениях трансформировалось в идеологическую деятельность, в первую очередь, решающую

задачи воспитания общества. В отличие от искусства модернизма, основными принципами являлся не поиск новых способов выражения, а совершенствование прошлого опыта. В искусстве социализма утверждаются принципы социалистического реализма, народности творчества, партийности.

В связи с указанными выше тенденциями искусство укореняется в социально-политической жизни и отражает ситуацию, которая складывается в тот или иной исторический период в различных национальных условиях [2].

Одним из жанров живописи, получившим особую популярность стала пейзажная живопись. Природа становится не просто проецированием вида той или иной местности. Пейзаж объединяется с темой истории, новой жизни и родины, в связи с чем тематическое начало задает глубокое композиционное построение картины и создает крупный масштаб эмоционального мира пейзажа, бытие которого наделяется общественным смыслом.

Одним из примеров данного направления, иллюстрирующим указанные выше суждения, являются работы Я. Славичека, на которых в отличие от творений предшественников взор смотрящего обращается не на действительность, а лишь на самые праздные здания города, автор будто намеренно детализирует здания, которые являются визитной карточкой города, и стилизует обыденные здания города.

Социальность как принцип художественного творчества наиболее преимущественно нашла выражение в тематической живописи. Именно в данном направлении социалистического искусства были сконцентрированы существенные особенности искусства того времени. Основу полотна составляет изображение реального или выдуманного события, которое вбирает в свое движение всех его участников и их окружение. Особенно примечательным является то, что ход события и его конечная точка поэтапно раскрываются в глазах смотрящего, что создает эффект ожившей картины. Примечательным является то, что структурная логика при этом отходит на второй план, поскольку всё внимание концентрируется на действии. Суждение о

событиях, представленных в тематической картине, тяготеет к исчерпывающей наглядности, ясности, трактовка формы – к законченности. Большинство полотен наделены социальным смыслом, в связи с которым выделяется несколько композиционных клише, таких как сцены труда, революционные подвиги пролетариата, а также общественные собрания.

Новые политические реалии означали и уход от предыдущих тенденций в области живописи. Первый этап формирования искусства Чехословакии ознаменован активной деятельностью художников старшего поколения, таких как М. Швабинский, А. Пельц, М. Бейка, В. Маковский и др. Популярность набирали авторы, продолжавшие тенденции сюжетной живописи XIX в. Одним из таких являлся Я. Чумпелик. Роль Чумпелика объясняется тем, что он одним из первых обратился к современности, а именно к социалистической реальности. Творение Чумпелика «На рассвете февральского дня», написанное в 1951 г. и ныне хранящееся в Национальной галерее Праги, закрепилось в истории искусства Чехословакии. Картина посвящена февралю 1948 г., когда рабочие встали на защиту интересов пролетариата против заговора международной реакции. На картине автор создает цветовые акценты. Первое, на что обращается внимание смотрящего – это красные элементы на одежде, которые имеют явный идеологический окрас. Художник создал яркие образы представителей чехословацкого народа, которые исполнены мужества и уверенности в победе своего дела. Ряд работ автора в период 1949–1954 гг. не обрели такой же популярности.

Ряд художников, ранее являясь сторонниками нового искусства или же модернизма, не приняли новые реалии. Большинство из них нашли способ выражения творчества в иных формах искусства. Одной из таких является иллюстрация. Подобно создателям польских плакатов, они выражали свои замыслы и реализовывали свой творческий потенциал путем создания иллюстративных материалов для книг и плакатов.

Одним из представителей данного направления искусства является Винсент Гложник. Он был чехословацким художником-графиком, художником, иллюстратором и художником по

почтовым маркам. С 1937–1942 гг. Гложник учился в Высшей школе изящных искусств в Праге, где также работал профессором. В 1958 г. он стал профессором Художественной школы в Братиславе. Его творчество во многом связано с травматичным опытом, полученным им во время Второй мировой войны. Его основное внимание при этом уделялось человеческому существованию, но особенно негативным переживаниям страдания и боли [3]. Настроение является прямым подтверждением указанному выше. Большинство иллюстраций включают в себя непропорциональные деформированные тела людей без эмоций. А иллюстрации к Одиссее сопровождаются телами убитых животных и людей [4].

Одновременно с собственно художественным творчеством формируется служебная деятельность, обладающая не эстетическим, а чисто идеологическим значением и функцией. Одним из таких направлений являлось создание плакатов. Данное направление в ЧССР было не так популярно, как в иных странах социалистического лагеря. Большинство работ были обращены к военным темам, труду рабочих, а также идеологическому влиянию в контексте холодной войны.

Также приобрели актуальность не популярные ранее филателистические выставки. Проведение филателистических выставок в Праге имеет давние традиции. Первая специализированная выставка для филателистов, которая носила конкурсный характер, состоялась в 1914 г. Первая выставка с международным участием под названием «Прага» была организована в 1938 г. и стала самой крупной за всю историю первой Чехословацкой республики [5].

По окончании Второй мировой войны пражские филателистические выставки были возобновлены. В 1950 г. состоялась национальная выставка с несколько изменённым названием «Прага 1950», причём к участию в ней допускались только групповые экспонаты, представленные профсоюзными филателистическими клубами социалистической Чехословакии. На следующей выставке, которая проводилась в 1955 г. как международная, все ограничения по участию были сняты, а самой выставке возвращено прежнее название «Прага 1955» [6].

Одна из наиболее крупных выставок прошла в Чехословакии в 1962 г. и называлась «Прага 1962». Экспонаты выставки были размещены по странам, которые их привезли. Это стало отличительной особенностью «Праги 1962» и давало представление о развитии филателии в том или ином государстве.

Хозяева выставки, чехословацкие филателисты, демонстрировали наибольшее количество экспонатов — 310 коллекций и 11 литературных экспонатов, которые дополняла значительная экспозиция Министерства транспорта и связи республики [7].

Позднее филателистической выставки проходили в формате «Соцфилэкс», то есть только в пределах социалистических стран. ЧССР на протяжении всего существования являлась лидером в данном направлении искусства и многие художники, а именно В. Суханек, И. Винтер, А. Бруновский и др. реализовывали свой творческий потенциал с помощью создания почтовых марок и банкнот.

Дальнейшее развитие живописи Чехословакии значительно замедлилось. В условиях социализма, когда творчество подвластно идеологическому влиянию, искусство становится неестественным процессом, вступает в состояние кризиса. Деятели культуры стран Запада искали выход с помощью трансформации формата живописи с помощью «перфоманса» и «хепенинга» на улицах и площадях и др. Искусство социалистических стран развивалось во многом за счет тенденций, которые возникали в СССР.

В искусстве социалистических стран начиная с середины 1950-х гг. происходили большие потрясения, вызванные, развенчанием культа личности И.В. Сталина. Художественная политика, накрепко связанная с искусством, перенесла в него новые политические идеи и общественную нравственность этих лет.

Историческую инициативу в этой сфере осуществил XX съезд КПСС, и вслед за СССР определили свои позиции другие социалистические страны. В советской культуре новые освободительные процессы тех времен приобрели известную двойственность. За ними стояла политическая половинчатость,

недоговоренность исторической и современной правды; оттепель в общественной жизни сменялась крепкими заморозками. Вплоть до середины 1980-х гг. в искусстве предпринимались идеологические репрессии, нередко получало официальную поддержку самодовольное искусство, проникнутое чувством глубокого удовлетворения идеализированной жизнью и самого искусства.

Следует выделить ряд факторов, повлиявших на трансформацию искусства Чехословакии. Один из них – это несогласие части населения страны с идеологией государства. Другим являются политические события, которые произошли в период с 5 января по 21 августа 1968 г. и именуется в историографии как «Пражская весна». Политическая элита совместно с народом республики стремились к либерализации жизни. Ряд художников, не принимавших идеи социализма, отразили свои взгляды на полотнах.

Одним из таких является М. Медек. Ярким примером протеста в творчестве чешских художников является работа под названием «Большая трапеzia». М. Медек начал работать над картинами в то время, когда присоединился к группе чешских сюрреалистов. Это ключевая работа его периода «красной фигурации», с помощью которой автор оторвался от первоначального сюрреалистического вдохновения творчества Тойена и Хуана Миро. В начале 1950-х гг., в ответ на обострившуюся политическую обстановку, которая возникла вследствие перестройки экономической структуры ЧССР, «агрессия» стала главной темой Медько. В картине «Большая трапеzia», входящей в серию картин автора на тему «экшн», обычный бытовой мотив изменен использованием красного цвета, острых шипов и превращением человека в образы, лишь отдаленно напоминающих людей. Напряжение достигается за счет сосредоточения внимания на деталях и приостановки действий, продолжение которых привело бы к высвобождению разрушений [8].

И. Сопко очарован человеческой фигурой, изображенной в различных, даже банальных ситуациях с иронической гиперболой. Начиная с 1970-х гг., он сводит фигуры к

нескольким основным линиям и формам типичных цилиндрических объемов и шаровидных безволосых голов. И. Сопко подчеркивает простоту формы многогранным неопишуемым разнообразием цветов. Он является одним из ярких представителей искусства «чешского гротеска» [9].

Дальнейшее развитие живописи Чехословакии более не связано с идеологией социализма. Чешские мастера перенимают тенденции и опыт европейской живописи эпохи постмодерна. Художник, фотограф, музыкант и театральный деятель П. Никл в конце 90-х г. XX в. был участником группы художников «Тврдоглави». Уже в то время его творчество свободно колебалось среди всевозможных форм и жанров. Картина «Изгнание» является типичным примером постмодернистского цитирования более раннего искусства, в данном случае знаменитой фрески итальянского художника эпохи Возрождения Мазаччо в часовне церкви Санта-Мария-дель-Кармине во Флоренции. П. Никл использовал основной мотив фрески Адама и Евы, который сливается с фоном картины. Фигура ангела отсутствует. Вместо этого на телах двух фигурок появляются странные желтые рыльца [10].

Итак, живопись Чехословакии во второй половине XX в. претерпела значительные изменения. Предыдущий опыт был отсечен Второй мировой войной, поскольку сразу после нее чешский народ вступил на путь развития социализма. В силу особенностей развития социалистического искусства естественное развитие художественной мысли было затруднено, поскольку все, что выходило за рамки концепции социалистического искусства не принималось и считалось «лжеискусством». Тем не менее непродолжительное время в ЧССР развивалось совершенно иная живопись, а именно социалистический реализм, но в перспективе развитие данного направления оказалось невозможным в силу процессов стагнации в обществе. В то же время развивалась живопись, которая резко контрастировала с социалистическим реализмом – живопись протеста. Ряд художников, отрицавших идеи социализма, писали полотна, которые пересматривали понятие формы, цвета и вызывали скорее не чувство любви к родине, а ощущение

скованности и ограниченности, что позволяет увидеть настроение определенной группы людей, которые проживали в ЧССР. События «Пражской весны» стало точкой отсчета в либерализации жизни государства, что отразилось и на творчестве художников. Творцы пришли к пересмотру тех идей, которые ранее считались эталонными. Тенденции, возникшие в среде художников, следует именовать протестом. Позже, протест утратил свою актуальность и на смену пришли тенденции постмодерна, а именно – переосмысление прошлого. Таким образом, следует отметить, что живопись Чехословакии в XX в. несмотря на все трудности оставалась самобытной, а все явления, которые могли бы разрушить особенность чешской живописи, являлись временными, после чего традиция выступала в совершенно новом облике дополняя уже имеющийся опыт.

Примечания

1. 28. říjen 1945: Zahájení činnosti Prozatímního Národního shromáždění. URL: <https://www.psp.cz/sqw/cms.sqw?z=8363> (дата обращения: 15.08.2022).

2. Полевой В.М. Двадцатый век. Изобразительное искусство и архитектура стран и народов мира. – М.: «Советский художник», 1989. – С. 293.

3. Винцент Глозник // URL: https://artsandculture.google.com/entity/vincent-hlo%C5%BEh%C3%ADk/g_120hnf2t (дата обращения: 15.08.2022).

4. Коллекция картин В. Глозник // URL: <https://www.webumenia.sk/katalog?author=Hlo%C5%BEh%C3%ADk%2C%20Vincent&page=69> (дата обращения: 20.08.2022).

5. *Czech Philatel* // URL: <https://czechphilatelist.tripod.com/textentr.htm> (дата обращения: 19.08.2022).

6. Там же. (дата обращения: 15.08.2022).

7. Бернгард К. Форум филателистов земного шара // Советский коллекционер. – М.: Связьиздат, 1963. – С. 42–48.

8. National Gallery Prague. Mikuláš Medek // URL: https://sbirky.ngprague.cz/dielo/CZE:NG.O_11059 (дата обращения: 27.08.2022).

9. National Gallery Prague. Jiří Sopko // URL: https://sbirky.ngprague.cz/en/dielo/CZE:NG.O_16966 (дата обращения: 29.08.2022).

10. National Gallery Prague. Petr Nikl // URL: https://sbirky.ngprague.cz/en/dielo/CZE:NG.O_17294 (дата обращения: 29.08.2022).

И.В. Жуков
(г. Новосибирск, Российская Федерация)

ЗАБАВНЫЕ ПРОЗВИЩА ЗАПОРОЖСКИХ И КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

*На Руси есть такие фамилии, что только
плюнешь и перекрестишься, когда услышишь
Н.В. Гоголь*

Аннотация. Статья посвящена прозвищам запорожских и кубанских казаков. На основании архивных материалов автор прослеживает определенную преемственность в механизмах превращения прозвищ в фамилии.

Ключевые слова: Казаки, Запорожская Сечь, Черноморское казачье войско, Кубанское казачье войско, прозвища, фамилии

I.V. Zhukov
(Novosibirsk, Russian Federation)

FUNNY NICKNAMES OF ZAPORIZHZHYA AND KUBAN COSSACKS

*There are such surnames in Russia that only
spit and cross when you hear
N.V. Gogol*

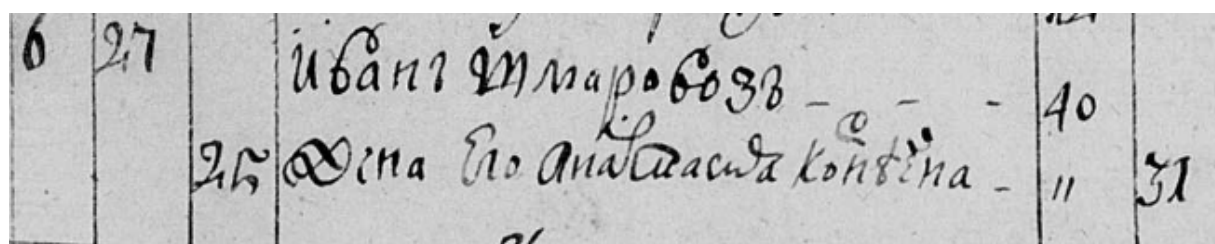
Abstract. The article is dedicated to the nicknames of Zaporizhzhya and Kuban Cossacks. Based on archival materials, the author traces a certain continuity in the mechanisms of transforming nicknames into surnames.

Key words: Cossacks, Zaporizhzhya Sich, Black Sea Cossack army, Kuban Cossack army, nicknames, surnames

Кто из нас не слышал о письме запорожцев турецкому султану! А любознательные наверняка читали его и хохотали, поражаясь дерзости и остроумию казаков. Запорожцы умудрились вместить в письмо османскому владыке всё самое обидное и оскорбительное, в общем дали полёт своей фантазии, показав глубокое знание истории, географии и зоологии. Как

известно, в Войске Запорожском Низовом (Запорожской Сечи) народ был разный. Встречались и высокообразованные люди, семинаристы (бурсаки), даже выпускники Киево-Могилянской Академии и европейских университетов. Например, войсковой канцелярист Тимофей Богдановский переводил письма с польского и латинского языков. Формулярный список атамана Черноморского казачьего войска П. Бурсака, начинавшего службу в Войске Запорожском, свидетельствует, что помимо русской грамоты он владел латынью [1].

Многие, приходя на Сечь, отказывались от своих прежних фамилий. Причины были разные: беглые крестьяне и солдаты старались затеряться, у кого-то были проблемы с законом. Иногда, как в романе А. Дюма с Атосом, причиной смены прозвища было понижение социального статуса. И *войсковое товариство* давало им новое прозвище. Вот тут старые запорожцы давали волю фантазии, а уж с чувством юмора у них было в порядке. Мы привыкли, что многие из прозвищ запорожских казаков вызывают улыбку: Бородавка, Безштанько, Безплотный, Бардак, Забияка, Ведьма, Гнида, Ковбаса, Тупиця, Поганый (был ещё Иван Поганив родич), Балуйкобылиц, Поцилуйко, Черномаз, Распутный, Закатигуба, Раздобудько, Задуйветер, Загубисало, Немийчашка, Скубосрацкий, Шахрай (мошенник), Пропийсвита, Шмаровоз.

В реестрах и компутах Войска Запорожского Низового встречаются Философы, Слон, Обезьян, Фараон, Пилат. В Корсунском курене был казак Грицко Президент. В исповедных росписях с. Мачухи Полтавского полка за 1771 г. записан вдовый казак Иоан Христос 69 лет [2]. Были в Мачухах и казаки по прозвищу Костогрыз.

Титул		Место	
Люди		Место	
		БОЕНИЕ И ИХЪ ДОМАШНІЕ	
19	52	" павло гавриловъ постоупицъ	36 "
"	"	48 Елена Ево меличанъ	" 31
"	53	" гвотти иахъ шурма	16 "
"	54	" афанасій	9 "
"	"	49 агафита	" 4

Прозвище Стронец встречается в Вышестеблиевском, Ивонивском и Леушковском куренях, в Джерелиевском был Михайло Срам. Козаки по прозвищу Спотыкач были в Васюринском и Тимошевском куренях, в Сергиевском Фёдор Колотнеча (*колотнеча* в украинском языке – потасовка). Потомки Фёдора Колотнечи проживают на Кубани, в частности, мой друг, носитель этой фамилии. Его мама рассказывала: когда выходила замуж, бабушка говорила: «У всех зяти як зяти, а в мэнэ то Варывода, то Богомаз, а тэпэр щэ й Колотнэча». А сестра Варыводы вышла замуж за Костоглота.

Много прозвищ встречается со словами Борщ, Сало, с глаголами Загуби, Убий, Раздай и т.п. Например, Загубибатько, Загубигорилка, Загубиштаны, Загубисало, Неижсало, Незовибатько. В Калниболотском курене был Василь Несолиборщ.

8	92	Андрей Засиди батко	56
		Анашо	44
	84	Матвій	16
		Одети нх	13
	93	Полуб	10
	94	Сильє	4
	85	Еф ^{ан} Ролшия	
	86	Стюбия	
	95	Самий Засиди батко	43
		Анашо	32
	87	Васия	3
		Одети нх	
	96	Елизави	30

Исповедная роспись церкви Рождества пресвятой Богородицы села Камянского Старокодацкой Запорожской наместии за 1769 год [3].

55	233	Семанъ Іосифовъ	47
		Буби полудитъ	
	233	Реня по пяттизана	42
	234	Стефанъ Синзѣ	18

На основе материалов Архива Коша Новой Запорожской Сечи была составлена таблица некоторых прозвищ, встречавшихся у запорожских казаков.

Загуби	Загубибатько, Загубигорилка, Загубиштаны, Загубисало, Загубисетка, Загубидуша, Загубиполудень, Загубипалец, Загубисундук, Загубиконь
Убий	Убийсобака, Убийвовк, Убийжинка, Убийбатька, Убийконь
Сало	Загубисало, Неижсало, Салогуб, Салогуз
Неиж (Не ешь)	Неижмак, Неижборщ, Неижсало, Неижкаша, Неижмасло
Непей	Непейпиво, Непейбраги
Свечка	Задависвечка, Задуйсвечка, Заплюйсвечка
Гора	Подопригора, Вернигора, Вершигора, Копайгора, Перевернигора
Вовк (Волк)	Убийвовк, Вовкоморенко, Вовкодав, Вовкорез, Курячий Вовк, Переймивовк, Вовкогон, Ревивовк, Побийвовк
Гуз	Кривогуз, Гологуз, Слабогуз, Черногуз, Товстогуз, Салогуз, Вислогуз, Свербигуз, Деригуз
Дави	Давибаба, Давибаран, Давибида, Давиборщ, Давигора, Давимука, Давимуха
Дери	Дерибаба, Деримедведь, Дерипаска, Дерикорчма
Душа	Продайдуша, Загубидуша
Тягни	Тягнирядно, Тягнибеда
Пали	Палиборода, Паливода, Палиус, Стрижиус, Замниус
Беда	Гнибеда, Куйбида, Загляньбида, Нагнибеда, Переймибеда, Роздайбеда
Полтора	Пивторакожуха, Пивторабатько, Пивторапавло, Пивтораус, Пивторанос, Пивторашапка, Полторифески
Свечка	Задависвечка, Заплюйсвечка
Лупи	Лупинос, Лупиберёза, Лупирыба
Ветер	Задуйвитер, Нечуйвитер, Затуливитер
Муха	Пидкуймуха, Хватаймуха
Борода	Майборода, Покиньборода, Палиборода
Подкуй	Подкуйбида, Подкуймуха, Подкуйкошка
Раздай	Раздайвода, Раздайбеда

Много было двухсоставных прозвищ. Казаки с прозвищем Кобыляча Голова были в Полтавском (Прокоп) и Сергиевском куренях (Демьян, Денис), в Васюринском курене были Степан Полторы Головы, Роман Песья Сила и Гаврило Переймичовник. В Кущёвском курене записан Онисько Купикобыла, в Тимошевском Олекса Умойморда, в Дядьковском Кирик Убийсобака, а в Ивонивском Антон Печёный Рак.

Как известно, на Сечь не допускались женщины. В Васюринском курене записан Денис Стриляйбаба, в Пластуновском Василь Стриляйбаба и Семён Валяйбаба. В Кореновском Илько Убийжинка и Иван Утопиказан. Дальше ещё интересней. В Каневском курене казаки Грицко и Демко, а в Минском Иван имели прозвище Курячий Вовк (Куриный Волк). В Батуриновском курене записан Максим Собачий Сын, в Деревянковском Иван Чортов Унук, а в Мышастовском Иван Курипячий Самец [4].

С.В. Корягин написал в своё время статью «Непристойные фамилии донских казаков». Были непристойные прозвища и у запорожцев. В Ирклиевском курене был казак Терешко Пердун, в Пластуновском Иван и Павло Пердухи, в Величковском Яким Манда, в Мышастовском Харько Засрацкий, а в Ведьмедивском Евтух Матня. Бздуны были в Васюринском (Степан) и Поповичевском (Павло) куренях. Некоторые прозвища покажутся современному читателю неприличными, хотя в XVIII веке они имели совсем другое значение. Например, казаки по прозвищу Гей, Педик не имели никакого отношения к сексуальным меньшинствам, скорее наоборот. За содомский грех на Сечи полагалась смертная казнь или жестокое побитие киями (палками). Залупейко и Залупейченко были в Деревянковском (Олекса), Корсунском (Грицко) и Крыловском (Яцко) куренях, в Минском был Иван Залупенко. *Лупий* в украинском языке – шелушащаяся кожа, перхоть.

Просматривая Архивы Коша Новой Запорожской Сечи, можно предположить, откуда черпали имена своих героев некоторые детские писатели и поэты, юмористы. Во 2-м томе Архива Коша я обнаружил казака Стеблиевского куреня Семёна Айболита (правда не уточнено, какого куреня именно,

Вышестеблиевского или Нижестеблиевского) [5]. Этот Айболит в компании своих товарищей, одного из которых, между прочим, звали Петро Великий, отогнали в 1749 г. у донских казаков табун лошадей в 114 голов, за что и были привлечены к следствию. В «Реестре Войска Запорожского Низового 1756 года» встретился казак Каневского куреня Демко Цокотуха (впоследствии один из участников бунта против старшин). Начал искать других персонажей Корнея Чуковского, казаков Бармалея, Крокодила... Козак Андрий Коркодило нашёлся в Полтавском курене [6]. Мойдодыра не нашёл, но есть два неумываки, Самойло Невмивака в Пластуновском курене и Фёдор Невмивака в Сергиевском [7]. Бармалея нема, но есть Обезьян. Есть в Реестре и Тарапуньки, в Вышестеблиевском курене Матвей, а в Шкуринском Оникій [8]. А Незнайки были обнаружены в местечке Шишаки Миргородского полка [9].

В компутах Миргородского полка встречаются следующие прозвища-фамилии: Херувим, Галилей, Неижмак, Неижкаша, Неижмасло, Непейпиво, Кривогуз, Гологуз, Слабогуз, Позивайбабенко, Порубайвоз, Кладигуб, Стрижибовт, Завалипечь, Беспровзисько, Господидай, Нечитайло, Убийвовк, Убийконь, Вовкоморенко, Малохатка, Голокозенко, Сивокобылка, Грицко Чортов зять [10]. Мои предки проживали в сотенном местечке Шишаки Миргородского полка. В Шишаках проживали казаки Смолоножки, Дупаки, Дупаченко (дупа – задница) и Незнайки [11].

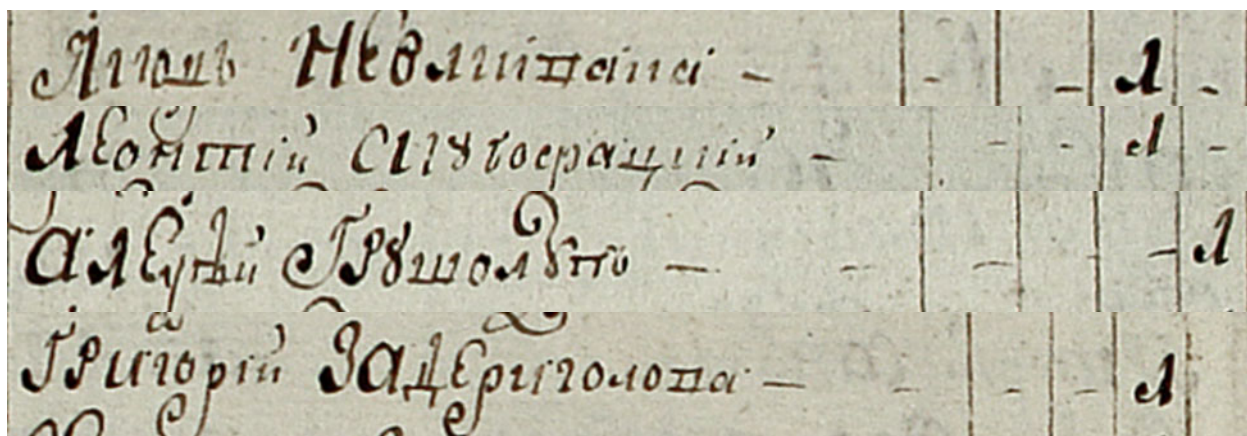
Тиса сї		Люди		БОЕ НА ИЕ	Служба	
Дво	Совѣ	мѣ	дѣ		полк	дѣ
		мѣ	дѣ	Ихъ Домашаи	полк	дѣ
48	291			Илиа Бардакѣ		37
15	101			Прокотинъ Смолоножка Вдовѣ		75

36	216	Видовий Фирсинъ Дмитакъ	- -	51	..
		Жена его Пелагика Яковна	- ..		39
28	56	Вхутпорогъ Жителстудушнїе			
	163	Стефанъ Прокофїе Смолонока		51	-
	216	Жена его Параскея Иданиа			49
		Фдтпорогъ Жителстудушнїе			
		Піерентїи Фирсинъ сынъ Дмитакъ	-		63 =
		Фдтпорогъ Жителстудушнїе			
		Иосифъ Запрлошъ сынъ Грушасенио		35 =	} Били
559		Жена его Агдфія Пасичева		= 33	
				= 12	

В 1776 г. была проведена перепись бывших запорожцев. В Самарском уезде записаны казаки Иван Поплювуха, Кондрат Свинострига, Андрей Загубигорилка, Степан, Онофрий и Никита Задираки, Фёдор Стронец, Микита Кривогузый, Герасим Заднялица, Антон Малохатка, Андрей и Роман Непийбраги, Осип Загубиштаны, Игнат Срайло, Павел и Яков Невмиваки, Леонтий Скубосрацкий, Алексей Грушолуп, Григорий Задериголова [12].

	Всїе по Замку			
	Молодїи	Старїи	Молодїи	Старїи
Иванъ Поплювуха	-	-	1	-
Мартинъ Неподухатина	-	-	1	-

Иондратъ свиностаприза	1		
Андрейъ Загуды			
Зортыма			1
Степана Задырама			1
Снофрейъ Задырама			1
Минята Задырама			1
Федоръ Стросиенъ			1
Минята Кривоудий	1		
Красице Задыи Мица	1		
Антонъ Малохатна	1		
Андрейъ Кетийъ Брага	1	448	
Романъ Кетийъ Брага	1		
Соситъ Загвиштиня	1		
Минята Краило			1
Павелъ Мешушаня			1

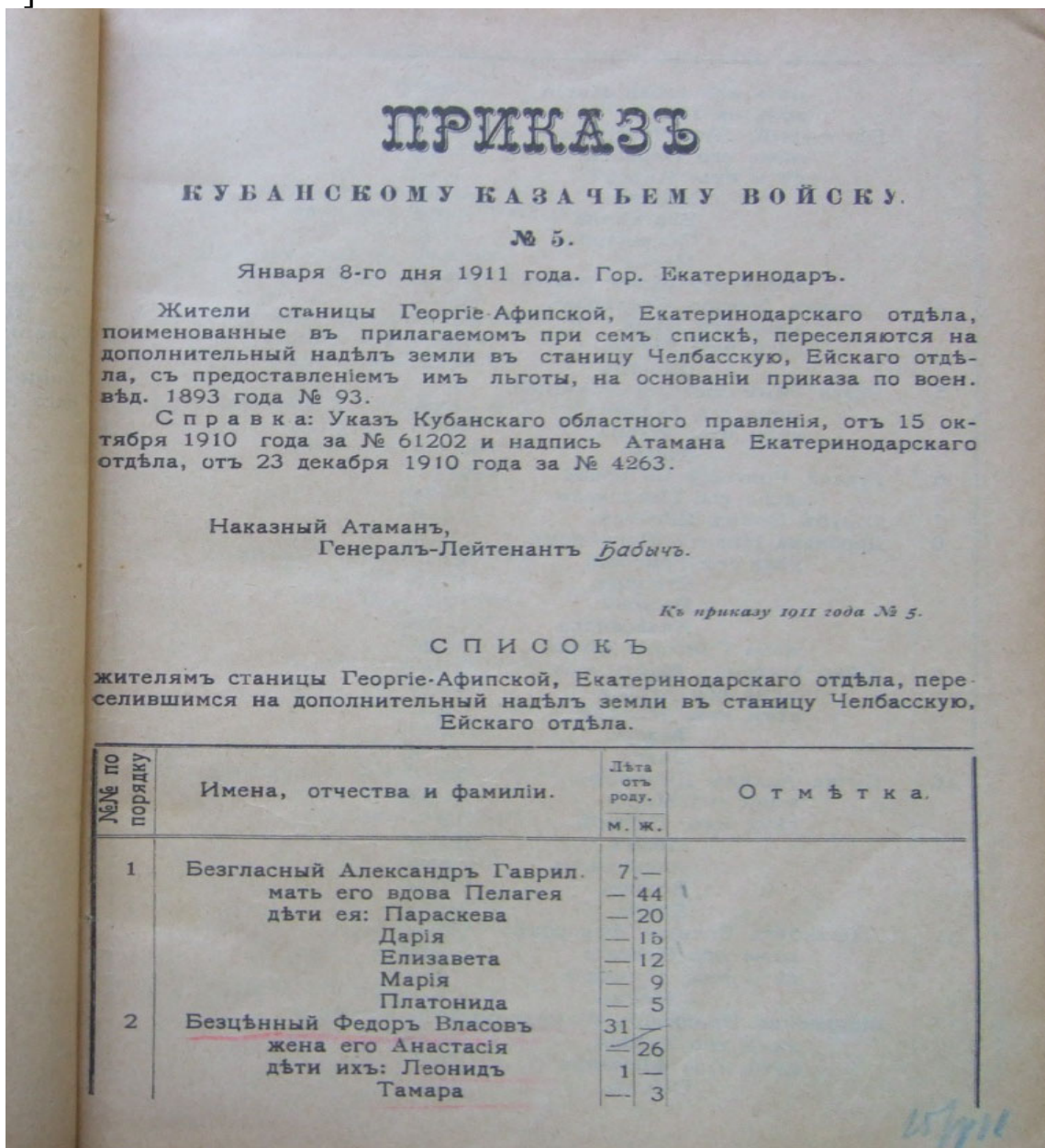
В 1792 г. Черноморское казачье войско (Кош верных казаков запорожских) было переселено на пожалованную им землю на Кубань. В материалах «Первой переписи казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века» встречаются те же запорожские прозвища-фамилии, что и в Реестрах Войска Запорожского [13].

Фамилия	Курень
Загубибатько	Вышестеблиевский
Загубигорелка	Нижестеблиевский
Загубинога	Кореновский
Загубиштан	Брюховецкий
Загубысетка	Минский
Самец	Екатериновский
Роздай Беда	Васюринский
Деригуз	Незамаевский

В начале XIX в. из Малороссии на Кубань переселились Сракуны, Пердуны, Пукалы. В станице Динской жили казаки Упыри, переселившиеся вероятно из села Васютинцы Золотоношского уезда Полтавской губернии, в Новонижестеблиевской и Камышеватской Геи. Урядники Ананий и Фёдор Упыри, Арсентий Гей. В 1875 г. в станицу Новодонецкую переселилась семья Андерсон. Уже в 1882 г. Константин Андерсон был избран станичным атаманом. Угадайте, как звали его отца? Правильно, Христиан Андерсон!

В начале 2000-х гг., когда гостили у родственников в станице Новопокровской, в местной районной газете мне

попалась на глаза развеселившая меня статья. В ней говорилось о сотрудиниках Новопокровскаго РОВД, в том числе об инспекторе ГИБДД старшем лейтенанте Николае Сергеевиче Педике. На что неиспорченныя станичники сказали, да у нас этих Педиков в станице полно, чем развеселили меня ещё больше. Ну и напоследок предлагаю посмотреть, какими фамилиями начинается список переселенцев в станицу Челбасскую в 1911 г. [14].

Примечания

1. *Ложешник А.* Формулярні списки старшини Чорноморського козацького війська за 1804 р. як історичне джерело // Чорноморська минувшина. – Вип.8. – Одеса, 2013. – С. 176.

2. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (ЦГИАК). – Ф.127. – Оп.1017. – Д.13. Исповедные розписи церквей Полтавской протопопии за 1771 год.

3. ЦГИАК. – Ф.990. – Оп.1. – Д.734. – Л. 79.

4. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. – Том 5. Реєстр Війська Запорозького Низового 1756 року / *Упорядники: Гісцова Л.З., Демченко Л.Я., Кузик Т.Л., Муравцева Л.М.* – Київ, 2008. – 528 с.

5. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Том 2 / *Упорядники: Гісцова Л. З., Автономов Д. Л., Демченко Л. Я., Дрозд Є. І., Ігнатова О.В., Кузик Т.Л., Лащенко Х.Г., Муравцева Л. М., Стафійчук В.В., Сухих Л.А.* – Київ, 2000. – С. 575.

6. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Том 5. – С. 86.

7. Там же. – С. 115, 168.

8. Там же. – С. 69, 225.

9. Присяга Миргородського полку 1718 року / *опрацювали Д. Вирський і Р. Москаленко.* – К.: Інститут історії України НАН України, 2012. – 233 с.

10. *Швидько Г.К.* Компут і ревизія Миргородського полку 1723 р. / Національний гірничий університет; Інститут гуманітарних проблем; Інститут української ... – Дніпропетровськ: Національний гірничий університет, 2004. – 335 с.

11. ЦГИАК. – Ф.127. – Оп.1016. – Д.89.

12. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф.16. Оп.1. – Д.797. – Ч. 6. – Л. 443–465 об.

13. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века.: Исторические документы /Адм. Краснодарского края по делам архивов Краснодарского края, гос. учреждение Краснодарского края "Государственный архив Краснодарского края". – Краснодар: Диапазон-В, 2006. – 520 стр.: ил.

14. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Приказы ККВ за 1911 г. – Приказ № 5.

Д.С. Вертяев
(г. Краснодар, Российская Федерация)

**ПРЕДМЕТЫ КОЛЛЕКЦИИ РЕГАЛИЙ КУБАНСКОГО
КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА, ХРАНЯЩИЕСЯ В КУБАНСКОМ
КАЗАЧЬЕМ МУЗЕЕ
(Г. ХАУЭЛЛ, ШТ. НЬЮ-ДЖЕРСИ, США)**

Аннотация: В статье рассказывается о коллекции регалий Кубанского казачьего войска и ее путешествии по различным странам и континентам. Приводятся обстоятельства, при которых произошла передача коллекции из США в Россию. Производится научная атрибуция предметов коллекции регалий, оставшихся в казачьем музее в г. Хауэлл.

Ключевые слова: казачья эмиграция, регалии Кубанского казачьего войска, Кубанский казачий музей в г. Хауэлл, США.

D. S. Vertiaev
(Krasnodar, Russian Federation)

**ITEMS OF THE HEIRLOOM COLLECTION OF THE
KUBAN COSSACKS ARMY KEPT IN THE KUBAN
COSSACKS MUSEUM IN HOWELL, NJ, USA**

Abstract: The article is devoted to the collection of heirlooms of the Kuban Cossack Army and its travel to various countries and continents. It describes the circumstances under which the transfer of the collection from the USA to Russia took place. A scientific attribution of the heirloom collectibles remaining in the Cossack's museum in Howell, USA is given.

Keywords: Cossacks emigration, Kuban Cossack Army heirlooms, Kuban Cossack Museum in Howell, USA.

История Кубанских войсковых Регалий интересна и достойна научного исследования. Так называемые «войсковые клейноды» (от нем. – драгоценность) имелись еще в Запорожские Сечи. В последующем, после ликвидации Сечи и с образованием Черноморского казачьего войска императрицей Екатериной II через князя Григория Потемкина были пожалованы новые регалии [1]. Со временем каждый последующий монарх жаловал Черноморскому, Усть-Дунайскому, Кавказскому Линейному,

Азовскому, а затем их преемнику Кубанскому казачьему войску все новые и новые реликвии, которые пополняли коллекцию регалий.

В ходе политических потрясений XX в. – Гражданской войны, массовой эмиграции и событий, связанных со Второй мировой войной, регалии были эвакуированы из мест своего постоянного хранения в Екатеринодаре за границу. Первым местом хранения была Югославия (в то время Королевство сербов, хорватов и словенцев). В апреле 1941 г. в ходе бомбардировки Белграда, Военный музей (где хранились регалии), по мнению оккупационных немецких властей, якобы был разграблен местными жителями [22, с. 8]. Но, как выяснилось впоследствии, большая часть похищенного досталась именно нацистам. Сохранившаяся часть войсковых регалий была помещена в Кубанском штабе в Белграде, занимавшем большую квартиру с постоянной охраной, а некоторые предметы, находящиеся в ящиках, в здании Музея Русского Дома Белграда [3].

С наступлением советских войск в августе 1944 г. в направлении г. Белграда у руководства Кубанского казачьего войска за рубежом (далее – ККВз) возникает ряд сложностей, связанных с эвакуацией семей и имущества. Вот как описывает этот момент войсковой атаман ККВз Вячеслав Григорьевич Науменко: *«Если бы закончить формирование ополчения, вывезти Регалии и Штаб, я мог бы выехать со спокойной совестью. Если дадут для перевозки их вагон, будет хорошо. Только проедут ли они благополучно при настоящих условиях»* [4].

В сентябре 1944 г. началась эвакуация регалий через Хорватию и Венгрию в Австрию, а оттуда они были транспортированы в Германию. [5]. В августе 1949 г. войсковые регалии были отправлены в США, куда вскоре выехали многие кубанские казаки во главе с атаманом В.Г. Науменко. Центром Кубанской казачьей диаспоры стал Нью-Йорк. Первоначально коллекция хранилась в Кубанском Доме в Нью-Йорке, а затем была перемещена в Кубанский войсковой музей в г. Хауэлл (шт. Нью-Джерси).

В октябре 1969 г. была проведена специальная проверка по состоянию войсковых регалий. По итогам ревизии был составлен акт, в котором отражалось состояние коллекции регалий [6]. Исходя из данного документа, можно сделать вывод, что за время пребывания в эмиграции состав коллекции войсковых регалий существенно изменился.

Кроме предметов, составляющих коллекцию регалий к началу XX в., в Акте ревизии 1969 г. упоминаются и другие вещи. К ним можно отнести, так называемые личные мемориальные предметы: колодка с орденскими ленточками, принадлежащая генералу С.Г. Улагаю, серебряная шашка генерала Н.Г. Бабиева, звезда ордена Св. Станислава I-й ст. с лентой – дар генерала О.И. Лебедева, нотные книжки (дар генерала В.Г. Науменко) и др. Также в Акте упоминаются иные предметы, не имеющие отношения к регалиям Кубанского казачьего войска: зеленое знамя 583-ей Кубанской дружины, кремневые пистолеты и др.

В начале 1990-х гг. в России начались демократические преобразования, после которых на территории некоторых регионов начался процесс «возрождения» казачества. Одним из таких регионов стал Краснодарский край как центр кубанского казачества. На его территории возникли первые общественные объединения потомков кубанских казаков, началось возрождение Кубанского казачьего войска (далее – ККВ) в России. В 1991 г. атаман ККВ Владимир Прокофьевич Громов посетил кубанский войсковой музей в г. Хауэлл и встретился с атаманом ККВз А.М. Певневым [7]. С 1992 г. начинаются поездки кубанских казаков-эмигрантов на Кубань, и обсуждается вопрос о передаче регалий. Процесс согласования передачи коллекции регалий занял больше десятилетия. В марте 2005 г. специальная делегация во главе с губернатором Краснодарского края Александром Николаевичем Ткачевым приехала в Кубанский войсковой музей в Хауэлле и встретила с представителями ККВз. В ходе переговоров с казаками-эмигрантами А.Н. Ткачеву удалось убедить их в необходимости передать регалии на Кубань [8].

В мае 2005 г. в США из России прибыла делегация для проверки состояния регалий в составе В.П. Громова, Ю.Н. Загудаева, А.Г. Иванова, В.Н. Ратушняка, о. Сергия (Овчинникова), О.В. Ратушняка и О.В. Михайлова. Проверка состояния регалий прошла в здании Кубанского войскового музея в г. Хауэлл 12–13 мая 2005 г. в соответствии с Актом ревизии 1969 г. По итогам проверки был составлен Акт ревизии 2005 г. [9]. В результате было установлено, что за 36 лет между ревизией 1969 г. и 2005 г. из коллекции регалий утрачено 187 предметов [10].

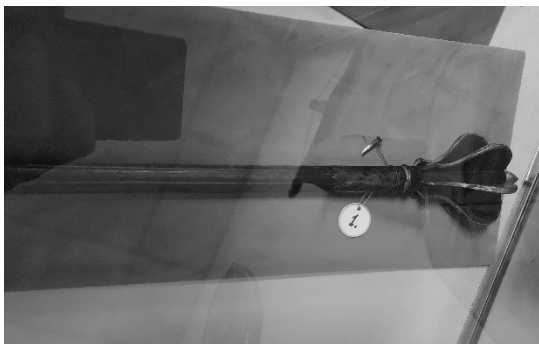
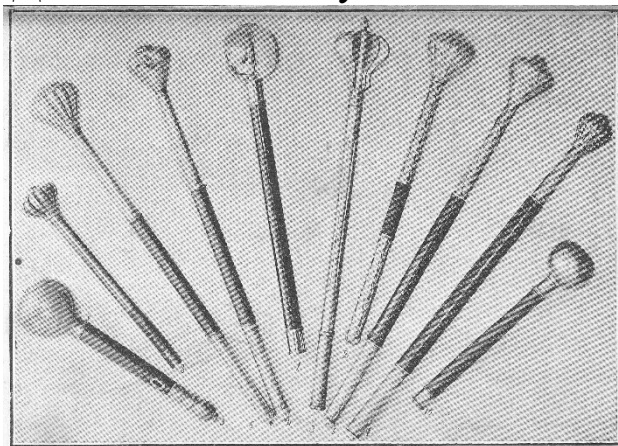
При передаче регалий произошел раскол среди потомков эмигрировавших казаков. Против группы, выступавших за передачу регалий в Россию во главе с А.М. Певневым и Джоном Римакисом и выступила группа во главе с П. Батенко, В. Бабич, А. Синченко. Кризис вылился в переизбрание войскового атамана и войскового совета ККВз [11]. В результате выборов был избран войсковой Совет из сторонников передачи регалий. На выборах атамана ККВз победил А.М. Певнев. Сторонники выступавших против передачи регалий подали в суд на организацию ККВз, чтобы не допустить передачи регалий на Кубань.

После вынесения решения американским судом в пользу ККВз о передаче регалий на Родину в октябре 2006 г. было подписано соглашение о передаче регалий Кубанского казачьего войска Администрации Краснодарского края с дополнительным соглашением. Соглашение предусматривало передачу коллекции регалий с условием их реставрации и передачи копий ККВз [12].

20 апреля 2007 г. первая партия регалий прибыла в Россию, предметы были отправлены в Краснодар, а оттуда в Москву в ГОСНИИР для реставрации. После изготовления копий предметов и их отправки в США регалии передавались партиями в Краснодар. Последняя партия с регалиями прибыла в краевой центр в октябре 2011 г. [13].

Однако документально можно подтвердить, что коллекция регалий, прибывшая из США в Россию, была представлена не в полном объеме, о чем свидетельствуют фотографии предметов, сделанных в музее в Хауэлле (шт. Нью-Джерси), в начале июня 2022 г.:

1. Пернач-шестопер (фото 1), пожалован Светлейшим князем Г. А. Потемкиным-Таврическим от имени Императрицы Екатериной II Войску верных казаков (лично командиру конной команды З.А. Чепеге) 26 января 1788 г. [14] и 22 июля 1788 г. [15] передан войсковым атаманом З.А. Чепегой войсковому судье А.А. Головатому после назначения последнего командиром казачьей флотилии. Пернач-шестопёр находился у Головатого до самой его смерти. В описи предметов регалий 1892 г. ему даны следующая характеристика: «булава железная с копьём с золотой насечкою» [16]. В книге Е. Д. Фелицына «Кубанское казачье войско 1696-1888» представлена фотография перначей и булав, переданных Черноморскому казачьему войску. Данный предмет отмечен номером 3 [1711, с. 402].

2. Атаманская булава-насека Кубанского казачьего войска (фото 2): трость из черного дерева, серебряный заостренный наконечник и серебряное позолоченное навершие в виде двух приплюснутых шаров; верхний шар более крупного диаметра венчал государственный герб в виде серебряного позолоченного двуглавого орла с двойными крестообразно пересекающимися крыльями, усыпанными мелкими бриллиантами; L без орла – 132,5 см. Изготовлена в Санкт-Петербурге в июле 1907 г. ювелиром А.К. Карповым. Пожалована

2. Атаманская булава-насека Кубанского казачьего войска (фото 2): трость из черного дерева, серебряный заостренный наконечник и

Императором Николаем II наказному атаману Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанту Н.И. Михайлову (и соответственно всем последующим атаманам) при Высочайшей грамоте от 25 июля 1907 г. [18]. Двуглавый орел утрачен в результате ограбления Военного музея Белграда в 1941 г, где в то время экспонировалась коллекция регалий [19].

3. Георгиевский штандарт с изображением Святого Апостола Андрея Первозванного и надписью: «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ВОЙНЫ СЪ ПЕРСІЕЮ И ТУРЦІЕЮ ВЪ 1827, 1828 И 1829 ГОДАХЪ И ЗА ШТУРМЪ КРЕПОСТИ ГЕОКЪ-ТЕПЕ 12-го ЯНВАРЯ 1881 г.» (фото 3), пожалованный Императором Александром III 1-му Таманскому полку Кубанского казачьего войска при Высочайшей грамоте 24 декабря 1884 г. [20].

4. Георгиевский штандарт 1-го Запорожского полка с надписью: «ЗА ОТЛИЧІЕ ПРИ ВЗЯТІИ КРЕПОСТИ АНАПЫ 21-го ІЮНЯ 1828 ГОДА И ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877 И 1878 ГОДОВЪ.» (фото 4), пожалованный Императором Александром II 1-му Ейскому полку Кубанского казачьего войска при Высочайшей грамоте 13 октября 1878 г. [21].

5. Вверху справа – верхняя часть серебряной позолоченной кустодии (специальный футляр для Большой Государственной печати из сургуча); верху слева – нижняя часть серебряной позолоченной кустодии с фрагментами Большой

Государственной печати из красного сургуча. Все вышеперечисленные предметы относятся к грамоте императора Александра II, пожалованной Кубанскому казачьему войску 12 июля 1864 г. Внизу справа Большая Государственная печать из красного сургуча со шнуром из серебряных нитей (предназначался для крепления печати к Высочайшей грамоте) – скорее всего, относятся к одной из трех Высочайших грамот: Павла I 1801 г., Александра I 1803 г. либо Александра III 1889 г. (фото 5). Судя по всему, серебряная позолоченная кустодия от этой грамоты не сохранилась.

6. Серебряный венок с надписью: «Николаю Ивановичу Золотареву, доблестно павшему славному офицеру, доброму товарищу, сотнику. Офицеры Собственного Его Императорского Величества Конвоя» [22], (фото 6). Серебро 84 пробы, ювелирная фирма И. Е. Морозова – поставщика императорского двора, Петроград 1916 г.

7. Серебряный венок с надписью: «Бывшему однополчанину сотнику Собственного Его Императорского Величества Конвоя Николаю Ивановичу Золотареву от 1-го Кизляро-Гребенского Его Величества полка» [23], (фото 7). Серебро 84 пробы, ювелирная фирма И. Е. Морозова – поставщика императорского двора, Петроград 1916 г. Сотник Н.И. Золотарев погиб в 1916 г. во время командировки Лейб-Гвардии 4-й Терской казачьей сотни на фронт [24].

8. Нижняя часть серебряной подставки для серебряной братины в древнерусском стиле – подарок Собственного Его Величества Сводно-пехотного полка на 100-летний юбилей Собственного его Императорского Величества Конвоя в 1911 г. [25], (фото 8). Под ней серебряное блюдо с аббревиатурой «СЕИВК» – Собственный Его Императорского Величества Конвой [26].

9. Одна из четырех так называемых «навесок» на Георгиевские фанфары 6-го Кубанского пластуна батальона [27], (фото 9). Предмет загадочный, т.е. нет никаких данных о пожаловании в 1912 г. 6-му Кубанскому пластуна батальону Георгиевских труб.

Однако на фотоснимках встречи императора Николая II на вокзале г. Севастополя и высочайшего смотра войск на Куликовом поле под г. Севастополем, сделанных 16-17 апреля 1915 г., его встречает почетный караул из чинов 6-го Кубанского пластуна батальона, впереди стоят горнисты с трубами, четко видны навески на трубы с изображенным на них государственной короны.

Севастополем, сделанных 16-17 апреля 1915 г., его встречает почетный караул из чинов 6-го Кубанского пластуна батальона, впереди стоят горнисты с трубами, четко видны навески на трубы с изображенным на них государственной короны.

10. Еще одна из «навесок» на Георгиевские фанфары 6-го Кубанского пластуна батальона (экспонируется оборотной стороной, на которой герб Кубанской области) [28] (фото 10).

Исходя из анализа изображений на фотографиях можно утверждать, что в Кубанском войсковом музее в г. Хауэлл США по настоящее время еще хранятся предметы из коллекции войсковых регалий Кубанского казачьего войска, представляющие культурно-историческую ценность. В

сложившейся ситуации в рамках заключенного договора сторонам очень сложно будет выполнять взятые на себя обязательства, но надежда должна быть, что будет способствовать восстановлению исторической справедливости и возвращению регалий на Родину.

Примечания

1. *Дмитренко И.И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. 2 // Бумаги императрицы Екатерины II, Потемкина-Таврического, Суворова-Рымникского, Голенищева-Кутузова и др. 1787–1795 гг.: документы извлечены из Кубанского войскового архива. С-Петербург. 1896. – С. 56.

2. *Науменко В.Г., Назаренко Н.В.* Пути-дороги казачьих регалий. Краснодар: ИМСИТ, 2005. – С. 8.

3. Там же. – С. 16.

4. Там же. – С. 24.

5. Там же.

6. *Якаев С.Н.* Одиссея казачьих регалий. 2-е изд., доп. – Краснодар: ИМСИТ, 2004. – С. 257–264.

7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-1913. – Оп. 1 – Д. 72. – Л. 121.

8. Там же. – Л. 128.

9. ГАКК. – Ф. Р.-1913. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 3–28.

10. Личный архив В.П. Громова. Письмо Атаману Кубанского казачьего войска за рубежом А. М. Певневу, от 01.06.2005 № 323. – 1 л.

11. ГАКК. – Ф. Р-1913. – Оп. 1 – Д. 72. – Л. 134–135.

12. Личный архив В.П. Громова. Соглашение о передаче регалий Кубанского казачества Администрации Краснодарского края от 17.10.2006 г. – 2 л.; Дополнение А к Соглашению о передаче регалий Кубанского казачества Администрации Краснодарского края от 17.10.2006, от 19.10.2006 г. – 2 л.

13. *Корсакова Н.А., Фролов Б. Е.* Регалии и реликвии Кубанского казачьего войска. Краснодар: Традиция, 2012. – 244 с.

14. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 1.

15. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 4.

16. Там же.

17. Кубанское казачье войско 1696–1888. Сборник кратких сведений о войске / *Сост. Е.Д. Фелицын.* – Воронеж, 1888. – С. 402.

18. *Корсакова Н.А., Фролов Б.Е.* Указ. соч. – С. 104.

19. *Науменко В.Г., Назаренко Н.В.* Указ. соч. – С. 11.

20. *Фролов Б.Е., Чернышов А.В.* Знамена и штандарты Кубанского казачьего войска. – Краснодар: ООО «Вика-Принт», 2012. – С. 34–35.

21. Там же. – С. 73.
22. ГАКК. – Ф. Р.-1913. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 20.
23. Там же.
24. *Галушкин Н.В.* Собственный Е.И.В. Конвой. *Стрелянов (Калабухов) П. Н.* Гвардейский Дивизион. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – С. 235.
25. ГАКК. – Ф. Р.-1913. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 20.
26. Там же.
27. *Якаев С.Н.* Указ. соч. – С. 262.
28. Там же.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авраменко Анатолий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Российско-украинского научно-исследовательского центра при Краснодарской краевой общественной организации «Содружество Кубань-Украина» (г. Краснодар, Российская Федерация).

Анчев Стефан Иванов – кандидат исторических наук, доцент-emeritus Университета «Св. Св. Кирилла и Мефодия» г. Велико Тырново, факультет истории, кафедра Новой и Новейшей всеобщей истории (г. Велико Тырново, Республика Болгария).

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Бемм Герман Владимирович – кандидат исторических наук, сотрудник Центра славянских исследователей КубГУ (г. Краснодар, Российская Федерация).

Валецкий Олег Витальевич – независимый исследователь, русский писатель и публицист, военный эксперт, участник боевых действий на территории бывшей Югославии с сентября 1996 г. по апрель 2008 г., работал в организациях, выполнявших задачи в областях обеспечения безопасности на территориях бывшей Югославии и Ирака (г. Москва, Российская Федерация).

Вартаньян Эгнара Гайковна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, соруководитель Центра славянских исследований КубГУ (г. Краснодар, Российская Федерация).

Вертяев Дмитрий Сергеевич – магистрант второго курса направления «История» ЗФО Кубанского государственного университета, научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар, Российская Федерация).

Войтова-Долгих Яна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных

отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Гронский Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация).

Добрынин Дмитрий Владимирович – аспирант первого года обучения Кубанского государственного университета, профиль «Всеобщая история» (г. Кропоткин, Российская Федерация).

Елисеенко Даниил Владимирович – студент 5 курса очной формы обучения Кубанского государственного университета, направление подготовки «Педагогическое образование», участник гранта Российского научного фонда (г. Краснодар, Российская Федерация).

Жуков Игорь Викторович – преподаватель специальных правовых дисциплин Новосибирского медицинского колледжа (г. Новосибирск, Российская Федерация).

Иванов Александр Гаврилович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Иващенко Александр Стефанович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Адыгейского государственного университета (г. Майкоп, Российская Федерация).

Коледа Инна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Крючек Пётр Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Кульбашный Владислав Владимирович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Кумпан Екатерина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Манько Сергей Анатольевич – руководитель территориального органа – представитель МИД России в Краснодаре, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар, Российская Федерация).

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, соруководитель Центра славянских исследований КубГУ (г. Краснодар, Российская Федерация).

Олифир Андрей Викторович – магистрант второго курса направления «История» ЗФО Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Перенишко Даниил Константинович – магистрант второго курса направления «История» ОФО Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Пономаренко Илья Михайлович – магистрант второго курса направления «История» ОФО Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Сергеева Евгения Михайловна – ассистент кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университета (Новочеркасский политехнический институт) имени М.И. Платова (г. Новочеркасск, Российская Федерация).

Слободенюк Виктория Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Степанова Лилия Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Тащиан Даниил Андреевич – аспирант первого года обучения Кубанского государственного университета, профиль «Всеобщая история» (г. Краснодар, Российская Федерация).

Федина Ирина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Шаповалов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев</i>).....	3
Раздел I. Германия и славянские страны от Первой до Второй мировых войн: вопросы истории и историографии	7
<i>Добрынин Д.В.</i> Россия и Германия накануне Первой мировой войны: специфика межгосударственных отношений сквозь призму взглядов современников.....	7
<i>Слободенюк В.В.</i> Образ Германии в политической карикатуре Российской империи времен Первой мировой войны.....	18
<i>Анчев С.И.</i> Советско-германские отношения до прихода Гитлера к власти и русско-германские отношения сегодня.....	26
<i>Иващенко А.С.</i> Советско-германские договоры 1939 г. в отечественной историографии.....	39
<i>Иванов А.Г.</i> Была ли альтернатива советско-германскому пакту о ненападении в 1939 году?.....	50
<i>Бемм Г.В.</i> Советско-германские отношения в 1939–1941 гг. Противоречия, оценки, последствия.....	71
<i>Войтова-Долгих Я.Н.</i> Некоторые аспекты болгаро-германских отношений в годы Второй мировой войны и Македонский вопрос.....	81
<i>Гронский А.Д.</i> Представления о немецком оккупационном режиме и белорусском коллаборационизме в школьных учебниках по истории Белоруссии, изданных в 2019 и 2021 гг.....	92
Раздел II. Немцы и славяне: вопросы историко-культурного взаимодействия	103
<i>Манько С.А.</i> Отношения между германскими государствами (Австрией и Пруссией) и Российской империей в Восточной Европе в конце XVIII – первой половине XIX в. Инициатива Пруссии по разделу Речи Посполитой. Оккупационная политика Австрии в отношении Галицких земель.....	103
<i>Авраменко А.М.</i> Казачество и немцы: опыт исторического взаимодействия.....	115
<i>Степанова Л.Г.</i> Колонизация немецкими переселенцами южных территорий Российской империи в первой половине XIX в. (по материалам межевого архива).....	136

<i>Елисеенко Д.В., Степанова Л.Г.</i> Первые немецкие колонии на земле Черноморского казачьего войска: особенности основания и землеустройства.....	145
<i>Шаповалов С.Н.</i> Остезийские немцы на Черноморской береговой линии (на примере генерал-адъютанта Александра Ивановича Будберга).....	154
<i>Олифир А.В.</i> Об организации разведки генералом Г.Х Зассом на Кубанской линии.....	162
<i>Матвеев О.В.</i> «Обильно пролитая кровь, громадные жертвы должны быть искуплены положительными результатами...»: из наследия А.Л. Зиссермана..	171
<i>Кульбашный В.В.</i> Национальная политика Российской империи в последней трети XIX – начале XX веков: немецкий вопрос.....	185
<i>Скорик А.П., Федина И.М.</i> Трансформация топонимов и социотипа немецких колоний Кубани.....	195
<i>Баранов А.В.</i> Немцы на Юге России в 1920-х гг. и особенности советской этнополитики.....	205
Раздел III. История и культура славян и их соседей.....	215
<i>Вартаньян Э.Г.</i> Болгары и Болгария в представлениях европейцев (по описаниям путешественников XV–XVIII вв.).....	215
<i>Валецкий О.В.</i> Влад Цепеш и политические реалии XV века.....	230
<i>Тащиан Д.А.</i> Характер политической ситуации в славянских странах Восточной Европы в составе империи Габсбургов в XVIII – XIX вв.....	241
<i>Острога В.М.</i> Учительские семинарии в системе подготовки педагогических кадров в странах Запада и России (вторая половина XIX – начало XX вв.).....	252
<i>Кумпан Е.Н.</i> «Человек всегда остается человеком»: взаимоотношения Ватикана и России в период понтификата Бенедикта XVI.....	262
<i>Крючек П.С., Сергеева Е.М.</i> Белорусско-российские отношения в оценках белорусской общественности.....	276
<i>Колета И.В.</i> Белорусская интеллигенция в национальных процессах 1920-х – 1930-х годов.....	286

<i>Перенижко Д.К.</i> Трофейный кинематограф в период малокартинья в СССР.....	294
<i>Пономаренко И.М.</i> Чешская живопись второй половины XX в. в контексте вопросов духовного наследия славянских народов...	298
<i>Жуков И.В.</i> Забавные прозвища запорожских и кубанских казаков.....	308
<i>Вертяев Д.С.</i> Предметы коллекции регалий Кубанского казачьего войска, хранящиеся в Кубанском казачьем музее (г. Хауэлл, шт. Нью-Джерси).....	320
Сведения об авторах.....	330

Научное издание

ГЕРМАНИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР: ВОПРОСЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
(к 100-летию Рапалльского договора)

Материалы XVI-й Международной научно-практической
конференции

Подписано в печать 03.10.2022. Печать цифровая.
Вход в свет 12.10.2022. Бумага тип №1. Формат 60 x 84 1/16
Уч. изд. л. 29,5 Научн. изд. л. 15,7. Тираж 100 экз. Заказ № 5027

Кубанский государственный университет
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

